ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ И ОБЩЕСТВЕННО ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 7-8

ИЮЛЬ—АВГУСТ

Издание газеты „ПРАВДА"

МОСКВА 1931

СОДЕРЖАНИЕ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОВСКИЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМ. ЖУРНАЛ

ИЮЛЬ—АВГУСТ **№ 7—8** 1931

СОДЕРЖАНИЕ.

О технической пропаганде.

Под руководством партии, невиданными в истории темпами, социалистическая реконструкция всего народного хозяйства шагает от успеха к успеху. Уже в этом году пятилетка выполнена и перевыполнена по ряду отраслей промышленности. Вторая пятилетка, к проектированию которой уже приступлено, будет представлять собою новый решающий скачок вперед в деле выполнения поставленной т. Сталиным и партией задачи, «догнать и перегнать передовые капиталистические страны экономически и технически, максимально в 10 лет пробежать то расстояние, на которое мы отстали от передовых стран капитализма».

Главная трудность, которую нам приходится преодолевать, это недостаток подготовленных кадров в промышленности и в индустриализируемом сельском хозяйстве. Ежегодно мы вовлекаем в производство миллионы новых рабочих, приходящих из деревни, не имеющих даже элементарной подготовки, даже элементарного представления о фабрично-заводском производстве. Отсюда порча оборудования, неполадки и прорывы в выполнении промфинплана. Но и старые кадры рабочих и инженерно-технического персонала, даже те, кто имеет за собою довольно большой стаж производственной работы, нуждаются в решительном техническом перевооружении. Ведь рост нашей промышленности далеко не является лишь количественным ростом. Он состоит в качественных глубоких изменениях всей структуры народного хозяйства. В его основе лежат коренные изменения в форме

организации труда, управления, изменения самого места и значения техники в производственном процессе. Переоборудование старых промышленных предприятий, стройка новых гигантов индустрии связаны с внедрением достижений передовой капиталистической техники, при чем с таким ее внедрением, которое подразумевает и предполагает ее преодоление и приспособление соответственно путям развития нашего строительства, как строительства социалистического.

Но мы не удовлетворяемся и не можем удовлетвориться одним только отбором и приспособлением уже заготовленного для нас капиталистами. Капиталистическая техника как техника, опирающаяся на частную собственность и на анархию производства, уже тем самым имеет и в чисто-техническом отношении ограниченные возможности. Мы создаем и будем создавать поэтому все в большей мере новые собственные конструкции, более ценные и более передовые, отвечающие нашей социалистической промышленности и нашему коллективизированному, индустриализированному сельскому хозяйству, вводя при этом максимальную механизацию и автоматизацию всех производственных процессов, исходя, как из основного, определяющего условия, из социалистической организации труда.

Отсюда следует, что по мере нашего роста возможности механического перенесения к нам передовой капиталистической техники все больше будут суживаться, и все большее значение будет приобретать творческая инициатива изобретателей и наших научно-исследовательских организаций, все больше будет расти удельный вес технических конструкций, непосредственно отображающих запросы нашего социалистического строительства, новые формы социальной жизни нашей страны. Если, например, завод или машина, взятые нами у капитализма, нуждались и нуждаются в последующем вмешательстве охраны труда, здравоохранения, психо-техники, то участие этих дисциплин при конструировании социалистических машин, при проектировании социалистического предприятия будет иметь место в самом начале, пойдет рука об руку с инженером-конструктором, с инженером-проектировщиком.

Нечего говорить, что соображения прибыли и конкуренции, соображения производственного секрета в наших условиях отпали навсегда, что в наших условиях цель введения новой машины, нового агрегата, состоит не в увеличении наживы, а в сочетании сбережения труда и достижений максимальных потребительских благ.

Все это, однако, остается непонятным для оппортунистов, рассматривающих «технику» изолированно, вне связи со всей структурой народного хозяйства, полагающих, что машина всегда хороша, независимо от того, создана ли она для капиталистической фабрики, или для предприятия последовательно-социалистического типа, думающих, что нам можно готовенькими брать все, что заготовили для себя капиталисты.

Само собой разумеется, что изменения, происшедшие в структуре техники, даже к рядовому рабочему, имеющему за собой известный производственный стаж, пред'являют требования технической переподготовки для

овладения производственным процессом на новых, невиданных до этого машинах и в новых формах труда. Тем более это верно в отношении производственного актива и руководящего состава изобретателей, ударников и инженерно-технического персонала. Здесь помимо узко-технической переподготовки ставится вопрос о необходимости их подготовки в области марксистско-ленинской теории, которая одна только даст им возможность правильно понять соотношение различных звеньев в общем ходе социалистической реконструкции народного хозяйства и тем самым наиболее целесообразно направит их творческую инициативу.

Недостаток инженерно-технического состава, при наличии в некоторой части его антисоветских и вредительских настроений, настоятельно диктует необходимость «обеспечить себя втрое, впятеро больше инженерно-техническими и командными силами в промышленности». При чем не просто инженерно-техническими силами, а «такими командными и инженерно-техническими силами, которые способны понять политику рабочего класса нашей страны, способны усвоить эту политику и готовы осуществить ее на совесть». Другими словами, «наша страна вступила в такую фазу развития, когда рабочий класс должен создать себе свою собственную производственно-техническую интеллигенцию» (Сталин).

Этот поворот к массовому созданию своей, рабочей технической интеллигенции тесно связан с поворотом в вопросе об отношении к специалистам в сторону создания условий, максимально благоприятствующих их положительной работе, их сближению с нами, их превращению из попутчиков в наших союзников.

Громадная школьная сеть, которая была развернута под руководством партии для массовой подготовки низших, средних и высших командных звеньев в промышленности, все же не в состоянии удовлетворить все растущий запрос на технические кадры. Наряду со школой переподготовка технических кадров переносится все в большей мере на самое производство. Процесс производства, процесс хозяйственного строительства сам становится одной из основных форм переподготовки необходимых кадров социалистического строительства. Было бы, однако, совершенно ошибочным думать, что этим самым в какой бы то ни было степени снимаются вопросы дальнейщего развертывания школьной системы переподготовки. Наоборот, эта задача должна привлекать всеобщее внимание. Вопрос ставится об изменении характера работы школы, приближении ее к запросам социалистического строительства.

Наряду со школьной системой необходимо максимально практиковать перенесение переподготовки кадров, начиная от мастера и кончая руководителем-инженером, на самое производство, без отрыва учащихся рабочих от производства, при наличии идущего параллельно этому, увеличивающегося вовлечения рабочих в управление. Все это вместе взятое представляет важнейшие шаги на пути устранения противоположности между умственным и физическим трудом.

Вопрос об овладении техникой поставлен, таким образом, всем ходом социалистического строительства перед всеми работниками заводов, фабрик, совхозов и колхозов. Овладение техникой на данном этапе приобретает характер основной неизбежной предпосылки успешного развертывания социалистического строительства, значит, является **одной из важнейших форм классовой борьбы**. Это политическое значение овладения техникой наиболее ярко подчеркивает могучая волна движения рабочих по организации технической учебы, поднявшаяся в связи с лозунгом тов. Сталина «большевики должны овладеть техникой».

Связь техники со всем народным хозяйством и со всем социалистическим строительством, с его классовой борьбой, с системой организации труда и т. д. обусловливает то обстоятельство, что овладение техникой должно включать в себя и вопрос о вооружении трудящихся масс марксистско-ленинским методом, диалектическим материализмом и теорией общественного развития. Категорически должны быть отвергнуты всякие попытки делячества, буржуазного об'ективизма, замыкания в чистую технику. Вооружение масс техникой должно протекать под знаменем марксистско-ленинской теории. В вопросе технической пропаганды необходимо вести борьбу **на два фронта**: как против попыток свести содержание этой работы **к узкому техницизму**, против механистического непонимания необходимости внедрения метода диалектического материализма в технику, против попыток полного открещивания от «всякой методологии», так и против подмены знания самой техники **общими рассуждениями** о методологии.

Задачи, стоящие перед нами в области техники и технической политики, смогут положительно разрешаться, если материалистическая диалектика будет внедряться также и в область технических наук. Поворот специалистов в области техники в нашу сторону сможет быть закреплен, если они овладеют мировоззрением пролетариата — диалектическим материализмом, марксизмом-ленинизмом. Отмечая известные сдвиги в этом отношении, растущий интерес в инженерно-технических кадрах к вопросам марксистско-ленинской методологии, мы вместе с тем должны дать с самого начала решительный отпор всяким упрощенческим явлениям в этом отношении.

Начинают появляться авторы и докладчики по таким, например, темам, как «философия транспорта», «диалектика автодорожного движения», «диалектика стали» и т. д., при чем диалектическая терминология чисто внешне приклеивается к техническому материалу.

Нельзя представить себе худшего вида возрождения „деборинщины" в технике, худшего вида действительной дискредитации диалектического материализма, чем подобные «методологические» упражнения.

Необходимо, чтобы наряду с изучением наследства буржуазно-технической научной мысли мы развили в широких массах уменье правильно ориентироваться в нашем строительстве, уменье правильно понять сложность отношений между техникой и всем экономическим и социально-политическим укладом, понять, что и техника насквозь классова. Необходимо, чтобы широкие массы подошли к критическому пересмотру всего наследства буржуазной

науки и техники, с целью устранения всех классовых ограничений последней, чтобы они подготовились к работе по реконструкции науки и техники в соответствии с запросами социалистического строительства.

Вместе с тем нельзя забывать, что техническая пропаганда должна включать в себя и пропаганду естественно-научных и математических знаний, которые являются базой знаний технических. Нельзя поэтому сужать понятие производственно-технической пропаганды. Необходимо включить в него те элементы математики, черчения, механики, физики, химии, биологии, понимание которых неизбежно для понимания техники.

Необходимость технического перевоспитания широчайших масс ставит особенно ответственную задачу перед коммунистами технческо-инженерного состава, перед коммунистами — работниками отдельных специальных математических и естественно-научных дисциплин. Они должны быть особенно чутки ко всем попыткам извратить в этом вопросе генеральную линию партии. Всякие попытки фетишизирования буржуазной техники и науки, недостаточно критическое отношение к ним, попытки механического переноса достижений капиталистической техники должны найти твердый отпор, так же как и попытки отделаться от технической пропаганды пустой, напыщенной «методологической» фразой.

Постановление ЦК партии от 5 августа о техпропаганде ставит перед нашими философскими организациями и учреждениями вопрос об активном участии в движении по овладению техникой и о действительной идеологической помощи в этом отношении широким массам.

Особо важное значение в общей работе по техпропаганде должно принадлежать Комакадемии в целом, Всесоюзному о-ву воинствующих материалистов-диалектиков, Институту техники и технической политики и Ассоциации институтов естествознания в особенности. Комакадемия, об'единяющая многочисленные коммунистические, партийные теоретические силы, должна стать одним из руководящих органов по техпропаганде во всех ее звеньях. Здесь необходима как организация непосредственной работы, так и оказание всемерной помощи соответствующим общественным и советским организациям по линии марксистско-ленинской методологии.

Несмотря на то, что с момента опубликования постановления ЦК прошло уже достаточно времени, организации и учреждения не развили необходимых темпов работы по техпропаганде.

Для создания решительного перелома на фронте техпропаганды нужно провести мобилизацию тысячи лучших производственников-пропагандистов, которые после прохождения краткосрочных курсов по методике пропаганды и техучебы должны быть размещены по важнейшим предприятиям, а в некоторых случаях и для замены помдиректоров по производственным совещаниям и по техпропаганде. Необходимо в ближайшее время провести по районам Москвы и на крупнейших предприятиях доклады для партактива на тему «О значении марксистско-ленинской теории в техпропаганде».

Необходимо принять все меры к оживлению производственно-техниче-

ской общественности. Для этого требуется оживить работу научно-технических обществ, развернуть на предприятиях работу отделений марксистско-ленинских обществ Комакадемии. Это должно сочетаться с развертыванием в печати систематического смотра работы организаций и учреждений по техпропаганде.

Надо практиковать метод социального заказа в форме вопросов со стороны группы рабочих и предприятий академикам, инженерам и т. п., с опубликованием ответа на них. Нужно, чтобы на всю страну распространился почин «Электропровода» — заем предложений для второй пятилетки, что было по предложению Института техники принято МОСПС.

Техпропаганда в целом должна быть теснейшим образом увязана с работой каждого рабочего. Вначале она должна базироваться, исходя из реконструкции станка или агрегата, а также технологических процессов и расширяться до научного овладения техническим процессом в целом. Особое внимание нужно обратить на организацию регулярных смотров отдельных станков и технологических процессов. Надо со всей серьезностью поставить вопрос о техническом кино и радиожурнале с иллюстрациями, обеспечить на первое время не реже одного раза в декаду радио-доклады по методологии и истории техники и технической политики.

Необходимые преподавательские кадры для развертывания техпропаганды среди рабочих должны, в первую очередь, черпаться на самом производстве. Инженерно-технические работники, насчитывающие только в системе ВСНХ и НКПС около 140 тысяч, должны стать основными кадрами, откуда будут черпаться как преподаватели, так и докладчики-авторы для техпропаганды. Необходимо немедленно провести через соответствующие организации выдвинутый московскими организациями проект об установлении для инженерно-технического персонала 6 часовой общественной нагрузки по техпропаганде в месяц.

Для техучебы инженерно-технического персонала должны быть широко использованы теоретические силы всей сети научно-исследовательских учреждений, вузов и втузов как по линии организации очных и заочных курсов, так и по линии научной консультации по группе и по отдельным вопросам.

В частности Комакадемии совершенно необходимо теперь же организовать постоянные курсы для партийного и производственного актива: 1) по новейшим достижениям науки и техники, 2) по истории и методологии техники и естествознания.

Необходимо добиться систематического использования для техпропаганды иностранного инженерно-технического персонала и рабочих, работающих на наших предприятиях и учреждениях. Необходимо проработать вопрос о плановом привлечении крупнейших заграничных специалистов для проведения ряда лекций и докладов о последних достижениях науки и техники.

Нужно всемерно использовать все возрастающие симпатии широких слоев трудящихся капиталистических стран к СССР для работы по овладению техникой со стороны широких масс. Для этого следует поставить вопрос об организации международного общества техпомощи СССР. Кроме того

нужно усилить связь наших рабочих с рабочими иностранных предприятий и внести в эту связь бо́льшую плановость.

В общей системе мероприятий по техпропаганде одно из важнейших мест должно быть отведено организации сети постоянных и передвижных выставок и технических музеев. Разработка плана и порядка их организации должна на ближайшее время стать одной из основных задач секции истории и методологии Ин-та техники и технической политики.

Следует признать совершенно необходимой организацию при всех фабриках и заводах постоянно работающих лабораторий с библиотеками, где производственный актив, особенно изобретатели, могли бы в свободное время получать навыки по технике эксперимента. Массовое вовлечение и успешный ход учебы предполагают в качестве одной из необходимых предпосылок устранение всех препятствий, срывающих занятия. Необходимо с еще большим упорством добиваться плановости во всей общественной и производственной жизни.

Несомненно, успешность техучебы, помимо прочих условий, будет определяться степенью общественного контроля над работой отдельных товарищей. Поэтому в ряду прочих мероприятий особое внимание должно быть обращено на проработку вопросов контроля над работой каждого товарища по техучебе.

Программа партии предусматривает, что ВКП(б) должна себе поставить задачей установить: «в дальнейшем, при общем увеличении производительности труда, максимальный шестичасовой рабочий день без уменьшения вознаграждения за труд и при обязательстве трудящихся сверх того уделять два часа без особого вознаграждения теории ремесла и производства, практическому обучению технике государственного управления и военному искусству.

В текущем году свыше 10 миллионов пролетариев переведено на 7-часовой рабочий день Необходимо теперь же поднять поход за использование восьмого часа для овладения техникой и тем самым приблизить поголовную ликвидацию элементарной технической неграмотности.

Необходимо пронизать всю нашу печать единым стремлением к борьбе за овладение техникой. Каждый журнал и газета должны создать у себя, соответственно кадрам своих читателей, отдел по овладению техникой В нашей печати будет иметь важнейшее значение создание специальной страницы по борьбе за овладение техникой. Особое внимание нужно обратить на развертывание и постановку раздела техники в фабрично-заводской печати. Нужно всемерно поддержать опыт некоторых заводов, вроде московского Электрозавода, по выпуску производственного журнала «Догнать и перегнать».

Одним из важнейших условий дальнейшего развертывания работы по техпропаганде должно явиться обеспечение всех звеньев сети соответствующей литературой. Постановление ЦК обеспечивает издательство возможным количеством бумаги.

Методы работы ОГНТИ, опиравшегося на замкнутый круг старых авто-

ров, следует решительно отвергнуть. Необходимо широчайшее выявление и привлечение новых авторов из рабочих.

Институт техники и технической политики Комакадемии организует непосредственное издание серии книг, рассчитанных на разные группы читателей по истории техники, технической политики и методологии техники.

Наряду с организацией и выпуском массовой техлитературы необходимо поставить на должную высоту контроль ее научного и методологического содержания.

Особое внимание нужно обратить на создание «технической» беллетристики и живописи, которые должны содействовать вовлечению в технику широких масс. Для этого необходимо, чтобы Комакадемия совместно с ВЦСПС и ВСНХ в ближайшее время созвала конференцию пролетарских писателей для обсуждения и выработки плана создания такой беллетристики.

Необходимо подвергнуть тщательной проверке всю работу технической энциклопедии и отделов техники прочих энциклопедий с целью выявления всех недостатков и последующего приближения работы энциклопедий к вопросам реконструктивного периода. Нужно добиться как увеличения общего удельного веса технического отдела БСЭ и МСЭ, так и улучшения научной и методологической квалификации статей.

Только быстрое, решительное проведение в жизнь этих мероприятий поставит на реальную почву выполнение решения Центрального комитета о технической пропаганде.

К вопросу о ленинском этапе в развитии диалектического материализма.

М. Митин.

Статья первая.

1. Введение

Изложить существество содержания ленинского этапа как новой ступени в развитии философии марксизма — это чрезвычайно большая задача. Потребуются специальные труды для того, чтобы эта тема была в той или иной степени исчерпана. Особенно трудно излагать ее в данный момент еще и потому, что мы, собственно, только приступаем к теоретической разработке всех этих проблем. Поэтому наше изложение содержания ленинского этапа будет касаться только самых основных моментов этой проблемы, будет только известным конспективным наброском, могущим служить в качестве введения для дальнейшего изучения этих вопросов.

Излагать основы ленинского этапа в развитии диалектического материализма это вовсе не значит излагать вообще основы диалектического материализма. Изложить основы ленинского этапа как новой и высшей ступени в развитии марксистской философии это значит «изложить то особенное и новое в трудах Ленина, что внес Ленин в общую сокровищницу марксизма и что естественно связано с его именем» (Сталин), это значит изложить то особенное и новое, что внесено Лениным в развитие диалектического материализма, то особенное, в чем Ленин двинул дальше вперед марксистскую философию.

Для того, чтобы с самого начала правильно подойти к пониманию ленинского этапа в развитии диалектического материализма, необходимо исходить из правильного понимания ленинизма в целом, из понимания того, что «ленинизм это есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции», из понимания того, что Лениным двинуто вперед развитие марксизма не в одной какой-нибудь его области или составной части, а во всех его составных частях.

Когда говорят о Ленине как философе, или же о Ленине как марксисте, как мыслителе и т. д., когда пытаются определить, что же собой представляет ленинизм в философии,—то прежде всего приходится сталкиваться с таким пониманием, что Ленин дал только наилучшие образцы применения марксистского метода, материалистической диалектики, скажем, например, к русской действительности конца XIX—первой четверти XX века, к мировой обстановке этого периода, к эпохе пролетарской революции и т. д. Такая трактовка ленинизма проходит красной нитью по всем высказываниям о Ленине со стороны Троцкого, Преображенского, Зиновьева, Бухарина и представителей меньшевиствующего идеализма в области философии. Доля истины в такой трактовке этой проблемы есть, однако этим отнюдь не исчерпывается

существо того, что сделано Лениным в области философии марксизма. Конечно, Ленин лучше чем кто-либо из марксистов после Маркса и Энгельса применял материалистическую диалектику к современной эпохе, ко всей сложности классовых соотношений и классовых битв этой эпохи. Конечно, верно, что непревзойденными образцами применения метода материалистической диалектики к анализу русского капитализма и всех его особенностей является книга Ленина: «Развитие капитализма в России», к анализу империалистической эпохи — его книга «Империализм, как новейший этап и т. д.», к анализу международного рабочего движения в начале империалистической войны — его статья «Крах II Интернационала» и т. д. и т. п. Конечно, верно, что ленинские работы, посвященные вопросу о характере и движущих силах нашей революции, о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую, ленинские работы по аграрному вопросу, по национальному вопросу и т. д. и т. п. представляют собой исключительные примеры глубокого анализа острейших проблем с точки зрения материалистической диалектики. Однако кто ограничивает роль Ленина в развитии марксистской философии только ролью «применителя» материалистической диалектики, ролью человека, давшего образцы такого применения, тот только совершает очень большую ошибку. Ошибка эта имеет две стороны: во-первых, извращается, крайне ограничивается суть ленинского этапа в развитии философии марксизма; во-вторых, дается совершенно неправильное понимание соотношения между методом марксизма и всей совокупностью воззрений марксизма в целом, между методом марксизма и результатом его применения. Плодотворное применение метода марксизма к новым условиям и новой обстановке, применение метода материалистической диалектики к анализу новой эпохи, особенно такой богатой, бурной эпохи, какой является эпоха империализма, — в значительной степени обогащает и самый метод марксизма, оплодотворяет сам метод новым материалом. Крайнее обострение всех противоречий капиталистической системы, гигантские классовые столкновения, острейшая классовая борьба на всех участках общественной жизни, в экономике, политике, идеологии и т. д., кризис системы капитализма, отражающийся и в кризисе буржуазной науки — все эти сложнейшие процессы, характерные для эпохи империализма, дают новые закономерности, новые формы противоречий, новые формы единства и борьбы противоположностей, особые типы перехода противоположностей, напр., превращение империалистической войны в гражданскую и т. д. Империалистическая стадия развития капитализма дает особенное богатство новых форм, типов, связей, отношений, форм классовой борьбы и т. д. и т. п. Диалектика империалистического развития дает нам очень большое своеобразие. Охватить все эти стороны и отношения, глубоко проанализировать новую эпоху, понять ее новые закономерности можно только при том условии, если сам метод марксизма, отображая это новое, получает дальнейшее развитие и конкретизацию.

Далее, мы встречаемся с такой постановкой вопроса, что суть ленинского этапа в развитии марксистской философии состоит в том, что Ленин дал наилучшие образцы сочетания революционной теории и революционной практики, так сказать, высший синтез теории и практики. Это, конечно, правильно. Правильно и то, что это также является характерной чертой работ Маркса и Энгельса. Ленинизм представляет собой самый яркий пример единства теории и практики, революционных идей и «практически-революционной деятельности». Нет ни одного теоретического произведения Ленина, идет ли речь о его крупных работах или же о мелких статьях, которые не являлись бы теоретическим обобщением революционной практики и вместе с тем не были бы прямым и непосредственным руководством для

революционного действия. Сочетание революционной теории и революционной практики является характернейшим моментом ленинизма, большевизма, так сказать, «стилем» его.

Однако и это не исчерпывает сути ленинского этапа в развитии диалектического материализма.

Наконец, можно часто встретить такое понимание или, вернее, непонимание ленинского этапа в развитии марксистской философии, когда говорят, что Ленин только восстановил после всех извращений эпохи II интернационала революционную диалектику Маркса, Энгельса, и что именно эта часть марксистского учения осталась в работах Ленина без развития (Преображенский, Бухарин и др.). Такая точка зрения имеет в себе только ту долю истины, что Ленин действительно в борьбе с теоретиками эпохи II интернационала возрождает, восстанавливает революционную суть марксистской философии. Однако это не есть простое возрождение и восстановление ее.

Приходится также слышать утверждение, что Ленин представляет собой новый, высший этап в развитии марксистской философии только по сравнению с философской теорией II интернационала, с философскими работами виднейшего марксиста-философа эпохи II интернационала — Плеханова (Карев и др. представители меньшевиствующего идеализма). Верно, конечно, что существует очень большое различие по глубине трактовки, по охвату вопроса, по революционной мощи теоретических работ Ленина по сравнению с Плехановым. Эта «глубина трактовки», являясь фактом исторического порядка, должна быть в свою очередь об'яснена. Однако новый этап в развитии философии марксизма означает движение вперед философской теории марксизма не по сравнению с Плехановым, который остался в основном популяризатором марксизма в области философии, а движение вперед по сравнению с той ступенью, на которой стояла философия марксизма в работах Маркса и Энгельса.

Что же представляет собой ленинский этап в развитии философии марксизма?

Общая характеристика ленинского этапа в развитии диалектического материализма состоит в том, что Лениным дано дальнейшее теоретическое развитие материалистической диалектики, как «философской науки», конкретизация марксистского метода по сравнению с тем, как ставили эти проблемы Маркс и Энгельс.

Суть ленинского этапа как новой ступени в развитии диалектического материализма состоит в том, что Лениным выражено в его кратком положении о единстве «диалектики, логики и теории познания». Установление единства «диалектики, логики и теории познания», раскрытие существа материалистической диалектики, как учения «о законах развития всех материальных, природных и духовных вещей», т.-е. развития всего конкретного содержания мира и познания его, т.-е. итог, сумма, вывод истории познания мира», материалистическая переработка гегелевских категорий диалектики, теоретическое разрешение вопроса о систематической связи и перехода категорий, конкретизация и уточнение закона единства противоположностей как «ядра диалектики», последовательное развитие материалистической теории отражения и, наконец, ленинский принцип партийности философии и науки, красной нитью проходящий по всем его работам — вот те основные проблемы, в которых Ленин двинул вперед развитие диалектического материализма. Это теоретическое развитие диалектического материализма и его конкретизация даны

на основе применения его к особенностям развития капитализма в России, к всестороннему анализу эпохи империалистической стадии развития мирового капитализма, к процессу перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую, к процессу развития мировой пролетарской революции, к эпохе диктатуры пролетариата и строительства социализма.

Тов. Сталин пишет в «Основах ленинизма»: «Маркс и Энгельс подвизались в период предреволюционный (мы имеем в виду пролетарскую революцию), когда не было еще развитого империализма, в период подготовки пролетариев к революции, в тот период, когда пролетарская революция не являлась еще прямой практической неизбежностью. Ленин же, ученик Маркса и Энгельса, подвизался в период развитого империализма, в период развертывающейся пролетарской революции, когда пролетарская революция победила уже в одной стране, разбила буржуазную демократию и открыла эру пролетарской демократии, эру советов. Вот почему ленинизм является дальнейшим развитием марксизма».

Марксистское учение является единым стройным, последовательным учением, из которого ничего нельзя вырвать. Дальнейшее развитие марксизма, данное Лениным, означает тем самым развитие всех его элементов и частей. Вот почему т. Сталин в указанной брошюре продолжает:

«То, что дано в методе Ленина, в основном уже имелось в учении Маркса, являющемся, по словам Маркса, «в существе своем критическим и революционным». Именно этот практический и революционный дух проникает с начала и до конца метод Ленина. Но было бы неправильно думать, что метод Ленина является простым восстановлением того, что дано Марксом. На самом деле метод Ленина является не только восстановлением, но и конкретизацией и дальнейшим развитием критического и революционного метода Маркса, его материалистической диалектики».

Для понимания существа того, что дано Лениным в области философии марксизма, необходимо иметь в виду, что между Марксом, Энгельсом и Лениным лежит полоса ревизионизма марксистской философии, начиная с Бернштейна и кончая Максом Адлером, начиная со Струве и кончая Аксельрод-Ортодокс и Дебориным. Этот философский ревизионизм получил чрезвычайно широкое развитие, отличается разнообразными оттенками, оттеночками и часто проводился и проводится под флагом верности философии марксизма. Беспощадная борьба со всякими видами ревизии диалектического материализма, исторического материализма, не могла не составить одной из важнейших задач ленинизма в философии.

О том, насколько постановка вопроса о ленинском этапе в развитии философии марксизма является нашим вернейшим оружием в борьбе с социал-фашистской «теорией», о том, насколько важна эта задача и какой глубокий смысл имела борьба вокруг этих вопросов в дискуссии с меньшевиствующим идеализмом деборинской группы, свидетельствует последняя работа Макса Адлера «Учебник материалистического понимания истории». Макс Адлер исходит из якобы признания ленинской фазы в развитии материализма для того, чтобы с особой яростью критиковать ее. Так он пишет в указанной книге: «Так как эта фаза ленинского материализма составляет современную фазу этой философии (т.-е. диалектического материализма. — *М.*) и благодаря мировому историческому значению Ленина и также и тому большому влиянию внутри марксизма, которое он приобрел, должны мы также заняться этим *мнимым дальнейшим развитием ма-*

териализма» (разрядка наша. — *М.).* Далее сей ренегат пишет: «Этот ренессанс философского материализма связывается у русских большевиков, как и у их немецких последователей, с книгой Ленина «Материализм и эмпириокритицизм»... Таким образом ленинская книга фактически стала родом философской библии современного материализма».

Для того, чтобы закончить с определением ленинского этапа марксистской философии, надо указать на совершенно ошибочную постановку этого вопроса, имеющую часто место в настоящее время. Новую ступень в развитии диалектического материализма понимают в том смысле, что это есть изменение-де самого существа диалектического материализма. Грубая ошибка такого понимания состоит в том, что при этой точке зрения само развитие диалектического материализма представляется совершенно неправильно. В самом деле, что может означать в этом смысле постановка вопроса об изменении существа диалектического материализма? Или переход к какой-то сверхдиалектической форме материализма или же отказ от диалектической формы материализма. И в том и в другом случае это означает ревизию диалектического материализма. Как раз не кто иной, как Степанов-Скворцов, со своей механистической точки зрения пытался использовать энгельсовскую постановку вопроса, которую он, кстати сказать, совершенно не понял, для доказательства необходимости якобы на основе новейших открытий естествознания отойти обратно от диалектического материализма к механистическому. В-третьих, ошибка данной точки зрения состоит еще в том, что под этим углом зрения по существу протаскивается противопоставление Ленина Марксу, Энгельсу. Едва ли имеет какой-либо смысл разъяснять, насколько неправильно, реакционно такое противопоставление. Ленинизм в философии есть новый, качественно высший этап развития диалектического материализма, однако противопоставление Ленина Марксу и Энгельсу дико. Ленинизм в философии есть методологический синтез, обобщение в категориях диалектики состояния общественной науки, естествознания новейшей эпохи для практического изменения мира, точно так же, как философия диалектического материализма в том выражении, какое она получила в работах Маркса и Энгельса, была высшим методологическим выражением состояния общественных наук и естествознания той эпохи с целью изменения мира.

И на этот вопрос мы получаем в работе т. Сталина «Об основах ленинизма», написанной еще в 1924 г., совершенно ясный и четкий ответ. Он пишет: «Может быть наиболее ярким выражением того высокого значения, которое придавал Ленин теории, следовало бы считать тот факт, что не кто иной, как Ленин, взялся за выполнение серьезнейшей задачи обобщения по материалистической философии наиболее важного из того, что дано наукой за период от Энгельса до Ленина и всесторонней критики антиматериалистических течений среди марксистов. Энгельс говорил, что «материализму приходится принимать новый вид с каждым новым великим открытием». Известно, что эту задачу выполнил для своего времени не кто иной, как Ленин, в своей замечательной книге «Материализм и эмпириокритицизм». Известно, что Плеханов, любивший потешаться над «беззаботностью» Ленина насчет философии, не решился даже серьезно приступить к выполнению такой задачи».

Можно и должно поставить вопрос, почему именно Россия послужила и служит очагом, родиной нового этапа в развитии диалектического материализма? Случайно ли это обстоятельство или оно является закономерным в связи с особенностями развития всей новейшей истории, в связи с особенностями развития капитализма в России и революционного движения в конце XIX и в первой четверти XX столетия. Собственно говоря,

ответ на этот вопрос мы находим в классическом об'яснении тов. Сталина в «Основах ленинизма» о том, почему именно Россия стала вообще очагом ленинизма. Интересно еще следующее: не имели ли мы в России в силу специфичности ее развития, в силу того, что она была узловым пунктом всех противоречий империализма, в силу особенностей развития в ней марксистской теории в целом — еще и особые условия, благоприятную почву также для развития именно философии марксизма? Дальнейший анализ покажет, что дело обстоит как раз таким образом.

Говоря вообще о развитии марксистской теории, Ленин писал: «Она вырабатывается лишь долгим трудом, тяжелым опытом; их выработка облегчается правильной революционной теорией, которая в свою очередь не является догмой, а окончательно складывается лишь в тесной связи с практикой действительно массового и действительно революционного движения». Обратив внимание на ту мысль, что революционная теория складывается только в связи с практикой действительно массового и действительно революционного движения, — мы перейдем к характеристике развития большевизма, которую дает Ленин в своей работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме».

«С одной стороны, — писал он, — большевизм возник в 1903 г. на самой прочной базе марксизма. А правильность этой — и только этой — революционной теории доказал не только всемирный опыт всегоXIX века, но и в особенности опыт блужданий и шатаний, ошибок и разочарований революционной мысли в России. В течение около полувека, примерно с 40-х до 90-х годов прошлого века, передовая мысль в России, под гнетом невиданного, дикого и реакционного царизма, жадно искала правильной революционной теории, следя с удивительным усердием и тщательностью за всяким и каждым и «последним словом» Европы и Америки в этой области. Марксизм, как единственно правильную теорию, Россия поистине выстрадала полувековой историей несказанных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарования, проверки, сопоставления опыта Европы... С другой стороны, возникший на этой гранитной теоретической базе большевизм имеет пятнадцатилетнюю (1903 — 1917) практическую историю, которая по богатству опыта не имеет себе равной в свете» (Ленин: «Детская болезнь «левизны» в коммунизме»).

Трудно подыскать более четкую характеристику условий развития и распространения марксизма в России. Сказанное здесь Лениным о развитии марксистской теории в целом применимо целиком и полностью к развитию философской стороны марксизма. Пятидесятилетие (40—90 гг.) в России — исключительно богатая страница в этом отношении. И здесь мы имеем жадное искание правильной философской теории, и здесь мы имеем «удивительное усердие и тщательность» в смысле наблюдения и усвоения «последнего слова» Европы. Философская сторона марксизма, как и марксизм в целом, имеет в качестве одного из своих источников развитие немецкой классической философии (Канта, Фихте, Гегеля). Посмотрим теперь, какое отражение развития немецкой классической философии в России мы имеем в то полустолетие, о котором говорит Ленин. Стоит только назвать имена Герцена, Чернышевского, Белинского, а также Добролюбова и Писарева, чтобы понять значение этого периода в идейном отношении. Можно сказать, что русская революционная мысль повторила, в известном смысле, по-своему, в связи со специфическими условиями обстановки в России, развитие, проделанное в Германии немецкой классической философией. И гегелевская философия, и распад гегельянства, и революционные и реак-

ционные выводы из него, и переход к Фейербаху, и дальнейшее развитие от Фейербаха к Марксу, даже развитие естественно-научного, вульгарного материализма после Фейербаха в Германии, — получили свое очень сильное отражение в развитии общественной мысли в России.

Гегельянство Герцена, Белинского, фейербахианство Чернышевского, естественно-научный материализм Писарева, наконец, марксизм Плеханова, это — этапы развития, в которых выковывались прочные теоретические условия для восприятия и развития марксизма именно в России. Правда, философские взгляды указанных мыслителей были только отражением в России развития взглядов немецких гигантов мысли, правда, Россия не имела такой богатой философской традиции, характерной для Германии, однако значение всего этого философского развития в России исключительно велико. База ленинизма в философии, так же, как ленинизм в целом — в международных условиях, в условиях империалистической эпохи, в условиях, когда Россия была узлом противоречий империализма. Развитие революционного движения в России, развитие рабочего движения, теоретическое развитие в России — по своему значению, однако, исключительно. Практический же опыт революционных событий начала XX столетия, наконец, философская разборка, наступившая после революции 1905 года и имевшая международное значение, — явились дополнительными чертами, которые об'ясняют нам, почему именно Россия могла стать очагом как ленинизма вообще, так и ленинизма в философии.

В статье «Наши упразднители», касаясь этого вопроса и давая общую оценку борьбы с махизмом, Ленин писал:

«Поэтому философская «разборка» именно для передового класса России была необходима и нет ничего странного в том, что эта «запоздавшая» разборка наступила после того, как этот передовой класс вполне созрел, во время недавних великих событий, для своей самостоятельной исторической роли. Эта философская разборка подготовлялась давно и в других странах мира, постольку, поскольку, напр., новая физика поставила ряд новых вопросов, с которыми должен был «сладить» диалектический материализм. В этом отношении «наш» (по выражению Потресова) философский спор имеет не только известное, т.-е. русское значение. Европа дала материал для «освежения» философской мысли, а отставшая Россия во время вынужденного затишья 1908 — 10 гг. особенно «жадно» бросилась на этот материал». Итак, той собственно философской традиции, которая была в России, которая, конечно, значительно отставала от Франции и Германии, оказалось недостаточно. После революции 1905 г. в России намечается глубокий разброд, распад, «серьезнейший внутренний кризис марксизма». Встала опять задача борьбы за самые основы марксизма, однако уже на новой базе, на основе опыта революции, на основе богатейшего опыта классовой борьбы. Глубина переживаемого тогда кризиса марксизма была связана со всей общественно-экономической обстановкой этого периода. Марксизм, особенно в лице Ленина, вышел победителем, необычайно окрепшим после этого испытания. Чем серьезнее был кризис, чем более обширный круг проблем он затронул, — тем более мощным вышло теоретическое оружие марксистской философии из этой борьбы. Ленин отмечает международное значение борьбы с махизмом и богдановщиной, — и это глубоко верно, как мы это в дальнейшем увидим.

В области философии марксизма Россия имеет такого крупного представителя ее, каким является Плеханов. Лучшие «теоретики» II интернационала, как, например, Каутский, Гильфердинг, Отто Бауэр, Макс Адлер, — если взять их философские взгляды, являются настоящими пигмеями по сравнению с ним. Ленин отмечал, что работы Плеханова в области философии

представляют собой лучшее в международной литературе марксизма. Однако Плеханов по всей совокупности своих философских и политических работ не выходит за пределы уровня и состояния марксистской теории эпохи II интернационала. В своих собственно политических, а также и теоретических работах Плеханов во время войны скатился на самые правые, социал-шовинистические, социал-империалистические позиций.

Что касается собственно философских работ Плеханова, то они представляют лучшее, что есть в марксизме всей эпохи II интернационала, если не считать большевизма. В своих философских работах Плеханов лучшим образом выражает марксизм по сравнению с теоретиками II интернационала типа Каутского и т. д. Об этом как раз и говорят ленинские характеристики Плеханова как марксиста-философа.

Поскольку, однако, марксизм эпохи II интернационала, за исключением крыла, из которого сложился ленинизм, представляет собой по существу шаг назад, отступление от ортодоксального марксизма, и поскольку Плеханов во всей совокупности своих работ в основном не выходит за пределы марксизма этой эпохи, постольку и его собственно философские работы мы можем рассматривать с точки зрения ряда отступлений от последовательного марксизма.

Бесспорно ошибочным является мнение, будто у Плеханова мы имеем в области философии только ряд отдельных, случайных ошибочных формулировок. Отдельных ошибок с точки зрения ленинского понимания проблем марксистской философии у Плеханова очень много. Задача понимания этих ошибок, задача критического их преодоления заключается в том, что необходимо искать и раскрывать внутреннюю логику этих ошибок, а также органическую связь, которая существует между ними и политической, в основном меньшевистской линией Плеханова.

Подходя к оценке всей совокупности теоретических работ Плеханова, необходимо прежде всего отметить, что «основная традиция и догма II интернационала» — разрыв между теорией и практикой, разрыв между теоретическими писаниями о диалектическом материализме и неумением его применять — получили у него очень яркое выражение. В области общей теоретической трактовки ряда вопросов диалектического материализма Плеханов — яркая страница, в области же применения диалектики он совершенно беспомощен. Стоит только напомнить ленинские характеристики этой плехановской «диалектики» («догматика», «вреднейшая софистика», «извращение», «издевательство над духом марксизма» и т. д. и т. д.), чтобы понять, какой сильный, характеризованный выше, разрыв существует у Плеханова.

Если взять собственно-философские работы Плеханова и проанализировать всю совокупность ошибок, которые у него имеются, главные из которых раскритикованы Лениным, то в общем можно наметить следующие стержни, вокруг которых концентрируются эти ошибки:

1) непонимание материалистической диалектики как «философской науки»;

2) непонимание «сути» диалектики, а именно «диалектики как теории познания»;

3) приверженность к формализму и логистике;

4) сильный налет агностицизма;

5) весьма значительное влияние Фейербаха на его философские работы, выразившееся в созерцательности, в непонимании «практически-критической революционной деятельности» исторического суб'екта, в недостаточном понимании первого тезиса Маркса о Фейербахе.

В настоящее время мы определенно можем сказать, что по всем важнейшим вопросам марксистской философии, начиная с общего понимания предмета марксистской философии, материалистической диалектики, кончая отдельными историко-философскими проблемами, Ленин противопоставлял свою точку зрения плехановской, давал «по-своему» трактовку этих вопросов и проблем. В некоторых случаях и по ряду вопросов Ленину пришлось даже вести прямую и открытую борьбу с Плехановым в печати.

Впервые опубликованный в № 4 — 5 «ПЗМ» за 1931 г. вариант статьи Плеханова «Об экономическом факторе» проливает яркий свет на плехановскую трактовку ряда философских вопросов, в частности характеризует отношение его к неокантианскому ревизионизму Струве, Булгакова, Бердяева и т. д. в конце XIX столетия, уже после известной ленинской критики Струве. Плеханов в этом варианте статьи пишет: «Философские взгляды «учеников», тяготеющих к немецкой «критической» философии, не похожи на философские взгляды авторов «Капитала». Они прекрасно знают это и не считают себя последователями его экономической и философско-исторической теории. И поскольку они разделяют эти его взгляды, они смотрят на общественные вопросы с его точки зрения, они являются его учениками в такой же мере как и те, которые разделяют не только его экономические и философско-исторические, но также и философские взгляды. Неокантианец, признающий справедливость экономической и философско-исторической теории автора «Капитала», в этих пределах может быть таким же верным и последовательным учеником этого знаменитого мыслителя, как и любой из современных материалистов, т. е. тех, которые следуют за автором «Капитала» также и в философии.

Но можно ли разделять философско-исторические воззрения какого-либо писателя, не разделяя в то же время его философских воззрений? На этот вопрос нельзя ответить безусловно. Ça depend[1]), как говорят французы. Но что касается неокантианцев, то надо сказать утвердительно, что они могут, не изменяя своей философской точки зрения, признавать справедливость экономических и философско-исторических воззрений Маркса».

Этот вариант статьи написан Плехановым в конце 1897 или в начале 1898 года. Плеханов по ряду тактических соображений доходит, как мы видим, до «теоретической защиты ревизионизма», допуская возможность сочетания марксизма с неокантианством. Собственно говоря нет в этих строках никакой разницы в постановке этого вопроса между ним и Каутским, который как раз в письме от 22 мая 1898 г. к Плеханову писал: «Правда, я должен открыто признать, что неокантианство всего менее смущает меня. Я никогда не был силен в философии, и хотя я всецело стою на точке зрения диалектического материализма, я все же полагаю, что историческая и экономическая точка зрения Маркса и Энгельса оказывается в случае надобности совместимой и с неокантианством».

В противовес такой позиции Ленин с самого начала своей литературной деятельности, с первой своей крупной работы «Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов» занимает четкую, последовательную, революционную позицию, отстаивая монолитность и цельность марксистского учения, категорически выступая против всяких попыток или даже намеков на возможность соединения марксизма с какой-нибудь «модной» философской теорией.

Уже с самых первых работ Ленина, если их сопоставить с плехановскими философскими работами, мы можем проследить отличие его подхода, глубину его понимания и трактовки марксизма, действенность его точки зрения,

[1]) Все зависит от обстоятельств.

критику всяких элементов об'ективизма, характерных и для Плеханова. Уже в самых первых ленинских работах чувствуется это характерное для него сочетание революционной теории и революционной практики, живой пульс классовой борьбы поднимающегося пролетариата.

Следовательно, говоря о ленинизме в философии, мы должны иметь в виду не только борьбу его с, если так можно выразиться, средними представителями философской теории II интернационала, надо иметь также в виду и борьбу, которая не могла не составлять одной из важнейших сторон ленинизма, борьбу даже с лучшим представителем философской теории эпохи II интернационала, с Плехановым и преодоление его ошибок и ограниченностей. Все это показывает нам, на каком высоком уровне развития находится философская сторона ленинизма, как марксизма эпохи империализма и пролетарской революции.

II. Ленинский принцип партийности философии и науки.

Ленинское учение о партийности философии и науки вообще представляет собой важнейшее звено в понимании ленинизма в философии. Ленинский принцип партийности науки представляет собой дальнейшее развитие, конкретизацию Марксовых и Энгельсовых положений о классовом характере науки и философии в классовом обществе. Можно ли сказать, что у Маркса и Энгельса нет учения о партийности философии и науки? Конечно, нет. Наоборот, внимательное изучение работ Маркса и Энгельса, которые были, по выражению Ленина, «партийными от начала и до конца», особенно их ранних работ, показывает нам, как глубоко эта проблема ими прорабатывалась. Однако то, что у Маркса и Энгельса представляет собой отдельные разбросанные замечания, отдельные гениальные высказывания, не получившие развития в силу исторической обусловленности этих мыслей, — то получает у Ленина замечательную конкретизацию и развитие.

Совершенно не случайно то обстоятельство, что именно Ленин дал такое блестящее развитие этого важнейшего вопроса и именно в таком направлении. Новая эпоха, эпоха империализма и пролетарских революций есть эпоха гигантских классовых столкновений, мощных пролетарских восстаний, эпоха невиданного обострения классовой борьбы. Борьба классов приобретает в эту эпоху исключительную обостренность и четкость, основные классы капиталистического общества выступают на исторической арене во всеоружии, эта борьба подымается на новую ступень по сравнению с периодом промышленного капитализма. В эту эпоху очень большое развитие получают политические партии, как представители классов. Не только пролетариат каждой страны кует свою коммунистическую партию в каждой стране, усиливая тем самым в очень большой степени свою сознательность, свою сплоченность и организованность. Буржуазия также усиленно кует свои партии. Учитывая уроки пролетарской революции в России, учитывая опыт первого вала пролетарских революций на Западе, — буржуазия усиленно организуется, укрепляя свои партии, создавая мощные и дисциплинированные, по-военному построенные партийные организации вроде, например, фашистской партии в Италии. Классовая борьба в империалистическую эпоху, заостряясь и оформляясь, получает свое развитие и выражение в борьбе партий, или наоборот, борьба партий выражает в наиболее совершенной форме борьбу классов. Антагонистичность капитализма получает свое глубокое выражение не только в области политики, экономики, эта резкая антагонистичность перебрасывается также и на область науки, на области идеологические. И здесь с большой четкостью пролегает классовая диференциация.

В своей статье «Социалистическая партия и беспартийная революционность» в декабре 1905 г. Ленин дает великолепные характеристики партий

ности и беспартийности. Так он пишет: «Строгая партийность есть спутник и результат высоко развитой классовой борьбы. И наоборот, в интересах открытой и широкой классовой борьбы необходимо развитие строгой партийности».

Далее он продолжает: «Самым цельным, полным и оформленным выражением политической борьбы классов является борьба партий. Беспартийность есть равнодушие к борьбе партий. Но это равнодушие не равняется нейтралитету, воздержанию от борьбы, ибо в классовой борьбе не может быть нейтральных, «воздерживаться» нельзя в капиталистическом обществе от участия в обмене продуктов или рабочей силы. А обмен неминуемо порождает экономическую борьбу, а вслед за ней и борьбу политическую. Равнодушие к борьбе отнюдь не является поэтому на деле отстранением от борьбы, воздержанием от нее или нейтралитетом. Равнодушие есть молчаливая поддержка того, кто силен, кто господствует».

Для того, чтобы не осталось никакой неясности в том смысле, что ленинские положения относятся не только собственно к вопросам политики, что они относятся ко всем сторонам капиталистического общества, в том числе и к идеологической борьбе, приведем одно место из этой же статьи Ленина. Он дальше пишет: «Беспартийность есть идея буржуазная. Партийность есть идея социалистическая. Это положение в общем и целом применимо ко всему буржуазному обществу. Конечно, надо уметь применять эту общую истину к отдельным частным вопросам и частным случаям».

Эти места с замечательной четкостью формулируют проблему партийности. Правда, применение этих положений, этих истин к области идеологической, к области науки требует учета своеобразия, специфичности данного предмета, особого характера этой области, особых форм, в которых здесь выражается борьба, — однако, несомненно, что эти положения раскрывают нам многое для понимания ленинского принципа партийности философии и науки.

Из сказанного становится совершенно ясным, почему именно в этом направлении в связи и в соответствии с новой эпохой идет теоретическое развитие марксистско-энгельсовских положений о классовом характере науки и философии. Между цитированными строками Ленина, написанными им в 1905 г., блестящими страницами о партийности философии и борьбе партий в науке в «Материализме и эмпириокритицизме» в 1908 г., заметками Ленина по философии в IX — XII ленинских сборниках в 1914 г. и, наконец, статьей Ленина «О значении воинствующего материализма» существует глубокая внутренняя связь, дающая нам возможность со всей полнотой выяснить суть его учения о партийности философии.

Из всей этой темы надо взять три основных вопроса: 1) борьба Ленина за партийность материализма против всякого вида об'ективизма, 2) борьба Ленина со всякими видами суб'ективизма и релятивизма в науке и философии и 3) наконец, вопрос о соотношении теории и практики с точки зрения марксизма-ленинизма.

Правильное понимание партийности философии и науки упирается прежде всего в необходимость критического рассмотрения широко укоренившегося во всей буржуазной науке деления наук на чистые и прикладные. Было бы смешно, если бы мы стали отрицать известное различие между науками по их об'ему и характеру, по содержанию трактуемых вопросов, по целям и результатам научного исследования. Конечно, существует различие между биологией, скажем, и медицинскими науками, между зоологией, ботаникой, геологией и всякими агрономическими дисциплинами. Несомненно есть

разница между теоретической экономией и экономическими науками, занимающимися различными практическими вопросами экономической политики. Существует разница между более абстрактными науками и более конкретными, между учениями, занимающимися изучением более общих законов, и науками, исследующими более конкретные закономерности. Видеть эту разницу для марксиста необходимо. Однако ничего общего с марксизмом-ленинизмом, с тем, чему нас учил Ленин, не имеет ходячее буржуазное деление наук на чистые и прикладные, которое весьма часто принимается и всякого рода «марксистами-теоретиками».

В каком смысле проводится это деление в буржуазной идеалистической литературе? «Чистота» науки понимается в том смысле, что наука не подчинена никаким внешним, общественным, средовым влияниям, что чистая наука подчинена только «абсолютному интересу научного прогресса», подчинена только внутренней логике своего развития. Чистота науки понимается в том смысле, что чистая наука совершенно беспристрастна, что она абсолютно бестенденциозна, что ее задачей является давать истину ради истины, что никакие мирские интересы ее не затрагивают.

«Чистота» науки далее трактуется в том смысле, что чистая наука не ставит себе никаких целей, никаких практических задач, что ее смысл только в том, что она изучает причинные отношения. Наконец, важной характерной чертой, если не самой важной по мнению буржуазных и всякого другого рода идеалистов, является то, что чистая наука совершенно об'ективна, она выше истории, выше всяких классовых интересов, что она совершенно и абсолютно аполитична. «Жрец» такой «чистой» науки, кабинетный ученый является «чистым» агнцем, по-профессорски подымающимся в своей теоретической деятельности над ограниченностью и условностью социальной обстановки, над историческим своеобразием эпохи, над бурными волнами житейских интересов и классовой борьбы.

Очень ярко все эти черты выразил академик Вернадский в 1915 г. в сборнике, посвященном защите империалистической политики царской России, превосходно доказывая всю «стоимость» и «аполитичность» профессорской «чистой» науки. Он писал: «Перед интересами науки... умолкали мелкие распри политических интересов дня. В научной среде человек... хотя бы одной стороной своей культуры жил в идеальном будущем строе единого человечества... Наука подобно искусству и религии, и даже больше, чем искусство и большинство религиозных систем, является культурной организацией, малозависимой от государственных и племенных рамок. Наука едина. Ее цель — искание истины ради истины, а та истина, которая покупается усилием вековой научной работы, далека от исторической обстановки момента, обща и едина все без различия. Поистине в науке, как и в мировых религиях, несть эллина и несть иудея» [1]).

В противовес такой чистой науке и в качестве ее дополнения выступают у буржуазных ученых всякого рода прикладные науки, ставящие перед собой вполне определенные практические цели и задачи, дающие практические правила для действования. Не приходится особо добавлять, что такие науки есть по мнению этих ученых нечто низшее по сравнению с чистой наукой, что они собственно даже почти не науки.

Надо сказать, что это широко распространенное идеалистическое буржуазное учение о делении наук на чистые и прикладные, принимаемое или безоговорочно или с целым рядом оговорок современными социал-фашистскими теоретиками (Максом Адлером, Каутским и др.), как это мы увидим ниже, имеет в качестве своего базиса или основания разрыв между теорией и практикой, или, еще глубже, противоречие между умственным и физическим

[1]) Цитировано по статье И. Презента, № 6 «ПЗМ», 1931 г., стр. 160.

трудом, являющимися характерными чертами капиталистического способа производства. Если такова социальная подпочва этого буржуазного предрассудка, то логически или теоретически это деление базируется на кантовском учении о чистом и практическом разуме, на кантовском дуализме формы и содержания, свободы и необходимости, идеалов и действительности и т. д. и т. п. Кантовская дуалистическая философская система наиболее полно, наиболее глубоко отразила противоречия и дуализм буржуазного общества. Не случайно поэтому кантовская философия и всякого рода неокантианские чаяния являются по существу до настоящего времени символом веры буржуазной идеологии.

В своем последнем «труде» — «Материалистическое понимание истории» — Каутский пишет по интересующему нас вопросу: «Хотя возможно сделать различие между науками, которые заняты изучением необходимых причинных зависимостей, и такими науками, которые ставят цели и устанавливают нормы для определенной деятельности, однако это не есть различие между природой, с одной стороны, и между духом или человеческим обществом, с другой, но различие между чистой и прикладной наукой. Чистая наука занимается лишь исследованием необходимых причинных зависимостей, она воздерживается от постановки каких бы то ни было целей как в области политической экономии и истории, так и в механике, химии и биологии. Наоборот, прикладная наука всегда имеет дело с определенными обязательными правилами и дает оценочные суждения по вопросу о целесообразности или нецелесообразности той или иной деятельности, безразлично, имеет ли она дело с механическими и химическими процессами, с живыми организациями или с общественными явлениями» (М. П. И., т. II, стр. 715).

Каутский устанавливает, как видим, с достаточной ясностью смысл рассматриваемого нами деления, копируя дословно буржуазные теории в этом вопросе. Дальше, по его обыкновению начинается ряд оговорок и оговорочек, которые, однако, суть дела мало меняют. Конечный вывод, к которому приходит «маститый» социал-предатель, таков: «Социализм Маркса представляет собой прикладную науку, основанную на чистой науке» (стр. 720 — 721). Ничего общего с марксизмом, ничего общего с материалистическим пониманием истории указанные положения Каутского не имеют.

Приходя к таким выводам относительно научного социализма, подвергая сомнению научный характер социализма якобы потому, что он недостаточно об'ективен и беспристрастен, как любая чистая наука,—престарелый Каутский целиком и полностью скатывается на старую точку зрения Бернштейна. К чести этого последнего надо сказать только, что он излагает свою позицию с гораздо большей полнотой и последовательностью. Вот как он рассматривает существо всякой науки. Он писал: «Знание же,—это—познание истинного свойства и отношения вещей друг к другу, а так как, смотря по состоянию познания, всегда имеется только одна истина, то в каждой области знания возможна также только одна наука... Никому теперь в голову не придет говорить о либеральной физике, о социалистической математике, о консервативной химии и т. п. Но разве с наукой, имеющей своим предметом историю человечества и человеческих учреждений, иначе обстоит? Я этого признать не могу и считаю либеральную, консервативную или социалистическую социологию бессмыслицей». Исходя из такой трактовки в понимании науки, Бернштейн считает необходимым «строгое ограничение области науки от партии». Он считает, что необходимо ясно понимать границу, которая существует между наукой, как об'ективным познанием, и программами и теориями политических партий. Бернштейн считает, находясь в данном случае целиком и полностью на буржуазной точке зрения, что первое условие истинной научности, это — теоретическое беспристрастие. Общий вывод, к кото

рому он приходит, отвечая на вопрос «возможен ли научный социализм», таков, что Энгельс был сугубо неправ, говоря о научном социализме, что никакого социализма, как науки, быть не может.

«Название «научный социализм», — пишет он, — приводит, однако, к ошибочному представлению, будто социализм как теория хочет или должен быть чистой наукой. Такое представление не только ошибочно, но представляет для социализма не мало опасности: оно в состоянии лишить его как раз того, что является одним из первых условий научного критерия — **н а у ч н о г о   б е с п р и с т р а с т и я**».

Итак, исходя из рассмотренного выше деления наук, исходя из теории абсолютного об'ективизма подлинной науки, Каутский и Бернштейн приходят к выводу, что социализм не может быть наукой, что наука как таковая абсолютно беспартийна. Этот вывод подрывает в самой основе важнейший тезис Маркса о классовом характере науки в классовом обществе. Если Каутский недостаточно последователен и не договаривает до конца в этом вопросе, то Бернштейн последовательно проводит свою точку зрения в своих положениях «о либеральной или консервативной или социалистической социологии».

Можно сказать, что непонимание или, вернее, отрицание классового характера науки, не говоря уже о понимании партийности науки, этот буржуазный, насквозь реакционный тезис, в той или иной степени поддерживается, развивается всеми «теоретиками» II интернационала, **я в л я е т с я   о д н о й   и з   д о г м   II   и н т е р н а ц и о н а л а**. В противовес такой точке зрения мы имеем у Ленина уже с самых первых работ его последовательно развернутую точку зрения партийности философии и науки вообще. Для того, чтобы закончить характеристику позиций «теоретиков» II интернационала по этому вопросу, надо еще остановиться на последней работе Маркса Адлера — «Материалистическое понимание истории». Эта книжка является боевой работой, направленной против ленинизма в целом, в частности против ленинизма в философии. Пытаясь приспособить марксизм до уровня буржуазной профессорской науки, М. Адлер очень много внимания посвящает тому, чтобы доказать, что марксизм — наука. Но чтобы это доказать, если принять буржуазную точку зрения о беспристрастности, бестенденциозности, беспартийности и аполитичности науки, надо выхолостить из марксизма его «душу живу», всякое революционное содержание из него. Вот как М. Адлер проделывает это: «Кто поэтому действительно хочет вникнуть в понимание марксизма, тот должен прежде всего освободиться от этого почти автоматического амальгамирования марксизма с повседневной политической борьбой партийных страстей. Он должен радикально выкорчевать всякую мыслительную ассоциацию, которая сплетает со словом марксизм боевой политический призыв... Мы должны понятия «марксизм» и «революционная рабочая политика» прежде всего строго теоретически друг от друга отличить. Мы вскоре увидим, что марксизм **п о   с в о е м у   с у щ е с т в у   н а с к в о з ь   н а у ч е н**... В себе в первую очередь марксизм, как и всякая наука, полностью аполитичен, если под этим словом понимать политическое партийное значение».

В своих «Основах ленинизма» тов. Сталин отмечает, что между Марксом и Энгельсом, с одной стороны, и Лениным, с другой — лежит полоса фактического господства оппортунизма II интернационала. Это фактическое господство означало господство в его теории целого ряда буржуазных и реакционных предрассудков, типично оппортунистический разрыв между теорией и практикой. «Честь генеральной проверки и генеральной чистки авгиевых конюшен II интернационала выпала на долю ленинизма». В первую очередь ленинизм в огне революционной борьбы масс, в огне живой практики классовой борьбы занялся восстановлением нарушенного единства теории и практики. Это

привело к необходимости критического пересмотра всех догм II интернационала и в первую очередь учения о чистой и прикладной науке. Надо сказать, что эта догма II интернационала имеет настолько глубокие корни, что даже лучший представитель философской теории II интернационала Плеханов не избежал в своих работах, направленных против Бернштейна, по существу общей их установки в этом вопросе. Так, он писал: «Партийная наука», строго говоря, невозможна. Но, к сожалению, очень возможно существование ученых, проникнутых духом партий и классовым эгоизмом. Когда марксисты презрительно отзываются о буржуазной науке, они имеют в виду именно «учения этого рода». Эта точка зрения Плеханова хотя и значительно отличается от точки зрения Бернштейна и ему подобных, однако, и она ошибочна и в корне отличается от действительно-революционного разрешения этого вопроса, данного у Ленина, как это мы увидим ниже.

Прежде всего остановимся на вопросе о «чистой» науке.

С точки зрения марксизма-ленинизма характеризованная выше «чистота» науки — полнейший абсурд, опровергаемый всем ходом истории вообще и в особенности историей науки и научных открытий. Нет ни одного крупного или мелкого научного открытия, идет ли речь о дифференциальном исчислении или о законах тяготения, идет ли речь об открытиях Гарвея или Дарвина, об открытиях в области физического строения материи или законах капиталистического способа производства, которое не явилось бы результатом определенного состояния развития производительных сил и социальных отношений данного времени, не являлось бы потребностью соответствующей эпохи. Нет никаких представителей науки, независимо от того, занимаются ли они самыми абстрактными вопросами философии или самыми практическими (прикладными) проблемами конкретного знания, нет никаких учений, которые не являлись бы продуктами определенной исторической среды и определенных социальных, классовых отношений. «Чистота», беспристрастие, бестенденциозность и об'ективизм науки — это миф буржуазной лженауки, с целью замазать эксплоататорский характер подобных учений. Ленин с наибольшей остротой и резкостью разбил эти теории «чистой» науки. Он с наибольшей резкостью раскритиковал всякие буржуазные теории классификации наук на науки каузальные и науки этические, нормативные и позитивные, на науки о природе и науки о духе, на науки естественные и науки общественные, на науки чистые и науки прикладные. Энгельс в «Диалектике природы» устанавливает единственно верный критерий классификации наук, т.-е. различные формы движения материи. Единственный рациональный смысл, с точки зрения ленинизма, деления наук на чистые и прикладные может быть только в известном различении более абстрактных наук, т.-е. наук, занятых более общими закономерностями, более опосредованными задачами по отношению к практике и науками менее абстрактными, более связанными с непосредственными практическими, конкретными задачами. Все науки в классовом обществе с точки зрения ленинизма являются классовыми не только в том смысле, что ученые, творцы данных научных дисциплин, являются представителями тех или других определенных классов, не только в том смысле, что классовое положение ученых влияет на постановку задач научного исследования, но также в том, более глубоком смысле, что само в н у т р е н н е е с о д е р ж а н и е наук является к л а с с о в ы м. Надо видеть, конечно, разницу в смысле непосредственного классового характера и партийности между науками естественными и науками общественными. Надо понимать, что в науках общественных полнее и ярче—поскольку они заняты специальным изучением общественных отношений — сказывается и проявляется их партийный характер, чем в науках естественных. Надо, однако, вместе с тем понимать, что по мере обострения борьбы классов в современном обществе эта грань все больше и больше стирается. В эпоху

империализма, всеобщего кризиса капитализма и крайнего обострения социальных конфликтов крайне резко начинает сказываться партийность науки в области естественных наук.

Послевоенный период, период современный, показывает; что даже такие науки, как астрономия и математика, не говоря уже о химии и физике, ставятся прямо на службу капитализму и религии, что в настоящее время проводятся специальные научные исследования с целью доказательства бытия бога. Необходимо указать также и на вредительство в науке, доказанное на процессе вредителей-интервентов.

С точки зрения принципа партийности науки имеет исключительное значение ленинская борьба против об'ективизма, красной нитью проходящая по всем его работам, а в особенности борьба со Струве, поскольку об'ективизм Струве является типичным выражением буржуазных и социал-ревизионистских теорий. На примере струвианской критики народничества Ленин дает развернутую картину его об'ективизма и различие между об'ективизмом и партийностью материализма. Ленин примыкает к известному положению Маркса в «18 брюмера Луи Бонапарта».

«Прудон со своей стороны, — писал Маркс, — стремится представить государственный переворот 2 декабря результатом предшествующего исторического развития. Но историческая конструкция государственного переворота превращается у него под рукой в историческую аналогию героя этого переворота. Он впадает т. о. в ошибку так называемых об'ективных историков. Я, напротив, показываю, каким образом к л а с с о в а я борьба во Франции создала условия и обстоятельства, давшие дюжинной и смешной личности сыграть роль героя».

Ленин конкретизирует и развивает марксовскую характеристику об'ективизма и на основе критики его формулирует точку зрения партийности философии и науки. Основные черты о б ' е к т и в и з м а, по Ленину, состоят в следующем:

1) об'ективист отличается крайней абстрактностью, которая по существу вырождается в идеализм при постановке исторических социальных проблем, отсутствием классовой точки зрения при рассмотрении общественных явлений, отсутствием классового анализа содержания рассматриваемых теорий, отсутствием сведения их к классам и классовым интересам;

б) об'ективизм отличается отсутствием конкретного анализа данной исторической обстановки, данной конкретной действительности определенной страны, данных конкретных форм, стадий классовой борьбы и отношений антагонистических классов;

в) об'ективист ограничивается доказательством неизбежности, необходимости данного процесса, не вскрывая его внутренних противоречий, не подходя к ним с точки зрения определенных классовых интересов, с точки зрения партии;

г) об'ективист ограничивается абстрактными логическими схемами и теориями, из которых он пытается выводить, дедуцировать действительность;

д) об'ективист не понимает необходимости единства логического и исторического, теоретического и классового анализа определенных общественных явлений и теорий;

е) об'ективист не понимает действенного характера нашей теории, относится к действительности пассивно, созерцательно.

В противовес об'ективизму Ленин выдвигает партийность материалистической точки зрения. Вот знаменитое место, где Ленин с наибольшей ясностью развивает свою точку зрения:

«Об'ективист говорит о необходимости данного исторического процесса; материалист констатирует с точностью данную общественно-экономическую формацию и порождаемые ею антагонистические отношения. Об'ективист

доказывая необходимость данного ряда фактов, всегда рискует сбиться на точку зрения апологета этих фактов; материалист вскрывает классовые противоречия и тем самым определяет свою точку зрения. Об'ективист говорит о «непреодолимых исторических тенденциях», материалист говорит о том классе, который заведует и данным экономическим порядком, создавая такие-то формы противодействия других классов. Таким образом, материалист, с одной стороны, последовательнее об'ективиста и глубже, полнее проводит свой об'ективизм. Он не ограничивается указанием на необходимость процесса, а выясняет, какая именно общественно-экономическая формация дает содержание этому процессу, какой именно класс определяет эту необходимость. В данном случае, например, материалист не удовлетворился бы констатированием «непреодолимых исторических тенденций», а указал бы на существование известных классов, определяющих содержание данных порядков и исключающих возможность выхода вне выступления самих производителей. С другой стороны, материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события становиться на точку зрения определенной общественной группы» (т. I, стр. 288).

К этой характеристике об'ективизма, с одной стороны, и материализма, с другой, трудно что-нибудь добавить. Основные линии обоих воззрений очерчены с достаточной полнотой. Ленин показывает, что, собственно говоря, партийность точки зрения материализма только по-настоящему и позволяет проводить действительный об'ективизм, ибо она и только она дает возможность вскрывать действительные исторические тенденции развития. Ведь действительное историческое развитие, являясь внутренней борьбой классов, об'ективно развивается в определенном, соответственно этой борьбе классов, соответственно исторически-прогрессивным классам направлении. Только партийная точка зрения материализма может анализировать действительные формы классовых антагонизмов и классовой борьбы, создавая тем самым наилучший теоретический аналог действительности и являясь тем самым высшим видом научности. Именно потому Маркс и Энгельс смогли создать такое всесильное учение, подлинную науку, верно отражающую действительность, что они были «партийными от начала до конца» (Ленин).

На примере всей борьбы большевизма с меньшевизмом можно проследить правильность этих положений. Характерной чертой всех меньшевистских теоретиков с начала образования партии является в той или иной степени об'ективизм их писаний, шла ли речь о вопросах стратегии и тактики, шла ли речь об аграрных проблемах или других вопросах революции. Характернейшей чертой большевизма, ленинских работ по всем вопросам рабочего движения и пролетарской революции является их строгая партийность.

Действительный ход исторических событий, который является лучшей проверкой и критерием правильности общественных теорий, показал всю научность большевизма. Эта научность достигнута именно в результате внутренней органической связи трактовки теоретических проблем с подлинной революционностью. Эту внутреннюю органическую связь Ленин подчеркивает уже с самых первых своих работ, давая образец замечательно глубокого понимания существа марксизма и партийности теории. Так в «Что такое друзья народа» Ленин писал: «А Маркс всю цену своей теории полагал в том, что она по самому существу своему — теория критическая и революционная. И это последнее качество присуще действительно марксизму всецело и безусловно потому, что это теория прямо ставит своей задачей вскрыть все формы антагонизма и эксплоатации в современном обществе, проследить их эволюцию, доказать их преходящий характер, неизбежность превращения их в другую форму и *послужить таким образом пролета-*

риату для того, чтоб он как можно скорее и как можно легче покончил со всякой эксплоатацией.

Непреодолимая привлекательная сила, которая влечет к этой теории социалистов всех стран, в том и состоит, что она соединяет строгую и высшую научность, являясь последним словом общественной науки, с революционностью и соединяет не случайно, не только потому, что основатель доктрины лично соединял в себе качество ученого и революционера, а соединяет в самой теории внутренне и неразрывно» (т. I, стр. 225).

Эта точка зрения, развернутая еще в 1894 году, на заре рабочего движения, у нас, как небо от земли, далека от плоских, вульгарных, заимствованных у буржуазных ученых ламентаций Бернштейна, Каутского, Адлера по вопросу о социализме и науке. Эта точка зрения высоко поднимается и над ограниченной точкой зрения Плеханова, который не понимал внутренней органической связи между революционностью и научностью в социализме и реакционностью и наукой у представителей буржуазной идеологии. Плеханов сводил партийность науки, как мы видели, только к тому, что ученые являются реакционерами или революционерами, представителями капиталистического класса, либо представителями пролетариата. Ленин гораздо глубже ставит этот вопрос, выясняя, в чем состоит подлинный об'ективизм и подлинная научность.

Но если такова органическая связь между научностью и революционностью марксистского учения, то не является ли оно в высшей степени тенденциозным, не беспристрастным, полемическим.

Ленин категорическим образом протестует против буржуазного обвинения марксистского учения в узости и тенденциозности. Он дает жестокую отповедь Струве по этому вопросу.

Так, например, на заявление Струве о том, что марксистская теория о том, что потребление не является целью капиталистического производства, носит на себе явную печать полемического характера и тенденциозности всей системы Маркса,—Ленин следующим образом отвечает ему: «Теория реализации Маркса именно потому, между прочим, представляет громадную научную ценность, что она показывает, как осуществляется это противоречие, что она выставляет это противоречие на первый план. «Полемический характер» носит «система Маркса» не потому, что она тенденциозна, а потому, что она дает точное изображение в теории всех противоречий, которые имеют место в жизни. Поэтому, между прочим, остаются и будут оставаться неудачными все попытки усвоить «систему Маркса», не усваивая ее «полемического характера». «Полемический характер» системы есть лишь точное отражение «полемического характера» самого капитализма.

Не означает ли, однако, проведенная Лениным на протяжении всех своих работ борьба с об'ективизмом Струве, меньшевиков, Каутского, Плеханова и т. д. — основные черты которого наиболее яркое выражение получили у Струве — впадение в суб'ективизм, отход от марксизма именно по этой линии. Как раз со стороны меньшевиков, со стороны Плеханова, со стороны теоретиков современной социал-демократии мы имеем неоднократные обвинения Ленина и вообще большевизма в переходе на суб'ективистские позиции. Известно, что в эпоху реакции, когда некоторые из б. большевиков защищали в области философии махистские позиции, со стороны меньшевизма была попытка приписать большевикам философию махизма. Наиболее четко выразил это Деборин, бывший тогда меньшевиком, в своей статье в «Голосе социал-демократа» в 1913 году, обвинявший Ленина и большевиков в том, что они защищают философию юмизма. Даже Плеханов счел нужным пройтись

в этом отношении по адресу большевиков во время своей борьбы с махизмом [1]).

Между тем вся теоретическая и практическая деятельность Ленина в интересующих теперь нас вопросах представляет собой одновременно самую решительную борьбу и против суб'ективизма в различных его видах и проявлениях. Борясь за партийность философии и теории, как против об'ективизма, так и против суб'ективизма, Ленин в этом отношении дает образец борьбы на два фронта. Надо сказать, что работа против Струве «Об экономическом содержании народничества» как раз и есть работа, написанная с точки зрения борьбы с об'ективизмом и суб'ективизмом. Ленину пришлось вести борьбу с различного рода суб'ективизмом, с суб'ективно-идеалистическим социологическим направлением народников, с суб'ективным идеализмом и релятивизмом Богданова и др., с суб'ективизмом Троцкого и т. д. Мы здесь остановимся кратко на борьбе с суб'ективизмом народников для того, чтобы на этой борьбе вскрыть некоторые общие черты суб'ективизма. Предварительно, однако, надо установить следующее: очень часто смешивают об'ективизм с материализмом вообще, в частности даже с диалектическим материализмом. Об'ективизм, как выше показано, не есть еще материализм. Абстрактный об'ективизм вроде Струве в его критике народничества, абстрактный об'ективизм Деборина, Карева и др. в трактовке и разрешении основных философских проблем означает по существу идеалистическую точку зрения. Об'ективизм, который хочет быть материализмом, должен еще дойти до него, освободившись от абстрактности, сверх- и надклассовости, принять партийную точку зрения. Эти положения Ленина имеют крайне актуальный интерес как раз в настоящее время во время борьбы с деборинщиной, ибо многие принимают просто об'ективизм за материалистическую точку зрения. Как раз один из основных грехов деборинщины состоял в том, что они подымались до об'ективизма, об'ективной точки зрения, но это сочеталось с такой абстрактностью, с таким отрывом от классовой точки зрения, с таким непониманием и отрицанием партийности философии, что получалась подлинная концепция меньшевиствующего идеализма.

Мы видели выше, как старается Адлер отделить марксизм от политики и подвести его под чистую науку. Об'ективизм самого пошлого типа красной нитью пролегает по всем страницам книги Макса Адлера. Страницы Ленина, посвященные критике об'ективизма, написанные больше 30 лет тому назад, приобретают в настоящее время в этом свете самый актуальный интерес. Однако об'ективизм Адлеров, Каутских сочетается в современной социал-фашистской литературе с очень тонко разработанным релятивизмом. Де-Ман, новейший критик Маркса, являющийся ныне крайне популярным «теоретиком» социологических вопросов и социологии мышления по интересующему нас здесь вопросу, проводит точку зрения, что прошлая история относительна, что она конструируется в зависимости от точки зрения современности, что история и современность соконститутивны. «Рассмотрение прошлого становится возможным, — находит Де-Ман, — только с точки зрения заинтересованности действующего в настоящее время суб'екта в формации будущего, направление же исторического отпора, форма об'ективизации и предложения становятся понятны только с точки зрения заинтересованности действующего в настоящее время суб'екта в формации будущего,

[1]) Ленин в «М и Э» т. 13, стр. 290 пишет следующее: «Плеханов в своих замечаниях против махизма заботился не столько об опровержении Маха, сколько о нанесении фракционного ущерба большевизму. За это мелкое и мизерное использование коренных теоретических разногласий он уже поделом наказан — двумя книжками меньшевиков-махистов».

направление же исторического отбора, форма об'ективизации истории становятся понятны только с точки зрения современной активности».

Так сочетаются у социал-фашистских теоретиков всякие «модные» теории, начиная от чистого об'ективизма и кончая суб'ективным релятивизмом — в одинаковой степени далекие от подлинной философской и общественной науки. Поэтому для нас имеет особое значение критика суб'ективизма Лениным, поскольку основные характерные черты суб'ективизма варьируются вплоть до настоящего времени.

Критикуя суб'ективизм народников, Ленин вскрывает основные характерные черты их точки зрения на историю вообще, в частности на характер исторического развития. Устанавливая, что «все отличие народничества от марксизма состоит в характере критики русского капитализма», Ленин подчеркивает два основных «первородных греха» точки зрения народничества. Первый основной грех состоит в том, что в качестве критерия исторического развития и понимания его народник считает «точку зрения современной науки и современных нравственных идей». Для критики капитализма народник считает возможным и достаточным осудить его с точки зрения своих идеалов. Он считает возможным ограничиться критикой констатируемых им противоречий и бедствий, основываясь на моральных суждениях «личности». Они рассуждали именно так, — пишет Ленин, — что вследствие громадной сложности социальных явлений и разнообразия их нельзя изучать эти явления, не отделив важные от неважных, и для такого выделения необходима точка зрения «критически мыслящей» и «нравственно развитой личности» — и они приходили, таким образом, благополучно к превращению общественной науки в ряд назиданий мещанской морали, образцы которой мы видели у г. Михайловского, философствовавшего о нецелесообразности истории и о пути, руководимом «светом науки».

Ленин дает жестокую критику такого подхода к историческим явлениям. Он оставляет совершенно в стороне вопрос о долженствовании, о моральных нормах, ставящих мещанскую утопию на место критического материалистического исследования на место исследования действительных общественных отношений и их действительного развития.

Итак, диалектический материализм, с точки зрения Ленина, в противовес суб'ективизму народников и вообще всякого рода суб'ективизму, твердо придерживается об'ективизма научного исследования, исходит из об'ективной исторической действительности, изучая классы и классовую борьбу этой действительности. В противовес об'ективисту, теория марксизма наиболее глубоко проводит свой об'ективизм, ибо становится на точку зрения определенного класса, выражающего прогрессивные исторические тенденции, она наиболее глубоко проводит свой об'ективизм также и потому, что наиболее ясно вскрывает всю глубину действительных противоречий и пути их преодоления, не впадая в надуманные мещанские, мелкобуржуазные реакционные утопии.

Второй «первородный грех» народнической, суб'ективно-идеалистической социологии состоит в том, что она совершенно извращенно рассматривала вопрос о соотношении личности и класса. Вот как Ленин характеризует точку зрения диалектического материализма и суб'ективного социолога в этом отношении. Он писал: «социолог-материалист, делающий предметом своего изучения определенные общественные отношения людей, тем самым уже изучает и реальных личностей, из действия которых и слагаются эти отношения. Социолог-суб'ективист, начиная свое рассуждение якобы с «живых личностей», на самом деле начинает с того, что вкладывает в эти личности такие «помыслы и чувства», которые он считает рациональными, потому что, не

лируя своих «личностей» от конкретной общественной обстановки, он тем самым отнял у себя возможность изучить действительные их помыслы и чувства, т.-е. «начинает с утопии», как это и пришлось признать г-ну Михайловскому».

Ленин подчеркивает, что только теория классовой борьбы Маркса поднимает социологию на степень науки, только она составляет громадное приобретение общественной науки так, что устанавливает с полнейшей точностью и определенностью отношения личности и общественной группы, личности и класса, приемы сведения индивидуального к социальному.

Проводя такую борьбу с суб'ективизмом народничества при одновременной борьбе с об'ективизмом Струве, Ленин показывает, насколько точка зрения партийности философии и науки является высшей точкой зрения. Для характеристики ленинского подхода к анализу тех или других теоретических воззрений укажем на важнейшее место в 1 томе его работ. Он пишет: «Все заявления г. Михайловского так чудовищно неверны, что одними теоретическими ошибками их не об'яснишь. Они об'ясняются вполне той мещанской точкой зрения, на которой стоит этот писатель».

Другим видом суб'ективизма и релятивизма, с которым вел борьбу Ленин, является суб'ективизм богдановщины и вообще махизма. Их отрицанию об'ективной и абсолютной истины Ленин противопоставил развернутую точку зрения по вопросу об об'ективной, абсолютной и относительной истине, которая является ценнейшим вкладом в материалистическую теорию познания. Ленин подчеркивает, что все учение Маркса насквозь пронизано признанием об'ективной истины. Ленин во всей своей работе «Материализм и эмпириокритицизм» показывает, какие идеалистические, мистические выводы проистекают вследствие путаницы в вопросе об абсолютной и относительной истине, вследствие отрицания об'ективной истины.

Развитие Лениным принципа партийности науки состоит в том, что на конкретных приемах, выдвинутых новой исторической эпохой, он показал всю ограниченность об'ективизма, впадающего в апологетику господствующих классов, и всю ограниченность суб'ективизма, превращающего общественную науку в ряд назиданий мещанской морали. Он показал всю ограниченность об'ективизма, приветствующего стихийный ход исторического процесса и не понимающего активной, действенной роли революционного класса в изменении действительности, а также всю ограниченность суб'ективизма, сводящего исторический процесс к действиям отвлеченной, надуманной личности, наделенной к тому же реакционной моралью и «современными нравственными идеями».

Ленин показал, что партийность диалектического материализма отнюдь не состоит в синтезе (в смысле примирения) суб'ективизма и об'ективизма, как это представлял дело Деборин в своей книге «Ленин как мыслитель». Ленин показал, что точка зрения диалектического материализма есть в ы с ш а я точка зрения, преодолевающая и снимающая как об'ективизм, так и суб'ективизм; об'ективизм он преодолевает потому, что исходит из активной действенной позиции революционного класса — пролетариата, изменяющего мир; суб'ективизм он преодолевает потому, что твердо держится об'ективной действительности и об'ективных фактов.

Партийность философии представляет собой то важнейшее звено, тот центральный момент, который характерен именно для ленинского подхода к проблемам философской теории. Это связано с тем, что никто иной, как Ленин, дал наиболее глубокое, проверенное на фактах новой эпохи, после Маркса и Энгельса, теоретическое и практическое разрешение вопроса о соотношении теории и практики. Именно Ленин неустанно в своих работах подчеркивал, в противоположность теории и практике II интернационала,

в противовес Плеханову — положение основоположников материализма, что «наша теория не догма, а руководство для революционного действия». Ленинское учение о партийности философии и теории вообще связано глубокими внутренними корнями со всей концепцией ленинизма в целом. Оно связано с тем, что именно ленинизм дал и дает образцы единства революционной теории и революционной практики. Учение о партийности как бы в фокусе собирает, отражает ряд важнейших сторон марксизма-ленинизма. Это учение выражает наиболее полно, наиболее последовательно, наиболее конкретно для нашей эпохи тезис Маркса о том, что философы должны не только об'яснять мир, а изменять его. Ленинское учение о партийности философии, разрешение вопроса о суб'ективизме и об'ективизме, о теории и практике представляет собой прекрасное развитие и конкретизацию первого тезиса Маркса о Фейербахе.

Итак, в чем же состоит суть ленинского принципа партийности философии и науки? Эту суть можно свести к следующим пяти пунктам:

Во-первых, ленинское учение о партийности науки и философии представляет собой дальнейшее теоретическое развитие и конкретизацию марксистского тезиса о классовом характере науки в классовом обществе. Эта конкретизация проводится Лениным в эпоху империализма и пролетарской революции, когда классовая борьба получает свое наивысшее заострение, наиболее зрелые формы, когда борьба классов получает свое наиболее законченное выражение в борьбе партий, когда идеологическое отражение интересов какого-нибудь класса означает идеологическое обслуживание его партии.

Ленинское учение о партийности науки и философии представляет собой наилучшее выражение задач пролетариата в области науки и философии, когда вся буржуазная наука переживает жесточайший внутренний кризис и разложение, когда «беспартийность к философии есть только презренно-прикрытое лакейство перед идеализмом и фидеизмом». Ленинское учение о партийности философии представляет собой наилучшее разоблачение в эпоху острой классовой борьбы в науке, классового и партийного характера буржуазной философии и теории, а также всяких подобных социал-фашистских теорий.

Во-вторых, ленинский принцип партийности теории означает наиболее полную и развернутую трактовку марксистских тезисов о действенности нашей теории. Наиболее передовой, наиболее активной, наиболее действенной частью класса является, согласно учению ленинизма, его партия. Поэтому, кто действительно и последовательно хочет проводить точку зрения классовости науки, тот должен продлить это понимание до понимания партийности науки.

В-третьих, в ленинском учении о партийности философии дается наиболее полное и развернутое разрешение вопроса о теории и практике, о примате практики. Ленинское разрешение этого вопроса дает образец борьбы, как с идеалистической трактовкой этой проблемы, когда приматом считается теоретическая деятельность как с полуидеалистической точкой зрения «равноправия» теории и практики, так и с ползуче-эмпирической точкой зрения, признающей такого рода примат практики, которая ликвидирует роль и значение теории вообще, так и теоретической работы в особенности. Никто иной, как Ленин во всех своих работах подчеркивал громадное значение революционной теории, однако, признавая, что без революционной теории не может быть революционного рабочего движения, Ленин вместе с тем писал: «этим подчеркиванием необходимости, важности и громадности теоретической работы социал-демократов я вовсе не хочу сказать, чтобы эта работа ставилась на первое место перед практической, тем менее, чтобы вторая откладывалась до окончания первой. Так могли бы заключить

только поклонники «суб'ективного метода в социологии» или последователи утопического социализма». Учение о партийности материализма и выражает как раз всю глубину ленинского разрешения вопроса о теории и практике.

В-четвертых, принцип партийности философии и науки дает классическое разрешение важнейшего вопроса о соотношении философии, науки и политики. Выше мы видели, какие нелепости нагромождены буржуазной наукой по этому вопросу и как социал-демократические теоретики изо всех сил стараются разорвать всякие связи между политикой и наукой. Меж тем в этом вопросе Лениным дано чрезвычайно много нового и своеобразного. Стоит вспомнить дискуссию о профсоюзах и обвинение Ленина, выдвинутое тогда т. Бухариным, и его якобы слишком «политический» подход. Речь тогда шла о соотношении экономики и политики. Как отвечал Ленин? Он писал:

«Политика есть концентрированное выражение экономики — повторял я в своей речи, ибо раньше уже слышал этот ни с чем несообразный в устах марксиста совсем недопустимый упрек за мой «политический» подход. Политика не может не иметь первенства над экономикой. Рассуждать иначе — значит забывать азбуку марксизма» (разрядка наша).

На первый взгляд может показаться, что это точка зрения, совершенно противоречащая известному марксистскому тезису о соотношении экономики и политики. Однако, здесь с наибольшей глубиной сказывается ленинское понимание марксизма и его диалектика, его конкретный подход. Он далее раз'ясняет: «ибо вопрос стоит и по-марксистски может стоять лишь так: без правильного политического подхода к делу данный класс не удержит своего господства, а следовательно, не сможет решить и своей производственной задачи».

Ленин здесь раз'ясняет, в каком смысле им выдвигается на первый план политический подход. Хотя экономика в последнем счете и решает, однако, без правильного политического подхода, без правильной политической линии не может быть обеспечена пролетариату его победа, а после его победы решение им экономических проблем. Может показаться, что Лениным дана здесь постановка вопроса, касающаяся только экономики и политики. Это не так. Эти высказывания Ленина имеют гораздо более широкое значение, в частности они крайне важны и для понимания нашего подхода к проблемам теории. И здесь, в вопросах теории и теоретической борьбы, политический подход не может не иметь первенства. Во время борьбы с меньшевиствующим идеализмом некоторые его представители рьяно защищали первенство, примат философии над политикой, на том основании, что философия есть всеобщая методология, совершенно не понимая точки зрения нашей партии в этом вопросе.

Без правильного политического подхода к вопросам теории, к вопросам философии в эпоху своего господства пролетариат не сможет обеспечить своей господствующей, руководящей роли в области теории, науки. Учение Ленина о партийности философии и науки и означает именно вот такое глубокое понимание соотношения теории и политики, кладущее водораздел между большевизмом и всякими проявлениями оппортунизма в этом вопросе.

В-пятых, учение о партийности философии отмечает в качестве своего важнейшего момента активную борьбу за генеральную линию партии.

Еще в своей борьбе со Струве, как мы видим, Ленин писал о том, что «материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы». В условиях диктатуры пролетариата, когда единой и-

единственной партией пролетариата является его коммунистическая партия, когда враждебные классовые идеологические процессы получают свое отражение внутри партии в виде различных уклонов от генеральной линии партии — прямо и открыто становиться на определенную точку зрения может означать только одно — активную защиту и борьбу за генеральную линию партии. Можно в связи со всем этим, конкретизируя ленинское положение для настоящей эпохи, сказать так: диалектический материализм в борьбе со всякого рода открытым или замаскированным оппортунизмом включает в себя, так сказать, партийность, т.-е. обязывает прямо и открыто, активно и последовательно вести борьбу за генеральную линию партии.

Представители меньшевиствующего идеализма, пытаясь давать определения партийности философии, давали крайне абстрактное, крайне академическое, беспартийное определение партийности философии, сводившееся якобы к тому, что философский участок теоретического фронта должен отыскивать методологические ключи каждой эпохи. Антипартийность такого определения состоит в том, что деборинская группа в замкнутости своей «школки» «забыла», что единственным руководящим теоретическим и практическим центром в эпоху диктатуры пролетариата является партия и ее Центральный комитет. Важнейшая сторона большевизма и большевистской партии состоит в том, что руководящий штаб партии является не только политически организационным центром революционного движения, но и его идейно-теоретическим центром. Своеобразие большевизма в противовес партиям II интернационала состоит как раз в том, что он выковывает такое руководство коммунистической партии, которое является подлинным теоретическим синтезом теории и практики, теории и политики, теории и организации, теории и тактики. Именно потому, что руководящий штаб ленинизма дает такой синтез, он является центром действительно творческого марксизма.

Макс Адлер за работой.

Б. Быховский.

Соратник кровавых Зеверингов и Гарви, экстраординарный профессор Венского университета и ординарный лидер социал-фашистов господин Макс Адлер обогатил историю человеческой мысли «Учебником материалистического понимания истории» [1]). Вслед за Куновым и Каутским господин Адлер спешит — пока не поздно — подвести итоги своей почти тридцатилетней «работы» по внедрению буржуазных философских принципов в сознание рабочего класса, дать систематическое, развернутое изложение идей, которыми он по мере сил стремился отравлять идеологию пролетариата.

Адлер, подобно Каутскому, распродает марксизм и в розницу и оптом. Адлер не нуждается в революционной теории, он борется с революционной практикой. Он старается ошеломить читателя наглостью, не моргнув глазом, дает на важнейшие вопросы философии такие ответы, что удивляешься, как не сгорает со стыда бумага, на которой они напечатаны.

Адлер не оставляет сомнений в том, на чьей он стороне в борьбе партий в философии. Лицом, полным ненависти и злопыхательства, обращен «Учебник» к приверженцам диалектического материализма Маркса и Энгельса, прежде всего и главным образом к Ленину и его последователям—большевикам. Это они своей страстной приверженностью к материализму сделали марксизм жупелом для буржуазной философии, вызвали к нему ненависть всей «дипломированной поповщины», закрыли ему доступ в среду ученых адвокатов господствующего класса. Другим лицом, лицом, полным подобострастия, с «чего изволите» на устах, «Учебник» обращен к буржуазным философам и социологам. Он то и дело «полемизирует» с ними. Но это — полемика особого рода. Господин Адлер из кожи лезет, чтобы убедить своих коллег в благонадежности своего «марксизма», в беспочвенности и незаслуженности их нападок на «марксизм», в том, что их ввели в заблуждение эти большевики, что «марксизм» неповинен ни в каких прегрешениях против буржуазной идеалистической философии, что он, «марксист» Адлер, утверждает как раз то же самое, что утверждают они.

Чтобы «доказывать» это, чтобы сделать «марксизм» «принятым в свете», нужно необычайно «бесцеремонное» обращение с марксизмом, нужен исключительный цинизм. Его у Адлера оказывается более, чем достаточно. С развязностью профессионального шулера, «работающего» среди провинциальных дурачков, Адлер швыряет грубо краплеными цитатами, припрятывает карты, передергивает: он «доказывает», что Маркс и Энгельс придерживались всех тех принципов, борьба против которых заполняет всю их деятельность, что в действительности материалистическим называется

[1]) M. Adler, Lehrbuch der materialistischen Geschichtsauffassung (Berlin, Laub, 1930 г.), Bd. I. Цифры в тексте в дальнейшем обозначают страницы этого издания

такое понимание истории, которое враждебно материализму, не является пониманием и не имеет отношения к истории (стр. 65).

1. Партии в философии и философские шулеры.

Диалектический материализм или «критический» идеализм — такова центральная проблема «Учебника». Для марксиста эта проблема является одним из выражений «великого основного вопроса всякой, а особенно новейшей философии» — «вопроса об отношении мышления к бытию» [1]. Этот, а не какой-либо иной вопрос, — утверждает марксизм, — определяет наиболее глубокий, существенный, радикальный водораздел между философскими учениями. «Философы разделились на два больших лагеря сообразно тому, как они отвечали на этот вопрос. Те, которые утверждали, что дух существовал прежде природы и которые, следовательно, так или иначе, признавали сотворение мира,... составили идеалистический лагерь. Те же, которые основным началом считали природу, принадлежат к различным школам материализма... Но вопрос об отношении мышления к бытию имеет еще и другую сторону: как относятся к окружающему нас миру наши мысли о нем? В состоянии ли наше мышление познать действительный мир...» [2]. «За кучей новых терминологических ухищрений, за сором гелертерской схоластики всегда без исключения мы находили д в е основные линии, два основных направления в решении философских вопросов. Взять ли за первичное природу, материю, физическое, внешний мир—и считать вторичным сознание, дух, ощущение... психическое и т. п.—вот тот коренной вопрос, который н а д е л е продолжает разделять философов н а д в а б о л ь ш и х л а г е р я. Источник тысяч и тысяч ошибок и путаницы в этой области состоит именно в том, что за внешностью терминов, дефиниций, схоластических выверток, словесных ухищрений п р о с м а т р и в а ю т эти две основные тенденции» [3].

Марксизм всегда непримиримо разоблачал жалкие и лицемерные претензии «обойти» вопрос об отношении бытия и сознания, стать «вне» его, «над» ним, уклониться от непреложной дилеммы: «либо последовательный до конца материализм, либо ложь и путаница философского идеализма» [4]. Марксизм всегда утверждал, что «попытки выскочить из этих двух коренных направлений в философии не содержат в себе ничего, кроме «примиренческого шарлатанства» [5], что вопрос этот, «который ставился и обсуждался с самого начала философии... может быть переряжен на тысячи ладов клоунами-профессорами, но... не может устареть...» [6]).

К числу клоунов-профессоров, переряживающих основной вопрос философии на тысяча первый лад и об'являющих устарелым основоположное марксистское деление философов, принадлежит и господин Адлер.

«Принятие только двух основных направлений в философии уже является,—по мнению Адлера,—метафизической установкой мышления... т. к. при этом исходят из того, что мир существует в себе, но одни считают его материей, другие—духом...» (117). «Однако это—коренное заблуждение, основанное на догматическом, т. е. не критически-познавательном строе мышления Энгельса и Ленина» (116). Дело в том, что «Маркс и Энгельс не занимались критикой познания и в этом отношении были совершенно от-

[1]) Энгельс, Людвиг Фейербах, стр. 40, рус. пер.
[2]) Там же, стр. 41—42.
[3]) Ленин, Материализм и эмпириокритицизм, стр. 274.
[4]) Там же, стр. 276.
[5]) Там же, стр. 278.
[6]) Там же, стр. 108.

ваны от потока послекантовской философии» (115). «В действительности, в нынешней философии имеются вовсе не два только основные направления,— материализм и спиритуализм,—но еще и третье направление, а именно— критически-познавательное. И в противоположность ему материализм и идеализм совпадают в о д н о е д и н с т в е н н о е направление... в метафизическое направление» (117). Борьба материализма против идеализма является, таким образом, внутренней борьбой среди приверженцев о д н о г о из основных направлений в философии, борьбой среди сторонников отжившего свой век, устарелого докритического мышления. Этому единому реакционному фронту идеалистов и материалистов противостоит антиметафизическое—не-материалистическое и не-идеалистическое—направление, созревшее в потоке послекантовской философии. В свете противоположности критицизма метафизике вопрос о первичности материи или духа перестает быть основным вопросом философии, более того, он перестает вообще быть вопросом, так как теряет всякий смысл вне догматизма метафизиков. Вопрос, который Энгельс считал великим и коренным, является в действительности мнимым (151), предполагающим существование мира в себе. Поскольку о подобном существовании и речи быть не может, — теряет всякий смысл также и вопрос о том, каково отношение этого мира к сознанию. Поэтому, чем скорее «марксизм» освободится от подобных мнимых проблем, тем лучше для него. Адлера глубоко возмущают люди, возобновляющие спор против идеализма в защиту материализма: «Дискуссия о материализме в марксизме получила необычайное оживление, благодаря большевистской литературе... Однако все это новое издание материализма носит затхлый характер философского и теоретического заклинания мертвецов: это—духи д о к р и т и ч е с к о г о философского мышления, расхаживающие среди бела дня и кажущиеся сами себе живыми потому, что они воюют против других таких же духов—материализм против спиритуализма, верующий реализм против столь же верующего идеализма» (113).

Изображая философские идеи марксизма мертвыми, господин Адлер, повидимому, надеется привлечь читателей на свою сторону по принципу: «Живая собака лучше мертвого льва». Мы благодарны господину Адлеру за откровенность, нам ценно это признание, характеризующее смертельный страх некоторых «марксистов», когда вызываются «духи» философии Маркса и Энгельса, когда ведется борьба под знаменами, поднятыми великими основоположниками научного коммунизма. Сам господин Адлер может спать спокойно: его духа не будут вызывать будущие поколения, его предательская работа будет заклеймена нынешним поколением.

Напрасно все же заговорил Адлер о покойниках. Неосторожно наводить своих читателей на размышления на подобную тему. Мы напомним в этой связи господину Адлеру некоторые, повидимому «забытые» им, элементарные историко-философские факты. Адлер считает Маркса и Энгельса совершенно оторванными от потока послекантовской философии. Свою же заслугу он видит в установлении неразрывной связи «исторического материализма» с критически-познавательным (т.-е. кантианским) мышлением (10). Но о какой послекантовской философии говорит Адлер? Как известно, послекантовская философия—это философия великих немецких классических идеалистов—Фихте, Шеллинга и Гегеля. От них ли были совершенно оторваны основоположники марксизма? Но, как известно, они выплыли из этого потока, хорошо изведав тайны его темных пучин. Как известно, учение Маркса и Энгельса создавалось на основе глубочайшего проникновения в сущность послекантовской философии и преодоления ее и немыслимо без нее. «Мы... гордимся тем,—писал Энгельс,—что ведем свое происхождение не

только от Сен-Симона, Фурье и Оуэна, но также и от Канта, Фихте и Гегеля» [1]).

Но каково же было отношение послекантовской идеалистической философии, нашедшей свое завершение в Гегеле, той философии, преодолевая которую родился марксизм, к «критически-познавательному мышлению»? Критический или трансцендентальный идеализм с его «антидогматизмом», с его проблемой возможности познания, как первой и основной проблемой философии, был преодолен и превзойден уже в идеализме первой половины XIX века. Учения Фихте и Шеллинга представляли собой грандиозные поиски системы философии на основе преодоления обнаружившего свою противоречивость и несостоятельность кантианства. Учение Гегеля, будучи последним звеном прогрессивного идеалистического ряда, начавшегося с Канта, вместе с тем окончательно разделалось с критицизмом, превратило трансцендентальный идеализм в историко-философский труп. Марксу и Энгельсу—именно потому, что они до низовьев проплыли «поток послекантовской философии»—нечего было задерживаться на Канте, нечего было воскрешать мертвых. «Есть и такие философы,—писал Энгельс в той самой главе, где формулировано основное деление направлений в философии,—которые или вообще отрицают возможность познания мира или, по крайней мере, не считают возможным полное его познание. К ним среди философов нового времени принадлежат Юм и Кант... Самые решительные возражения против их взглядов, какие только можно было сделать с точки зрения идеализма, сделал Гегель... И если неокантианцы (вот они, родные сердцу Адлера новаторы! — *Б. Б.*) стараются *воскресить* взгляды Канта, а английские агностики — взгляды Юма... несмотря на то, что и теория и практика *давно уже опровергли* и то и другое, — то в научном смысле это представляет собою *попятное движение*...» [2]). И сторонник этих, давно уже опровергнутых во времена Маркса и Энгельса воззрений, вызывающий из загробного мира догегелевских духов, смеет говорить о развитии диалектического материализма, как о заклинании мертвецов! Но господин Адлер даже не попытался опровергнуть доводы Гегеля против трансцендентализма. Господин Адлер словно воды в рот набрал по этому вопросу. А ведь Гегель именно кантовскую постановку проблемы возможности познания считает мнимой проблемой, бессмысленно, нелепо поставленным вопросом, самая постановка которого исключает возможность удовлетворительного ответа. Уже лучшим представителям послекантовского идеализма была ясна нелепость изначального вопроса о возможности познания, — того самого вопроса, который Адлер противопоставляет как коренной вопрос философии, «мнимому» вопросу Энгельса.

Но обратимся от исторических экскурсов к существу вопроса. Выясним, каково действительное место «критически-познавательного мышления» в борьбе философских направлений, возвышается ли оно над идеализмом и материализмом и отменяет ли оно значение основного вопроса философии.

Прежде всего обратимся к самому родоначальнику «критически-познавательного мышления» — к Канту — и выясним, в самом ли деле ему удалось стать «выше» обоих основных направлений в философии, занять философскую позицию, находящуюся «по ту сторону» идеализма и материализма. Такую репутацию пытаются создать Канту его эпигоны, опираясь на эклектичность, межеумочность его позиции. «Основная черта философии Канта

[1]) Ф. Энгельс, Предисловие к 1-му изд. «Развитие социализма от утопии к науке».

[2]) Ф. Энгельс, цит. соб., стр. 42—3 (разрядка моя.— Б. Б.).

есть примирение материализма с идеализмом, компромисс между тем и другим, сочетание в одной системе разнородных, противоположных философских направлений» [1]). Кант представляет собой философскую амфибию. Утверждать на этом основании, что трансцендентальный идеализм находится вне материализма и идеализма, столь же верно, как определять земноводное, как животное, существующее вне воды и земли.

С одной стороны (эта сторона безусловно доминирует, и в развитии учения все более вытесняет другую сторону), Кант развертывает систему идеалистических принципов, т.-е. придерживается вторичности, зависимости мира, природы, об'екта, материи по отношению к суб'екту, мышлению и т. п. «Трансцендентальный» идеализм считает материю и даже ее внутреннюю возможность только явлением, которое вне нашей чувственности вовсе не существует; поэтому для него она есть только вид представлений. Внешние предметы (тела) суть только явления, следовательно, они также суть не что иное, как вид моих представлений, предметы которых составляют нечто только благодаря этим представлениям, а в отдельности от них они суть ничто» [2]). Материя, таким образом, зависима от представлений, существует благодаря им, сводится к ним. Материя вторична по отношению к психике.

«...Природа должна сообразоваться с нашим суб'ективным основанием апперцепции и даже зависит от него в отношении своей законосообразности...» [3]). «Рассудок... сам есть законодатель для природы, иными словами, без рассудка не было бы никакой природы...» [4]). Суб'ект, рассудок первичен, природа вторична. «Вместе с устранением мыслящего суб'екта должен исчезнуть весь материальный мир...» [5]).

Но Кант все же не растворяет мир в суб'екте, а в противоречии со своим идеализмом говорит о вторичности, производности суб'ективного, представления. «...За явлениями мы должны допустить и принять еще нечто другое, что не есть явление, именно, вещи в себе...» [6]). «... Я признаю, во всяком случае, что вне нас существуют тела, т.-е. вещи... о которых мы знаем по представлениям, возбуждаемым в нас их влиянием на нашу чувственность...» [7]). Тела, внешний мир — первичны, чувственность, представления — вторичны. «...Ибо чем же пробуждалась бы к деятельности способность познания, если не предметами, которые действуют на наши чувства...» [8]). Кант при этом отчетливо различает «вещи вне меня» и «представления вещей вне меня» [9]).

Адлер основывается на том, что Кант центральным вопросом философии сделал вопрос о том, как возможно познание, и ему нет дела до основного вопроса философии Энгельса и Ленина. Но независимо от того, какой вопрос Кант хотел сделать центральным, он не может миновать вопроса об отношении мышления к бытию. Угодно или неугодно Канту заняться этим вопросом,— все его рассуждения базируются на определенном понимании этого отношения. Решение всякой философской проблемы предполагает—осознанную или нет—позицию в решении основного вопроса. Гони его в дверь, он войдет в окно.

---

[1]) Ленин, цит. соч., стр. 162.
[2]) И. Кант, Критика чистого разума, стр. 370, 1-е нем. изд.
[3]) Там же, стр. 114.
[4]) Там же, стр. 126.
[5]) Там же, стр. 383.
[6]) И. Кант, Основоположение к метафизике нравов, стр. 83, рус. пер.
[7]) И. Кант, Пролегомены ко всякой будущей метафизике..., стр. 54, рус. пер.
[8]) И. Кант, Критика чистого разума, стр. 1 (2-е нем. изд.).
[9]) Там же, стр. 275.

Адлер уверяет, что противопоставление «критического» идеализма материализму недопустимо, т. к. в обоих случаях деление философских учений производится в различных плоскостях (118). Материализм представляет-де собой определенное понимание бытия, это—один из возможных ответов на вопрос о сущности бытия; в то время, как «критически-познавательное мышление» дает решение проблемы познания. Но Адлер прикидывается, будто не понимает, что проблема бытия и проблема познания неразрывно спаяны друг с другом, что определенное решение одной из них упирается в соответствующее решение другой, что это—две стороны, два аспекта единого вопроса: основного вопроса философии. Уже в понимании соотношения обеих проблем обнаруживается разделение двух направлений в философии. Чтобы быть познаваемым, надо быть, притом независимо от сознания — утверждает материалист; чтобы быть, надо быть познаваемым — утверждает «критический» идеалист.

Центральная проблема критицизма есть не что иное, как одна из возможных формулировок одной из сторон основного вопроса философии. Она есть не что иное, как «другая сторона» вопроса, о которой говорит Энгельс: «Как относится наше мышление к окружающему миру?» Будучи рассмотрен в этом аспекте основной вопрос философии точно так же делает возможными два и только два основных решения: либо наши мысли вторичны по отношению к существующему независимо от них об'ективному миру, либо наши мысли независимы от него, являются законодателями природы, а «окружающий мир» зависим от них, является их порождением. Материалисты дают первый ответ, идеалисты — второй. Поскольку Кант не считает мышление вторичным, зависимым по отношению к бытию, поскольку считает его коренящимся в самом суб'екте, поскольку весь познаваемый мир представляется производным от познавательных способностей суб'екта, поскольку существующее растворяется в познаваемом мире,— постольку Кант выражает идеалистическую линию в философии. Поскольку познание, суб'ект, опыт и т. п. ставятся Кантом в зависимость от «вещи в себе», постольку он вступает на путь, ведущий к материализму. Но Кант колеблется между этими двумя линиями и свою половинчатость сохраняет, настаивает на ней, закрепляет ее в своем агностицизме. Агностицизм Канта выражает в одно и то же время независимость познания от об'ективной реальности (в царстве познания суб'ект—самодержец) и его зависимость от нее (аффицирующая чувственность — трансцендентная вещь). Этот агностицизм, таким образом, воплощает межеумочность кантианства.

Поскольку Кант не хочет отказаться окончательно от вызывающего ощущения внешнего мира и в то же время развивает идеалистическое учение о познании, постольку он оказывается агностиком. «Трансцендентальный об'ект, лежащий в основе внешних явлений, а также то, что лежит в основе внутренних, не есть ни материя, ни мыслящее существо само по себе, оно есть неизвестное нам основание явлений, дающее им эмпирическое понятие как первого, так и второго рода» [1]). В этой цитате с исключительной наглядностью выражено, как уклонение от последовательного идеализма или материализма влечет за собой агностическое воздержание от решения. Ортодоксальный критицизм, таким образом, не возвышается над идеализмом и материализмом, а находится в состоянии, весьма напоминающем известный «персонаж» Буридана. Кант, отгородив представление от «вещей к себе», обрек себя на агностицизм. «Каковы вещи в себе (без отношения к представлениям, посредством которых они аффицируют нас), это находится совершенно вне сферы нашего знания» [2]). «... Вещь в себе я

---

[1]) И. Кант, Критика чистого разума, стр. 370 (1-е изд.).
[2]) Там же, стр. 235 (2-е изд.).

никоим образом не могу познать с помощью теоретического разума (и тем менее с помощью эмпирического наблюдения)...» [1]).

Адлер старается отмежеваться от агностицизма. Он не хочет быть агностиком. Он протестует, он уверяет, что критицизм ничего общего не имеет с агностицизмом. Критицизм не сомневается ни в реальности, ни в познаваемости внешнего мира. Более того, критицизм один только и способен избавить от агностицизма, который оказывается связан с... материализмом (127-128).

Недаром, совсем недаром, Ленин говорил о клоунах-профессорах. Какой талант погибает для «Скалы»! Курбет № 1: Критицизм «вовсе не сомневается в реальности внешнего мира. Он считает его столь же реальным, как и сознание, т. к. он от последнего даже неотделим» (127). Внешний мир реален, поскольку он не внешний! Курбет № 2: «Тем, что критическое учение о сознании у с т р а н я е т также и непознаваемый о с т а т о к э т о й в е щ и в с е б е, оно освобождает наше мышление раз навсегда от мнимой проблемы и тем самым от всякого, также и материалистического, агностицизма» (128, разрядка моя.—*Б. Б.).* Внешний мир реален, поскольку он устранен, т.-е. нереален! А так как сомневаться в познаваемости чего-либо можно только допуская существование этого «чего-либо», то, чтобы не было сомнений, всего удобнее отбросить то, что причиняет сомнения, т.-е. вещь в себе и... дело в шляпе. Но... шляпа — идеалистическая. Сознание само творит свои об'екты и вне себя ничего не признает. Агностицизм посрамлен, сомнения в существовании и познаваемости об'ективно реального мира не остается, ибо с ним (и с сомнением и с миром) покончено. Но для этого пришлось вместе с внешним миром отказаться и от... Канта.

Для избавления от агностицизма есть один истинный путь. Этот путь — последовательно материалистическая теория отражения, второй, мнимый, путь—ввергающий в мистику и солипсизм—выбрасывание за борт последних элементов материализма, законченно-идеалистический путь. На этом перекрестке берет начало «критика кантианства слева и справа».

«За половинчатость Канта с ним беспощадно вели борьбу и последовательные материалисты и последовательные идеалисты... Материалисты ставили Канту в вину его идеализм, опровергали идеалистические черты его системы, доказывали познаваемость, посюсторонность вещи в себе... Идеалисты ставили Канту в вину его допущение вещи в себе, как уступку материализму, «реализму», или «наивному реализму», при чем... идеалисты требовали последовательного выведения из чистой мысли не только априорных форм созерцания, а всего мира вообще (растягивая мышление человека до абстрактного Я или до абсолютной идеи...)» [2]).

Ленинская характеристика идеалистической критики Канта с п р а в а целиком и полностью относится к воззрениям господина Адлера. Адлер заявляет, что исторический Кант сам не всегда твердо держался трансцендентального метода, и кантианской философии приходится, поэтому, часто исправлять Канта (119-120). В каком же направлении «исправляет» Канта Адлер, в чем видит его несовершенство? В допущении вещи в себе. «В строго критическом смысле,—признается социал-фашистский орел («Се орел, а не ворона» велел бы надписать Кузьма Прутков),—выражение «вещь в себе»... вовсе не следовало бы более употреблять. Если же оно еще употребляется, то не означает ничего иного, как постоянное к р и т и ч е с к о е н а п о м и н а н и е мышлению... не забывать, что в с е е г о п о з н а н и е в е щ е й—лишь закономерность с о з н а н и я. а представление вещи по ту сторону сознания —

---

[1]) Там же, стр. XXVIII.
[2]) Л е н и н, цит. соч., стр 62.

лишь «мысленная вещь» (125). (Другими словами: если уж употреблять понятие «вещи в себе», то для упоминания о том, чего нет.—*Б. Б.*). «Как бы Кант ни выражался, «вещь в себе», во всяком случае, — мысленная вещь, т.-е. пустая шелуха понятия (Begriffshülse)...» (126). Критически-познавательный идеализм «в действительности, берет за основу не что иное, как опыт, каким он нам фактически дан, спрашивает только о закономерности его сознания и поэтому полностью обходится без «вещи в себе» (125).

Но, как понимал еще Куно Фишер, «Критика чистого разума» за вычетом вещи в себе есть «берклианский идеализм», т.-е. учение, которое Кант опровергал, как «мечтательный идеализм». Адлеру следовало бы сказать: «С величайшей благодарностью я должен признать, что именно его (Канта) критический идеализм был исходным пунктом всего моего критического мышления, но оставаться верным ему я не мог. Очень скоро я снова вернулся к взглядам Беркли... Я в настоящее время считаю Беркли и Юма гораздо более последовательными мыслителями, чем Канта». Ибо отказ от вещи в себе есть переход на последовательную суб'ективно-идеалистическую позицию, на позицию Беркли, Юма, Фихте, а вслед за ними, на позицию Маха, слова которого мы только что привели[1]).

В основном вопросе философии позиция неокантианца Адлера ничем не отличается от позиции Маха. Их взгляды тождественны — оба отвергают независимую от сознания об'ективную реальность, признают первичность и независимость сознания. Ортодоксальное кантианство Адлер критикует с той же стороны, что и Мах: с правой стороны, с позиции законченного суб'ективного идеализма. Адлер, правда, говорит, что «на самом деле эмпириокритики и махисты не потому полны противоречий, как думает Ленин, что они слишком много влили в свои воззрения теоретико-познавательного идеализма, а потому, что они обладают им слишком мало» (115). С одной стороны Адлер критикует Канта в блоке с Махом, с другой — Маха в блоке с Кантом. Но это уже семейные разногласия двух разновидностей суб'ективного идеализма. В основном вопросе Адлер противостоит Канту заодно с Махом. Их расхождение — расхождение в пределах единой линии в философии.

Таково преодоление Адлером дуализма Канта. Таково его «возвышение» над «устарелой» противоположностью идеализма и материализма. Если Кант становится «над» этой противоположностью вследствие того, что колеблется между двумя ее полюсами, то его реакционные «исправители» являются законченными идеалистами, законченными представителями одного из двух основных направлений в философии. И никаким шарлатанством этого скрыть не удастся.

Адлер, однако, с цинизмом, достойным «левого» лидера социал-фашистского интернационала, усматривает свою «потусторонность» по отношению к основным философским направлениям, как раз в том, что он последовательно проводит одно из них. Именно потому, что он порвал с межеумочным дуализмом Канта, именно потому, что он с корнем вырвал из своих воззрений вещь в себе и остался наедине с сознанием, — он считает себя вырвавшимся из догматического округа как материалистических, так и идеалистических принципов. Вне «реализма» нет-де идеализма, как нет и материализма.

Посмотрим, какова настоящая цена подобным уверениям и следует ли винить Энгельса за «докантианское смешение критически-познавательной точки зрения с метафизической» (119) или этому «смешению» должно следовать.

---

[1]) Анализ ощущений, стр. 292. Приведено у Ленина, цит. соч., стр. 168.

Адлер рассуждает следующим образом: основной принцип критицизма — отрицание независимого внешнего мира. Основной вопрос «метафизики»—отношение мышления к внешнему миру. Но если один из членов отношения — внешний мир — отрицается, тем самым отпадает и самая проблема, и вопрос о первичности одного из двух противостоящих элементов лишается смысла. Но подобная аргументация — не более, как убогий балаганный трюк. Отрицание независимого от сознания мира есть, разумеется, вместе с тем и отрицание его первичности, основоположности. Отрицание независимого от сознания мира подразумевает, далее, признание независимости сознания, его первичности, его суверенности. Отрицание независимого от сознания мира означает, наконец, признание мира зависимым от сознания Исходным пунктом критицизма является независимый, первичный суб'ект, сознание; дух. Критицизм пытается все об'яснить из сознания, из мышления. Все сводится к сознанию, коренится в нем, об'ясняется его закономерностями. Единство мира усматривается не в его материальности, а в духовности, конституируемой трансцендентальной апперцепцией. Но перестает ли быть идеализм самим собой, если он не только отправляется от сознания, но и замыкает в нем всю вселенную? Перестает ли быть идеализм самим собой, если он материальный мир из своего «доминиона» превращает в «колонию», из «пленника» в «жертву», растворяет его в себе? Перестает ли быть идеализм самим собой, если он привилегированное положение духа превращает в монопольное положение духа? Коротко: перестает ли идеализм быть самим собой, если он с предельной, безудержной последовательностью проводит свои принципы?

Всякая философия на «почве» отрицания независимой от сознания об'ективной реальности необходимо является формой идеализма. Всякое признание внешнего мира независимо от сознания уже является материализмом. Одного отрицания об'ективной реальности совершенно достаточно, чтобы определиться идеалистом, ибо подобное отрицание уже заключает в себе и доводит до крайности основоположение идеалистической линии в философии и немыслимо вне этой линии. «Критицизм» противоположен материалистической «метафизике» в той же плоскости, что и идеалистическая метафизика. «Критицизм» расходится с «догматическим» идеализмом в рамках единой общей антиматериалистической платформы первичности сознания, мышления, духа. «О, эти господа хвалятся своей беспартийностью и если есть у них антипод, то только один и только... материалист. Через все писания всех... (их) красной нитью проходит тупоумная претензия подняться выше материализма и идеализма, превзойти это «устарелое» противоположение, а на деле вся эта братия ежеминутно оступается в идеализм, ведя сплошную и неуклонную борьбу с материализмом» [1]). Книга Адлера — новое и разительное тому подтверждение.

Чтобы избежать агностического дуализма, Адлер выбросил балласт «вещи в себе» и взлетел в эфир феноменализма. Проделав это, он устранил препятствия между «своим учением и солипсизмом, устранил ту сдержку, которою Кант старался обезопасить себя от «мечтательного идеализма». Но Адлер не хочет быть солипсистом. Он силится доказать, что «критический» идеализм не является ни суб'ективизмом, ни солипсизмом, что он даже является «радикальным преодолением всякого суб'ективизма в теории познания» (129).

---

[1]) Ленин, цит. соч., стр. 105.

Каким же образом пытается Адлер сохранить равновесие, избежать абсурда солипсизма? Нужно, — начинает он передергивать, — различать форму и содержание сознания. «Сознание знает себя самого только в форме Я (Ich--Form)... Но критически-познавательный идеализм не значит, что опыт содержится только в Я, но что без Я опыт невозможен... Качество сознания опыта относится не к индивидуальному сознанию, но само оно (индивидуальное сознание) есть лишь форма сознания вообще» (128—9). Последуем за Адлером в его путешествии по царству сознания. Бросив якорь у «сознания вообще», познакомимся с тем, что оно собою представляет.

«Сознание вообще», долженствующее служить для Адлера убежищем и укрыть его от чрезмерных претензий «Я-сознания», с первого впечатления кажется не чем иным, как коллективным сознанием, «мы-сознанием». Я не одиноко, оно одно из многих Я. «Сознание вообще», при таком понимании, представляется «интериндивидуальным» сознанием. «Сознание... лишь в своей самосознательной форме «яйно» (ichhaft), индивидуально, по своей же сущности (Wesen), напротив, изначально «мыйно» (Wirhaft), сверхиндивидуально» (128—9).

Прежде всего бросается в глаза странное для столь «критического» мышления допущение сущности не только без кавычек, но даже курсивом. Ведь против нее, как мертвого докритического предрассудка только что боролся господин Адлер! Но то была, правда, материальная сущность, а здесь — безукоризненная, незапятнанная духовная сущность.

Но каким образом обосновывается переход к другим людям (не людям, впрочем, а только сознаниям других людей)? «Если... хотят оставаться на почве опыта, то этот опыт не дает нам вовсе ничего, кроме индивидуального содержания сознания» — раз'ясняет Адлер. «Другие»... даны лишь как элементы индивидуального содержания сознания. И если хотят некритически (читай: материалистически.—*Б. Б.)* понять другого человека, как нечто данное «вне» нашего сознания самостоятельно, то никакой опытный мост не ведет от моего сознания к чужому сознанию» (227). Конечно, где уж «докритическому» мышлению перебросить мост! Вот Адлер — он перебросит. «Это критически-познавательное понятие может быть найдено лишь из анализа человеческого сознания (индивидуального, не так ли?— *Б. Б.)*... Этот анализ ведет (ох, не к добру он ведет!—*Б. Б.)* к тому выводу, что уже всякое единичное сознание по своей собственной мыслительной возможности (Denkmöglichkeit) вовсе невозможно, как индивидуальное сознание, но уже в Я имеет отношение к неопределенному множеству других Я, одинаковой с ним сущности... Я — лишь форма переживания сознания, оно переживает себя, однако, в то же время, не только как Я, т. е. как духовную единичность, но как сообразно роду (gattungsmässig) определенный суб'ект...» (228).

Раз, два, три — и мост переброшен. Но мост этот, в прямую противоположность крыловскому, выдерживает только Адлеров. — Приглядевшись к самому себе, индивидуальное сознание находит себе такое содержание и «мыслительные возможности», которые превосходят его единичность. Оно изначально содержит в себе идею сверхиндивидуального, родового сознания. Но если такие идеи заключены в переживаниях Я, то этим доказано существование родового сознания, отраженным светом которого светит Я. Так рассуждает Адлер.

Но ведь это же точное воспроизведение методологии картезианского варианта онтологического доказательства бытия божия! Достоверно существование моего сознания. Анализ этого сознания обнаруживает идеи, превосходящие его собственные возможности. Следовательно, существует нечто высшее, чем человеческое сознание, благодаря чему последнее найдено

обнаруженными в нем идеями. Ergo, бог существует, и нечестивость посрамлена. Но раз это доказано, — соотношение меняется: бог становится первичным, а Я, бывшее отправным пунктом анализа, — вторичным. У Адлера место бога заступает «духовная природа», «родовое сознание», «обобществленное сознание», — но методология перехода от суб'ективного идеализма к об'ективному здесь одна и та же. И поэтому Адлер столь же способен доказать существование внесуб'ективного сознания, сколь Декарт «доказал» (что ясно было даже и Канту) бытие бога. Таков адлеровский мост. Если он не приводит к внесуб'ективному миру, зато приводит к богословским рудиментам в философии XVII века.

Если бы Адлер остановился на таком понимании вопроса, нам следовало бы перейти от рассмотрения его «обоснования» перехода к другим Я, к выяснению того, действительно ли спасает «наше сознание» от суб'ективизма. Но мы не дослушали Адлера до конца и поэтому недопоняли всей «глубины» понятия «сознания вообще». Это — не просто коллективное сознание, а нечто большее, нечто более возвышенное. Вслед за Кантом Адлер понимает общезначимость содержания сознания (его об'ективность по кантианской терминологии) весьма расширительно: не только для людей, но и для всех возможных разумных существ (141). При этом не человек и не люди (коллектив) являются основанием и носителем сознания, а... как раз наоборот. «Духовное, как основание всякого Я-сознания, само должно быть понято, как безличное (ichlos), т.-е. как некая активная закономерность, в которой психологическое Я, «человек», представляет лишь форму проявления (Erscheinungsform)» (141). «В последовательной теории познания, какою является теория сознания, «человек» уже не выступает, так как сам он лишь содержание познания» (141). Да, теория, последовательная, что и говорить. Но, оказывается, под «сознанием вообще» в ней разумеется не коллективное, интериндивидуальное сознание, а сознание внеиндивидуальное, безличная духовная закономерность. Чтобы окончательно отряхнуть с читателя прах всяких «догматических» предрассудков, Адлер предостерегает его от связывания этого сознания с мозгом. В отличие от психологического сознания, т.-е. человеческого мышления, «сознание, как особая фундаментальная духовная закономерность (Eigengesetzlichkeit), не только возможно без мозга, но иначе даже не может быть постигнуто...» (141). Итак, суб'ективное сознание рассматривается, как проявление безличного, суверенного, безмозглого «сознания вообще».

Наконец, это «оригинальное» философское построение, «возвышающееся над противоположностью идеализма и материализма», завершается рассуждением о сознании не только вне людей, но до людей и даже до земли. «Конечно, земля существовала до человека (и на том спасибо.—*Б. Б.)*, но не до сознания, так как земля, ее возникновение и развитие и все протяжение развития до человека суть не только содержания сознания, но и определения сознания, которые благодаря формам сознания только и стали возможны» (140—1). И после этого Адлер смеет заявлять, что смешны и устарелы наши доводы в пользу двух линий в философии, что смешение проблемы бытия с проблемой познания «похоронено давно под смех критической философии» (131), что отвергнута связь неокантианства с той линией в философии, которая «утверждает, что дух существовал прежде природы».

Познавательный критицизм, по Адлеру, «преодолел» суб'ективизм и солипсизм. Он строго различает «яйные» (ichhafte) и «не-яйные» формы сознания. Он признает и внешний мир вне суб'екта, но, разумеется, не вне сознания. Что касается вопроса, откуда берется содержание сознания, — этот вопрос, конечно, отпадает, так как совпадает с вопросом, «откуда сознание вообще?» (139).

О, блаженный епископ Клойнский, о, благочестивый Джорж Беркли! Ведь это ты же писал двести двадцать лет тому назад: «Я не отрицаю существования ни одной вещи, которую мы можем воспринять посредством ощущения или рефлексии. В том, что вещи, которые я вижу моими глазами или осязаю моими руками, действительно существуют, я отнюдь не сомневаюсь. Единственная вещь, существование которой мы отрицаем, есть то, что философы называют материей или телесной субстанцией...» [1]). «... Все вещи, составляющие вселенную, не имеют существования вне духа,... их бытие состоит в том, чтобы быть воспринимаемыми, или познаваемыми... следовательно, поскольку они в действительности не восприняты мною или не существуют в уме моем или какого-нибудь другого сотворенного духа, они либо вовсе не имеют существования, либо существуют в уме какого-либо вечного духа, и... совершенно немыслимо и включает в себе все нелепости отвлечения приписывать хоть малейшей части их существование независимо от духа» [2]).

Адлер возрождает излюбленнейшую идею Николая Мельбранша, что существует только вечный, всеобщий об'ективный дух и суб'ективные духи как его проявления.

Между «интеллигибельной протяженностью» Мельбранша или «вечным духом» Беркли и «сознанием вообще» Адлера отличие такое же, как между чортом зеленым и чортом синим. А от «об'ективного духа» Гегеля он отличается, как чорт глупый (метафизический) от чорта умного (диалектического). Адлер своим собственным примером лишний раз подтверждает полную правоту Ленина, который в этом отношении «совершенно не делает принципиального различия между критически-познавательным и об'ективным (метафизическим) идеализмом») (114).

Подобно Беркли и Канту Адлер отправляется от эмпирико-сенсуалистического исходного пункта, суб'ективистски интерпретируемого. Расходясь, вслед за Кантом, с Беркли, он переходит на рационалистический путь, но, в отличие от Канта, во избежание агностического дуализма, Адлер остается верен последовательно-идеалистической установке Беркли, он отрицает «вещь в себе». Опять-таки по стопам Беркли, он вынужден перед угрозой солипсизма воссоздать реальность, но делает это об'ективно-идеалистически. Тем самым он последовательнее Маха возрождает берклианство. Формой идеализма Адлера (Наторпа, Кассирера тож) является межеумочный идеализм, колеблющийся между суб'ективизмом и об'ективизмом. Эта внутри-идеалистическая эклектика то склоняется к суб'ективизму, из боязни «метафизического догматизма», то скатывается к об'ективному идеализму, спасаясь от солипсизма. То, что отличает неокантианство от последовательного суб'ективизма, роднит его с об'ективным идеализмом и наоборот. И подобную, с позволения сказать, систему нам пытаются преподнести под видом «нового» направления в философии, выступающего на смену «устарелым» идеализму и материализму!

«Третье» направление в философии, «критическое учение о сознании», является, по классификации Адлера, идеалистическим учением (119). Но идеализм понимается им при этом не как противоположность материализму, а как противоположность реализму (118). При чем Адлер требует строго отличать идеализм критический от об'ективного и суб'ективного идеализма. Мы только что выяснили, чем в действительности «отличается» неокантианство от других разновидностей идеализма. Но Адлер неспособен даже последовательно формально-логически провести «свою» классификацию. В самом деле, если идеализм понимается как противоположность «реализму», то об'ективный идеализм не может фигурировать наряду с суб'-

---

[1]) Дж. Беркли. Трактат о начале человеческого знания, стр. 84, рус. изд.
[2]) Там же, стр. 66.

ективным и критическим, а должен рассматриваться как антиидеалистическое, «реалистическое» учение. Поди после этого разбери, являются ли критицизм и об'ективный идеализм идеалистическими учениями или нет! Как противоположность «реализма» «критицизм» — идеалистическое учение, но в то же время Адлер решительно протестует против причисления критицизма к идеализму. Как «метафизическое» учение, об'ективный идеализм — «реалистическое» учение и, тем не менее, Адлер различает об'ективный, суб'ективный и критический идеализм.

Противопоставляя «третье направление» «метафизике» Адлер приводит к одному знаменателю материализм и об'ективный идеализм. Мы уже знаем, что сам он не без греха по части об'ективно-идеалистической метафизики. Но по испытанному методу Адлер бежит и кричит: «держите вора!». При этом он тычет в «Материализм и эмпириокритицизм», где якобы материализм определяется таким образом, что и об'ективный идеализм подходит под это определение. Ленин де подменяет материализм реализмом вообще (149). «Материализм и эмпириокритицизм», как известно, направлен против реакционной школы с у б'е к т и в н о г о идеализма, подобно Адлеру возомнившей, что она не является идеалистической. Для доказательства противного совершенно достаточно вскрыть беспочвенность ведущего к солипсизму отрицания внешнего мира. Мы уже отмечали выше, что в с я к о е отрицание независимого от сознания внешнего мира неизбежно является идеализмом. Это, в первую голову, и доказал Ленин. А доказав это, тем самым заранее предостерег нас от шулерских проделок венских «антиметафизиков». Но, давая положительное определение материи, Ленин с полной ясностью отмежевал материализм от хотя и признающего внешний мир, но не менее враждебного материализму, об'ективно-идеалистического направления. И этого размежевания н е л ь з я н е з а м е т и т ь даже при крайней философской близорукости. О нем можно только умолчать, бесцеремонно обманывая доверчивого читателя.

«Материя есть философская категория для обозначения об'ективной реальности, к о т о р а я д а н а ч е л о в е к у в о щ у щ е н и я х е г о, к о т о р а я к о п и р у е т с я, ф о т о г р а ф и р у е т с я, о т о б р а ж а е т с я н а ш и м и о щ у щ е н и я м и, существуя независимо от них...»[1]). Так Ленин определяет материю. Он в этом классическом определении сжато противопоставляет «об'ективный сенсуализм» материалистов «суб'ективному сенсуализму» махистов, отмежевываясь попутно от агностицизма и от об'ективного идеализма. Где, когда, какой об'ективный идеалист считал, что об'ективная реальность дана непосредственно в ощущениях человека и отображается ими? Где, когда, какой об'ективный идеалист понимал об'ективную реальность таким образом, чтобы для воздействия на разум она неминуемо должна была пройти через ощущения? Где, когда, какой об'ективный идеалист понимал об'ективную реальность таким образом, чтобы воздействовать на человека она могла, лишь действуя на его органы чувств? Таких об'ективных идеалистов нигде и никогда не было и быть не может, т. к. это определение диаметрально-противоположное как рационализму, так и волюнтаризму об'ективных идеалистов.

Но Адлер умолчал еще об одной «мелочи». Об'ективный идеалист признает об'ективную реальность независимой от м о и х или н а ш и х ощущений, мыслей, желаний. Но какой об'ективный идеалист признавал об'ективную реальность независимой от к а к и х б ы т о н и б ы л о ощущений, мыслей, воли, от мышления в о о б щ е, от воли вселенской, божьей или от «сознания вообще», о котором говорите вы, господин Адлер? Такой об'ективный идеалист был бы... материалистом. Им не являются конечно Адлер и его

[1]) Л е н и н. Цит. соч., стр. 105.

единомышленники, но им непоколебимо был, ни на пядь, ни на шаг не отступая никогда от материализма, вслед за Марксом и Энгельсом, Ленин. Вам это прекрасно известно, господин Адлер, но... нельзя же обосновать «третье направление» в философии, не втирая очков!

Смысл затеянного Адлером философского маскарада, маневра с перетасовкой и переодеванием философских направлений, не хитер. Нужно скрыть свое истинное лицо, пронеся свои реакционные убеждения. Нужно скрыть настоящее место этих убеждений в борьбе философских направлений. В сумтохе перетасовки, перемешав как можно бессмысленнее различные течения, Адлер надеется, что читатель не разберет «левая правая где сторона», не поймет, по какую сторону баррикад стоит господин Адлер и иже с ним, с кем и за кого они борются философским оружием. А борются они философским оружием с теми и за того, за кого они борются и резиновыми палками полицейских. Смешать в одну кучу материализм и об'ективный идеализм, подменить идеализм одной, наименее существенной его формой, — спиритуализмом (Кант сказал бы: пневматизмом), раздуть частные расхождения внутри идеализма с тем, чтобы противопоставить «критицизм» «догматизму», и все для того, чтобы протащить реакционную буржуазную архиидеалистическую окрошку, — такова задача, выполняемая Адлером. Философский шулер рассчитывает на «философских безголовцев». Но его собственные воззрения, без труда раскрывающиеся, как идеалистические, являются наилучшим опровержением его классификации и новым подтверждением правильности марксистско-ленинского учения о двух линиях в философии.

Однако в растасовке Адлером философских учений есть своя логика. Она представляет собой отражение социально-политической тактики социал-фашизма. В борьбе политической социал-фашисты являются на деле опорой фашизма, образуя левое крыло буржуазного лагеря, противостоящего единым фронтом борющемуся под знаменами коммунистических партий пролетариату, а на словах выступают как поборники «демократии» против «антидемократических» сил коммунистов и фашистов. Точно так же в борьбе философской они на деле представляют собой крыло фашистской философии, выросшего на неокантианских дрожжах реакционнейшего неогегельянского идеализма, а на словах выступают как представители «критицизма» против «догматических» идей материалистов, смешиваемых в одну кучу с метафизическими идеалистами. Под видом борьбы против «антидемократических сил» они борются против коммунизма и укрепляют фашизм; под видом борьбы против «догматизма» и «метафизики» они борются против материализма и пропагандируют махровый идеализм, философию буржуазной реакции. Да иначе и быть не может: на чьем возу сидишь, тому и песню поешь.

II. Мальбрук в поход собрался.

В то «идиллическое» время, когда социал-демократы еще не расстреливали рабочих демонстраций, а «только» предавали их вполне «гуманными» и вполне «демократическими» методами, в то время официальные социал-демократические «теоретики» еще воспринимали эпитет «идеалист», как бранный, стыдились открыто и явно быть идеалистами. Теперь времена иные. Адлер упрекает Ленина в том, что он доводит свою полемику только до доказательства реакционной идеалистичности эмпириокритиков. «Идеалисты? Ну так что же? — После этого спор должен только начинаться», — цинично заявляет Адлер (114), точь в точь, как вольтеровская героиня, которая, будучи обозвана одним недовольным распутницей, ответила: «Вот

уж тридцать лет, как мне это повторяют; я бы хотела, чтобы говорили то же самое еще тридцать».

Как мы знаем, неокантианец Адлер отрицает уже первое условие, пред'являемое материализмом: признание об'ективной реальности. Его идеализм — убеждение в первичности духовного — пытается обосноваться на «почве» отрицания независимого от сознания мира. Вещи для него — конструкция сознания; содержание сознания — единственная реальность (126 — 127).

Адлер отправляется в поход против «материалистического реализма», который он, как сотни фидеистов до него, считает «чистой верой» (135). Но доводы его так ничтожны, уловки так корявы и неуклюжи, что вызывали бы жалость к своему убожеству, если бы не вызывали отвращения.

Об'ектом своего нападения Адлер избирает ленинскую теорию отражения, представляющую собой «новейшую фазу материализма» (112). («Ай, моська, знать она сильна, коль лает на слона!»). Но с какими «доводами» выступает Адлер?

I. «В теории отражения речь идет о познании того, что вовсе никогда не может быть познано, так как оно даже не может быть предметом сознания... Когда говорят, что имеется реальность вне сознания, то это нужно уметь как-то представить. Но это соответствует приблизительно требованию глядеть спиною... В действительности... отмысливают себя самого и затем представляют вещи без себя. Но при этом упускают из виду, что это представление вещей без себя самого происходит лишь в нашем представлении... Но если я никогда не могу прямо воспринять реальность вещей вне сознания, откуда я вообще могу о ней знать?.. По их воздействиям на наше сознание? Но, возразим мы, что она производит такие воздействия на нас — лишь мое заключение, т. е. снова явление сознания во мне» (134—135). И эта тавтологическая жвачка — сознание есть сознание, без сознания нет сознания, что находится вне нас не находится внутри нас, — которую Кант выкинул из 2-го издания «Критики чистого разума» [1]), выдается за ниспровержение материализма!

«Без помощи представлений нельзя представить», «представление вещей происходит в нашем представлении», «мое заключение — явление сознания», — разве может устоять против такой глубокомысленной диалектики «внешнего» и «внутреннего» «чистая вера» материализма? Вам не кажется убедительным, что если ничто не может быть познано без посредства сознания, то, следовательно, не может быть познано ничто вне сознания? Что если реальность вне сознания представляется при помощи представлений, через представления, то она не может быть реальностью вне сознания? Вам это совершенно не кажется убедительным и неопровержимым? Но... честь Адлера вам в том порукой. Только в том случае, по Адлеру, можно было бы говорить о внешнем мире, если бы мы представляли его без представлений, если мы, представляющие, для об'ективного воспроизведения не нуждались бы в том, чтобы отмыслить от содержания представлений нас самих, если бы не смели заключать на основании воздействия на сознание. Коротко: познание существования внешнего мира невозможно, т. к. оно есть познание. Адлер требует от материалистов познания без познания, представления без представления. И горе материализму, если он не выполняет этого... скромного и законного требования и познает при помощи познания.

---

[1]) «Критика четвертого паралогизма трансцендентальной психологии»: «Т. к. внешний мир не находится во мне, то, очевидно, он не может встретиться в моей апперцепции, а следовательно, и в моих восприятиях...» («Кр. ч. р.», 1-е изд., стр. 368).

II. Адлер не согласен с Лениным, что непосредственный донаучный опыт и обыденное восприятие характеризуются наивно-материалистическим миропониманием. Он уверяет, что раздвоение мира на воспринимаемое и скрывающееся за ним реальное — продукт рефлексии, результат последующей обработки непосредственно-данного; наивный же реализм чужд подобного раздвоения и имеет дело с самими вещами (132 — 133). Следуя своим принципам, Адлер и в этом вопросе передергивает, подменивая одной проблемой другую. В самом деле, непосредственное миропонимание наивного реалиста еще не усматривает различия между качественным содержанием восприятия и воспринимаемой вещи. Наивный реалист убежден, что свойства самой вещи абсолютно идентичны с их воспроизведением в ощущениях. Он не сомневается в абсолютной и непосредственной истинности отражения. Понимания относительной истинности отражения и необходимости приближения к истине путем рационального опосредствования непосредственно-данного в ощущениях у наивного реалиста, действительно, нет. Но одно дело—отсутствие различения качественного содержания восприятия от качественного содержания отражаемого в восприятии об'екта, и совсем другое дело суб'ективно-идеалистическое отождествление восприятия с воспринимаемым, элиминирование об'екта. Содержание восприятий таково, каковы отражаемые ими вещи сами по себе — убежден наивный реалист. Восприятия это и есть вещи — убежден «критический» идеалист. Первый ставит знак равенства между двойниками — свойствами вещи и содержанием соответствующего восприятия, второй — растворяет без остатка вещи в восприятиях. Наивный реалист не сомневается в независимости от сознания существовании вещей, как он не сомневается и в их познаваемости, и убежден, что вещи сами по себе таковы, какими они непосредственно воспринимаются. Иначе он не был бы ни наивным, ни реалистом. Но он прекрасно различает восприятие и реальный об'ект восприятия, он не смешивает сновидения с явью, образа воображения с представлением реального. Адлер прибегает к дешевому мошенничеству, подменивая наивно-реалистическую идентификацию свойств идеалистическим отрицанием реальности.

III. «Теория отражения — победоносно тычет пальцем в небо Адлер — основывается на подмене непосредственного опыта качеством ощущений. Но ощущение — вовсе не реальность, а психологическое рабочее понятие, абстракция; непосредственная данность не составляется из ощущений, она предметна» (136). Кого опровергает этим господин Адлер? Своих старших братьев махистов, которые не ощущения отщепляют от предмета, а предмет составляют из ощущений? Или самого себя, убежденного, что электроны, атомы и т. п. — не реальность, а рабочее понятие, упорядочивающее непосредственно-данное? (133).

Что касается диалектического материализма, то он всегда считал предмет первичным по отношению к восприятию, а целостное восприятие — по отношению к отдельным ощущениям, на которые оно расчленяется, и это свое убеждение проводил в борьбе против «чистых эмпириков», метафизиков и суб'ективистов. Зачем же бьет нам Адлер челом нашим же добром? Затем, чтобы... протащить прямо противоположный взгляд, чтобы осмысленной, плодотворной психологической абстракции ощущения противопоставить пустой caput mortuum абстракции ощущения, оторванного от ощущаемого предмета и от реального ощущающего человека, чтобы «доказать», что ощущение является «последним, далее несводимым качеством сознания», первичным, что оно «не представляется, как результат воздействия» (136). Считать ли ощущения последними, далее несводимыми абстрактными элементами (по Адлеру) или первыми, далее неразложимыми, элементами (по Маху), — они сходятся в том, что вещь — комплекс ощущений. Один идеалист слагает ее из опустошенных абстракций ощущений, другой — разлагает ее на без-

смысленные абстракции ощущений. Что же касается отрицания того, что ощущение воспринимается, как результат воздействия, — это утверждение находится в вопиющем противоречии с общеизвестным психологическим фактом принудительности ощущений в отличие от образов воображения.

IV. Наконец, последний в ряду «несокрушимых» доводов Адлера против материализма: По Ленину, ощущение является доказательством существования реальности вне сознания. Но рассуждение Ленина — явное petitio principii, основанное на вере, «т. к. лишь уже зная, что об'ективный мир существует вне и независимо от сознания, можно сказать, что ощущения ее отражают» (135). Лениным «ощущения сначала рассматриваются, как отражения самостоятельно существующей реальности, а затем на основании того, что ощущения суть отражения, делается заключение, что реальность должна существовать сама по себе, так как в ином случае она не могла бы и быть отражаемой» (135—136).

Не трудно заметить, что все это рассуждение целиком и полностью должно быть возвращено отрицающим существование внешнего мира, т. к. утверждая на основании наших ощущений, что не существует реальности вне сознания, они допускают явное petitio principii. Лишь зная, вопреки непосредственному опыту, что нет об'ективной реальности, можно говорить, что ощущения не являются ее отражениями. Но дело в том, что материалистический переход от ощущения к реальности основывается отнюдь не на petitio principii, а на принципе причинности, идеалистическое же утверждение есть измена принципу причинности, той самой причинности, которая, по мнению Адлера, составляет существеннейшую черту научного мышления нового времени (41). Адлер учитывает это соображение. Допущение вещи в себе, по его мнению, коренится «в психологическом принуждении нас мыслить причину еще там, где понятие причины уже лишено всякого смысла...» (126). Подобно вопросу о причине восприятий, можно было бы спросить о причине материи, и так до бесконечности. Это-де—«пустая игра формой причинности», являющейся, в действительности, лишь формой опыта. Критицист останавливается на опыте, материалист тоже останавливается, но на примышленной материи.

О причине материи спрашивали материалистов задолго до Адлера попы и поповские прихвостни всех мастей, и вопрос этот достаточно вразумительно, хотя и в мистифицированной форме, разрешен был уже Спинозой, понимавшим, почему к природе, как бесконечной всеобщности, неприменима иная форма причинности, кроме causae sui. Что же касается возможности остановиться на восприятиях и их рассматривать, как беспричинные, то этот аргумент Адлера основывается на новом petitio principii. В самом деле, предпосылка этого утверждения — ограничение причинности сферой суб'ективно-трактуемого опыта — уже предполагает, что восприятия рассматриваются не как отражения об'ективной реальности, а как самодовлеющие. Иначе форма причинности в опыте была бы лишь свидетельством в пользу формы причинности вне опыта.

Мы закончили ознакомление с аргументами, приводимыми Адлером. Но выполняли мы эту скучную и бесплодную обязанность не только для того, чтобы опровергать эти «аргументы», но и для того, чтобы читатель знал, о чем умалчивает Адлер «опровергая» теорию отражения, чего не упоминает, что тщательно обходит господин Адлер. А секрет отважных похождений социал-фашистского Мальбрука против марксистско-ленинской теории познания заключается в том, что он не посмел ни одним словом помянуть, ни одним доводом задеть действительные доказательства, подлинные устои нашей теории познания. Вся критика Адлера попадала «мимо Федора в стенку». Шумом своей столь же пустой, сколь и

вредной болтовни о теории отражения Адлер отвлекает внимание от действительных краеугольных камней этой теории.

Адлер, «опровергая» марксистско-ленинскую теорию познания, припрятал два «пустячка»: диалектику и практику. Господин Адлер, руки на стол! Вам, конечно, не впервые попадаться с поличным, но номер не прошел. Вы «опровергали» теорию отражения, какою вы хотели бы ее видеть. Вы «слегка подчистили» теорию отражения так, что от нее осталась лишь бледная тень, а затем очень храбро сражались с этой тенью, вызывая сочувственные, поощряющие возгласы философской реакции и презрительный смех марксистов.

Вы делали вид, что бьете марксистскую теорию познания и подальше обошли диалектику. Но «диалектика и есть теория познания... марксизма» [1]. Но диалектика и теория познания материализма — это одно и то же [2]. Вы делали вид, что камня на камне не оставляете от марксистской теории познания и ускользнули в кусты от принципа практики. Но «вопрос о том, свойственна ли человеческому мышлению предметная истина, вовсе не есть вопрос теории, а практический вопрос. На практике должен доказать человек истинность, т.-е. действительность и силу, посюсторонность своего мышления. Спор о действительности или недействительности мышления изолированного от практики есть чисто схоластический вопрос» [3]. «Человеческая практика доказывает правильность материалистической теории познания, — говорили Маркс и Энгельс, — об'являя схоластикой и фолософскими вывертами попытки решить основной гносеологический вопрос помимо практики». «Если включить критерий практики в основу теории познания, то мы неизбежно получаем материализм...» [4].

Кого вы хоронили «под смех критицизма», господин Адлер? Себя вы хоронили, господин философский шулер! «Методами» вашей критики вы прекрасно разоблачили бессилие и несостоятельность основ своей ренегатской философии.

[1]) Ленин. К вопросу о диалектике.
[2]) Ленин. План диалектики (логики) Гегеля.
[3]) К. Маркс. Тезисы о Фейербахе, II.
[4]) Ленин. Материализм и эмпириокритицизм, стр. 113—4.

Теоретики социал-фашизма о переходном периоде.

Е. Ниринская.

Статья первая.

I. Империализм и судьбы капитализма в социал-фашистском освещении.

«Все развитие социал-демократии со времени войны и возникновения советской власти в СССР есть непрерывный процесс эволюции к фашизму» (XI пленум ИККИ). В области теории этот «непрерывный процесс эволюции к фашизму» находит свое наиболее яркое выражение в социал-демократических теориях о путях «перехода» от капитализма к социализму.

Рассмотрение социал-демократических теорий «переходного периода» представляет поэтому для нас актуальное значение. Оно дает нам возможность разоблачить тот «теоретический механизм», при помощи которого социал-демократия осуществляет дело одурманивания и обмана масс. С другой стороны, это рассмотрение подводит нас вплотную к теоретическим истокам оппозиционных течений в коммунизме, ибо как правые, так и «левые» оппортунисты смыкаются с меньшевизмом, прежде всего, в вопросах о путях строительства социализма, начинают свое грехопадение с социал-демократического понимания задач переходного периода.

Особый интерес представляют концепции германской и австрийской социал-демократии. Германская социал-демократия, являющаяся наиболее влиятельной партией II интернационала, играет, как известно, крупнейшую роль во всей его предательской деятельности, в определении его теоретических позиций, во всей его практике. Процесс русских меньшевиков вскрыл это с достаточной убедительностью. Австрийская социал-демократия заслуживает в данном случае внимания с точки зрения того своеобразного «разделения труда», которое существует между правым и «левым» крылом социал-демократии. «Будучи составной частью «левого» крыла социал-демократии, австро-марксизм представляет собою наиболее тонкую форму обмана трудящихся масс» (программа Коминтерна).

Вот почему в настоящей статье мы концентрируем внимание на германской и австрийской социал-демократии.

* * *

Война 1914 г., как известно, явилась тем оселком, на котором социалистические партии путем опытной проверки показали свое отношение к капиталистическому способу производства, к интернациональным задачам освободительного пролетарского движения, к делу социализма.

Анализ причин войны, путей выхода из нее, методов ее прекращения, ясненне задач пролетариата в период войны и по ее окончании,—все это (азалось, как известно, роковым экзаменом, который резко вскрыл оппорнизм официальных партий II интернационала, привел его к краху. рах Интернационала налицо... и этот крах есть именно крах оппортуэма, оказавшегося в плену у буржуазии» (Ленин).

Ленин, и до войны ведший непримиримую борьбу против оппортунизма центризма II интернационала, выдвинул, как известно, анализ империаэма, причин войны, наметил задачи пролетариата и программу действия, торые являются величайшей сокровищницей революционного марксизма.

Ленинский анализ империализма как последнего этапа капитализма, крытие противоречий, ведущих капитализм на этой стадии к неизбежной гели, мобилизация рабочего класса вокруг задач пролетарской революции, рактеристика эпохи, как «эпохи войн и революций» — все это нашло свое естящее подтверждение во всем ходе исторического развития.

Но как расценивали теоретики II интернационала новую эпоху капилизма? Какие перспективы для капиталистической системы видели они свете тех новых явлений, того роста противоречий в эпоху империализма, чайшим выражением которых явилась война 1914 г., и какую оценку вали они судьбам капитализма в послевоенный период, — период общего изиса капиталистической системы?

Обратимся в первую очередь к взглядам признанного «теоретика» интернационала, К. Каутского, прославившегося в последнее время активйшим участием в подготовке интервенции против СССР. Путь Каутского езвычайно показателен для характеристики тех идейных позиций, котоle пройдены социал-демократией.

Прежде всего, каковы были взгляды Каутского на эпоху империализма период войны 1914 — 1918 гг.? В своей брошюре, относящейся к этому риоду — «Национальное государство, империализм и союз государств», утский обосновывает свое известное положение, что империализм есть тремление индустриальной капиталистической нации включить в свой став аграрные области». Это стремление Каутский считает противоречаим «демократическому» чувству и задачам пролетариата, а потому он звит под сомнение — подлинно ли неизбежен империализм.

Поставленную проблему Каутский разрешает следующим образом. питалистический способ производства обладает эластичностью и способстью к приспособлению. Война особенно усилила эту способность к приособлению. С одной стороны, это об'ясняется влиянием науки на революонизирование техники. «С другой стороны, причиной этому является нтрализация предприятий, об'единение их в картели и тресты, рост их :подства при помощи небольшого числа крупных банков и все растущее ачение государственной власти в экономическом отношении» [1]. Из этого утский делает вывод, что неправилен взгляд, будто империализм неизбен при капитализме и ему нельзя противодействовать. Противодействие у могут оказать незаинтересованные в нем слои: пролетариат, мелкие щане, даже многие капиталисты и часть интеллигенции. Поэтому «Импеализм является только вопросом силы, а *не экономической* :*обходимости*, он не только *не необходим* для капиталисти-

---

[1]) К. *Каутский*, Национальное государство, империализм и союз государств, стр. 22.

ческого способа производства, но даже его значение для него часто неимоверно переоценивается» [1]) (разрядка моя. — *Е. Н.*).

Характерной для империализма Каутский считает политику экспансии, но и тут он подчеркивает, что империалистические тенденции отнюдь не являются единственными причинами экспансивной политики. Он сравнивает экспансию при империализме с явлениями того же порядка в доимпериалистический период, устанавливает общие черты, игнорируя тем самым исторические особенности империалистической экспансии.

Каутский, таким образом, считает:

1) что новые явления в капитализме — монополистические об'единения, банки и т. д. — и растущее влияние государства способствуют эластичности, приспособляемости, укреплению капитализма; 2) что империализм — это предпочитаемая буржуазией политика; 3) что империализм есть экспансия господствующих классов при помощи государства, направленная к захвату аграрных областей и 4) что империализм — это не определенный этап капитализма, а «только вопрос силы», и может быть преодолен.

В соответствии с этим Каутский выдвигает свое понимание путей перехода от капитализма к социализму.

Растущая приспособляемость и эластичность капитализма доказывает, по его мнению, что соотношение сил классов, могущее привести к политической и социальной катастрофе, не должно иметь последствием также и экономическую катастрофу и «что переход от капитализма к социализму может совершиться без экономического краха» [2]).

В основе концепции Каутского об империализме лежит отрицание им специфических противоречий, свойственных этой эпохе, противоречий, ведущих капиталистическую систему к гибели. Концентрация и централизация, монопольные об'единения, приводящие к обострению всех противоречий капиталистического способа производства, по мнению Каутского, способствуют эластичности и приспособляемости капитализма! Отрицание особых противоречий империалистической эпохи, игнорирование экономических особенностей эпохи финансового капитала приводят Каутского к сведению империализма к п о л и т и к е, к отрыву политики от экономики. На этом основано отрицание империализма, как определенного последнего этапа капитализма. В соответствии с этим находится также концепция Каутского о войне. Выход из нее он мыслит единственно на капиталистической основе. Переход от капитализма к социализму возможен без экономического краха капитализма.

Далее, на основе этого Каутский выдвинул свою пресловутую теорию «ультраимпериализма», в которой обосновал наступление новой мирной эры развития капитализма. Эта теория, о которой Ленин говорит, что она является «самой тонкой, наиболее искусно подделанной под научность и международность теорией социал-шовинизма», что она «означает громадное притупление противоречий капитализма», — по существу легла в основу развитой в дальнейшем социал-демократической теории «организованного капитализма».

Таким образом, в концепции Каутского об империализме довольно явственно вскрываются те теоретические позиции, которые привели социал-демократию к современной теории и практике социал-фашизма. Каутскианская теория империализма, как известно, была подвергнута сокрушительной критике со стороны Ленина, который со всей остротой и ясностью вскрыл ее буржуазно-апологетическую природу, ее полнейший разрыв с марксизмом.

---

[1]) К. К а у т с к и й. Национальное государство, империализм и союз государств, стр. 24.

[2]) Там же, стр. 22.

Ленин тогда писал: «Каутский превратил марксизм в самую отвратительную и тупоумную контрреволюционную теорию, в самую грязную поповщину».

В изложенных взглядах Каутского несомненно кроются идеалистические, неокантианские корни меньшевистской методологии. Именно из них и вытекает отрыв экономики от политики и отрицание экономических противоречий эпохи империализма, отрыв производительных сил от производственных отношений.

Как Каутский рассматривал особенности эпохи в конце войны, когда уже резко обозначились контуры пролетарских революций?

В этом смысле представляет интерес его книга «Sozialdemokratische Bemerkungen zur Übergangswirtschaft», вышедшая в 1918 г.

Здесь Каутский ставит проблему выхода капитализма из войны, перехода от хозяйства военного времени к мирному. Конечно, этот переход он мыслит на капиталистической основе. Но крайне характерно, что свои положения он считает действительными и на случай, если ситуация приведет к переходу от капитализма к социализму. Последнее Каутский считает лишь более сложным по отношению к первому, а не качественно отличным явлением со специфическими задачами.

Касаясь в указанной книге значения монополистических об'единений, их роли в создании предпосылок социализма, Каутский ставит вопрос: приближают ли картели, тресты, банки социализм? Поскольку они основаны на автократии, а не на «демократии», — указывает Каутский, — постольку они не создают никаких предпосылок социализма. Этому он противопоставляет борьбу за социалистический идеал. «Из борьбы за социалистический идеал, а не из практики картелированных предпринимателей и финансовых магнатов придет социализм» [1]).

Он подчеркивает далее, что социализм придет вследствие усиления и роста пролетариата, а «не потому, что банки организуют производство». Наконец, Каутский противопоставляет здесь уровень развития капиталистического производства капиталистическим формам организации: «С другой стороны, — говорит он, — высота капиталистической организации не равнозначна (nicht gleich bedeutend) высоте капиталистического способа производства» [2]). Следовательно, по Каутскому, возникновение монополий не обусловлено определенным высоким уровнем развития концентрации и централизации производства.

Здесь Каутский снова проявляет свою буржуазную апологетику в анализе эпохи финансового капитала и неразрешимых противоречий этого периода, приводящих к эпохе войн и революций. Каутский не видит тупика, в который попал капитализм. Выход для капитализма из войны он мыслит в виде восстановления производительных сил на капиталистической основе. Пролетариату же Каутский предлагает добиваться ряда либеральных мероприятий. Характерно также, что Каутский выдвигает здесь необходимость увеличения интенсивности труда и усиления планирующей роли государства. Эти вопросы как нельзя лучше показывают корни отношения социал-демократии к капиталистической рационализации, получившей дальнейшее развитие в послевоенный период.

Наконец, взгляды Каутского на перспективы развития капиталистической системы интересно проследить в одной из его последних работ — «Materialistische Geschichtsauffassung», вышедшей в 1927 г. Она обобщает значительную часть послевоенного периода. Чему же поучился «маститый теоретик» на столь богатом противоречиями опыте послевоенной эпохи?

---

[1]) Karl Kautsky, Sozialdemokratische Bemerkungen zur Übergangswirtschaft, 1918.

[2]) Там же, стр. 163.

В этой книге Каутский отрицает, что в данный период капитализм препятствует развитию производительных сил. Таким образом, недействительно положение, будто капитализм подготовляет свой конец в силу экономического развития. Дело социализма, по мнению Каутского, было бы также бесперспективно, если бы его наступление основывалось на расширении и углублении кризисов, как это указано в Ком. Манифесте.

Должна ли, однако, победа пролетариата привести к социализму, если капитализм показывает себя жизнеустойчивым,— ставит вопрос Каутский, — и каковы, в таком случае, предпосылки социализма?

«Не от возможности или необходимости предстоящего краха или упадка капитализма,—пишет Каутский,—зависят перспективы социализма» [1]). По его мнению, все дело в «подготовленности» пролетариата.

В чем же заключается эта «подготовленность пролетариата»? На это Каутский чрезвычайно любопытно отвечает в главе «Ökonomie und Politik». С развитием капитализма абсолютно и по отношению к другим классам растет экономическая мощь класса капиталистов. Наряду с этим усиливается также и индустриальный пролетариат, при чем «кажущееся противоречие разрешается тем, что это две различные области, в которых усиливается каждый из обоих классов. Капиталисты становятся все сильнее в экономике, пролетариат в политике» [2]). А из этого Каутский выводит, что, несмотря на растущую экономическую мощь буржуазии, пролетариат во многих государствах Западной Европы близок к овладению государственной властью. Этот путь, как известно, лежит через овладение парламентским большинством. Отсюда предпосылки социализма Каутский сводит к избирательному листку.

Но он идет дальше. Он не только отрицает противоречия капитализма, их обострение в эпоху империализма, а ставит в непосредственную связь перспективы социализма с расцветом капитализма. В пределах капитализма должна развиваться производственная демократия (Betriebsdemokratie), а отсюда: «Чем более расцветает и преуспевает капиталистический способ производства, тем лучше перспективы социалистического режима (!!), приходящего на место капиталистического» [3]) (разрядка Каутского.—*Е. Н.*). По поводу этого места Каутский замечает, что оно звучит парадоксально для тех, кто стоит на точке зрения краха капитализма, но не находится в противоречии с той точкой зрения, которая ждет социализма не от экономического упадка капитализма, но от морального, интеллектуального и политического роста и усиления пролетариата.

Приведенные высказывания представляют, по существу, дальнейшее развитие прежней концепции Каутского. Здесь, с точки зрения интересующей нас проблемы, важно подчеркнуть противопоставление экономических и социальных препосылок социализма, противопоставление об'ективных и суб'ективных предпосылок социализма. Нужно ли доказывать, что вся эта, с позволения сказать, «аргументация» является махрово идеалистической и находится в вопиющем противоречии с марксистским учением о пролетарской революции и предпосылках социализма? Достаточно для этого напомнить следующее место из Ленина: «Империалистическая война есть канун социалистической революции. И это не только потому, что война своими ужасами порождает пролетарское восстание — никакое восстание не создает социализма, если он не созрел экономически, — а потому, что государственно-монополистический капитализм есть полнейшая материальная

[1]) Materialistische Geschichtsauffassung, ч. 2-я, стр. 562.
[2]) Там же, стр. 578.
[3]) Там же, стр. 591.

эдготовка социализма, есть преддверие его, есть та ступенька исторической :стницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализом, никаких промежуточных ступеней нет» [1]) (разрядка енина. — *Е. Н.*).

* * *

Перейдем сейчас к рассмотрению взглядов теоретика австрийской циал-демократии К. Реннера на эпоху финансового капитала и судьбы эслевоенного капитализма. Его концепция представляет известное свое-бразие, по сравнению с теорией Каутского, но общие основы, социал-:мократические позиции у Реннера, конечно, те же.

В период войны Реннер пытался в своей книге «Marxismus, Krieg und Internationale», вышедшей в 1917 г., дать теоретическое обобщение тех овых явлений, которые характеризуют капитализм последнего периода по равнению с капитализмом свободной конкуренции, вскрыть в связи с этим ричины войны и перспективы выхода из нее. Рассматривая путь, пройденый капитализмом со времени Маркса, Реннер делит его на следующие тапы:

1) Эпоха 1879—1890 гг.—эпоха защитительных пошлин (Niederschutzoche).

2) 1890-е годы — возникновение коалиций капиталистов для устра-:ния конкуренции, возникновение наряду с этим ассоциаций (сельскохозяйственные товарищества, рабочие потребительские общества). Этот :риод Реннер характеризует как эпоху организованного частого хозяйства.

3) Развитие банковского дела и превращение его в акционерную орму. Рост могущества банков приводит к их господству над хозяйством :ей страны. При этом резко выделяются хозяйственные области (Wirtschaftsebiet) в пределах отдельных государств и каждое из них образует специическое организованное единство. Вывод: «Частное хозяйство стало в опре-:ленном смысле национальным хозяйством» [2]). Это, в свою очередь, приводит теснейшей связи между государством и капиталом. «Национальное хозяй-во становится средством государственной власти, государственная власть—едством национального хозяйства, несмотря на внешне сохраняющееся зделение. Это—эпоха империализма» [3]).

Реннер, таким образом, самую характерную особенность капитализма слемарксова периода видит в процессе огосударствления экономики. Он дчеркивает, что война в этом смысле не внесла ничего нового, но ускорила оцесс. В огосударствлении экономики, в создании национальных хозяйст-нных областей видит Реннер основное содержание эпохи империализма.

С другой стороны, он подчеркивает рост «организованности» капиталистического хозяйства в пределах национальных границ. Останавливаясь изменении значения банковского капитала, он указывает на то, что нки становятся постепенно средством новой организации индустрии и торвого капитала, средством их подчинения, как служебных форм, капиталу сподствующему. Он подчеркивает далее колоссальную централизацию питала в национальном масштабе. «Эта финансовая власть, однако, — это лжно быть принято во внимание, — организована, как единство в рамках :ударственной хозяйственной области (Wirtschaftsgebiet), она об'единяет различных формах зависимости земельную собственность и капиталы хозяйственной области в национальный капитал. Это единство... создается не агодаря единству центрального господства, а благодаря материальному

---

[1]) Ленин, т. XX, изд. 2-е, стр. 187.
[2]) Marxismus, Krieg und Internationale, Stuttgart, 1917, S. 17.
[3]) Там же, стр. 18.

единству средней нормы прибыли и среднего процента. Капитал в этом смысле уже более не интернационален, но национален» [1]).

Из всего этого Реннер делает вывод, что финансовый капитал является типичной формой последнего времени. Он отрицает, будто империализм является «неправильной» политикой капиталистических верхних слоев. Напротив, по его мнению империализм представляет собой «совершенно конкретную экономическую структуру капитала вообще в определенной фазе» [2]). В соответствии со своей оценкой эпохи империализма, как капитализма «организованного» в пределах Wirtschaftsgebiet с сильнейшим огосударствлением экономики, Реннер рассматривает ряд проблем: государства, изменения в классовых отношениях и т. д. На этом основано и его понимание причин войны, как войны между отдельными хозяйственными областями.

Реннер, как мы видим, признает некоторые особенности, характерные для капитализма эпохи империализма, но он не признает основного и решающего: обострения противоречий этой эпохи. Напротив, основное он усматривает в росте «организованности» капитализма в пределах национального государства, в сглаживании противоречий.

Отдельные социальные группы, — замечает Реннер, — рабочие, мелкий капиталист, торговец, целой сетью связаны с банковским капиталом. Меняются и классовые отношения, теряет свое значение для этой эпохи отношение: рабочий — предприниматель, т. е. основное классовое противоречие капитализма.

Наконец, в росте трестов, синдикатов и банков Реннер усматривает органические изменения самой капиталистической системы. В них он видит процессы социализирования капитала, поскольку индивидуальная собственность заменяется коллективной. Важнейшее значение в деле социализирования Реннер придает государству, находя в его функциях элементы социализма.

Так из реннеровской теории империализма вырастает теория «организованного» капитализма и «мирного врастания» в социализм, при чем важнейшими методами для этого он считает право и государство.

Более подробно эта сторона концепции Реннера будет рассмотрена в дальнейшем.

Сейчас важно подчеркнуть, что и Реннер, подобно Каутскому, отрицает специфические противоречия, присущие империализму, как последнему этапу капитализма, что он также стоит на точке зрения дальнейшего расцвета капитализма, роста его «организованности» и сглаживания, исчезновения противоречий, что он отрицает необходимость гибели капиталистической системы. Та же всемирная апологетика капитализма с несколько иной аргументацией, та же проповедь «мирного» перехода к социализму, более того, «автоматического» социализирования капитала — такова суть теории Реннера.

Интересно теперь остановиться на той оценке эпохи империализма, которую Реннер делает на основе учета явлений послевоенного капитализма. В книге «Weltwirtschaft, Staatswirtschaft und Sozialismus», вышедшей в 1929 г., Реннер рассматривает новые явления, которые принес послевоенный капитализм. Если для периода войны характерно было «национальное хозяйство против национального хозяйства», то для послевоенного периода, по мнению Реннера, это уже недействительно. В послевоенный период против национальных хозяйств выступает, как анонимная власть, мировое хозяйство, и стремится их подчинить себе.

---

[1]) Marxismus, Krieg und Internationale, Stuttgart, 1917, S. 88.
[2]) Там же, стр. 90.

Сохранил ли после войны значение империализм как характерная особенность эпохи? Реннер считает, что поскольку результатом войны явилась победа империализма — эпоха империализма кончилась. Вооруженный международный спор за рынки сбыта товаров и сферы вложения капитала нашел свое заключение в мирных договорах 1919 г. Земля разделена. Невероятно, чтобы колонии еще раз изменили своих владельцев. Сейчас же задача заключается в том, чтобы добиваться интернационализации колоний, открыть ним свободный доступ на началах конкуренции отдельных стран под общим управлением Лиги наций. С другой стороны, тот факт, что Европа в целом побеждена, что имеется гегемония Соединенных штатов, делает войну неправомерным средством национальной политики. Поэтому: «Если и могут империалистические стремления и в дальнейшем управлять стремлениями отдельных государств, отличительным направлением новой эпохи империализм более не является» [1]).

Но если империализм уже не является отличительным стремлением эпохи, то какие тенденции видит в ней Реннер?

Подчеркивая наличие элементов мирового хозяйства и ранее, Реннер указывает, что в послевоенный период речь идет о новой структуре мирового хозяйства. Он указывает, прежде всего, на процесс, связанный с возникновением мирового капитала. В результате войны, в результате задолженности Европы и гегемонии Америки происходит интернационализация капитала. Степень организованности капитализма поднимается на более высокую ступень. Если монополистические об'единения в период войны были ограничены главным образом высокими пошлинами, пределами национальных государств, были внутренними организациями, «превращали несвязанное производство своей страны в так называемый организованный капитализм», то в последнее десятилетие организующая сила финансового капитала перешагнула границы отдельных государств. Целый ряд тенденций привел к созданию мирового производства. Таковы, по мнению Реннера, отличительные особенности послевоенного хозяйства, создающие тенденции к превращению мировой экономики в единый мировой хозяйственный организм (Weltwirtschaftskörper). Эта тенденция развития, подчеркивает Реннер, и является конституирующим признаком эпохи.

Реннер останавливается также на вопросах огосударствления экономики. Имеет ли оно место в эпоху послевоенного капитализма? Этот процесс, полагает Реннер, тоже имеется. Он происходит даже интенсивнее, но в другой функции: не в целях господства над другими областями, но чтобы спасти себя от стремлений к подчинению со стороны мирового хозяйства. Для этого национальные государства применяют систему пошлин, премий, торговых монополий и т. д.

Какие перспективы, какие дальнейшие пути развития капитализма усматривает Реннер на основе своих взглядов об особенностях послевоенного развития? Он видит их, с одной стороны, в том, что государственные хозяйственные об'единения находятся на пути слияния в хозяйственное целое (die Oekumene) и нации — на пути к об'единению мирового государственного характера. «Oekumene und Internationale» — таковые отличительные тенденции развития эпохи, «таковы две цели развития, на базисе которых появляется новое хозяйство и новый государственный порядок» [2]).

На основе всего этого Реннер делает выводы о путях перехода к социализму и задачах пролетариата. Пролетариат должен всячески поддерживать указанные две тенденции развития, потому что, по мнению Реннера, явления «организованного» капитализма показывают, что социализм вступ-

[1]) Weltwirtschaft, Staatswirtschaft und Sozialismus, S. 71.
[2]) Там же, стр. 71.

тия в эпоху своего осуществления. Отсюда для пролетариата — задача проведения положительной государственно-хозяйственной политики, отсюда — важнейшее значение его участия, сотрудничества в государстве.

Поэтому Реннер считает, что прежний лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь» наша эпоха продолжает и превращает в лозунг «Организованные пролетарии всех наций, об'единяйте власть ваших государств для организации всего мира»[1].

Таким образом, та эволюция взглядов, которую проделал Реннер, начиная с периода войны, в основном сводится к распространению явлений «организованного капитализма» за пределы национальных государств на мировую экономику. Империализма более не существует, — полагает Реннер; колониальные противоречия нашли свое разрешение; экономическое развитие идет по пути создания единого «организованного» мирового хозяйства; политические противоречия между государствами смягчаются стремлением к созданию мирового государственного об'единения. Задача пролетариата — укрепление, поддержка «организованного» капитализма, содействие его развитию, всяческая поддержка буржуазного государства как «пути» к социализму, уже создающемуся в пределах капитализма.

Вряд ли в данном случае есть необходимость доказывать откровенно-апологетическую махрово-буржуазную природу этой концепции. Ясно, какие классовые позиции занимает здесь Реннер. «Теоретические обобщения» Реннера служат целй — доказать незыблемость капиталистического строя, являются попыткой привязать пролетариат к капитализму, отвлечь его от революционных задач. В сущности задачи пролетариата Реннер, как и Каутский, сводит к парламентской возне, к избирательному листку.

Взгляды Реннера в рассматриваемой нами связи представляют интерес потому, что Реннер обосновывает теорию «организованного капитализма», являющуюся «евангелием» социал-демократии в последние годы, ее официальной теорией, заключающей в себе оценку эпохи послевоенного капитализма, как эпохи «расцвета», «под'ема», роста плановости, «структурных изменений» капитализма, как эпохи, прямехонько ведущей через врата «хозяйственной демократии» в «царство социализма».

Здесь мы рассматриваем теорию «организованного капитализма» в общих чертах, с тем, чтобы в дальнейшем коснуться ее снова в связи с проблемой «хозяйственной демократии». В настоящей связи мы имеем в виду подчеркнуть общую оценку, которую дает социал-демократия эпохе послевоенного капитализма.

Остановимся также на постановке этой проблемы у Гильфердинга, который, как известно, является одним из наиболее признанных социал-демократических «певцов» «организованного» капитализма. Еще в 1924 г., в статье «Проблемы нашего времени» Гильфердинг отличительные черты войны и послевоенной экономики видит в «переходе от капитализма свободной конкуренции к капитализму организованному». Это, по его мнению, является результатом роста монополий, банков и об'единения промышленного, банковского и торгового капитала. Остающаяся при этом частная собственность вызывает необходимость «превращения иерархически организованного хозяйства в демократически организованное»[2]. В соответствии с этим Гильфердинг определяет задачи «хозяйственной демократии». Задачи социализма заключаются, по мнению Гильфердинга, в борьбе «за влияние на урегулированное и организованное хозяйство». В докладе на Кильском с'езде в 1927 г., где социал-демократия официально принимала «вероучение» об

[1] Weltwirtschaft, Staatswirtschaft und Sozialismus, S. 78.

[2] «Капитализм, социализм и социал-демократия», сб. статей и речей Гильфердинга, стр. 35.

«организованном» капитализме, Гильфердинг также продолжает воспевать укрепление капитализма, рост его организованности. Здесь он, подобно Каутскому и Реннеру, отрицает неизбежность гибели капитализма, отрицает наличие внутренних законов, приводящих к экономическим и социальным противоречиям, к противоречиям эпохи империализма и социальной революции. Этому он противопоставляет «сознательную деятельность пролетариата», как единственный фактор в осуществлении социализма.

Но к чему сводится эта «сознательная деятельность» по Гильфердингу? Она основана на структурных изменениях, происшедших в капитализме, который пришел от «свободной игры экономических сил к организованному хозяйству». Гильфердинг подчеркивает технические изменения, происшедшие в производстве, интернационализацию капиталистической промышленности, стремление об'единить национальные монополии, указывает, что руководство предприятием становится не частным делом предпринимателя, а общественным делом. Из всего этого он делает вывод:

«Итак, организованный капитализм означает в действительности принципиальную замену капиталистического принципа свободной конкуренции социалистическим принципом планомерного производства» [1]) (разрядка автора). Это делает возможным сознательное воздействие общества, что не может быть чем-либо иным, как воздействием государства. Растущее взаимопроникновение хозяйства и государства ставит задачу преобразовать с помощью государства хозяйство, сделать его хозяйством, руководимым «демократическим» государством. Таким образом, «сознательная деятельность пролетариата» по Гильфердингу сводится: 1) к парламентской деятельности, 2) к «хозяйственной» демократии. На этих положениях мы остановимся ниже.

В настоящей связи необходимо подчеркнуть общее значение социал-демократической теории «организованного» капитализма, как полнейшей апологетики капиталистической системы, отрицания противоречий, свойственных эпохе империализма послевоенного периода, эпохе всеобщего кризиса капиталистической системы. Теория «организованного» капитализма, являющаяся теоретическим «детищем» послевоенного развития социал-демократии, заключает в себе концентрированное выражение того процесса ее фашизации, который нашел свое завершение в последний период.

* * *

После всего сказанного нетрудно заметить, где корень правооппортунистической теории т. Бухарина об «организованном» капитализме, нетрудно установить идейное родство правого оппортунизма и социал-империализма в оценке послевоенного капитализма.

Еще в период войны т. Бухарин рассматривал империализм, как законченную общественно-экономическую систему, подчинившую и переделавшую всю подпочву старого капитализма и простого товарного хозяйства. Уже тогда он выдвигал схему «чистого» империализма. В работе, написанной в 1915 г., — «Мировое хозяйство и империализм», он усматривает особенности империализма в том, что каждая из капиталистических стран «превращается в один гигантский комбинированный трест, пайщиками которого являются финансовые группы и государство» [2]). Он определяет далее, что каждая капиталистическая страна представляет из себя «коллективно-капиталистическое предприятие», «однородное, организованное целое». Кого в данном случае «перепевает» т. Бухарин? Не бросается ли в глаза поразительное сходство рассуждений т. Бухарина с оценками К. Реннера? Нет ли

[1]) Там же, стр. 27.
[2]) Н. Бухарин, Мировое хозяйство и империализм, стр. 113.

глубокого внутреннего родства между утверждениями Бухарина о капиталистическом хозяйстве, превращающемся в пределах государства в гигантский трест, и реннеровской теорией национальных Wirtschaftsgebiet периода войны.

Как известно, из ошибочных оценок особенностей империализма вытекали серьезнейшие политические ошибки Бухарина по вопросу о войне и путях выхода из нее. Из них же вытекало непонимание значения для пролетарской революции освободительной борьбы колоний, «демократических» резервов в освободительной борьбе пролетариата, ошибки в национальном вопросе и понимании роли государства.

Тут же важно отметить, что теория «чистого» империализма отнюдь не являлась временным заблуждением т. Бухарина. Вся последующая его теоретическая деятельность лишь подтверждает, что в оценке эпохи империализма т. Бухарин сохранял значительную «верность» своим теориям периода войны. Не исправила его в этом отношении и беспощадная критика Владимира Ильича.

Достаточно вспомнить позиции т. Бухарина в комиссии по подготовке программы партии на самом VIII с'езде. Снова вытаскивает он на сцену теорию «чистого» империализма. Снова т. Бухарин забывает «азбуку капитализма, которую знать нужно, потому что мы из этой азбуки еще не вылезли. От этого отмахнуться и сказать: зачем нам заниматься азбукой, когда мы финансовый капитал изучаем — это несерьезно» (Ленин).

Тов. Бухарин здесь последователен. В 1929 г. он возвращается к этим своим теориям и обосновывает, исходя из них, насквозь оппортунистическую, по существу социал-демократическую теорию «организованного» капитализма. Именно в 1929 г., после Брюссельского конгресса, декларировавшего «организованный» капитализм, как официальную теорию II интернационала, конгресса, прошедшего под знаком воспевания оздоровления капитализма и его расцвета, т. Бухарин выдвигает такие теоретические перлы: «Его (капитализма. — *Е. Н.*) анархическая природа — переползает на основные линии международно-хозяйственных отношений. Проблемы рынка, цен, конкуренции, кризисов становятся все более проблемами **мирового** хозяйства, заменяясь внутри страны проблемой **организации**» [1]).

Или: «Проблема иррациональной стихии сменяется проблемой рациональной организации». Таким образом, т. Бухарин, вслед за Гильфердингом, повторяет социал-демократическую легенду об исчезновении конкуренции, о притуплении противоречий внутри капиталистической системы, о росте плановости и организованности капитализма, а, следовательно, о происходящем процессе «оздоровления» капитализма, о происшедших «благодетельных» структурных изменениях в капиталистической системе.

Признание т. Бухариным противоречий на мировой арене совершенно не меняет существа его теории оздоровления капитализма и притупления внутренних противоречий. А это означает, что в противоположность решениям Коминтерна, в противоречии с капиталистической действительностью, теория Бухарина отрицает относительность, неустойчивость капиталистической стабилизации, тем самым отрицает и неизбежность нового революционного под'ема. Вот почему в решениях X пленума Коминтерна дана следующая характеристика бухаринской теории «организованного» капитализма:

«В основе этой позиции т. Бухарина лежит его антимарксистская «теория» о притуплении внутренних противоречий капитализма, протаскиваемая им под фразами о сохранении капиталистической анархии исключительно на мировом рынке. Такого рода «теория», служащая идейной базой

[1]) Н. Бухарин, Теория организованной бесхозяйственности, «Правда» от 30/VI—1929 г.

ля всех правых элементов в Коминтерне, опровергается всем развитием капитализма и по существу является капитуляцией перед реформистской идеологией (гильфердинговская теория «оздоровления капитализма»)».

II. Теоретические „основы" парламентского кретинизма.

Итак, все теории социал-демократии о судьбах капитализма сходятся на том, что происходит непрерывный процесс роста и расцвета капиталистической системы. Но ведь социал-демократы, выполняя роль агентуры буржуазии в рядах рабочего класса, не могут открыто сбросить с себя «социалистической» личины. Спрашивается, каким же образом социал-империалисты сводят концы с концами? Как они «оттирают, искажают революционную сторону учения (марксизма. — *Е. Н.*), его революционную душу» (Ленин)? Для этого необходимо выяснить концепцию социал-демократии по вопросу о путях и методах перехода к социализму.

Начнем с отношения социал-демократии к Марксовой теории диктатуры пролетариата, с ее понимания роли государства в осуществлении «перехода» к социализму и, в этой связи, отношения к политической и социальной революции. Мы сделаем лишь несколько замечаний, поскольку это необходимо для освещения социал-демократических теорий социализирования в «хозяйственной демократии», в которых воплощена вся социал-демократическая «философия», теория и практика «врастания» капитализма в социализм.

Еще Бернштейн, этот идейный вдохновитель ревизионизма, достаточно давно сформулировавший теорию социал-реформизма, писал о диктатуре пролетариата: «Какой, например, смысл имеет фраза о диктатуре пролетариата. В наше время всюду, где можно, социал-демократы практически становятся на почву парламентского труда, пропорционального народного представительства и народного законодательства, а это всё противоречит диктатуре. Она настолько отжила, что ее можно связать с действительностью, только лишив слово диктатура его настоящего значения и придав ему смягченный смысл» [1]. Бернштейн далее считает, что диктатура пролетариата «принадлежит к культуре низшего порядка», является «шагом назад» и «политическим атавизмом».

Бернштейнианство, встречавшее кое-какую критику среди социал-демократии, теперь получило общее признание, либерально-буржуазный «социализм» стал теперь официальной программой II интернационала. Особым нападкам в рассматриваемый нами период подвергается Марксово учение о диктатуре пролетариата, не встречавшее и в былые времена сочувствия во II интернационале. Все теоретики социал-демократии в разных вариациях повторяют Бернштейна. Более того, они «углубляют» его оценки диктатуры пролетариата, потому что именно эпоха пролетарских революций во всем значении поставила эту проблему, как угрожающую существованию капитализма. «Вопрос о диктатуре пролетариата есть прежде всего вопрос об основном содержании пролетарской революции» (Сталин).

Как известно, Каутский в 1918 г. выступил со своей брошюрой «Диктатура пролетариата», в которой он пытался учение Маркса о диктатуре пролетариата свести к одному «словечку», а прямые указания Маркса о неизбежности пролетарской диктатуры — к «состоянию», а не «форме правления».

Последующие бесконечные писания Каутского о диктатуре пролетариата не отличаются какой-либо оригинальностью. Все то же, «точно во сне мочалку жует» (Ленин). Приведем только одно весьма характерное место из его книги «Пролетарская революция и ее программа». Известное положение Маркса о диктатуре пролетариата, как периоде «революционного превращения» капитализма в социализм, Каутский здесь «интерпретирует» приме-

---

[1] Эд. Бернштейн, Социальные проблемы, изд. 1901 г., стр. 217.

нительно к вопросу о государстве следующим образом: «Чисто буржуазная власть в демократическом государстве отделена от чисто пролетарской власти периодом времени, в течение которого совершается превращение первой во вторую. Этому соответствует и переходный политический период, в течение которого правительство, как общее правило, имеет форму коалиционного правительства» [1]).

Можно ли дойти до большего опошления и искажения марксизма, чем обнаруживает здесь Каутский?

У «австро-марксиста» Бауэра, в особенности в период под'ема революции, можно найти и «левые» постановки вопроса о завоевании власти. В брошюре «Der Weg zum Sozialismus» он говорит, что «социальная революция предполагает завоевание государственной власти и что пролетариат не может овладеть государственной властью иначе, как революционным способом» [2]). Но здась же он говорит также, что возможны различные пути и что мирный путь предпочтительнее.

Через несколько лет, когда схлынула революционная волна, Бауэр неприкрыто обосновывает борьбу за парламентское большинство, за избирательный листок, как единственный путь завоевания пролетариатом власти. Анализируя итоги выборов 1923 г. в Австрии, он приходит к выводу, что социал-демократии надо завоевать еще 220 тысяч голосов. «Мы можем в небольшое количество лет выборным листком завоевать власть в республике» [3]) (разрядка моя. — *Е. Н.*). Отсюда Бауэр делает вывод: «Таким образом, завоевание хотя и части мелкобуржуазных масс означает завоевание власти мирными средствами, которые дает нам демократия, оружием избирательного листка» [4]).

Но «австро-марксисты» и в том числе Бауэр на с'езде в 1926 г. при принятии программы снова делают «левый» маневр.

Докладчиком о программе был здесь сам Бауэр. Наряду с обоснованием «демократической республики», необходимости уничтожить классовое господство буржуазии средствами «демократии», — мы встречаем в программе следующие места.

«Если бы, однако, несмотря на все стремления социал-демократической рабочей партии, контрреволюционной буржуазии удалось бы взорвать демократию, тогда рабочий класс мог бы завоевать государственную власть только в гражданской войне» [5]).

И далее подчеркивается, что в случае, если буржуазия будет сопротивляться переустройству общества, пролетариат будет вынужден сломить сопротивление буржуазии «методами диктатуры» [6]). Но вся эта «левая» фразеология не меняет действительного отношения социал-демократии к диктатуре пролетариата, а является лишь более опасным способом борьбы с ней.

Впрочем, сам Бауэр на Брюссельском конгрессе II интернационала в 1928 г., касаясь путей победы пролетариата, вопроса о диктатуре или демократии, указал, что эта проблема, поставленная в период революционного под'ема, уже разрешена последующим развитием.

«О да, тогда это была борьба между двумя большими историческими перспективами, которые обе были возможны в мировом хаосе, вызванном войной, но кто может в настоящее время сказать, что эти обе исторические перспективы еще возможны» [7]). Сейчас, по его мнению, доказано, что

[1]) К. Каутский, Пролетарская революция и ее программа, стр. 135.
[2]) Der Weg zum Sozialismus, 1921, S. 9.
[3]) O. Bauer, Die Kampf um die Macht, 1924, S 25.
[4]) Там же.
[5]) В. Ягов, Программы и уставы важнейших партий II интернационала, стр. 80.
[6]) O. Bauer, Die Kampf um die Macht, 1924, S. 25
[7]) Dritter Kongress der Sozialistischen Arbeiter Internationale, 1928, S. VI, 31.

возможен только тот путь, которым идет социал-демократия, доказана неверность утверждения большевизма, будто «только насильственная диктатура может принести окончательную победу рабочему классу» [1]). Характерно, что германские «левые» в настоящее время, в период крайнего обострения противоречий капитализма, пытаются снова ловить революционных рабочих на удочку «левой» фразеологии, и снова пускают в ход «признание» диктатуры.

Приведенные примеры достаточно ярко показывают, как социал-демократия всячески пытается отвергнуть Марксово учение о диктатуре пролетариата. Тут и попытка свести это учение к отдельному «словечку», к «состоянию», а не овладению властью, к тому, что экономическое учение Маркса является «мирным» и находится в противоречии с диктатурой пролетариата, что последняя — это «чисто русское явление» и т. д. Тут и «левые» маневры, попытка использовать лозунг о диктатуре пролетариата для целей более тонкой борьбы за диктатуру буржуазии («австро-марксисты»).

То идейное оружие, с которым выступают социал-демократы против учения о диктатуре пролетариата, вся их пресловутая философия «революции» пролетариата, сводится к... «демократии». «Демократия» же нужна для доказательства мирного пути «перехода» к социализму. Важнейшее значение в этом смысле социал-демократия придает государству, завоеванию большинства в парламенте.

Каутский в книге «Пролетарская революция и ее программа» говорит о том, что «благодаря демократии становится возможной мирная форма этой (пролетарской. — *Е. Н.*) революции, без кровопролития, без насилий».

Превыше всего Каутский ставит «демократическую республику», которую считает «государственной формой осуществления социализма». «Германская конституция, рожденная революцией, — пишет Каутский, — несмотря на свои недостатки, предоставляет социалистическому пролетариату достаточные возможности мирного завоевания политической власти».

Ту же точку зрения в основном разделяет и «австро-марксист» Реннер. Государство, — указывает Реннер, — по самому своему существу должно организовать социальные учреждения (больничные кассы, соцстрахование и т. д.). А это значит, что орудие, которое, согласно понятию буржуазии, служит ее классовому господству, все более наполняется социальным смыслом, «орудие перерастает своего господина». Это делает государство рычагом социализма. Реннер считает, что уже при капитализме пролетариат видит эту новую социальную сущность государства:

«Итак, он (пролетариат. — *Е. Н.*) чувствует, что сущность социализма уже в настоящее время сосредоточена во всех учреждениях капиталистического государства» [2]). Будучи по-своему вполне последовательным, Реннер об'являет представления о революционном захвате власти... «детской иллюзией».

Но если «путь» к социализму, по концепции меньшевизма, лежит через «демократическую республику», т. е. через буржуазное государство, то каким образом последнее должно явиться фактором социалистического преобразования общества?

Здесь чрезвычайно характерно то резкое противопоставление политической и социальной революций, которое выдвигает социал-демократия. В уже упоминавшейся брошюре «Диктатура пролетариата» Каутский указывает на необходимость различать социальную революцию, политическую

[1]) Dritter Kongress der Sozialistischen Arbeiter Internationale, 1928, S. VI, 1[illegible]
[2]) Marxismus, Krier und Internationale, S. 30.

революцию и гражданскую войну. Социальную революцию он характеризует как глубоко идущий процесс, переворот всего общественного устройства, политическую революцию — как внезапный акт, который может быстро осуществиться и дойти до конца, при чем, чем более «мирно» произойдет политическая революция пролетариата, тем больше оснований для успешного разрешения задач экономической пролетарской революции.

«Пролетарская революция может осуществиться без применения насилия, самым законным путем, и экономическая пролетарская революция окажется тем успешнее и плоды ее тем долговечнее, чем более мирной будет обстановка, в которой она происходит» [1]).

То же противопоставление политических и социальных задач пролетариата выдвигает Г. Кунов. Он считает, будто Маркс проводил строгое различие между этими понятиями и если Маркс говорит о социальной революции, то отнюдь не имеет в виду политической борьбы за власть.

«Под политической революцией он (Маркс) понимает массовое движение, имеющее целью переворот в политическом строе государства и преобразование политических государственно-правовых норм (прежде всего законодательство о государственном строе) — а под социальной революцией — глубокий переворот в жизненных отношениях общества, т. е. в материальных отношениях членов общества друг к другу» [2]). При этом и Кунов, подобно Каутскому, подчеркивает, что социальные изменения могут произойти постепенно, без восстаний и уличной борьбы — парламентским путем.

По существу ничем не отличается в этом отношении постановка вопроса и у австро-марксиста Бауэра, считающего, как и его германские «коллеги», что политическая революция пролетариата, устраняя политическое неравенство, не уничтожает экономической эксплоатации и потому оставляет социальное неравенство. Бауэр также полагает, что политическая революция может быть делом одного дня. Иначе обстоит с социальной революцией. Если представить себе, — аргументирует Бауэр, — что в один день рабочие насильственно овладеют всеми предприятиями, изгонят капиталистов и возьмут на себя управление производством, то это приведет к неисчислимым бедствиям, так как вызовет гражданскую войну и разруху. По его мнению путь к социализму не таков. Вывод: «Политическая революция была делом насилия, социальная революция может быть делом только строительной организационной работы» [3]).

Каков об'ективный смысл этого противопоставления и отрыва политической революции от социальной?

Прежде всего это противопоставление направлено, конечно, против марксистского учения о пролетарском государстве, о диктатуре пролетариата как орудия социалистического преобразования общества. С другой стороны, совершенно ясно, что здесь обосновывается незыблемость капиталистического способа производства, обосновывается отрицание необходимости социалистических мероприятий, даже в случае успеха «политической революции», даже в случае завоевания парламентского большинства. Все эти рассуждения о «мирной», «организационной» работе как способе осуществления социальной революции, рассчитанном на многие годы, означают не что иное, как обоснование необходимости сохранения и укрепления капитализма.

---

[1]) К. Каутский, Пролетарская революция и ее программа, стр. 220.
[2]) Г. Кунов, Марксова теория исторического процесса общества и государства, стр. 288.
[3]) O. Bauer, Weg zum Sozialismus, 1921. S. 9.

Но если концепция социал-демократии есть неприкрытая теория «врастания» капитализма в социализм, то и здесь, понятно, не обходится без «левых» маневров. Речь идет об «австро-марксистах». В уже упоминавшейся ...цкой программе имеется даже специальный раздел: «Переход от капиталистического к социалистическому строю».

В этом разделе немало «левых» фраз. В нем говорится о «росте возмущения народных масс против господства капитала над производством», ... том, что «преодоление капитализма становится исторической необходимостью» [1]). Однако, когда речь заходит о том, как это осуществить, «левые» ...чинают говорить совсем иным языком. Все дело сводится к тому, что и ...переходный период «будут стоять друг против друга обобществленные и ...питалистические предприятия» [2]), что «экспроприация» собственности ...жет быть произведена и на основе... «вознаграждения» и т. д. Эти, а также ...яд других мест достаточно ясно показывают, что никакого революционного ...реходного периода к социализму австрийская социал-демократия не признает, а просто пытается «левой» фразеологией затуманить истинный смысл ...оей теории «врастания».

Революционные события послевоенных лет вынудили социал-демократию особенно густо окрасить «социалистической» фразеологией фасад своих ...еоретических построений, ибо это диктовалось необходимостью особенно ...щательной маскировки предательства революции в этот грозный для капитализма час, стремлением спасти во что бы то ни стало тонущий корабль ...апитализма.

Так возникла теория и практика пресловутого социализирования, к рассмотрению которого мы и переходим.

III. „Социалистическая" маскировка в период «Sturm und Drang». (Теория социализирования).

Первый этап послевоенного периода, «период непосредственных революционных выступлений пролетариата, период, высшей точкой которого является 1921 г.» (VI конгресс Коминтерна), особенно острое выражение получил в побежденных странах — Германии и Австрии. Разразившиеся здесь ...еволюции вызвали широчайшее движение масс за социалистические преобразования, поставили в порядок дня развитие и углубление пролетарской ...еволюции.

Радикальные настроения масс получили свое выражение в требованиях ...экспроприации частнокапиталистической собственности. Под напором масс ...оциал-демократия оказалась вынужденной прибегнуть к лозунгу социализирования. Однако тут же были сделаны существенные оговорки: сначала восстановить производство, а лишь потом — социализирование. «Сначала успокоение — потом реформы». «Для социализирования, — утверждал небезызвестный Отто Браун, — вообще не может быть более несчастливого периода, чем настоящий. Германия изголодалась, сырья нехватает, машины — испорчены. Всякая торопливость может дискредитировать социализм на десятилетия» [3]).

[1]) В. Ягов, Програмы и уставы важнейших партий II интернационала. ...тр. 70.

[2]) Там же, стр. 70.

[3]) Ströbel, Socialisierung, ihre Wege und Voraussetzungen, Berlin, 1922, ... 129.

Организованная в 1918 г. комиссия по социализированию, включавшая ряд видных социал-демократов, в опубликованном ею рабочем плане отразила эти установки социал-демократии.

Интересно, какую оценку дает этому плану комиссии Э. Бернштейн: «Опубликовывая свою программу, комиссия хотела показать рабочим, какие имеются основания, чтобы пока не спешить (sic! — *Е. Н.*) с обобществлением средств производства» [1].

В соответствии с этими установками комиссии Гильфердинг на I с'езде советов сделал доклад, где он выдвигает основное положение: сначала пустить в ход производство. Он высказывается против всеобщего социализирования, а также против социализирования банков.

Гильфердинг особенно подчеркивает, что процесс социализирования должен быть д л и т е л ь н ы м. «Для социализирования, — говорит он, — прежде всего требуется время. Политическая революция осуществляется быстро и легко, замещение одной хозяйственной формы другой, напротив, требует очень много времени» [2].

Чтобы понять дальнейшую линию поведения социал-демократии в отношении социализирования, нужно иметь в виду, с одной стороны, нарастающую революционную волну, с другой стороны — то отношение к лозунгу «социализирования», какое имелось у некоторых представителей буржуазии.

Сильнейшее развитие государственно-капиталистических тенденций, которым характеризовалось хозяйство Германии в военный период, принесшее громадные барыши империалистическим группам, — вызвало в рядах буржуазии сочувственное отношение к мероприятиям «планового» руководства экономикой со стороны государства, готовность помочь социал-демократии именно так направить лозунг «социализирования».

Отдельные буржуазные экономисты (Гольдштейн, Бюхер) и некоторые виднейшие государственные деятели буржуазии (Ратенау) также выдвигали теорию «социализирования», которая выражала их установки на государственное капиталистическое развитие послевоенной Германии.

Характерно, что такой архибуржуазный экономист, как Карл Бюхер, в своей книге «Die Socialisierung» не только вполне солидаризируется с положениями гильфердинговского доклада на I с'езде советов, но и идет далее, считая подготовленными к «социализированию» индустрию в картелированной или акционерной форме, при чем, как и социал-демократы, Бюхер считает, что препятствием явилось бы неблагоразумие масс, «склонных к дикой скачке».

Так перекликались теоретики буржуазии и социал-демократии, общими усилиями выхолащивая революционные требования масс, подсовывая буржуазные лозунги, облеченные в социалистическую фразеологию. Недаром буржуазия была привлечена к участию в работах самой комиссии по социализированию. Практика социал-демократов не расходилась с их теорией. Одной своей стороной лозунг социализирования в социал-демократической интерпретации был обращен к буржуазии, к ее планам восстановления Германии на капиталистической основе, а другой стороной — к обузданию революционных устремлений масс для достижения этих задач — сохранения капитализма.

Вместе с тем, в условиях усиливающегося Sturm und Drang выступить против социализирования означало — разоблачить себя в полной мере перед массами. Вот почему, если раньше и раздавались некоторые голоса против социализирования, то сейчас эти голоса вынуждены были умолкнуть.

---

[1] Э. Б е р н ш т е й н, Германская революция, стр. 96.
[2] Цитир. по книге Arnold Steinmann «Sozialisierung», S. 67.

социализировании стали говорить все, хотя по существу эти высказывания но отличались от установок Гильфердинга.

О социализировании заговорил даже сам отец ревизионизма — Бернштейн. Тряхнув старыми лохмотьями социал-либерализма, Бернштейн заявил: двадцать лет тому назад в одном сочинении высказал положение, и я сейчас под ним подписываюсь. В хорошем фабричном законе может заключаться больше социализма, чем в огосударствлении нескольких сот предприятий» [1]).

Оставаясь верным этому своему положению, Бернштейн усматривает основную задачу социализирования во все большем проникновении общественности в капиталистические предприятия. При этом, в соответствии с положением Гильфердинга, Бернштейн утверждает: «Важнее, чем вопрос — общественное или частное производство, есть вопрос — функционирующее и остановленное производство» [2]).

Каутский, принимавший непосредственное участие в работах комиссии по социализированию, сформулировал и конкретизировал на II с'езде советов в апреле 1919 г. в своем докладе ряд положений, также по существу являющихся развитием тех установок, которые в свое время делал Гильфердинг.

Тут снова выступают старые «песни» о поднятии производства, как предпосылке социализирования: «Однако, — говорил Каутский, — еще неотложнее, чем вопрос способа производства, есть вопрос производства вообще. Оживить его снова и привести в движение является нашей неотложной задачей. Она образует предпосылку всякой попытки социализирования производства» [3]).

Решительно отвергая полное социализирование, Каутский подчеркивает, что при каждом шаге «нужно учитывать его последствия», нужно учитывать «неподготовленность» большинства отраслей к социализированию. Тут, конечно, дело не обходится без предостережений от опыта Советской страны, от «русского метода», — опыта, давшего, по его мнению, отрицательные результаты.

В полном согласии с этими «путями», ведущими в меньшевистский социалистический» рай, находится и концепция «левых» — австромарксизма.

В книжке Бауэра «Weg zum Socialismus» мы находим тот же лейтмотив — важнейшей предпосылкой перехода к социализму он считает организацию производства так, чтобы не пострадало количество добываемых благ. Если рабочие,—рассуждает Бауэр,—насильственно овладеют производством, то это приведет к гражданской войне. К тому же рабочие не справятся с управлением производством. Все это приведет к уменьшению получаемых благ. Поэтому социализирование нужно проводить «шаг за шагом», планомерной, организующей «работой». Вознаграждение владельцев, конечно, является, по мнению Бауэра, необходимым условием социализирования.

Подобно Каутскому, Бауэр высказывается против огосударствления социализированных предприятий и выдвигает форму управления ими в составе представителей потребителей, рабочих и т. д. В единодушии с Гильфердингом Бауэр отрицает необходимость обобществления банков.

Бауэр касается также и путей «социалистического» преобразования сельского хозяйства. Он выдвигает постепенность социализирования — сначала лесного хозяйства, потом латифундий, на началах, конечно, полного вознаграждения собственников. Формы, в которых будет в дальнейшем вестись сельское хозяйство, различны: крупное и мелкое хозяйство (ни слова

[1]) E. Bernstein, Was ist Socialismus, Berlin, 1922, стр. 27.
[2]) Там же.
[3]) K. Kautsky, Die Socialisierung und die Arbeiterrate.

о преимуществах крупного хозяйства). Часть земельной собственности должна быть разделена на мелкие участки и предоставлена сельскохозяйственным рабочим и мелким крестьянам на началах индивидуального владения. Из всей этой программы, как мы видим, следует, что никакого изменения основ сельскохозяйственного производства по существу и не предполагается.

Свою программу «социалистического преобразования» Бауэр заключает главой с многообещающим заголовком об «экспроприации экспроприаторов». Однако эта «экспроприация» приобретает у Бауэра крайне оригинальный характер. Она отнюдь не должна осуществиться в форме «жестокой конфискации», не должна вызвать «потрясения хозяйственной жизни». Основной метод ее проведения — это налоги, которые постепенно должны превратиться из средств покрытия потребностей государства в средство... «экспроприации экспроприаторов».

Подлинное содержание социал-демократического жонглирования лозунгом социализирования было вскрыто практикой проведения социал-демократией ее деклараций о «социалистических мероприятиях».

Правительство Эберта-Шейдемана ничего не выполнило даже из тех, более чем скромных, мероприятий по социализированию, которые декларировали социал-демократические вожди. Подготовив все предпосылки для передачи власти буржуазии, подавивши под руководством кровавого Носке январское восстание пролетариата, социал-демократы подарили стране «Веймарскую конституцию», вернули буржуазию к власти и вступили в коалиционное министерство.

Не отстала от германской социал-демократии и австрийская в своей деятельности по социализированию. Это «левое» крыло социал-демократии так же усердно, как и шейдемановцы с независимыми, предавало революцию, так же прикрывало это «социалистическими» мероприятиями, подбавляя лишь для лучшей маскировки «левую» фразеологию. Ведь председателем первой австрийской комиссии по социализированию был мастер левой фразы — Бауэр.

«Австро-марксисты» и взяли на себя задачу справиться с социалистическими стремлениями масс, выхолостить революционный смысл социалистических требований, причесать их под лозунг «социализирования» на социал-демократический образец.

Характеризуя те формы социализирования, которые нашли свое осуществление в Австрии, Бауэр, как на важнейшую из них, указывает на создание фабрично-заводских комитетов. «Возникновение и развитие фабрично-заводских комитетов, — пишет Бауэр, — имеет гораздо большее значение для развития социалистического общественного строя, чем всякая насильственная экспроприация...» [1]). Фабрично-заводские комитеты, по характеристике Бауэра, стали на практике участниками в деле управления предприятием: они «дают рабочим и служащим право и возможность контролировать и влиять не только на социальное, но также и на торговое и техническое руководство предприятием» [2]).

Другой формой социализирования, которую указывает Бауэр, являются общественно-хозяйственные предприятия (gemeinwirtschaftliche) двух типов: 1) предприятия без частного капитала—вполне социализированные, 2) акционерные общества с участием частного капитала. Что касается предприятий первого типа, то они возникли на базе предприятий, принадлежавших ранее государству, использовавшихся ранее для военных нужд. Так возникли

[1]) О. Бауэр, Австрийская революция, стр. 166.
[2]) O. Bauer, 12. November, Die Sozialisierungsaktion im ersten Jahre der Republik, Wien, 1919, S. 5.

«Об'единенные кожевенные и обувные фабрики», в которых, наряду с государством, участвовали крупные закупочные общества потребительской кооперации и сельскохозяйственная кооперация.

По такому же типу были созданы и некоторые другие предприятия. Кроме этой чистой «социалистической» формы возникали и акционерные общества с участием частного капитала (второй тип). Обо всех этих формах Бауэр отзывается весьма положительно, рассматривая их, как тип «общественного хозяйства», считая, что в них рабочий класс «вырабатывает методы общественного управления».

Но в то бурное время выступать только с такими формами социализирования перед массами было невозможно. И Бауэр признает, что «массы стремились к социализации частной промышленности». Поэтому комиссией по социализированию были тогда выработаны ни к чему не обязывающие проекты социализирования крупной металлообрабатывающей промышленности, лесных владений и т. д. «Но,—подчеркивает Бауэр,—уже в течение лета 1919 г. становилось все яснее, что на пути к осуществлению этих проектов будут стоять непреодолимые препятствия» [1]).

Главными из них Бауэр считает зависимость в отношении сырья и кредитов от иностранного капитала. Он указывает также на спад революционной волны в других странах. Поэтому, — пишет Бауэр, — социальная революция в Австрии «должна была отказаться от своей цели — немедленной «экспроприации экспроприаторов» [2]).

Таковы «социалистические» деяния австро-марксистов. Таков результат этих деяний. От построенных на чисто капиталистической основе «общественных» предприятий никакого социализма не получилось. Последние вообще вскоре исчезли, не выдержав конкуренции «нормального капитализма».

Обанкротилась и «демократия» фабрично-заводских комитетов. А «экспроприацию экспроприаторов» — этот «неприятный» лозунг — австро-марксисты при первой возможности очень охотно сдали в архив.

* * *

«Опыт» социализирования, который дал этот период, нашел впоследствии свое обобщение в теоретических построениях некоторых вождей социал-демократии. Такое «обобщение» было дано Каутским в книге «Пролетарская революция и ее программа», вышедшей в 1921 г., т. е. непосредственно после наибольшего обострения революционной обстановки. Эта книга дает, так сказать, теоретическую «сводку» всей «философии» предательства социал-демократии.

Каутский, прежде всего, утверждает, что капиталистическая форма производства должна длительно существовать наряду с социализированными отраслями: «Все социалисты, — пишет Каутский, — в последние годы занимавшиеся проблемами социализации, согласны в том, что она может быть осуществлена только постепенно, шаг за шагом и что **значительная часть производства еще в течение десятилетий будет сохранять капиталистическую форму**» [3]) (разрядка моя. — *Е. Н.*).

Столь длительное существование капиталистических предприятий отнюдь не представляется Каутскому печальной необходимостью. Напротив, он считает это благодетельным явлением. Он добивается «преуспевания» капиталистического производства. Забота о капиталистическом производстве должна, по мнению Каутского, стать делом... пролетариата. «Пролета-

[1]) О. Бауэр, Австрийская революция.
[2]) Там же.
[3]) К. Каутский, Пролетарская революция и ее программа, стр. 226.

риат заинтересован в том, чтобы в капиталистических предприятиях производство попрежнему шло полным ходом» [1]) (разрядка моя. — *Е. Н.*).

Каутского в высшей степени тревожит вопрос о том, что капиталисты, в предвидении грядущего социализирования, вдруг об'явят стачку, что у них не будет стимула продолжать производство. А если весь класс капиталистов об'явит стачку, то это приведет к полнейшему экономическому краху нового «пролетарского режима». Не поможет здесь, полагает Каутский, и конфискация, как мера наказания. Поэтому единственный выход Каутский видит в отчуждении за выкуп, при чем размер вознаграждения капиталистов должен соответствовать ранее получаемой ими прибыли. Заработная плата рабочих не должна подвергнуться изменению. Капиталист продолжает попрежнему эксплоатировать рабочих по всем правилам капиталистического искусства. Источником возмещения капиталистов должно явиться общее обложение капиталистов налогами, так как это лучше, по его выражению, «нежели ограбление (!!!) случайно попавшихся нам под руку единичных капиталистов, вносящее глубочайшее расстройство в хозяйственную мысль» [2]).

Указывая, что все это как будто противоречит революционной психике рабочего, Каутский замечает: «И все-таки как раз пролетарская революция имеет больше всего шансов на мирное развитие, без насильственных актов, постепенно, осторожно подготовляя каждый дальнейший шаг вперед и заботливо щадя капиталистическую собственность» [3]). (разрядка моя — *Е. Н.*).

Вносит ли социализирование сколько-нибудь серьезные изменения в социально-экономические отношения? Каутский по существу отвечает на этот вопрос отрицательно. Социализированное предприятие должно будет также приспособляться к рынку, конкурировать, спекулировать. Положение рабочих не изменится и в социализированных предприятиях, «социализация будет осуществляться лишь постепенно, шаг за шагом, и, с точки зрения нетерпения пролетариата, слишком медленно. Не даст она и немедленного значительного повышения дохода рабочим социализированных предприятий» [4]).

Социализация в том содержании, которое вкладывает в нее Каутский, может, по его собственному признанию, произойти и до «завоевания» власти пролетариатом, через кооперацию и «демократические» города.

Вслед за программой, сводящейся к укреплению капиталистического начала в промышленности, Каутский развивает аналогичную программу «социалистических» преобразований в сельском хозяйстве.

Милостиво санкционируя «социализирование» лесного хозяйства, Каутский проявляет больше умеренности в вопросе о социализировании арендных земель. Против социализирования в данном случае «могут быть возражения по мотивам справедливости или политической мудрости» [5]). Не желая нарушать этой «справедливости» и отдавая должное «политической мудрости», Каутский рекомендует государству еще до социализирования производить скупку арендных земель и увеличить таким образом число государственных арендаторов. Так и волки будут сыты и овцы целы...

---

[1]) К. Каутский, Пролетарская революция и ее программа, стр. 226.
[2]) Там же, стр. 233.
[3]) Там же, стр. 236.
[4]) Там же, стр. 230.
[5]) Там же.

«Обобщение» по вопросам теории социализирования сделано и К. Реннером. Его концепция представляет определенное своеобразие. Это — законченная меновая концепция. Во всей своей теории Реннер исходит из того, что «процесс обращения является для капиталистического способа ведения хозяйства не только характерным, но решающим моментом»[1]).

В своей работе «Теория капиталистического хозяйства» Реннер заявляет, что имевшие место попытки социализирования «и в первую очередь русский эксперимент» потерпели неудачу именно потому, что они «игнорировали или не принимали во внимание законов обращения», рассматривали социализирование как чисто производственную проблему. Изучение капиталистического обращения Реннер считает поэтому «предпосылкой» для теории социализирования.

Как же Реннер рассматривает пути и методы социализирования? Опорные пункты социализирования Реннер видит в характерных особенностях капиталистического способа производства. Такими особенностями являются: 1) товарность хозяйства, 2) производство прибавочной стоимости, 3) производство, организованное на принципе коллективного труда, наряду с анархией производства на рынке.

В отношении первого признака Реннер полагает, что элементы капиталистического способа производства не созрели для того, чтобы социализирование можно было начать «с устранения его (капиталистического способа производства. — *Е. Н.*) товарного характера, с устранения денег»[2]). В отношении второй особенности капитализма Реннер не видит, ч е м м о ж н о б ы л о б ы з а м е н и т ь с т и м у л п о л у ч е н и я п р и б а в о ч н о й с т о и м о с т и. «Капитализм сделал интерес к прибыли до такой степени исключительным, укоренившимся, господствующим принципом, что всякий иной конкурирующий с ним организационный (!?) принцип хозяйства вряд ли мог бы быть проведен в жизнь. Поэтому, по крайней мере для переходного периода, н у ж н о б ы л о б ы с ч и т а т ь с я с п р о и з в о д с т в о м п р и б а в о ч н о й с т о и м о с т и»[3]) (разрядка моя. — *Е. Н.*). Особенное значение придает Реннер третьей особенности капитализма. Здесь, если бы и произошло социализирование промышленных предприятий, то проблема не разрешилась бы, так как анархия на рынке не исчезла бы. Но анархия — это произвол только внешний. На самом же деле обращение в условиях капиталистического хозяйства вполне закономерно, оно подчиняется закону стоимости.

Следовательно, центр проблемы социализирования, по мнению Реннера, в том, чтобы найти н о в ы й д в и г а т е л ь о б щ е с т в е н н о г о о б м е н а в е щ е с т в в м е с т о з а к о н а с т о и м о с т и. Проблема эта экспроприацией собственности не решается, ибо экспроприация «существа социализирования не касается, поскольку она не дает в наши руки методического руководства для новой организации общества»[4]).

На каких путях, однако, мыслит Реннер осуществление социализирования в таком случае?

К этому, по мнению Реннера, приводит процесс интеграции капитала, характерный для кульминационного пункта развития капитализма. В результате развития появляется капитал, производящий все, от сырья до готового продукта, не нуждающийся в торговле, «универсальный капитал в общественном масштабе». Все это происходит в обращении. «Расчлененный ряд обращения вновь соединяется, а разрозненные части прибавочной стоимости

---

1) К. Реннер, Теория капиталистического хозяйства. Предисловие.
2) Там же.
3) Там же, стр. 287.
4) Там же, стр. 290.

вновь выступают в виде единого сплава, интеграция сменяет диференциацию»[1].

Таков процесс социализирования, который, по характеристике Реннера, осуществляется бессознательно и без воли людей, «автоматически». Капиталистическая система хозяйства автоматически «перерастает» в социалистическую, организуя рынок путем обобществления обращения. «В недрах старого общества фактически созревают все элементы нового общества: капитал социализируется».

Сделав основной упор на самодовлеющий процесс социализирования (самосоциализирование капитала), Реннер пытается скрыть грубо механистический, фаталистический характер своей методологии некоторой поправкой относительно роли сознательной воли общества. Он дополняет «автоматическое» социализирование «сознательным» и даже «социализированным путем классовой борьбы» (об этом подробнее будет дальше). Но к чему в действительности сводятся все эти дополнения? По существу, мы здесь снова имеем дело с тем же автоматическим процессом, только в несколько иной форме. Вся «сознательная» деятельность, видите ли, имеет своей основой возможно более полное использование «автоматического» процесса. Поэтому никакой речи не может быть о нарушении нынешнего процесса обращения. Речь может итти лишь о том, чтобы всемерно добиваться дальнейшего развития тех процессов, которые сами по себе ведут к обобществлению обращения. А для этого нужно стремиться к вытеснению собственника из обращения. Но как же этого добиться? Быть может, экспроприировать этого собственника? Отнюдь нет. «Экспроприацию надо понимать, по крайней мере для наших дней, не как уничтожение собственности, а как уничтожение титулов». Следовательно, все дело в том, чтобы «взяться за процент, ренту, дивиденд, выступающие в виде «чистых титулов», с тем, чтобы полупубличные учреждения вроде банков, без которых эти титулы не могут существовать, превратить в публичные учреждения». А собственность и предпринимательскую прибыль извольте оставить в покое!

Таковы пути «сознательной» социализации, по Реннеру. Они совершенно не затрагивают, как мы видим, основ капиталистической собственности, не касаются производства. Об этом говорит сам Реннер. «Социализация не может начинать с производства. «Захват фабрик, отчуждение предприятий, — все это может иметь место в революционной ситуации, но это не представляет пути к достижению цели»[2]. Путь, ведущий к «достижению цели», Реннер видит в ином: «сохранение функционирующего хозяйства, хозяйства на-ходу — вот категорический императив».

Вот собственно для какого вывода понадобилась Реннеру столь «сложная» концепция. Ларчик, оказывается, открывается просто... Все дело в том, чтобы доказать незыблемость капиталистической системы производства. Именно с этой целью «Мальбрук в поход собрался», мобилизовав всю свою ученость, весь арсенал самой махровой и реакционно-буржуазной идеалистической методологии. Отрыв производства от обращения, примат обращения, все эти неокантианские методологические «перлы», сдобренные автоматизмом и грубым механицизмом,—таковы основы реннеровского «исследования», при помощи которых он «обосновывает» социал-демократическую теорию «врастания капитализма в социализм».

На этом мы заканчиваем рассмотрение теоретических построений социал-империализма в период Sturm und Drang. О дальнейших перипетиях социал-демократических теорий «врастания капитализма в социализм» — в следующей статье.

---

[1]) К. Реннер, Теория капиталистического общества, стр. 313.
[2]) Там же.

Теоретическое обоснование „гуверизма" и крах буржуазной экономической мысли

(Теория цикла и кризисов в работах Фостера и Кэтчингса).

В. Балков.

1. Открытие в г. Ньютоне.

Экономический кризис, начавшийся в 1929 г., вырос в кризис неслыханной силы, необычайного размаха, небывалой продолжительности. Развертываясь на базе всеобщего кризиса капитализма, когда все противоречия капитализма достигли крайнего напряжения и обострения, «нынешний экономический кризис является самым серьезным и самым глубоким кризисом из всех существовавших до сих пор мировых экономических кризисов» (Сталин).

В огне острейшего мирового экономического кризиса сгорают авторитеты в конец обанкротившейся буржуазной псевдонауки, рушатся «проекты» установления прочной «стабилизации» и вечного «просперити». Оптимистическая свистопляска буржуазной печати сменилась мрачным отчаянием, растерянностью.

В настоящей статье читатель ознакомится с «Колумбами», которые чуть ли не первыми открыли страну «перманентного» и «всеобщего» капиталистического «процветания». Секрет «просперити» нашел свое первоначальное «разрешение» и «обоснование» в трудах новейших теоретиков американской буржуазии — Вильяма Фостера и Вэддла Кэтчингса. Впоследствии пресловутая идея вечного «процветания» нашла свое капитальное выражение в евангелии гуверизма, в книге «Новейшие изменения в экономике САСШ».

Теория цикла Фостера и Кэтчингса и их план преодоления кризисов при сохранении капитализма приобрели в период «процветания» огромную популярность среди американской буржуазии. Работам Фостера и Кэтчингса расточали блестящие похвалы все виднейшие американские экономисты и руководители крупнейших капиталистических организаций.

Фостер и Кэтчингс не хотят скрывать того, какое значение они приписывают себе в истории экономической мысли. Они противополагают себя всей предшествовавшей политической экономии и строят новую теорию. Свою теорию цикла они основывают на особой концепции, долженствующей, по их замыслу, вскрыть основные черты капиталистического способа производства, его движущие силы и основные противоречия. Определяя то, что им кажется основным в современной экономической структуре общества, они ставят действительно самый кардинальный вопрос: почему невозможно абсолютное развитие производительных сил в условиях данного общества и как устранить препятствия, стоящие на пути этого развития? И для

как устранить кризисы перепроизводства и достигнуть всеобщего благополучия?

Чуть ли не на каждой странице своих работ Фостер и Кэтчингс заклинают тот выход из круга капиталистических противоречий, который заключается в революционном уничтожении самого капиталистического строя. Фостер и Кэтчингс всячески отстаивают «благодетельный» принцип частной собственности. Их план есть план преодоления противоречия между развитием производительных сил и их капиталистическою формою при условии, что капиталистический строй сохраняется в своем неизменном виде. Здесь даже не проектируется огосударствление капитализма. Наоборот, авторы считают существующую организацию капиталистического производства наиболее прогрессивной и идеальной формой. Фостер и Кэтчингс не проектируют ни «коллективно-капиталистического строя», ни «хозяйственной демократии». Они вообще против вмешательства государства и кого бы то ни было в частные дела. «Поменьше управления в делах, побольше дел в управлении» — таков лозунг американского буржуа в вопросе об отношении государства к частному «бизнесу». Фостер и Кэтчингс выступают и против большевиков и против различного рода реформистских проектов. Никаких преобразований! От кризисов, безработицы и неуверенности в завтрашнем дне можно избавиться очень простым путем (и это будет «путь изобилия», а «экономика отчаяния» останется позади!). Стоит только последовать за проектом Фостера и Кэтчингса, за проектом, реализация которого не требует никаких жертв, никаких революций и реформ. Капиталисту будет обеспечен постоянный рост прибыли, постоянный сбыт, отсутствие забастовок и опасность революции. Фермеру будет обеспечен рост доходов, постоянный сбыт продуктов и полное благоденствие. Рабочему будет обеспечен постоянный заработок и все большее повышение жизненного уровня.

Своеобразная предприимчивость этих новых апологетов ярко проявилась в той рекламе, которую они постарались создать вокруг себя. Так, на обложке своей работы «Profits» они об'явили приз в 5.000 долларов тому, кто представит лучшую критику их теории. В результате они получили 435 критических работ из 25 стран, в том числе от 40 профессоров-экономистов из университетов самых различных государств. Пять «лучших» из этих работ были изданы в виде сборника.

Даже по сравнению с работами европейских буржуазных теоретиков кризисов и цикла работы Фостера и Кэтчингса представляют огромный шаг назад. У Туган-Барановского, Бунятяна, Шпитгофа, Афтальона, Касселя, Зомбарта и др. мы находим хотя бы попытку дать анализ тех или иных особенностей капиталистического способа производства. Это тоже вульгарные экономисты, защищающие капитализм. Но как ни плох анализ, данный этими теоретиками кризисов, все же они на голову выше, чем Фостер и Кэтчингс.

Фостер и Кэтчингс не блещут ни пониманием специфических особенностей капитализма, ни абстрактным мышлением. Они не выходят за рамки умственного кругозора заурядного американского «бизнесмена». Поэтому их труды и приобрели такую популярность в среде американской буржуазии. Они явились также настольным руководством для социал-прохвостов из желтой «Американской федерации труда».

Кто такие Фостер и Кэтчингс? Фостер — директор Pollak Foundation, Института экономических исследований в г. Ньютоне. Кэтчингс—«бывш. преподаватель Central Foundry C° u Sloss Sheffield Steel and Iron C°, ныне член Goldman, Sachs and C° и директор многочисленных крупных индустриальных корпораций». Он же учредитель Pollak Foundation.

Здесь, в г. Ньютоне (штат/Массачузетс), гг. Фостер и Кэтчингс осчастливили человечество открытием секрета, давно лелеявшегося в мечтах фи-

офов и поэтов вечного рая капиталистического «процветания», «классо- гармонии» и «всеобщего благоденствия» [1]).

Первый труд наших авторов — «Money» [2]), о которой Митчели зая- , что это — «книга, подлинно делающая эпоху (really epoch making»)

2. „Теория" цикла.

Для теоретизирующего американского буржуа деньги — корень вещей, фа и омега. Поэтому наши авторы определяют предмет политической номии следующим образом: «Экономическая наука... есть наука, изучаю- я человеческие интересы с точки зрения цены. Это определение покры- т не только производство и распределение благ и услуг, но и все дру- человеческие интересы, насколько они могут быть выражены в деньгах... считаем деньги центральным и всеобщим предметом (feature) экономиче- й науки» (17).

Понятие денег, поясняют авторы, мы будем употреблять в соответствии жедневной практикой дельцов, покрывающей не только все формы средств ращения, но и банковский кредит. Деньги currency. Деньги упо- ебляются всегда, как синоним «обращающейся покупательной силы» (17).

Теория денег, с точки зрения Фостера и Кэтчингса, — основа разре- ния проблемы цикла, кризисов и безработицы. Существующие теории изисов, по мнению авторов, неудовлетворительны. Они не объясняют дей- вительных причин кризисов и не могут помочь капиталистическому хо- йству выйти из заколдованного круга циклического движения. Фостер и тчингс об'ясняют это тем, что предшествовавшие теоретики не понимали ли денег и денежного кругооборота и, наоборот, абстра- ровались от них в исследовании рынка и кризисов.

Авторы впадают в грубейший денежный фетишизм, уверяя, что деньги ть основная экономическая категория, управляющая капиталистическим зяйством, и важнейший движущий фактор развития производительных сил питалистических наций (38—49).

Фостер и Кэтчингс берут деньги так, как они представляются поверх- стному наблюдателю в его непосредственном житейском опыте. Сущность все функции денег они сводят к простому средству обращения. нятие денег, как исторически упрочившегося всеобщего эквивалента, функ- и денег, как мерила стоимости, средства накопления и платежа, специфи- ское отличие этих функций от функции простого покупательного средства таются вне пределов понимания обоих соавторов, из которых один является льцом-капиталистом, а другой — вульгарным экономистом.

Наконец, денежную форму капитала эти «теоретики» наделяют ойствами самого капитала, этой действительно основной движущей лы общественного производства в условиях капитализма. Денежный фети- изм, ослепление блестящей формой золотых монет, зеленых бумажных лларов и кредитных чеков сочетается у наших «теоретиков» с фетишизмом питала [3]).

---

[1]) Вместе с указанными теоретиками подвизается Хэдсон Хэстингс. См. ее ostand Profits», № 3 серии института Поллэка, 1928 г.

[2]) «Money», by W. T. Foster and W. Catchings. Third ed., rev. Boston and w-York. Publications of the Pollak Foundation for Economic Research. 1928, 409 p.

[3]) Капитал для Фостера и Кэтчингса, соответственно взглядам всей вуль- рной политической экономии,—один из четырех агентов производства, мля, труд, управление и капитальные блага (251). (См. также «Profits», p. 20). «Капитал возникает только из сбережений» Так, например, «складной нож ть капитал, результат прошлых сбережений». «Перочинные ножи и фабрика ательной резины служат одной и той же экономической функции. Оба представ- ют добавочные продукты прошлых усилий сбережения того, чтобы будущие усилия могли быть более продуктивными» (253).

Вульгарный капиталист, не видящий ничего дальше гроссбуха и счета в банке, думает, что сделал величайшее открытие, об'явив деньги основным фактором развития общества и накопления общественного капитала. Он с пренебрежением смотрит на абстрактные построения классиков.

Для того, чтобы выяснить причины циклических колебаний и сущность кризисов, Фостер и Кэтчингс предпринимают исследование роли денег в товарном обращении, их связи с уровнем цен, роли цены в регулировании отношений между общественным производством и потреблением общества, роли денег в качестве циклообразующего фактора, прибыли, кругооборота денег между производителями и потребителями и причины «недопотребления» общества. При чем весь этот анализ основывается на представлении о том, что деньги есть верховная экономическая категория и что движение денег из сферы производства в сферу потребления и обратно образует конечное основание для разрешения всей проблемы кризисов и цикла и для установления абсолютного прогресса производительных сил общества при одновременном сохранении капиталистических производственных отношений.

Фостер и Кэтчингс подвергают анализу понятие и функции денег. «Никто не может, — заявляют они, — разрешить проблему периодических экономических депрессий или какой-либо другой важной экономической проблемы, если он прежде всего не разрешил проблему значения цены» (186). Экономическая функция цены — служить производству и распределению благ. Двигать товары — такова функция денег. Производство не может долго продолжаться в данном размере, если дневные покупки не будут соответствовать размерам производства за день. Они играют решающую роль в об'яснении депрессии и перепроизводства и находят свое выражение в ценах.

Фостер и Кэтчингс строят также особое понятие «правильной цены» (Right Prise). «Тот факт, что люди покупают, показывает, что цены правильны. Когда люди не покупают, цены неправильны; неправильны с точки зрения функции цены, неправильны потому, что они не служат производству и обмену товаров. Бизнес показывает, что цены правильны, когда товары продаются. Здесь не может быть другого критерия. Отсюда следует, что цены не могут быть правильными для бизнеса, когда они неправильны для потребителей. Полнее говоря, давая готовое определение предмета, «правильность» цен состоит в их способности двигать блага» (188).

«Здравый смысл» новоявленных теоретиков американской буржуазии мешает им установить связь цены с действительными изменениями производительности труда и процесса расширенного воспроизводства капитала. Фостер и Кэтчингс не уяснили себе именно «проблему значения цены» в реальной циклической динамике капитализма. Это и не могло быть иначе, ибо они только истолковывают, систематизируют и оправдывают представления капиталистов, захваченных иррациональной формой проявления внутренних закономерностей капиталистического способа производства.

Функцию цены Фостер и Кэтчингс смешивают с функцией денег как средств обращения. Определив, что функция цены состоит в том, чтобы «двигать товары», авторы выдали с головой свое невежество. Оба, и капиталистический профессор Фостер, и профессорствующий капиталист Кэтчингс, обнаружили здесь непонимание простейшей формы товарного метаморфоза, акта купли-продажи.

Не цена товара, а денежный знак стоимости составляет колесо товарного обращения. Цена есть форма проявления стоимости товара, средство воздействия закона стоимости на механизм товарного производства. А функция «двигать товары» принадлежит деньгам как средствам обра-

ния. Товары лишь постольку движутся, реализуются, поскольку они могут ітти в соприкосновение с позолоченной формой стоимости. Движение то-юв зависит не от цены, а от хода совокупного процесса капи-листического воспроизводства в целом. Так, в период де-ессии цены низкие, а товары почти не движутся. И это потому, что кру-оборот товаров, обращение капитала в товарной форме зависит не столько цены, сколько от общего хода капиталистического процесса воспроиз-дства. Изменения цен оказывают регулирующее влияние на механизм ка-талистического воспроизводства, но здесь мы имеем лишь проявление дей-вия глубже лежащего закона стоимости. Этой-то функции цены ав-ры и не поняли, что явствует из их вульгарной теории «правильных цен».

Правильно все то, что не ведет к волнениям и риску. Такова точка зре-я заурядного, вульгарного капиталиста и его не менее вульгарного эконо-ста. Исходя из этой последней точки зрения, авторы и конструируют ка-горию «правильной цены», в отличие от тех определений «естествен-ой цены», который давали классики, и тех понятий стоимости и ены производства, на которых Маркс построил всю свою экономи-скую систему.

Понятие «правильной цены» Фостер и Кэтчингс противопоставляют клической динамике цен, представляющей единственную реальную форму оявления закона стоимости. Цены периода депрессии и цены периода вы-кой кон'юнктуры с их точки зрения суть неправильные, ненормальные. действительности же неправильна здесь именно теория «правильной цены», ю она базируется на непонимании неизбежности циклов капиталистиче-ого хозяйства. Низкие цены периода депрессии есть следствие необходи-эсти возврата цен к действительному уровню стоимости товаров, а высо-е цены периода под'ема с необходимостью выражают напряжение произ-дственного процесса капиталистического общества, отрыв цен от стои-эсти, «переразвитие» производства и неизбежное регулятивное вмешатель-во закона стоимости через кризис.

Концепция Фостера и Кэтчингса была развита и дополнена в «Pro-ts» [1]).

Авторы не представляют себе общественного прогресса без денег и ка-италистической прибыли. Не лишена интереса аргументация авторов. «Что отив прибыли является весьма могущественным мотивом, должны признать щитники революции, даже (!) Сидней и Беатриса Вэбб и т. д.». «Этот мо-в» с нашей точки зрения есть и останется сердцем индустриального обще-ва. (10). Авторы ссылаются также и на... Ленина. (14). Для пущей убеди-льности авторы даже цитируют «Коммунистический Мани-ест».

Фостер и Кэтчингс захлебываются от восторга перед капиталистиче-ким способом производства [2]). «Деньги — ядро экономической теории; при-ль — сердце экономической жизни» (6). От прибыли зависит занятость бочих, их жизненный уровень, прогресс техники и т. д. Но откуда возни-ет сама прибыль?

---

[1]) «Profits» by W. T. Foster and Waddil Catchings. Publications of the Pollak undation for Economic Research. Boston and New-York. Houghton Mifflin Company. 25, 465 pp.

[2]) «Короче, мы убеждены, что будущая экономическая структура, по край-й мере в САСШ, будет строиться с бесконечными усилиями, с помощью по-янного научного исследования, следовательно, камень за камнем, год за годом, существующих основаниях. Это есть испытанный процесс человеческого про-есса. Разрушить дом, в котором мы живем, прежде чем мы даже не выработали ан нового, есть путь регресса» и т. д., и т. п. «Многие не согласятся с ... замечают авторы.—Они верят, что все страны, следуя примеру Рос-и, должны отменить теперешнюю структуру, включая основы, и непосредственно начать реконструкцию на коммунистической базе» («Profits», pp. 10—11).

Перечисляя различные источники капиталистического дохода вплоть до таких факторов, как религия и землетрясение, авторы скрывают **общую субстанцию** всей капиталистической прибыли — **неоплаченный труд рабочих**. Они полагают, что заработная плата является полным эквивалентом стоимости, создаваемой рабочими в процессе капиталистического производства.

В третьей части «Profits» Фостер и Кэтчингс дают иллюстрацию размеров падения прибыли в периоды депрессий. Здесь наши авторы ставят своей целью опровергнуть закон средней нормы прибыли [1]). Не поняв различия между законом и формой его проявления в реальных условиях циклической динамики капитализма и конкуренции капитала, авторы нагромождают целую гору статистических данных, показывающих огромные вариации прибыли отдельных отраслей производства в различные периоды кон'юнктурного цикла и различных отраслей производства в один и тот же период (гл. XI—XIII). Приведя эти данные, Фостер и Кэтчингс полагают, что тем самым уничтожен закон средней нормы прибыли.

Приводимые ими данные дают яркую картину того, насколько прибыль капиталистических предприятий и развитие различных сфер производства поставлены в зависимость от закона неравномерного развития капиталистического производства, от степени монополизации производства, а также от циклических и кон'юнктурных условий. Тем самым Фостер и Кэтчингс подготовляют свои выводы о необходимости ввести **организованность и планомерность** в динамику капиталистического производства. В указанных цифрах обнаруживается вся **ограниченность** развития производительных сил, поскольку они заключены в узкие рамки капиталистического присвоения. Но именно этого-то вывода и не хотят сделать наши авторы.

В изображении Фостера и Кэтчингса **положение рабочего класса в капиталистическом обществе является гораздо более обеспеченным и «справедливым», чем положение капиталистов-предпринимателей.** Этому тезису специально посвящена глава XIV. «Риск и убытки падают прежде всего на капитал. Более чем 10.000 корпораций, уплачивая в продолжение года заработную плату, в конце каждого года находят, что ничего не остается для дивидендов»... Все выгоды от снижения цен достаются рабочим, получающим заработную плату каждую неделю, «в то время как ни один держатель акций не получает ничего. Финансовое бремя депрессий, как ясно показывает статистика, падает более тяжело на держателей капиталов и ферм, чем на получателей заработной платы» (154). «Капитал часто работает без дохода; рабочие редко работают без заработной платы» (155).

Далее Фостер и Кэтчингс развивают откровенно апологетическую теорию, согласно которой непосредственные потребители, народные потребительские массы **управляют** современным капиталистическим производством.

Продавцы могут сделать все, что в их силах, но «выбор остается за покупателем. Цены, которые они платят сегодня, суть в действительности заказы для будущего производства» [2]).

---

[1]) Фостер и Кэтчингс отвергают анализ **внутренних закономерностей** капитализма.

«Распространена вера в то, что существует нормальный уровень цен, нормальная заработная плата, норма прибыли, норма транспортных издержек, нормальный уровень денег и т. д., к которым страна должна вернуться в период депрессии, прежде чем она сможет снова приобрести старые условия балансирования индустрии. Эта вера базируется на ошибке. Этого нельзя найти в статистических показателях за прошлое время». (330).

[2]) «Money», p. 191

«Крупный капитал не является и не может быть вещью автократической, как это часто говорят. Даже Стальная корпорация Соединенных штатов должна следить день за днем за голосами покупателей. Она не может больше сказать о том, что она хочет производить, чем поселок кузнецов» (192).

«Экономическая конкуренция демократичнее, чем самое демократическое правительство. Даже после многих поколений борьбы против автократии в политической области нет ничего сравнимого со свободой и универсальным избирательным правом покупателей» (192) (разрядка наша. — *В. Б.*).

Авторы отрицают антагонистический характер распределения продукта между капиталистами и рабочими. Превращая свои прибыли в дополнительный капитал, капиталист, по мнению Фостера и Кэтчингса, доставляет рабочим в виде заработной платы столько покупательных средств, сколько необходимо для реализации создаваемого ими продукта. (Давно опровергнутая Марксом теория Смита и Рикардо!).

«Тот факт, что богатый помещает свои деньги и таким образом становится еще богаче, не делает его врагом лиц, получающих заработную плату. Наоборот, большинство инвесторов прямо способствует получению заработной платы, ибо большинство денег, которые они инвестируют в капитал и бумаги или прямо в фабрики и копи, скоро выплачивается в заработной плате. Еще более важным является тот факт, что фактически все деньги, таким образом инвестированные, принимают существенное участие в производстве богатства, которое одно делает возможным высокий жизненный уровень для получающих заработную плату или же поддерживает этот уровень» («Money», 256, разрядка наша. — *В. Б.*).

«Сокращает эта прибыль долю рабочего в индустрии или нет, в действительности зависит от того, что делают с прибылями. Если прибыли вновь достаточно быстро инвестируются в направлении, диктуемом дневными покупками потребителей, то народ, как целое, а не инвесторы, получает непосредственные занятия от прибылей. Ибо в этом случае большинство прибылей распределяется в качестве заработной платы; а когда блага, ради производства которых была выплачена заработная плата, достигнут рынка, они будут потреблены преимущественно получающими заработную плату». Следовательно, «мы не можем ничего сказать вернее, как заключить, что плоды индустрии теперь распределились в удовлетворительных пропорциях между всеми, кто принимает участие в процессе производства». (259, разрядка наша.—*В. Б.*)

Рост реального производства, по мнению Фостера и Кэтчингса, означает соответственный приток денег в руки потребителя для того, чтобы можно было реализовать возрастающую продукцию. Под этим углом зрения авторы рассматривают влияние налогов и сбережений на рост капитала, занятых рабочих и их покупательной способности. Всякие обстоятельства, отвлекающие средства от вложения в производство, тем самым создают недостаток покупательной силы на потребительском рынке и могут привести к экономической депрессии.

Таким образом выходит, что конечная причина перепроизводства — это... недопроизводство! Если Туган-Барановский и его ученики объясняли кризисы недостатком денежного капитала, то Фостер и Кэтчингс объясняют их недостатком капитала в производительной форме.

«Деньги, расходуемые в потреблении товаров, есть сила, которая движет все колеса индустрии. Когда эта сила продолжительно находится в правильном отношении к объему товаров, предлагаемых для продажи, бизнес протекает ровно. Когда деньги расходуются скорее, чем товары достигают розничного рынка, наступает деловой бум. Когда товары продолжают достигать

розничного рынка скорее, чем расходуются деньги, денег становится недостаточно. Короче, производство следует за его регулятором — распределением, а распределение в свою очередь регулируется течением денег через потребительский рынок» («Money», стр. 277).

Фостер и Кэтчингс рисуют схему круговращения денег, которая отныне должна затмить экономическую таблицу Кенэ и схемы воспроизводства Маркса. Схема эта наглядно демонстрирует возврат буржуазной экономии ко временам Сэя. В основу этой схемы положена идея тождества производства и потребления, капиталов и доходов, зарплаты и продукта труда рабочего и т. д. (стр. 304, Fig. 15). Установление правильного бесперебойного и полного перехода денег последовательно через сферу производства, сферу потребления и обратно должно, по мнению Фостера-Кэтчингса, решить проблему «перманентного процветания». Важнейшим фактором перепроизводства и цикла является изменение в об'еме денег, притекающих в руки потребителей и расходуемых ими» (гл. XX и др.).

Фостер и Кэтчингс всячески расхваливают механизм цен и прибылей в качестве средства регулирования общественного производства, забывая, какую массу непроизводительных издержек вызывает этот механизм стихийного регулирования капиталистического способа производства.

«Нет другого более легкого пути регулирования производства, кроме как через механизм цен и прибылей» («Profits», стр. 200). «Коммунизм не представляет удовлетворительного заместителя для цен и прибылей. Поскольку потребители больше не смогут выбирать их коммерческих представителей путем подачи долларо-голосов, они не имеют эффективного способа указать, что они хотят иметь произведенным» (l. c., разрядка наша. — *В. Б.*).

Таковы те похвальные дифирамбы, которые поют Фостер и Кэтчингс капиталистическому строю. Стоит ли опровергать вранье, что капиталистическое производство управляется широкими потребительскими массами общества, и что магнаты монополистического капитала суть доверенные этих масс!

Однако эта безвкусная апологетическая стряпня является для Фостера и Кэтчингса основою «разрешения» проблемы цикла и кризисов.

В самом деле. Раз потребители управляют производством, то откуда же кризисы, периодическое перепроизводство товаров, безработица и прочие характерные явления капиталистического способа производства?

Оказывается, причина — в отсутствии знания эффективного спроса.

«Ошибка в постоянстве рынка, неправильная калькуляция природы и расширения покупательного спроса ведет в результате к «перепроизводству» и «недопотреблению». В действительности система может быть более эффективной, если бы не было трудностей в более быстрой и точной, чем это было до сих пор, информации производителей о направлении эффективного спроса в отношении наличных капиталов и в других направлениях. Результат голосования потребителей за увеличение или сокращение производства становится известным производителю недостаточно быстро и с недостаточной точностью» («Money», 194, разрядка наша. — *В. Б.*).

«Наивные» авторы стремятся устранить циклические вариации цен путем информирования капиталистов о действительных размерах покупательного спроса. Они не понимают того, что: 1) анархия производства обусловливает неизбежность диспропорционального развития капиталистического производства, 2) между производством и потреблением капиталистического общества существует не такое простое взаимоотношение, чтобы можно было в каждый данный отрезок времени установить размеры производства,

соответствующие покупательной силе масс; 3) нелепо думать, что инфляция может противодействовать безграничной тенденции капитала к самовозрастанию, к расширению процесса капиталистического воспроизводства, 4) колебания уровня цен являются не продуктом отсутствия инфляции, а закономерным выражением циклического движения самого капиталистического хозяйства, движения, неот'емлемого от самой природы капитализма.

Фостер и Кэтчингс многократно принимаются за критику учения классиков о тождестве спроса и предложения и с видом людей, открывающих Америку, возвещают, что денежная форма заключает возможность расхождения между спросом и предложением, между производством и потреблением. Если же отбросить денежную оболочку, то за ней сами авторы усматривают полную гармонию в развитии отдельных отраслей капиталистического производства, полную гармонию между производством и покупательной способностью общества.

Основу кризиса Фостер и Кэтчингс усматривают в недостатке покупательной силы, при чем во главу угла своего варианта вульгарной теории недопотребления они ставят кругооборот денег, происходящий между сферой производства и сферой потребления.

Итак, заявляют наши авторы, основная задача — адэкватность дохода потребителей сумме цен производимой продукции. Необходимо доставить потребителю достаточно денег, чтобы он мог покупать возрастающую продукцию капиталистического производства («Profits», гл. XXI). Процветание всегда приостанавливается в силу боязни депрессии, недостатка покупательной силы потребителей (l. c.).

Какие же причины обусловливают «неадэкватность» потребительной силы?

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, авторы строят гипотезу капитализма с наличием ряда упрощающих дело предпосылок: 1) Нет посредников, нет продажи средств производства и нет внешней торговли. Полная интеграция индустрии, вертикальная и горизонтальная, под единым руководством. 2) Эта корпорация есть источник всех потребительских доходов. Зарплата покрывает все издержки производства (!!!). 3) Уровень цен остается неизменным. 4) Общий об'ем денег в обращении остается неизменным. 5) Скорость обращения денег остается неизменной. 6) Нет налогов и государственных расходов. 7) Зарплата уплачивается в ту единицу времени, в которую производятся блага. 8) Вся заработная плата и дивиденды расходуются на блага в единицу времени, в которую они получаются.

Фостер и Кэтчингс рассматривают соотношение производства и потребительского спроса при всех перечисленных условиях, а затем постепенно исключают их одно за другим (269—282). Отсюда они получают два вывода. Первый: если при предположенных условиях корпорация выручит прибыль от продажи товаров потребителям и применит ее таким путем, что она не вернется к потребителям доллар за долларом в течение данного периода,— потребители не смогут купить продукцию без предварительного понижения цен, даже если бы размеры производства и не были увеличены. Второй: если при предположенных условиях корпорация каким-либо способом увеличит ее выработку, а ее платежи потребителям в данный период возрастут, то потребитель не будет иметь возможности купить всю продукцию при данном уровне цен (282).

Ключ к проблеме недостаточности покупательной способности Фостер и Кэтчингс видят в «дилемме бережливости» (Dilemma of Thrift). «Сбережение делает невозможными два необходимых условия: 1) чтобы вся прибыль возвращалась потребителям; 2) то, что потребители должны тратить все деньги, которые они получают. Но корпоративные и индиви-

дуальные сбережения делают невозможными эти условия. В этом — проблема бережливости» (там же, стр. 296).

Падение цен и сокращение производства не разрешают проблемы (306). Не помогает делу и увеличение количества денег, экспансия кредита и ускорение обращения денег (329).

Авторы отвергают план стабилизации доллара, выдвинутый Фишером. Учетный процент тоже недостаточный способ контроля. В лучшем случае дисконтная ставка представляет запоздалый регулятор. Тем не менее понижение ставки может быть всегда использовано как смягчающее средство. Но это недостаточное средство контроля («Money», 359). «Если бы изменения в дисконтной ставке производились достаточно быстро, то большинство крайних циклических движений уровня цен могло бы быть предотвращено. Таким образом, если бы изменения в дисконтной ставке были сделаны в точном соответствии с изменением уровня цен, деловые люди знали бы, чего ожидать, и могли бы делать предстоящие операции с большей уверенностью» (там же, 360).

Внешняя торговля не разрешает затруднений с недостатком покупательной силы потребителя (353). Не может разрешить проблему и равномерное распределение дохода (354).

Но все-таки «проблема может быть разрешена. Все главные факторы суть предмет человеческого контроля (!). В стремлении достичь разрешения проблемы нет необходимости отменять самостоятельность, стабилизировать человеческие вкусы, регулировать погоду или уничтожить солнечные пятна» (416).

По мнению Фостера и Кэтчингса возможно полное использование всех существующих ресурсов общественного производства без какого-либо изменения в основах капиталистического способа производства («Profits», 228 и др.).

Авторы убеждены, что «в производстве для продажи с прибылью нет ничего, что само по себе необходимо препятствовало бы потребителям в получении достаточного количества денег для покупки произведенного» («Money», 341).

Динамика цикла представляется нашим авторам в следующем виде. В период депрессии цены, прибыль, заработная плата и издержки низки, а банковские резервы высоки. В этот период покупательная сила, которую потребители получают благодаря твердым доходам, больше, чем в другое время... В то же время правительство покупает и потребляет почти столько, сколько и обычно. Кроме того, поскольку издержки низки, начинается возрастание строительных операций и как следствие рост платежей заработной платы. Поскольку потребители сразу платят за большинство новых строений, постольку возрастает потребительский спрос на другие предметы. Запасы сокращаются и индустрия начинает восстанавливаться («Money», 348).

Когда промышленное снабжение, объем производства и выплата заработной платы таким образом возрастают, эта последняя достигает потребительских рынков в качестве возросшего эффективного спроса, поддерживающего увеличенное предложение товаров. Это стимулирует рост цен. Рост цен ускоряет поступательное движение. Зарплата продолжает расти сильнее, чем производство готовых благ. Цены растут сильнее, чем зарплата. Банковские займы возросли еще более.

В это время частично потому, что заработная плата уплачивается вперед, частично потому, что товары накопляются в промежуточных стадиях производства, частично потому, что спекулянты задерживают товары, в руки потребителей притекает достаточное количество денег, дающее им возмож-

ность купить по повышенным ценам достаточно товаров, чтобы побудить хозяйничных продавцев поддерживать заказы.

Однако прибыли растут сильнее, чем заработная плата. И прибыли не распределены держателями запасов до тех пор, пока не будут проданы товары, в которых должна быть реализована прибыль и теперь распределенной прибыли имеется больше половины. Наступает время, когда рынки чувствуют влияние возросшего предложения, но покупательная сила потребителей, полученная главным образом благодаря расширенным банковским займам и достигшая потребителей преимущественно в виде дивидендов и заработных плат, не возрастает столь же быстро, как предложение (349).

Тем временем стремление расширять операции обуздывается потому, что «цены, по которым имеется возможность продать товары, не растут так быстро, как издержки по производству бизнеса (the costs of doing business). Заработная плата, жалованье, рента и проценты, которые сперва отставали от прибылей и цен, начинают задерживать (begin to catch up)» (350).

Когда обнаруживается, что покупки перестали расти, спекулянты выбрасывают на рынок запасы, торговцы уменьшают заказы и производители сокращают производство. Цены перестают расти и обычно начинают падать, так как многие дела, возникшие в период роста цен, зависели в своем существовании от продолжавшегося роста цен. Раз цены начали падать, многие влияния совместно содействуют продолжению движения и в результате получается экономическая депрессия (350).

Как мы уже видели, Фостер и Кэтчингс устанавливают положение о том, что превращение денег в производительную форму и расширенное воспроизводство капитала означают соответствующий прирост покупательной способности рабочего класса. Соответственно тому, как возрастает капиталистическое производство, в таком же размере создаются необходимые условия реализации вновь производимых продуктов. Выходит, что условия реализации представляют обратную сторону условий производства. Капитализацию прибыли Фостер и Кэтчингс отождествляют с ростом переменного капитала, т. е. средств, получаемых рабочими в виде заработной платы. Отсюда грубо апологетическая и вульгарная теория равенства распределения общественного продукта между капиталом и трудом, концепция тождества производства и потребления. Накопление капитала отождествляется с накоплением его переменной части.

Если бы, говорят Фостер и Кэтчингс, все капиталы и прибыли направлялись на расширение действительного процесса производства и тем способствовали росту покупательной силы рабочего класса, то увеличение капиталистического производства всегда сопровождалось бы соответствующим увеличением покупательной способности широких масс. В самом капиталистическом процессе производства, по их мнению, не существует никаких имманентных противоречий.

Учение о тождестве накопления капитала с приростом суммы заработной платы дает возможность нашим авторам убить одним выстрелом двух зайцев: с одной стороны, воскурить фимиам капиталистическому строю, с другой стороны, дать особую «теорию» кризисов.

Но главное, что затушевывается почтенными «теоретиками» из штата Массачузет, это — анархия капиталистического производства, диспропорциональность производства, вытекающая из важнейшего и глубочайшего противоречия, — противоречия между общественным характером производства и капиталистической формой присвоения. Теория капиталистического цикла без указания на анархию производства и закон диспропорциональности развития разных отраслей — пустой звук.

Переход от депрессии к оживлению и замедление расширенного воспроизводства капитала на высшей стадии под'ема Фостер и Кэтчингс об'ясняют здесь, исходя из факта изменения издержек производства. Но нигде в каком-либо другом месте своих работ Фостер и Кэтчингс не касаются этого факта циклических изменений. Теория кризисов и цикла, как она излагается во всех их работах, базируется на учении о недостаточном притоке денег из сферы производства в сферу потребления. Здесь же в качестве первичного фактора превращения депрессии в под'ем и под'ема в кризис выставляются издержки производства. Вследствие этого возникает вопрос, какой же, по мнению наших авторов, фактор является решающим в циклических вариациях: изменение издержек производства или перераспределение денег между сферой производства и сферой потребления?

Об'яснение кризисов повышением издержек производства, а перехода от депрессии к оживлению — их понижением, заимствовано авторами у таких представителей современной американской вульгарной теории цикла, как Митчелл, Кларк и т. п.

Схема цикла, данная Фостером и Кэтчингсом, представляет самое поверхностное описание циклических явлений, как они представляются практическому буржуа. В ней зафиксированы только внешние формы движения капиталистического хозяйства, а его внутренние законы и противоречия скрыты.

Таков «теоретический» багаж Фостера и Кэтчингса, и таковы те исходные положения, на основе которых они хотят разрешить проблему «квадратуры круга», проблему развития производительных сил капиталистического общества, независимо от капиталистического характера производственных отношений, независимо от природы самого капитала, ставящего узкие границы этому развитию. Критику теории кризисов Фостера и Кэтчингса мы дадим ниже, а сейчас рассмотрим другую их работу.

3. „Бизнес без покупателей".

«Теория» и «практический» проект установления планового, перманентного процветания капитализма, выдвинутые капиталистом Кэтчингсом и профессором-апологетом Фостером, были изложены в популярных работах «Бизнес без покупателей» [1]) (1927) и «Путь к изобилию» (1928).

Первая имеет целью дать в популярной форме сущность «Money» и «Profits» и наметить путь разрешения проблемы устойчивого «процветания». В предисловии к ней, подводя итоги конкурсу с призом в 5.000 долларов, Фостер и Кэтчингс заявляют, что присланные в комиссию критические работы «не ослабляют основ нашей теории» [2]).

«Многие критики, — сообщают авторы, — утверждают, что «Profits» есть революционная (!) книга. Другой професоор высказывает мнение, что если эта теория верна, то она представляет наиболее важное экономическое открытие века» (предисловие, XI). Фостер и Кэтчингс с гордостью сообщают: «наша теория основана на том, что мы ежедневно наблюдаем в действительном мире бизнеса; и с этим миром мы познакомились доста-

---

[1]) «Business Without a buner» by W. T. Foster and W. Catchings, Publications of the Pollac Foundation for Economic Research. Boston and New-York. Houghton Mifflin Company, 1927, 205 pp.

[2]) Если бы судьи об'явленного конкурса не принадлежали к числу буржуазных экономистов и руководителей капиталистических организаций, то они, несомненно, должны были бы присудить приз автору «Капитала» — Марксу, ибо там дана, бесспорно, исчерпывающая и убийственная критика всех и всяческих вульгарно-апологетических теорий и в частности все необходимое для полного разоблачения новоявленных «теоретиков» — Фостера и Кэтчингса.

очно хорошо. В какой степени наша теория является оригинальной,— мы е можем знать, ибо мы не знакомы полностью с литератуой по экономике. Наш метод состоит в том, чтобы выводить наши идеи из бизнеса скорее, чем из книг» XV, разрядка наша.—*В. Б.).*

Комментарии здесь излишни. Авторы откровенно определяют себя по татату вульгарных экономистов, экономистов, черпающих свои идеи из внеш. их явлений непосредственной капиталистической практики и презрительно творачивающихся от абстрактной теории.

Кризисы и депрессии вызывают огромнейшие потери. Кризисы и депресии увеличивают для буржуазии опасность революции. Как же достигнуть перманентного «процветания»? Если эта цель будет достигнута, тогда исчезает опасность революции. «Процветающий народ не делает революций» (17)

Причин недопотребления, недостатка покупательных средств — две:) увеличение платежей промышленности народу происходит непропорционально увеличению ее продукции и 2) благодаря необходимости сберегать, люди не могут тратить столько денег, сколько получили. Вот почему «даже в лучшие времена мы лишь незначительно используем наши производительные ресурсы» (25). «Недопотребление существует благодаря недостатку потребительского дохода».

Фостер и Кэтчингс не видят причин этого недостатка, коренящихся самом процессе капиталистического производства, в отношении между трудом и капиталом. Наоборот, здесь, по их мнению, нет ничего, что имело бы хоть какое-нибудь отношение к проблеме кризисов и перепроизводства.

Авторы ограничиваются поверхностным представлением, в котором исключается действительное понимание противоречия между производством и потреблением в капиталистическом обществе. Конструируя взаимодействие производства и потребления в форме замкнутого порочного круга, Фостер и Кэтчингс скатываются к точке зрения Сэя, Бастиа и К°.

Авторы с важным видом поучают, что никто не понял, чем вызван недостаток потребительского дохода. «Конечно, они не открыли какого-либо возможного способа преодоления депрессий без того, чтобы не ввергнуть страну в экономический хаос» (52).

Далее, Фостер и Кэтчингс рассматривают значение продаж в рассрочку (Instaltement) для проблемы недопотребления. В 1926 г. продано в рассрочку было на сумму около 7½ миллиардов долларов по действительным продажным ценам, охватившим 50 видов товаров.

Но, указывают авторы, эти продажи не разрешают проблемы. Никто не может увеличивать покупку в рассрочку беспредельно (69). Ясно, что продажи в рассрочку не делают «автоматически» людей способными платить за данные блага. Блага возрастают скорее, чем доход (72). Мы должны найти способ достижения перманентности на достаточно удовлетворительном базисе, а увеличение продаж в рассрочку теперь производится на сомнительном базисе (76).

Фостер и Кэтчингс всячески превозносят роль автомобильной индустрии в создании процветания последних лет, а затем заключают, что проблема перепроизводства может быть разрешена путем еще большего увеличения размеров производства в крупнейших отраслях индустрии (гл. IV).

В свете современного американского и мирового кризиса особенно комично выглядит следующее хвастливое утверждение авторов: «Люди этой страны все ездят в автомобилях потому, что они процветают; и еще более правильно сказать, что они процветают потому, что они все ездят в автомобилях» (77—78).

Дополнительные деньги были созданы и распределены между потребителями в связи с развитием новых производительных сил, сил, которые еще не требуют платы за них от потребителей... Это — решающий пункт. Он показывает, что автомобиль сделан для бизнеса (82).

Фостер и Кэтчингс расписывают блага, которые принес с собою расцвет автомобильного производства. «Пока, — говорят они, — разрушители сообщали рабочим, что они не могут улучшить их положение без разрушения системы заработной платы, денежной системы и производства ради прибыли, строители шли вперед, применяя существующее денежно-прибыльное хозяйство — лучшее, что они знают, создавая богатства, увеличивая миллионы долларов для оплаты участников производства» (100).

«В Соединенных штатах, благодаря автомобильной индустрии, возрастает счастье народа, материальный комфорт, сокращается рабочий день, увеличиваются сбережения, улучшается здоровье, улучшаются заботы о детях и, наконец, уменьшилось беспокойство за будущее — все в результате увеличения заработной платы на 25% или более».

Какой иронией звучат эти слова для тех 15 миллионов американских рабочих, которые вместе со своими семьями гибнут от голода и нищеты в условиях нынешнего экономического кризиса!

По мнению авторов, индустрия не имеет источника доходов кроме потребления, потребление не имеет источников дохода, кроме индустрии. Поэтому, если индустрия возвращает потребителям все деньги, получаемые ею от потребителей, и если потребители расходуют все эти деньги (или помещают туда, откуда они обратно притекают к потребителям), то она может продолжать безгранично создавать и реализовать данное количество товаров по данным ценам. Здесь не было бы ни «бума», ни «депрессии», ни «экономических циклов». В прошлые годы, однако, ни корпоративные, ни индивидуальные сбережения не были полностью инвестированы в новые производительные силы внутри страны. Часть была резервирована (hoorded), часть оставлена на растущих банковских балансах и миллиарды инвестировались за границей... В противном случае не было бы дефицита в потребительском спросе (83). Страна процветала последние 15 лет потому, что достаточно увеличился об'ем денег, главным образом в связи с новыми капитальными вложениями и публичными работами, преодолевавшими дефицит в потребительских покупках, проистекавший из сбережений корпоративных и индивидуальных. Но только преодоление этого дефицита было недостаточно в сравнении с ростом бизнеса. «Пока мы не готовы для процветания назавтра, мы не можем иметь процветание сегодня» (85). «Невозможно использовать капитальные силы, которые мы уже имеем, сохранить в достаточной степени экономическое процветание до тех пор, пока мы не строим в достаточной мере новых капитальных сил» (86).

Наконец-то проблема «разрешена»!

«Для того, чтобы сделать народ способным покупать выпуск наших теперешних фабрик, мы должны строить новые, мы должны строить больше новых» (86). Итак, **преодолеть перепроизводство можно лишь путем еще большего увеличения размеров существующего капиталистического производства.** «Разрешение» проблемы кризисов, как видит читатель, очень простое.

Современное материальное процветание Соединенных штатов обязано главным образом автомобилю, — говорят авторы, — но оно не может долго продолжаться, пока какие-нибудь другие отрасли индустрии или не помогут таким же эффективным расширением продаж в рассрочку, или, еще лучше, путем достаточного расширения потребительского дохода, развиваясь в ближайшем будущем столь быстро, как развивалась автомобильная индустрия в недавнем прошлом (103).

В следующей главе Фостер и Кэтчингс открывают консультацию на тему: «Как Муссолини может сделать свой народ процветающим?» (105). «Если бы я был Муссолини», — постоянно восклицают здесь наши авторы, рекламируя вновь открытое ими средство удаления... недопотребления, кризисов, безработицы, нищеты, революций и войн из-за рынков сбыта. Средство простое: «Больше производить и больше потреблять». Поиски новых рынков Муссолини должен начинать внутри своей собственной страны. Мировой рынок, сфера влияния, престиж на морях, колониальное развитие, иностранные кредиты — эти стремления имеют очень мало значения для итальянского народа. Как благотворно было бы правление деспота Муссолини, восклицают наши авторы, если бы он сделал свой народ способным обильно (abundantly) потреблять, принуждая его обильно производить (120).

Предположим, — говорят наши авторы, — что Муссолини поддерживает такой приток доходов, что его народ всегда получает как раз достаточное количество денег для покупки продуктов растущей индустрии. Тогда здесь не может быть ни всеобщего перепроизводства, ни всеобщего падения цен, ни выталкивания рабочих из производства (121). Счастье народа возросло бы и, заметьте, под сапогом того же Муссолини! «В достижении этого результата Италия при диктаторе имеет больше преимуществ над демократией. В Италии только один человек должен понять, что должно быть сделано, и вдруг: дело сделано!» (124, разрядка наша. — *В. Б.*).

По мнению Фостера и Кэтчингса, увеличение экспорта не разрешает проблемы. До тех пор, пока Соединенные штаты не будут иметь неблагоприятный торговый баланс, долги не могут быть уплачены. Ибо они могут быть уплачены только товарами. Соединенные штаты производят большие платежи заграничным странам и постоянно платят больше, пока они не сделают эти страны способными произвести достаточно товаров, чтобы покрыть их долги. Поэтому, с тех пор, как потребители не получают достаточно дохода для того, чтобы купить продукцию внутреннего производства, превышение импорта над экспортом в действительности ухудшило ситуацию внутреннего рынка (141—142).

Наоборот, план, предлагаемый авторами, поведет, по их мнению, к смягчению борьбы за рынки сбыта, уменьшению опасности войны, создаст новый рынок для иностранных ценностей в САСШ, полную стабилизацию средств обращения, упрочит процветание и повысит жизненный уровень (147). Впрочем, авторы оговариваются: «Мы не против экспортной торговли и наших займов. Наоборот, мы поддерживаем увеличение первого и второго... Все, что мы утверждаем, есть необходимость создания условий, при которых мы сможем расширить наши интернациональные дела на деловом базисе» (там же).

Далее Фостер и Кэтчингс расхваливают работу Федеральной резервной системы и разбирают вопросы о «стабилизации покупательского доллара». Что проделала Резервная система, явствует из сравнения уровней оптовых цен в течение 1922 — 1926 гг... Движение индекса многих оптовых товарных цен от 1922 до 1926 г. не могло быть таким прямым и таким горизонтальным, если бы политика резервной системы не была искусно установлена в помощь обузданию резких движений в каком-либо направлении» (160). Но она не может постоянно стабилизировать уровень цен. Перманентная стабильность уровня цен недостижима при современной Федеральной резервной системе. Ибо «производство не создает адекватный спрос автоматически, как учила традиционная наука» (168). Для того, чтобы охранять уровень цен от резких колебаний, Резервная си-

стема должна была бы регулировать количество денег, которое обращается на стороне потребления и на стороне производства, а также количество сбережений индивидуальных и корпоративных. Короче, это должно было бы быть контролем над использованием банковского кредита (169). Резервная система не имеет силы контролировать эти факторы.

Заключение написано высоким «штилем»: «Мы не верим, — заявляют наши авторы, — в экономическую науку отчаяния (Economics of Despair). Мы уверены, что можем предложить простой, осуществимый и непосредственный выход из дилеммы бережливости — путь спасения и процветания, исцеление от экономических депрессий — способ сделать народ в целом способным получать более и более продолжительное удовлетворение от превосходного механизма современного бизнеса» (192).

4. „Путь к изобилию“.

Теперь изложим план перманентного процветания, как он дан в последней работе Фостера и Кэтчингса, изданной в 1928 г. и выдержавшей в один год три издания [1]). Этот план представлен в виде разговора нескольких пассажиров в вагоне железной дороги.

Дело начинается с рассуждений о потерях, связанных с депрессией, о безработице и перепроизводстве. Бизнесмен размышляет о несостоятельности теории равновесия, спроса и предложения. Фостер и Кэтчингс вынуждены были дать здесь яркую картину нищеты и страданий рабочих и мелких фермеров в периоды депрессий и их неустойчивого положения в периоды «процветания».

На одной из остановок компаньоны по курительной комнате (делец, профессор, юрист, депутат конгресса и представитель рабочего класса — седой человек) наблюдали толпу рабочих, слушавших оратора. «Мы должны,— говорил он,—владеть этой индустрией... Это — путь к изобилию. Надо разрушить силу денег. Непримиримая война капиталистам и правительству».

В послесловии авторы неоднократно возвращаются к речи этого оратора. Они откровенно обосновывают необходимость реализации их плана р а с т у щ е й о п а с н о с т ь ю р а с п р о с т р а н е н и я к о м м у н и с т и ч е с к и х и д е й и роста действительно революционного пролетарского движения.

В этой работе Фостер и Кэтчингс резко подчеркивают примат дельца над ученым и всеми другими представителями буржуазного общества. Бизнесмен ставит ряд вопросов и завязывает спор с профессором. Много говорится об ошибках предшествовавшей политической экономии. «Профессора,—говорит делец, — слишком мало прикасались к действительному бизнесу». Свою теорию Фостер и Кэтчингс прямо называют «Business Man's Theoty of Economics and Progress» (56, 108).

Делец предлагает план, который и обсуждается на протяжении всего «путешествия». Сначала все относятся к этому плану с недоверием, а затем становятся его горячими сторонниками и заключают деловой союз для пропаганды и реализации этого плана.

Делец «не предлагает обогатить бедняков путем расхищения богатства или отмены частной собственности на землю; или печатания денег, как сделали русские (?!); или заменить негодные мотивы, представляющие пружину современной промышленной жизни. Красноволосый оратор требует убить силы и начать снова. В этом его прогресс... Динамитчик хочет взорвать всю существующую систему производства и обмена. А что на место этой сложной и рациональной машины? Оратор не знает» (113).

---

[1]) «The Road to Plenty», by W. T. Foster and Catchings. Popular Edit. Boston and New-York. Houghton Mifflin Company. 1928, Third impression, 229 pp.

Успехи социалистического строительства в СССР, растущая индустриа-ция страны, коллективизация и реконструкция сельского хозяйства, и нашего пятилетнего плана, признанные даже буржуазной и в том американской печатью, заметим мы здесь, прекрасно показывают, что но быть поставлено на место капиталистической системы. Фостер же тчингс пишут в 1928 г. книгу, где рассказываются старые, глупые сказки оссии», пытающейся наделить всех деньгами при помощи печатного ка.

Делец весьма пространно и еще более поверхностно критикует в поле- с «профессором» теорию равновесия производства и потребления л.). «Всеобщее перепроизводство есть чисто монетарный вопрос»,—вот динственное, что противопоставляют авторы гармонистической теории а классиков (129 и др.). Не правда ли, глубокое об'яснение кризисов?

Авторы неоднократно возражают против теории обнищания ра-го класса, называя ее «теорией отчаяния» и утверждая, что она пред-ляет ложную выдумку классиков и их учеников. Делец резко критикует я за его утверждение, что заработная плата должна всегда стремиться лее низкому уровню средств существования. «Это, — восклицают ново-нные апостолы всеобщего и перманентного процветания, — экономиче- теория отчаяния, мрачная наука (Dismal science)» [1]).

Мы должны иметь, об'ясняют свой план авторы, такое разрешение про-ы, которое является радикальным, революционным, в которое включено доление установившихся идей и принятие совершенно новых руководящих й. Но в то же самое время мы должны иметь такое решение, которое ется консервативным, в котором остаются неизменными все те же ствующие институты, которые обычно считаются важными.

«Элиминировать циклические колебания индустрии — поддержать по-ительскую покупательную силу и текущий продукт в должном соответ-и» (170). Это — «концепция правильного притока денег к потребле- » (174).

План Фостера и Кэтчингса таков. Прежде всего «мы должны измерять нения в об'еме денег, в обращении, распределении дохода между ферме-, получателями заработной платы, держателями ценных бумаг и другими пами, наличные запасы, проектируемые расходы в области частной стрии и правительственные... изменения в денежной ставке, спекуля-условия урожая, реальный уровень цен и сооружение зданий» (183).

Правительство, приняв наш план и получив собранную информацию, но будет принимать его во внимание во всех своих собственных альных мероприятиях. Ведь его собственные доходы зависят от бизнеса тственность должна быть установлена за Федеральным бюро, созданным этой цели. Если новое бюро будет в этом отношении даже настолько удо-ворительно, как Федеральное резервное бюро, успех плана гарантиро- (189). Издержки собирания данных будут малы и незначительны по нению с издержками экономических депрессий (186).

Функции нового бюро должны быть, по мнению авторов проекта, сле-щие:

1) Составление докладов о выводах бюро в отношении экономических вий. С целью добиться продуктивности в руководстве бюро должно о, ясно и публично делать сообщения о его действиях, обещаемых их ствиях и причинах этого.

2) Бюро должно информировать президента, Конгресс и различные этаменты от времени до времени о возможном воздействии на эконо-

---

[1]) В английском языке dismal означает — мрачный, печальный, угнетенный. smal science — политическая экономия.

мическую сферу с точки зрения существующих условий, налогов, налоговых скидок, операций по возмещению платежа общественных долгов, увеличения заработной платы и жалованья и других фискальных вопросов (190).

3) Руководство бизнесом. «В этом трудность дела», признаются авторы. «Собрав необходимую информацию, бюро будет советовать производству, как использовать ее в качестве руководства во всех фискальных вопросах... Само бюро, руководствуясь теми же данными, будет определять, когда производить определенные расходы, которые были уже разрешены Конгрессом при политике общественных работ, запроектированных в крупном размере. Таким образом, бюро, через его собственные действия и его публикацию о них, будет доставлять бизнесу необходимое руководство» (192).

Таким путем будет измняться приток денег потребителям, соответственно мероприятиям, предпринимаемым бюро, правительством и всеми частными предприятиями, поскольку они будут следовать советам бюро. Будут производиться общественные расходы на здания, внутренние водные пути, гавани, дороги и парки. Они могут увеличиваться и уменьшаться в зависимости от экономической ситуации. Эти расходы будут доставлять потребителям дополнительную покупательную силу в форме заработной платы (194). Бюро обращало бы внимание публики на опасность. Оно публиковало бы данные, точно показывающие, какая отрасль идет к перепроизводству. Оно с огромной заботой наблюдало бы ситуацию, позволяло бы предупреждать инфляцию, доставлять работу безработным (198—201). Государство, согласно этому плану, меньше вмешивалось бы в частные дела, чем раньше. Правительство производило бы расходы сообразно с нуждами бизнеса, смягчало бы конкуренцию, когда она становится убийственной и добавляло бы доходы покупателей, когда сокращается сбыт товара на рынке (202).

«Другие страны тоже колоссально выигрывали бы от этого плана, в том числе Англия. Они будут иметь больше покупательной способности по отношению к нашим товарам и больший рынок для их собственных товаров. Процветая, они не будут иметь основания быть недовольными нашим процветанием» (205). «Экономическая теория отчаяния была иллюзией». «Будет уничтожена безработица и нищета» (214, разрядка, как и везде, наша. — *В. Б.)*.

Авторы указывают, что некоторые государственые органы, как, например, казначейство, Федеральное резервное бюро, департамент коммерции, уже частично готовы к проведению их плана. «Все: труд и капитал, фермеры и фабриканты, все части страны могут продолжать их политику содействия нашей. А также все политические партии. Нет партии, которая выступала бы в каком-либо противоречии с нашей целью» (225). То же инженеры и Американское федеративное инженерное общество. И, наконец, «вы можете положиться на секретаря Гувера» (226). «Пресса окажет большую помощь. Это в интересах издателей». «Общественные работники будут с нами», уверяет «профессор». «Церковь тоже», добавляет пастор.

Расставание почтенного общества было трогательным. «Все согласятся,—сказал делец,—с этим планом, кроме крайних радикалов. Он оставит их не у дел» (206).

Таков план, намеченный Фостером и Кэтчингсом в целях установления планомерного, организованного и беспрепятственного развития капиталистического производства. В соответствии с этим планом Гувер создал «Совещательный комитет деловых людей» и собрал конференцию наиболее видных представителей капиталистического делового мира. Но дальнейший ход кризиса, начавшегося в конце 1929 г., показал всю утопичность

роекта «обуздания кризисов». Пресловутый «Совещательный комитет деловых людей» превратился в орган, который лишь регистрирует стихийный ход американского кризиса и публикует информационные сводки.

Не у дел остались сами сторонники плана перманентного процветания, что еще важнее, без дела остались... миллионы рабочих, которым обещали капиталистический рай. «Благодетель человеческой расы» — Форд — вынужден был сократить производство, закрыть ряд крупнейших заводов, несмотря на хвастливые заявления в начале кризиса, сделанные в соответствии с планом Фостера и Кэтчингса и их патрона Гувера. Несмотря на всю невероятную возню, поднятую Гувером и K° насчет восстановления «просперити», бизнес остался без покупателей, рабочие без работы и без автомобилей, и быстро увяла слава проповедников всеобщего «процветания».

5. „Теория" Фостера—Кэтчингса и теория Маркса—Ленина

«Теория», возвещенная с такой помпой нашими героями, сводится к одному основному положению, именно — к указанию на недостаточный приток покупательных средств благодаря «корпоративным сбережениям», т.-е. резервированию денег в руках трестов и банков, и на недостаточность покупательного спроса благодаря индивидуальным сбережениям. Фостер и Кэтчингс об'ясняют кризисы тем, что известная часть капиталов отвлекается от производства в область сбережения и не превращается в заработную плату, следовательно не доставляет дополнительной покупательной силы рабочему населению. С другой стороны, сами рабочие не реализуют всю заработную плату. Часть их средств оседает вне сферы производства в виде индивидуальных сбережений [1]).

Об'яснение кризисов сводится нашими авторами к несоответствию между производством и покупательными средствами потребителей, при чем это несоответствие трактуется как результат задержки денежных средств в форме сбережений и свободного денежного капитала предприятий.

Мы уже указывали, в чем нелепость утверждения, что капитализируемая прибавочная стоимость целиком превращается в дополнительный переменный капитал. Авторы не понимают и не хотят понять, что это было бы возможно лишь при условии, что весь постоянный капитал равен нулю и что капиталистическое производство не нуждается в таких элементах, как здание, заводский транспорт, машины, инструменты, сырье, вспомогательные материалы. Следовательно, абсурдно выдвигать в качестве условия устранения кризисов превращение всей капитализируемой прибыли в дополнительный переменный капитал в заработную плату.

Далее. Под «корпоративными сбережениями» можно понимать только одно — резервы. Но разве резервы, свободный денежный капитал лежат в период высокой кон'юнктуры без применения?

В период высокой кон'юнктуры и резервы трестов и сбережения рабочих, служащих, рантье, перераспределяясь через кредитную систему, находят свое применение в сфере капиталистического производства соответ-

---

[1]) Об'яснение кризисов сбережениями, не идущими «на создание нового производительного капитала», было дано гораздо ранее Н. Иогансеном. По его мнению, сбережение означает снятие с рынка некоторой доли покупательной силы, если оно достаточно велико, то вызывает общую депрессию. Но если накопленные средства достаточно быстро обращаются «на производство нового производительного капитала», то этим возмещается сокращение покупательной силы и создается стимул к увеличению общественного богатства. Таким образом, «от способа помещения» сбережений зависит, будут ли они способствовать расцвету или же приведут к депрессии. См. N. Iohansen. «A Neglected Point in Connection with Crises». New-York, 1908 и «Business Depression: Their Cause. A Discovery in Economics». New-York, 1925.

ственно доле переменного капитала, увеличивают сумму выплачиваемых заработных плат. Напряжение производительного потребления вовлекает в процесс производства все свободные денежные капиталы.

Авторы «забыли», что в условиях развитой кредитной системы банки вовлекают в сферу капиталистического производства все сбережения (Америка с ее системой рабочих банков и мелких акций — лучшее тому доказательство) и все свободные денежные капиталы.

Если же резервы и сбережения не могут быть целиком втянуты в процесс производства, то виной этому не сами резервы, а узкие рамки развития общественного производства в силу его капиталистического характера: анархии производства и антагонистических отношений распределения.

Теория Фостера и Кэтчингса опирается на ошибочный тезис классиков о тождестве производства и потребления, о тождестве накопления капитала со спросом на труд и со спросом рабочих на средства потребления. Именно так обстояло бы дело по мнению Фостера и Кэтчингса, если бы часть денег не отвлекалась в форме корпоративных и индивидуальных сбережений.

За рассуждениями Фостера и Кэтчингса скрывается одна основная мысль: они исходят первоначально из предположения, что всякое накопление капитала означает увеличение переменного капитала, поэтому спрос на труд непосредственно увеличивается соответственно накоплению капитала. Но это неверно как потому, что дополнительный капитал не может быть сведен только к переменной его части, так и потому, что с накоплением капитала происходит изменение в его органическом строении, и постоянный капитал растет быстрее, чем переменный. А это последнее еще более обостряет противоречие между общественным производством и платежеспособным потреблением общества. Эти положения с исчерпывающей ясностью были установлены Марксом. Наоборот, Фостер и Кэтчингс неустанно доказывают полнейшую гармонию между производством и потреблением в этом «лучшем из миров».

Противоречие между производством общества и общественным потреблением состоит в том, что потребительная способность рабочего класса ограничена стоимостью рабочей силы. Вновь капитализируемая прибавочная стоимость лишь частично обменивается на рабочую силу в то время, как другая, все возрастающая часть ее превращается в дополнительный постоянный капитал. Классовая структура капиталистического общества исключает возможность увеличения покупательной способности масс соответственно увеличению производительных сил общества. Тот же эффект оказывает и органическая структура самого общественного капитала.

«Теоретики» типа Фостера и Кэтчингса хотят устранить это противоречие путем увеличения абсолютной заработной платы, получаемой рабочим классом. В действительности же, дополнительное увеличение размеров капиталистического производства и количества труда, занятого в нем, означает не смягчение, а обострение диспропорции между общественным производством и платежеспособным потреблением общества и диспропорциональность капиталистического производства в целом.

В конечном счете Фостер и Кэтчингс как представители теории недопотребления, сводящей все об'яснение кризисов к несоответствию между производством и платежеспособным спросом, упираются в вопрос о причинах недостатка покупательной способности масс. Но они не идут в своем анализе дальше констатирования этого недостатка. Вместо действительного разрешения вопроса о противоречии между производством и потреблением широких масс авторы бесконечно повторяют плоские рассуждения о необходимости достаточного притока денег в руки потребителей. Та самая «денежная поверхность вещей», открытие которой Фостер и Кэтчингс при-

вают себе, мешает им вскрыть действительные причины ясов, проистекающие из глубоких внутренних противоречий капи- :тического способа производства, из противоречия между цественным характером производства и капитали- ческим характером присвоения. Плоский эмпиризм, фе- изм денег, капитала и доходов закрывают для буржуазных экономистов к пониманию циклов и кризисов.

Теория кризисов и цикла Фостера-Кэтчингса является лучшим приме- показывающим, к чему ведет в конечном счете теория недо- ребления. По самой своей сути теория недопотребления предста- т удобнейшее орудие апологетики капитализма и славословия капитали- ескому процветанию. Теория, об'ясняющая кризисы расхождением про- дства с покупательной способностью масс, уводит в сторону от ана- основных противоречий капитализма.

Теория недопотребления ограничивается анализом сферы распре- ения доходов, взятой как первичный и доминирующий фактор италистического процесса воспроизводства. Теория недопотребления не вает с капитализмом и самое большее дает мещански-рефор- скую критику отдельных сторон капитализма. Поверхностная и узко- сторонняя трактовка кризисов теоретиками недопотребления замазы- ' имманентные противоречия и закономерности капитализма и пред- ляет важнейшее средство социальной демагогии для буржуаз- апологетов. Поэтому неудивительно, что в руках Фостера-Кэтчингса м подобных теория недопотребления выступает как теория безгра- ных возможностей развития капиталистического производства, как рия экономической и классовой гармонии и руководство к рецепту, авляющему» от кризисов, перепроизводства, стачек, империалистиче- с столкновений и революции.

Теория Фостера-Кэтчингса представляет соединение вульгар- й теории недопотребления с не менее вульгарной нетарной теорией, об'ясняющей кризисы условиями денежного щения. Маркс в свое время воздал должное обеим теориям. Маркс, ельс и Ленин показали бессодержательность и реакционность буржуазно- рмистской теории недопотребления. Денежно-кредитная теория цикла и исов — родная сестра теории недопотребления. Они обе сводят об'ясне- цикла и кризиса к внешним формам капиталистического воспроиз- тва.

В прямую противоположность буржуазным лжеучениям о кризисах ссо-ленинская теория кризисов раскрывает сущность и действи- льные причины кризисов. Буржуазные критики и всякого рода ре- юнисты коренным образом извращают подлинное содержание Марксовой ии кризисов. Задача состоит в том, чтобы решительно и до конца раз- ачить эти извращения и противопоставить буржуазно-апологетически иям вульгарных экономистов подлинно научную, революционную теорию исов Маркса и Энгельса и ее дальнейшее применение и развитие в рабо- Ленина.

Конечная причина кризисов заключается в основном противо- и капитализма — в противоречии между общественным характером про- дства и частным характером присвоения. Проще говоря, это значит, что итие общественного производства обусловлено и ограничено законами ного капиталистического присвоения. Указанное основное противоре- включает в качестве своих составных моментов: тенденцию про- дства к абсолютному развитию, вытекающую из безграничной жажды италистов к обогащению; ограниченность потребления пролетарских

масс, вытекающую из природы капиталистического присвоения; тенденцию к установлению, хотя лишь на один миг, известной пропорциональности капиталистического производства в целом и, наконец, анархию производства, как закон хаотического, стихийно-регулируемого движения капиталистического хозяйства.

Важнейшим выражением противоречия между общественным характером производства и частным присвоением является анархия производства и классовый антагонизм пролетариата и буржуазии.

Анархия производства в простом товарном хозяйстве представляет лишь возможность кризисов. Анархия же производства в капиталистическом обществе глубже, действие ее здесь фиксируется и аккумулируется на протяжении ряда лет, отливаясь в циклическую форму. На базисе противоречия между производительным потреблением и потреблением производителей, т.-е. ограничения потребления рабочего класса, на базисе машинной техники, широко развитых и тесных рыночных взаимосвязей, капиталистическая анархия производства делает кризисы необходимыми и неизбежными. Капиталистическая анархия производства делает неизбежным, как диспропорциональное развитие одних отраслей в отношении других, так и перепроизводство средств производства в сравнении с эффективным размером покупательной силы. Такова роль анархии производства. Недаром Ленин выставлял этот момент в качестве ближайшей причины кризисов в полемике с народниками, в проекте программы РСДРП и в других статьях. Нельзя забывать о качественном отличии между капиталистической анархией и анархией в простом товарном обществе, где кризисы не являются законом.

Анархия капиталистического производства — экономическое выражение противоречия между общественным характером производства и индивидуальным, частным характером присвоения. Анархическое развитие капиталистического хозяйства представляет процесс периодического прогрессивного нарастания диспропорциональности производства и, в частности диспропорции производства и потребления, стихийного и насильственного уравнения этих диспропорций и нового, еще более противоречивого, цикла движения.

Закон стоимости в его капиталистических формах выражает и определяет закономерность анархического движения капиталистического производства. Закон стоимости в форме капитала, на базе закона стоимости рабочей силы, ограничивающего потребление рабочих, на базе капиталистической конкуренции, обусловливает тенденцию капиталистического производства к безграничному развитию с постоянным нарушением внутренней пропорциональности, к безграничному расширению, которое оказывается в противоречии с узким базисом потребления.

Но подчеркнем здесь, что закон стоимости не только выводит производство за границы, поставленные ему капиталистическим строем, но и создает условия для стихийного и насильственного устранения назревших диспропорций в форме кризиса. А тем самым создаются предпосылки для перехода к новой ступени, новому циклу движения, развития противоречий капиталистического производства.

Кризисы есть одна из важнейших форм проявления закона стоимости в качестве закона движения и регулятора производительных сил при капитализме. Только благодаря кризисам капиталистическое производство получает возможность переходить от одного цикла развития к другому; а производительные силы приобретают способность дальнейшего продвижения вперед в узких рамках экономической структуры капитализма.

...ризисы — закон существования и развития капитализма. Этот закон ...ся незыблемым, пока не уничтожен сам капиталистический способ ...одства. Его действие обостряется, усложняется в эпоху монополисти...о, загнивающего капитализма, в эпоху структурного финального кри... ...апитализма. Этого не могут и не хотят понять как теоретики «про...ия», так и все теоретики «стабилизации кон'юнктуры», «безкон...рного хозяйства» и «организованного капитализма».

...апиталистический закон кризисов — закон периодического возобно... ...необходимых условий капиталистического воспроизводства. Так ...вопрос Маркс. А буржуазные экономисты трактуют кризисы просто ...лезнь, зло, недостаток, не видя необходимости кризисов для самого ...ния капитализма. Однако эта оздоровляющая работа кризисов натал...ся на огромные препятствия и крайне усложняется в эпоху монополи...кого капитализма. Противоречия капитализма становятся исключи...о острыми, монополии препятствуют быстрому их «разрешению», кри... затягиваются, не выполняют и не могут полностью выполнить свою ...ию «чистилища» от избыточного производства и избыточных ка...ов и лишь обостряют загнивание всего капиталистического ...зма.

Но вернемся к «классическому» циклу. Каким образом в ходе под'ема ...отся предпосылки кризиса?

Общественный характер производства, именно то, ...необходимость его непрестанного развития обусловлена его специфи...ой общественной формой, стимулом самовозрастания капитала, 2) ка...истическое производство есть единый взаимодействующий механизм и ...ю напряжение производственного процесса раздвигает рамки капита...еского рынка и в частности стимулирует отрыв производства от его ...ительного потребительского базиса, — обусловливает закономерный ...ход от частичного оживления ко всеобщему под'ему, от среднего ...а к буму, до того момента, пока не взорвутся противоречия, накопи... в этом повышательном движении цикла.

...сеобщий закон капиталистического накопления выражает важнейшие ...ественнейшие закономерности, т.-е. внутренние силы, зависимости и ...ции расширенного капиталистического воспроизводства. Реаль... действие этого закона означает: рост органического состава ...ла, рост концентрации и централизации капитала, рост и колебания ...ов резервной армии, относительное и абсолютное обнищание рабочего ..., тенденцию нормы прибыли к понижению и обострение конкуренции. ... с тем всеобщий закон капиталистического накопления в разных ...ях производства действует неравномерно. Здесь сказывается ...ие в органическом составе капитала, различная степень концентрации ...трализации, различная сила проявления тенденции нормы прибыли ...ижению, разные условия и формы конкуренции. Все это является ...ами, углубляющими диспропорциональность, хаотич...ь капиталистического производства в целом. В итоге получается ...ее товарное перепроизводство, поскольку производствен...ханизм капиталистического общества, подчиненный интересам инди...ного, капиталистического присвоения оказывается избыточным, так ...ь это механизм представляет пирамиду в перевернутом виде, поста...о на узкий базис потребления.

...акон тенденции нормы прибыли к понижению — одна из сторон за... ...питалистического накопления. Повышение органического состава ка... создает тенденцию к отставанию роста массы прибавочной стоимо...

сти в сравнении с возрастанием всего совокупного наличного капитала. Отсюда, как показал Маркс, обострение конкуренции, еще более лихорадочное увеличение производства, еще больший рост диспропорций внутри I подр., диспропорции между I и II подр. и вместе с тем «переразвитие» производства II подр. в сравнении с возможностями платежеспособного потребления.

На определенной стадии процесса расширенное воспроизводство становится в противоречие с интересами частного присвоения, становится явной гипертрофия ведущих отраслей, понижается норма прибыли, сокращается производство. В высшей точке под'ема повышение нормы прибыли сменяется ее понижением либо благодаря падению цен, задержке товаров в обращении и недостатку заказов, либо благодаря сокращению производства в виду очевидности лихорадочного перенапряжения производственного аппарата в сравнении с условиями реализации.

Обычно, в наиболее гипертрофированных, зарвавшихся отраслях I подр. конкуренция делает невозможным дальнейшее сохранение взятых темпов расширенного воспроизводства, последние уменьшаются, сокращение перебрасывается на другие отрасли производства и внезапно скрытое, давно назревшее перепроизводство становится очевидным, обнаруживается всеобщее переполнение рынка.

Таким образом, к о н е ч н а я причина кризисов лежит в противоречии между общественным характером производства и частным присвоением. Выражением сущности и способа движения этого противоречия является з а к о н с т о и м о с т и в его развитых капиталистических формах.

Глубокий и исчерпывающий анализ внутренних законов капитализма дал возможность Марксу и Энгельсу раскрыть подлинную природу капиталистических циклов. Если вульгарная экономия от Жюгляра до нынешних трубадуров «перманентного процветания» пытается представить циклы как следствие несовершенного механизма обращения и распределения денежных средств, то основоположники научного социализма нашли и доказали, что периодические циклы суть и м м а н е н т н а я форма движения капиталистического производства, демонстрирующая всю ограниченность этого последнего. Маркс и Энгельс показали, что причины цикличности лежат в с а м о й с т р у к т у р е к а п и т а л и з м а и что только с ликвидацией его, с уничтожением капиталистической формы присвоения исчезнет вращение производства в кругу сменяющих друг друга периодов под'ема, кризиса, депрессии. Основная причина цикличности та, что периодические кризисы есть важнейшая и необходимая форма, при помощи которой закон стоимости регулирует и движет капиталистическое производство.

В «Капитале» Маркс показал, что материальным базисом промышленных циклов являются ц и к л ы в о с п р о и з в о д с т в а о с н о в н о г о к а п и т а л а. Кризис и следующая за ним депрессия создают необходимость массового обновления основного капитала, что и дает толчок новому оживлению. Сюда же присоединяются и такие обстоятельства, как сокращение заработной платы, понижение издержек производства. Но важнейшим фактором открытия очередного цикла является смена и реконструкция основного капитала — момент модифицирующийся в условиях переразвившегося, перезрелого, загнивающего капитализма.

Для капиталистического профессора Фостера и профессорствующего капиталиста Кэтчингса цикл есть чисто внешняя форма движения буржуазного производства, которое, по существу своему якобы лишено противоречий, гармонично, одним словом, как у Туган-Барановского, только с более циничной откровенностью. С точки же зрения марксизма, цикл есть внутренне-обусловленная, необходимая форма движения производительных сил в их взаимодействии и противоречии с капиталистическими производствен-

ными отношениями. «Как небесные тела, раз они приведены в известное движение, постоянно повторяют его, совершенно так же и общественное производство, раз оно брошено в это движение попеременного расширения и сокращения, постоянно воспроизводит его» (Маркс).

Гг. Фостер и Кэтчингс восхваляют монополистический капитал, который якобы смягчает резкость циклических колебаний, устанавливает производство и цены якобы в соответствии с потребностями покупательских масс, повышает технику, повышает заработную плату и т. д. Устанавливая власть крупнейших трестов и мощных банковых организаций, монополистический капитал, по словам Фостера и Кэтчингса, создает все предпосылки к тому, чтобы вместе с государством, партиями, потребителями, церковью установить перманентное капиталистическое процветание без кризисов, депрессий, безработицы и т. п. Конкретный анализ фактов эпохи монополистического капитализма с бесспорной очевидностью показывает как раз обратную картину. Монополистический капитализм не ослабил кризисы, а, наоборот, ускорил их, крайне обострил их глубину, затрудняет изживание обнаруживающихся в кризисе противоречий, делает кризисы и депрессии более затяжными и разорительными, усиливает остроту банковских и биржевых кризисов, ослабляет силу циклических под'емов, приводит в состояние хронической депрессии ряд отраслей производства и даже целые страны, открывает собою эпоху загнивания капиталистического производства, доводит до крайней остроты неравномерность капиталистического развития, обнищание рабочего класса, удушение колониальных стран и разорение крестьянства, создает, в конечном счете, исключительное напряжение всех внутренних и внешних противоречий капитализма, взорвавшихся в войне 1914—1918 гг., подготавливает все предпосылки для победы мировой пролетарской революции.

Энгельс и Ленин сумели правильно определить модификацию цикла и кризисов в эпоху господства монополий. Ленин глубочайшим и детальным анализом общей природы и противоречий империализма показал неизбежное обострение кризисов в эту эпоху и установил, что с войной 1914—1918 гг. мир вступил в период общего кризиса капитализма и социалистических революций.

А гг. апологеты, построив совершенно несостоятельную, вульгарную теорию кризисов (смесь теории недопотребления с монетарной теорией), гг. апологеты с помощью своей абстрактно-формальной конструкции принимаются прямо и непосредственно за решение проблемы перепроизводства, кризисов и безработицы эпохи послевоенного капитализма. Наши близнецы игнорируют тот факт, что монополистический капитализм качественно отличен от «классического» капитализма, представляет высшую ступень развития и усложнения общих законов и противоречий капиталистической системы. Более того, гг. Фостер и Кэтчингс игнорируют и не могут не игнорировать то, что послевоенный капитализм глубоко отличен от довоенного, что к старому возврата нет и не будет, новые черты, характеризующие период общего кризиса капитализма, все более углубляются и исторический конец обанкротившейся и изжившей себя системы капитализма близок. Следовательно, верхом апологетской «наивности» является попытка разрешить проблему современных кризисов, перепроизводства, безработицы, исходя из поверхностной схемы кругооборота «покупательных средств» между «сферой производства» и «сферой потребления» и забывая о сложном переплете, усложнениях противоречий эпохи монополистического, загнивающего и умирающего капитализма.

Новоявленные пророки вечного капиталистического «процветания» строят свою «теорию» кризисов и цикла не ради академических целей, а для

того, чтобы разрешить проблему трудностей современного загнивающего и умирающего капитализма. Ход событий показал всю иллюзорность этих попыток.

«Теории» гг. Фостера и Кэтчингса нужны капиталистам для социальной демагогии, для апологии монополистического капитализма, для оправдания форсированной централизации капитала и разорения мелких капиталистов.

Утопичность проекта «просперити» ярко обнаруживается в свете анализа всеобщего кризиса капитализма.

Теория перманентного «процветания» сознательно игнорирует специфические условия нынешней эпохи и присущие ей формы движения внутренних капиталистических противоречий.

План непрерывного «процветания» выглядит особенно курьезно на фоне бушующего уже два года, все более обостряющегося мирового экономического кризиса.

Ни одна ложная теория не получила столь быстрого и наглядного опровержения, как это случилось с концепцией Фостера и Кэтчингса и всей идеологией «гуверизма» в ходе развития и углубления современного американского и мирового экономического кризиса.

После провала надежд на скорое исчезновение кризиса Гувер сваливает вину за кризис на Европу, а политики и экономисты буржуазной Европы одни на Германию, другие на СССР, третьи на лейбористов, четвертые на Америку, пятые на «бессердечность» Франции, шестые на «недостаточный прирост населения», седьмые на якобы слишком высокую рождаемость и т. д. и т. п. Налицо полнейшее банкротство буржуазной экономической мысли [1]).

Вся тяготы современного кризиса перекладываются на рабочий класс. Вчерашние идеологи «просперити», «организованного капитализма» и т. п., сегодня пропагандируют необходимость снижения заработной платы, «социальной экономии», сокращения производства и его новой рационализации. Решающее слово за пролетариатом.

[1]) Любопытным образчиком тупоумия и апологетического юродства буржуазных экономистов в об'яснении нынешнего кризиса является «теория», которую выдвинул профессор Питтсбургского университета—Francis Tyson. Этот Тайсон полагает, что причина кризиса заключается в изменениях... длины женских юбок. «Повышение и понижение длины платья вызвало потрясение платяной индустрии и явилось причиной всеобщей экономической депрессии» («The ups and dorous of hemlines are upsetting the garment industrie and causing general business depression». Цитирую по «Moscow—News» № 1/4 за 1931 г. -В. Б.

Школа на повороте *).

А. Бубнов.

I. Буржуазная школа и политехническая школа пролетарской революции.

Постановление Центрального комитета партии «О начальной и средней ») ') кладет начало новому периоду перестройки массовой школы на хнических началах. Это постановление дает развернутую программу за политехническую школу в период социализма. Оно дает программу ления на этом важнейшем участке культурной революции. Прокое государство является единственным в мире государством, которожет построить действительно политехническую школу. Капиталистиэксплоатация совершенно исключает возможность итти «к знанию труд», исключает возможность организации такой школы, которая бы ила обучение с производительным трудом. Даже передовые буржуазколы не могут перешагнуть через этот предел.

Строительство политехнической школы начато нами не со вчерашнего осле Октябрьской революции мы немедленно же приступили к революмму преобразованию школы.

Мы получили отвратительное наследство от царизма. Мы камня на не оставили от содержания и целевой установки старой, царской . Была проделана громадная и чрезвычайно трудная работа.

Наша школа принципиально отличается от любой буржуазной, хотя бы передовой школы. Постановление Центрального комитета говорит, что ипиально иным стало содержание всей работы школы».

В настоящее время имеются две системы школы: одна система нао образования, являющаяся порождением капитализма, другая си— наша система народного образования, которая своей неот'емлемой имеет политехнизм и своей **основной** целью ставит воспитание оронне развитых членов коммунистического общества».

Ленин говорил о том, что буржуазия «старалась школьное дело свести , чтобы натаскать для буржуазии покорных и расторопных прислуж. Пролетариат, «организованный в господствующий класс», практистроит политехническую школу, которая «должна быть не только,— азано в программе ВКП(б), — проводником принципов коммунизма , но и проводником идейного, организационного, воспитательного пролетариата на полупролетарские и непролетарские слои трудя-

---

*) Переработанный доклад о постановлении ЦК партии о начальной и средоле на московском собрании просвещенцев-коммунистов и ленинградском родском собрании партийного, советского, профсоюзного и комсомольского

«Правда», 5 сентября 1931 г.

щихся масс в целях воспитания поколения, способного окончательно установить коммунизм».

Вот две школьные системы, вот две школы, которые существуют в мире.

Буржуазная школа в эпоху империализма.

Эпоха империализма не могла внести и не внесла изменений в основные установки школы буржуазного общества. В нынешнюю эпоху буржуазия имеет школу, целиком и полностью отражающую лицо империализма, как «загнивающего и умирающего капитализма». Тот экономический кризис, который в течение последних лет потрясает основы мирового империализма, не мог не сказаться и на буржуазной школе: он действует в том направлении, что еще с большей резкостью выдвигает, подчеркивает, укрепляет те черты, которые свойственны школе в буржуазном обществе.

Когда знакомишься с педагогической литературой главнейших современных буржуазных государств, то видишь, что, несмотря на разнообразие течений, которые имеют место в буржуазно-педагогической литературе, все же можно сказать, что мы очень мало можем прибавить к той характеристике, которая до сих пор давалась буржуазной школе в марксистской педагогической литературе.

Два настроения характерны для мировоззрения буржуазных педагогических кругов — это, с одной стороны, стремление подчинить школу интересам империалистической буржуазии и фашизма, а с другой стороны,— состояние растерянности, которое нередко характерно даже для лучшей части буржуазных педагогов.

Вот как определяет основные цели воспитания один из деятелей немецкого национал-фашизма Шемм:

«Худший путь воспитания — это воспитание через разум. Вся наша программа воспитания заключается в четырех понятиях: раса, оборона, вожак и религия». Вот официальная программа современного фашизма. Она теснейшим образом связана с черносотенным поповским идеализмом. Она без всяких «прикрытий» вводит в школу зоологический национализм, антисемитизм, поповщину и милитаризм. Наряду с этим для мелкобуржуазных педагогических кругов характерно настроение растерянности. На педагогическом конгрессе в 1928 г. в Риме представитель Швейцарии Ферер говорил: «Мы потому считаем необходимым «исходить из ребенка», что не можем знать, к чему мы его готовим; пусть дети растут, пусть развиваются, может быть они сумеют разрешить противоречия, с которыми мы, взрослые, не умеем справиться». Эта речь свидетельствует о полной растерянности мелкобуржуазных педагогических кругов перед лицом того сложного клубка противоречий, в котором бьется империализм. За последние годы эти настроения не могли не углубиться, так как мировой экономический кризис жестоко бьет по широчайшим кругам буржуазной педагогической интеллигенции.

Культурная реакция, «духовный кризис», кризис буржуазной культуры находят свое яркое отражение в теории и практике современной буржуазной педагогики.

Фашистская социал-демократия (если взять для примера Германию) выбрасывает за борт классово-пролетарский характер воспитания, выкидывает из своей школьной программы светское воспитание, допуская в школу религию, отвергает вовлечение детей в политику, классовую борьбу и т. д.

Один из передовых американских педагогов, профессор Дж. Каунтс выпустил книгу «Теория воспитания в Америке». Эта книга является фотографией лица буржуазной американской школы. Надо сказать, что Каунтс

іе мест своей книги с гордостью пишет об американской «демократии» іериканской школе, но это не мешает ему изобразить американскую іу в своей книге такими красками, что мы видим доподлинное лицо этой іы, целиком и полностью поставленной на службу американского импе- изма.

Об основных принципах, на которых строится американская буржуаз- школа, Каунтс говорит: «Нет ни одного принципа, который был бы более ктерным для американской теории и уклада жизни и который играл бы шую роль в определении формы и развития американской системы обра- ния, чем принцип индивидуального успеха». И тут же добавляет, что американцев мир — это арена, а жизнь — скачки». Говоря далее о новых одах «испытаний и отметок», Каунтс подчеркивает: «подобного рода мы, конечно, являются крайним выражением общей тенденции американ- о воспитания — поощрения индивида в отношении соблюдения своих твенных интересов, противопоставляя их интересам его ближних».

Каунтс отмечает в своей книге одно важное обстоятельство, а именно, американская школа работает под контролем «деловых людей». Он го- іт, что «с ростом индустриализма» контроль этот «перешел в руки тельных промышленных, финансовых и торговых кругов» и что «арбитром дагогических начинаниях является в Соединенных штатах преуспевающий несс-мен». Этот бизнесс-мен в настоящее время уже не «преуспевает», как период пресловутого гуверовского «процветания» в Америке кон- я и кризис вырывает основы из-под экономической системы американ- : бизнесс-менов, но они еще в полной мере являются «арбитрами» и в гогических «начинаниях». Эти капиталистические «арбитры» подчиняют м интересам школу, добиваются того, чтобы школа фабриковала «испол- лей воли и рабов капитала». И Каунтс отмечает, что «арбитр» — капи- істический делец современной Америки — определяет сверху донизу всю ему народного образования: и положение учителя, и характер учеб- эв, и весь дух американской буржуазной школы. При чем он довольно- і откровенно заявляет, что «одним из естественных результатов управ- ія делового человека является то относительно малое уважение, кото- встречают в Америке бескорыстные интеллектуальные достижения».

Каунтс говорит, что американская «народная» школа является школой гиозной. Он называет «теоретическим» отделение школы от церкви іерике.

В школе находит свое отражение «национальная» политика американ- о империализма. Каунтс говорит, что «в бывших рабовладельческих ых штатах» существует дуалистическая система образования. Она заклю- ся в том, что существуют «две параллельные школьные системы: одна белых и другая — для негров». Каунтс заявляет, что негр «является об'ек- величайшей антипатии и несправедливости», и тут же иллюстрирует тику национальной розни в Америке примером с евреями. «Во многих ных школах, — пишет он, — даже таких, которые выдерживают стиль рессивных, прием евреев ограничен до нескольких процентов общего чества учащихся. И совсем еще недавно старейшие и влиятельнейшие ерситеты в стране публично обсуждали вопрос о применении «принципа ничения».

Вот подлинное лицо американской демократии! Нельзя еще, наконец, ривести очень выразительных характеристик, которые дает в своей книге тс американскому учебнику и положению учительства в Америке.

Издание учебников находится в руках частных фирм, которые, конечно, ересованы в том, чтобы своему изданию обеспечить возможно более кое распространение. Для этого они, по словам Каунтса, «обычно оказы- на авторов соответствующее давление, заставляя их выбрасывать все,

что может быть неприемлемо для какой-либо авторитетной группы в стране», т.-е. для того капиталистического дельца, который в Америке является «арбитром в педагогических начинаниях». «И в силу этого, — добавляет Каунтс, — во многих случаях благоразумие, несомненно, вынуждает и самих авторов выкидывать из своих произведений спорные моменты».

Какие же спорные моменты выкидываются из американских учебников? Каунтс перечисляет их под рубрикой — кого нельзя «оскорблять» в учебниках. Сюда попадает «множество» организаций, в том числе и разбойничья фашистская организация Ку-клукс-клан.

Об американском учителе Каунтс говорит, что он «не представляет активной силы в обществе». Эта оценка прикрывает такие факты, которые свидетельствуют о совершенно невыносимом положении учителя в Америке. Вот что пишет сам Каунтс об этом: «... на Среднем Западе и на Юге учитель не должен курить, танцовать и играть в карты, а если он редко бывает в церкви, то к нему создается подозрительное отношение. Случалось, что даже такие мелочи, как короткое платье, стриженые волосы и употребление губной помады бывали причиной лишения женщины звания учительницы».

Вот фотография американской «демократической» школы. Мы показали ее для того, чтобы иллюстрировать то положение, в каком пребывает школа в важнейших капиталистических странах, ибо то, что имеет место в Америке, в полной мере характеризует положение школы в любой капиталистической стране.

Политехническая школа в пролетарском государстве.

Пролетарское государство строит принципиально иную, новую школу. Это признают и буржуазные педагоги. Целый ряд педагогов, которые были в Советском союзе, пишут по-разному о советской школе. Но громадное большинство из них увозит отсюда представление о том, что на территории Советского союза строится школа, принципиально совершенно отличная и по содержанию своей работы, и по целевым установкам, и по методам работы от той школы, которая существует в буржуазных государствах.

Мы строим принципиально иную школу. Мы стремимся в нашей школе установить теснейшую связь между школой и жизнью, между теорией и практикой, между обучением и производительным трудом. Наша школа имеет основной целью подготовить сознательных, знающих строителей социализма. Мы — единственное в мире государство, которое к этому не только стремится, но которое на деле, фактически, в повседневной работе, создает именно такую школу.

Известно, как передовая школа в буржуазном государстве пытается ликвидировать разрыв между теорией и практикой, между школой и жизнью, и как ей это не удается. Да и не может это ей удасться, потому что основной преградой на этом пути является сам капитализм с его противоречиями, эксплоатацией, которые мешают созданию такой школы, которая теснейшим образом связывала бы обучение с трудом, школу — с жизнью, теорию — с практикой.

Мы строим школу совместного воспитания, школу, которая работает на родном языке, антирелигиозную, школу, воспитывающую ненависть к эксплоатации и социалистическое отношение к труду; мы строим школу интернациональную, школу политехническую. Наша программа ставит задачей «полное осуществление принципов единой трудовой школы с преподаванием на родном языке, с совместным обучением детей обоего пола, безусловно светской, т.-е. свободной от какого-либо религиозного влияния, проводящей тесную связь обучения с общественно-производительным трудом, подготовляющей всесторонне развитых членов коммунистического общества». Мы

передовую революционную педагогическую теорию, основы которой ены Марксом, Энгельсом и Лениным. И когда мы, хотя бы в нынешериод, продвигаемся вперед по пути строительства школы, то мы наем все силы не только для того, чтобы в практике нашей работы заь прочные основы доподлинно политехнической школы, но мы стретакже и к тому, чтобы в теснейшей связи с этой педагогической икой двигать дальше разработку нашей педагогической теории. И мы елаем, потому что знаем, что без передовой революционной пролетарпедагогической теории не может успешно развертываться строительпередовой пролетарской политехнической школы.

Передовые буржуазные педагоги, которые приезжают к нам и знакос нашим школьным строительством, выносят впечатление, что мы ім принципиально иную школу, отличную от той школы, которая гает и калечит подрастающее поколение в странах империализма.

Например, профессор Дьюи писал о том, что «самым характерным в соом воспитании является не то, что школьная деятельность тесно свяс общественной жизнью, а то, что впервые в истории воспитательная ма официально организована на базе этого принципа».

А вот что писал о советской школе американский педагог, инспектор в Винетке Уошберн: «Ни одна страна в мире не относится к вопросам тания так серьезно и не сознает так ясно, что государство будущего ит от того, каковы школы сегодня». И дальше он добавляет: «ни одна рная страна не создала цельной школьной системы, которая бы вопло в себе столько передовых элементов, как Россия». А вот вам мнение ующей одной из филадельфийских школ, Вильсон: «В их школе,— т она, — многое заслуживает восхищения, как в наших школах имеется ое, заслуживающее сожаления. Мы не можем соглашаться со многими из оциальных предпосылок, но мы должны признать, что образовательная амма советской школы необыкновенно значительна, ни один педагог жет игнорировать ее существования». Так оценивают нашу советскую у передовые педагогические круги капиталистических государств.

Можно сказать, что, строя политехническую школу в условиях проской диктатуры, мы прокладываем новую дорогу в мировой педае. Мы начинаем совершенно новую главу педагогической истории, ибо школа является принципиально новой, ибо мы сейчас — единственное ре государство, которое может построить политехническую школу торое, в соответствии с марксистско-ленинской теорией, практиески решает задачу воспитания поколения, «способного окончательно овить коммунизм».

„Ценнейшие завоевания буржуазной эпохи" и строительство политехнической школы.

Разрешение громадной задачи построения политехнической школы чает на своем пути значительные затруднения. Взять хотя бы данный д. Мы уже встретились с целым рядом крупных затруднений в деле ьного строительства, но не потому, что мы здесь переживаем упадок е утверждение было бы достойно школьных реакционеров и правых тунистов. Мы встретились с этими затруднениями, мы обнаружили ей работе крупнейшие недочеты именно потому, что добились уже еленных успехов в деле проведения всеобщего обучения и политехн школы. Эти недочеты бьют в глаза особенно сильно именно потому, ы имеем огромные успехи в строительстве социализма, которые предъяк школе все более и более повышенные требования. И наконец (на чем олжны сосредоточить в настоящее время максимальное внимание) за

последние годы в процессе развертывания строительства школы имел место ряд недосмотров, ошибок и даже антиленинских «левацких» искривлений, которые сделали эти недочеты явно нетерпимыми.

И вот в связи с нашей нынешней школьной практикой нам нужно подвергнуть тщательному рассмотрению целый ряд таких вопросов, которые может быть и не новы для педагогов, которые не представляют какой-либо особенной новизны и для любого члена нашей большевистской партии, но которые приобретают с точки зрения школьной политики, с точки зрения важнейших вопросов строительства политехнической школы в нынешний период особенный интерес.

О старой и новой школе.

Мы разрушили старую школу. Мы за последние годы провели решительную борьбу с элементами «словесности» в школе, повернули ее на путь политехнизма. Эту борьбу мы будем продолжать и развертывать. В процессе ее мы должны беспощадно разгромить всякие попытки реакционеров и правых оппортунистов тянуть школу назад, к буржуазной школе. Но именно в данный момент, когда мы сделали значительные успехи на пути строительства новой политехнической школы, именно сейчас, на данном повороте в школьной работе, нам нужно посмотреть, что новая пролетарская политехническая школа может критически взять «из ценнейших завоеваний» старой культуры, из педагогики передовой буржуазной школы и поставить это на службу строительству политехнической школы в период социализма.

В связи с этим мы позволим себе напомнить эту сторону ленинского учения, ибо оно имеет практический интерес с точки зрения строительства советской школы на данном историческом этапе.

Ленин, как известно, говорил о том, что марксизм «отнюдь не отбросил ценнейших завоеваний буржуазной эпохи, а напротив, усвоил и переработал все, что было ценного в более чем в двухтысячелетнем развитии человеческой мысли и культуры». Ленин особо подчеркивает, что «только дальнейшая работа на этой основе и в этом направлении, одухотворенная практическим опытом диктатуры пролетариата...», приведет нас к развитию «действительно пролетарской культуры».

Эта установка целиком и полностью применима к вопросам школьного строительства. Ленин писал: «Нам не нужна зубрежка, но нам нужно развить и усовершенствовать память каждого обучающегося знанием основных фактов».

Ленин подчеркивал, что мы не должны «загромождать» ребячьего ума тем хламом, которым была набита школа в царской России, и тем хламом, которым набита любая буржуазная школа в любой капиталистической стране; и тут же он указывал, что нам нужно «обогатить его знанием всех фактов, без которых не может быть современного образованного человека».

Значение приведенных ленинских цитат с точки зрения школьной работы в нынешний период особенно велико. Именно в нынешний момент (в дальнейшем я скажу, почему это получилось) мы обнаружили одно слабое место в нашей школе, которое теснейшим образом связано как-раз с работой по обогащению памяти каждого обучающегося «знанием основных фактов». Именно здесь, в области общего образования, и обнаружился в нашей школе прорыв.

Ленин предостерегал нас от того верхоглядского отношения, которое и сейчас обнаруживается в отношении усвоения обучающимися в наших школах «основ наук».

Мы имеем примеры неправильного отношения и неправильных толкований всей суммы этих вопросов как среди педагогов-практиков, так в особен-

ı и среди наших педагогических теоретиков. Надо дать решитель, отпор тем, кто попытается тянуть назад, к буржуазной школе с ее трой», «зубрежкой» и «мертвыми знаниями».

Но Ленин срывал маску и с тех героев «левой» фразы, которые вместе арым буржуазным хламом (т.-е. с тем, что «являлось необходимым для гализма») выбрасывали и «уменье взять себе всю сумму человеческих ій» (т.-е. то, что «является необходимым для коммунизма»). Он говорил, коммунист будет только простым хвастуном, если не будут переработаны сознании все полученные знания».

Фронт школьного строительства, фронт практического строительства технической школы есть фронт классовой борьбы. А там, где есть клас: борьба, нам, большевикам, нужно особенно блюсти за тем, чтобы мы да не сбивались в нашей работе с правильной партийной линии. Поу борьба с неправильными толкованиями, с уклонами, с искажениями ı партии в школьной политике является важнейшим делом в нынешний)ический период в педагогической практике. И здесь нам нужно раз/ть непримиримую борьбу на два фронта.

В постановлении ЦК о школе указывается, что успех борьбы с праоппортунизмом в школьной политике, который является «главной опас›ю», предполагает «усиление борьбы с «лево»-оппортунистическими ıщениями»...

Мы разрушили старую школу, мы сейчас должны беспощадно изгонять ıшей школы все рецидивы этого старого, но мы должны взять «все то, было накоплено человечеством необходимого для людей». И мы должны омить «левацкие» перегибы, которые мешают этому.

Что надо положить в основу всей работы школы?

Центральный комитет в своем постановлении говорит о том, что нову всей дальнейшей работы школы» мы должны положить указания ıа, данные им в 1920 г. в заметке на тезисы Н. К. Крупской. Ленин их заметках, в начале их, особенно подчеркивал недопустимость актного отношения к такому важнейшему вопросу, как политехничеобразование. «Выходит абстрактно, — писал Ленин, — для далекого его», не учитывается «насущная», «теперешняя» действительность. Надо гь эти вопросы конкретно, с точки зрения всех особенностей данного ического периода, работы партии и тех задач, которые она ставит о на данном историческом этапе.

Это замечание Ленина мы должны учесть и в современной школьной е, ибо у нас есть немало людей, которые не умеют, не в состоянии, гда и не хотят, поставить практические вопросы борьбы за политехкую школу в конкретных условиях именно нынешнего исторического да. А в силу этого они или твердят зады, повторяют лозунги вчерашнего '.-е. в сущности говоря, иногда, может быть, и не желая этого, тянут ıзад; или же, наоборот, перепрыгивают через «насущную, теперешнюю» ıительность, не учитывая всего своеобразия этой конкретной нынешействительности, и тем самым делают ошибки «левацкого» порядка, ем свое фантазерство и свои прожектерские планы принимают за которые могут быть практически реализованы.

Именно в нынешней обстановке, когда мы вступили в период социа, когда мы осуществляем развернутое социалистическое наступление, имеем обострение классовой борьбы, — именно в этот момент, как ıа, нам нужно такие важнейшие вопросы, как вопросы практики строива политехнической школы, ставить в конкретной, живой, непосредюй связи со всем конкретным своеобразием современного этапа развиюлетарской революции.

Конечно, 1931 год — это не 1920 год. За эти десять лет страна проделала громадную работу по социалистическому строительству. За эти десять лет мы сумели строительство социализма поднять на гигантскую высоту, добились небывалого укрепления диктатуры пролетариата и добились того, что именно социалистический сектор в настоящее время, как говорил тов. Сталин, «держит в своих руках все рычаги народного хозяйства в нашей стране». Конечно, обстановка нынешнего периода совсем другая, чем она была десять лет тому назад, но если взять ту группу вопросов, которую ставил Ленин десять лет тому назад, то увидим, что есть много сходного в общей постановке вопросов в 1920 году и в 1931 году.

Ленин в конце 1920 г. выдвинул план электрификации и писал, что электрификация «нам нужна, как первый набросок, который перед всей Россией встанет, как великий хозяйственный план, рассчитанный не меньше чем на 10 лет и показывающий, как перевести Россию на настоящую хозяйственную базу, необходимую для коммунизма».

Какие же вопросы он ставил в то время? Тогда он ставил вопросы — о производственно-технической пропаганде, об умении управлять, о пролетарских специалистах, о коммунистическом труде, о переделке масс и о пролетарской культуре. И тут же, в этой же связи он ставил вопрос о политехнизме и политехнической школе. И вот сейчас, когда мы имеем не «первый набросок» великого хозяйственного плана, а имеем уже великий хозяйственный план, когда мы осуществляем пятилетку в 4 года, — мы на новой базе, а следовательно по-новому, выдвигаем, в сущности говоря, ту же самую группу вопросов.

Мы имеем лозунг Сталина об овладении техникой, сыгравший уже такую громадную роль в строительстве социалистической индустрии в 1931 г. Вопрос о пролетарских специалистах, о подготовке наших пролетарских кадров для народного хозяйства, сейчас поставлен так остро, как не ставился он никогда до сих пор. Далее, вопрос о коммунистическом труде, о переделке масс и ряд других таких вопросов стоят на нынешнем этапе как практические очередные вопросы сегодняшнего дня, при чем стоят в масштабе, соответствующем нынешнему под'ему социалистического строительства.

И в связи с этим под'емом снова с чрезвычайной остротой выдвинулся вопрос о политехническом образовании. Вопросы политехнической школы выдвинуты сейчас нами так, как никогда не выдвигались, — уже около двух лет органы народного образования под руководством партии и ее ЦК ведут упорную борьбу за создание политехнической школы.

Обстановка 1920 и 1931 годов — разная, расстояние, отделяющее период жесточайшей разрухи после гражданской войны от периода громадного экономического под'ема нынешнего времени, периода социализма, измеряется десятилетием, а программа, которую мы осуществляем, есть развитие тех гениальных установок, которые даны Лениным в 1920—1921 г. И, конечно, вопросы политехнизма надо ставить не «абстрактно», а учитывая «конкретные задачи, стоящие перед партией», учитывая конкретные условия нынешнего исторического периода со всем их своеобразием, с громадными победами на фронте строительства социализма, с величайшим энтузиазмом рабочих и колхозных масс, с большими трудностями, которые рабочие и колхозники победоносно преодолевают под руководством нашей партии и ее ленинского ЦК.

Ленинская цитата, которая дана в постановлении ЦК о школе и которую мы должны положить в основу всей нашей дальнейшей школьной работы, имеет для нашей работы в области политехнического образования исключительное значение. Не останавливаясь подробно на анализе этой цитаты, нужно прежде всего отметить, что Ленин в этих «заметках» уже тогда, в 1920 г., говорил о том, что «б е з у с л о в н ы м заданием» надо по-

...авить «немедленное осуществление ряда доступных сейчас же шагов ... политехническому образованию...» Этим самым он говорил ... том, что проведение идей политехнизма требует от нас систематической, ...звернутой и напряженной борьбы, требует от нас боевой работы. Этим ...мым он отбрасывал в сторону ликвидаторское отношение к политехнизму, ...ебовал борьбы за политехнизм в самых трудных условиях и в то же время ... точном соответствии с данной обстановкой. Он давал практическую про...амму борьбы за политехническое образование. Ленин тут же совершенно ...нкретно ставил определенную задачу перед II ступенью нашей школы. Он ...ворил о том, что нам нужно подготовлять в этих школах «ремесленника», ...бавляя, — чтобы этот «ремесленник» имел широкое общее образование ...нал минимум основы таких-то и таких-то наук: указать точно каких); был ... коммунистом (точно указать, что должен знать), имел политехнический ...ругозор и начатки основ политехнического образования».

И вот когда мы будем по директиве ЦК пересматривать наши про...аммы, мы обязаны в наших программах провести ту генеральную линию, ...оторая дана в этих ленинских указаниях. Нам нужно суметь при пере...мотре наших учебных программ обеспечить в них «точно очерченный круг ...стематических знаний», обеспечить твердое усвоение учащимися «мини...ум основы таких-то и таких-то наук», и нужно построить так про...аммы, чтобы это были программы политехнической школы, чтобы они да...ли возможность осуществления соединения обучения с производительным ...удом, чтобы они увязывали теснейшим образом теорию и практику, чтобы ...ни делали наших школьников участниками социалистического стро...ельства.

Эта ленинская программа, данная в 1920 году, которую мы должны ... директиве ЦК положить в основу всей нашей дальнейшей школьной ра...оты, должна быть проведена нами в каждой детали нашей школьной работы, ... особенно в такой важнейшей стороне ее, как учебная программа, учебник, ...ебное пособие.

Нам нужно суметь вскрыть и препятствия на этом пути, и те откло...ния от основной линии нашей школьной политики, искажения ее, которые ...ке сейчас обнаруживаются в деле понимания политехнизма и практической ...ализации политехнической школы. Здесь надо развернуть решительную, ...примиримую борьбу на два фронта — против правого оппортунизма, ликви...торски относящегося к политехнизму, и против «левацкого» прожектер...ва в педагогике, выступающего с антиленинской теорией «отмирания ...колы», разрушающего политехническую школу и тем самым смыкающегося ... правой опасностью. Надо разгромить и примиренческий «нейтрализм» ... школьной политике, «презренную партию середины» в педагогике.

Три стороны в вопросе о политехнизме.

В сентябре 1920 г. на III сессии ВЦИК 7-го созыва Ленин в связи с до...адом Наркомпроса сделал запись, которая с важнейших сторон освещает ...прос о политехнизме.

Как ленинские «заметки», так и эту запись мы возьмем для рассмо...ения тех трех сторон вопроса о политехнизме, которые имеют исключи...льное значение для практики строительства политехнической школы на ...временном этапе.

Остановимся прежде всего на первом из этих вопросов — о поли...хнизме и специализации.

Ленин в этой записи пишет следующее:

«Политехнический принцип» не требует обучения всему (это Ленин ...черкнул.—*А. Б.*), но требует обучения основам (опять подчеркнул.—*А. Б.*) ...временной индустрии вообще» (опять подчеркнул. — *А. Б.*).

Это положение направлено, прежде всего, против такого извращения «политехнического принципа», когда политехнизм подменяется универсализмом и схематизмом, т.-е. когда начинают обучать «всему», сваливают в кучу ознакомление с различными отраслями производства, или же обучают «основам современной индустрии вообще» так, что отрывают эти «основы» от тех конкретных производств, в которых они заложены и в которых они имеют свое специфическое конкретное выражение.

Бывает так, что считают, что политехнизм и специализация чем-то взаимно друг другу противоречат. Это — неправильное понимание. Политехнизм не отрицает специализации. Мы добиваемся подготовки именно таких «ремесленников» и специалистов, которые бы имели политехническую подготовку. С другой стороны, политехнически подготовляя подрастающее поколение, мы тем самым облегчаем ему возможность овладения любым «ремеслом», любой самой сложной специальностью. Такая постановка вопроса вытекает из того, что политехнический принцип, по Ленину, «не требует обучения всему, но требует обучения основам современной индустрии вообще» и отбрасывает в сторону всякие попытки подмены политехнизма универсализмом и схематизмом.

Второй, связанный с политехнизмом, вопрос — о политехнизме и общем образовании. Этот вопрос приобретает для нас сейчас особый интерес, ибо сейчас в нашей школе мы имеем прорыв именно на этом участке борьбы за политехническую школу.

«Коммунистом, — говорит Ленин, — стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество».

Надо ударить по рукам тех людей, которые отрывают политехнизм от усвоения «основы таких-то и таких-то наук», которые не понимают или не хотят понять того, что политехнизация школы без неустанного под'ема общеобразовательного уровня есть совершенно искаженное, сугубо формальное, антиленинское толкование политехнизма. В резолюции Центрального комитета сказано: «попытка оторвать политехнизацию школы от систематического и прочного усвоения наук, особенно физики, химии и математики..., представляет собой грубейшее извращение идей политехнической школы».

А мы имеем, — что греха таить, — наплевательское отношение к этой стороне школьной работы. С этим нужно повести сейчас самую решительную борьбу. Нам сейчас нужно не только систематически бороться за повышение качества работы нашей школы вообще, но нам надо ухватиться за то основное для данного момента звено, где обнаружился явный прорыв, т.-е. в части общего образования. И недаром в постановлении ЦК сказано, что «коренной недостаток школы в данный момент заключается в том, что обучение в школе не дает достаточного об'ема общеобразовательных знаний и неудовлетворительно разрешает задачу подготовки для техникумов и для высшей школы вполне грамотных людей, хорошо владеющих основами наук (физика, химия, математика, родной язык, география и др.)».

Возьмем эту сторону школьной работы еще с точки зрения лозунга «овладения техникой». О каком «овладении техникой» можно говорить без «широкого общего образования»? Это будет пустышка, никчемное верхоглядство. Ленин прямо говорил, что коммунист, который не взял, не усвоил, не переработал в своем сознании «всей суммы человеческих знаний», будет только «простым хвастуном». Не понимать теснейшей органической связи политехнизма и общего образования, отрывать политехнизацию школы «от систематического и прочного усвоения наук», — это значит грубейшим образом извращать марксистско-ленинское понимание политехнизма.

За последний период в школьном строительстве со стороны органов народного образования мы имели не только недооценку значения общего образования, но в ряде случаев имели попытки оторвать политехнизм от «усвоения наук», что смыкалось с теорией «отмирания школы». Об этом надо сказать со всей резкостью. Надо усвоить себе, что «коренной недостаток школы в данный момент» приобрел столь крупные размеры именно потому, что в теории и практике педагогической работы имели место эти ошибки и искривления.

В то же время за последние годы школой достигнуты столь значительные успехи, что они дают возможность, по-большевистски вскрыв все недочеты, ошибки и искривления в школьной работе, добиться в кратчайшие сроки перелома в деле ликвидации «коренного недостатка», отмеченного в постановлении Центрального комитета.

И третья сторона, третий общий вопрос, который связан с пониманием политехнизма, — это политехнизм и производственное обучение. Я не большой поклонник этого термина — и не потому, что этот термин был бы неправильным, а потому, что он не соответствует нынешней стадии в соединении обучения с общественно-производительным трудом. Надо сказать, что организация соединения обучения с производительным трудом налажена еще очень недостаточно, ибо прикрепление школы к предприятию нередко носит формальный характер. В силу этого говорить сейчас о производственном обучении в отношении ребят нашей массовой школы было бы преждевременно, по меньшей мере.

После этих замечаний перейдем к существу вопроса о политехнизме и производственном обучении. Мы имеем до сих пор еще значительные неувязки между теоретическим обучением и практикой. Они выражаются в том, что мы имеем довольно пестрый и еще плохо организованный учебный план школы. Дети и подростки в школе в настоящее время уже не только сидят в классе за партой, но они одновременно работают в рабочей комнате или в школьной мастерской, проходят производственное обучение на фабрике или заводе, посещают выставки, музеи, промышленные предприятия в порядке организованных экскурсий и т. д. В силу этого мы сейчас имеем в школе сложный учебный план, и он плохо организован, в нем нет еще надлежащего единства, все его части нередко слабо связаны одна с другой. Помимо этого учебный план отражает на себе те искривления, которые имеют место в организации производительного труда учащихся, в неправильных соотношениях между общим образованием, с одной стороны, производительным трудом и общественно-полезной работой, — с другой.

Здесь мы имеем в первую очередь искривления правооппортунистического порядка, которые выражаются в отказе (в той или иной форме) от соединения школьного обучения с производительным трудом. Одним из конкретных выражений этого является недооценка громадного значения прикрепления школ к фабрикам, заводам, МТС, совхозам и колхозам. Есть люди, которые явно или скрыто противодействуют перестройке школы на политехнических началах, они тащат назад, к старой словесной школе. В этом направлении мы должны нанести главный удар.

Подобным же извращением политехнизма является подмена его ремесленничеством (в том или ином виде), сопровождающаяся отрывом техники от политики и экономики.

У Ленина имеется в уже цитированном нами документе (на III сессии ВЦИК) такая запись: «Соединение с производительным трудом» и здесь же в скобках записано «(не = мелкобуржуазной ремесленной школе)».

В настоящее время особое внимание должно быть сосредоточено на борьбе с извращениями политехнизма, идущими по линии «левацких» перегибов. В постановлении ЦК сказано, что «соединение обучения с производи-

тельным трудом необходимо проводить на такой основе, чтобы весь общественно-производительный труд учащихся был подчинен учебным и воспитательным целям школы». По этой же линии идет и требование обеспечения в школе «точно очерченного круга систематизированных знаний». В школьной теории и практике имеются также и такие извращения, когда указанное выше соотношение перевертывается, т.-е. когда учебные и воспитательные цели школы подчиняются общественно-производительному труду учащихся, когда общественно-полезная работа школы (скажем, борьба за промфинпланы данного предприятия, к которому прикреплена школа) несколько выпячивается вперед, что сминает и уродует учебные программы и весь учебный план школы. Эти извращения находят свое отражение в недооценке (иной раз и прямом игнорировании) значения школьных мастерских и рабочих комнат.

Бывает так, что эти перегибы смыкаются с вытекающими из антиленинской теории «отмирания школы» попытками «положить в основу всей школьной работы так называемый метод проектов».

С этими «лево»-оппортунистическими извращениями политехнизма надо развернуть решительную борьбу, до конца разоблачить, что «левацкие» перегибы и «левацкие» педагогические «теории» смыкаются с правым оппортунизмом в педагогике, наносят громадный вред политехнической перестройке школы и помогают школьной реакции, ведущей борьбу против политехнизма и коммунистического воспитания. Борьба на два фронта является нашей важнейшей задачей, от которой всецело зависит успех борьбы за политехническую школу.

Вот те три стороны в вопросе о политехнизме, на которых мы хотели здесь остановиться.

Политехнизм — часть коммунистического воспитания. Мы работаем над тем, чтобы воспитывать поколение, «способное окончательно установить коммунизм»

Постановление ЦК о школе есть конкретная программа социалистического наступления в деле строительства политехнической школы. Наша советская, перестраивающаяся на политехнических началах школа должна давать «всесторонне развитых строителей социализма, увязывающих теорию с практикой и владеющих техникой».

III. Коренной недостаток школы и основное звено ее перестройки на нынешнем этапе.

Мы имеем в настоящее время уже значительные успехи в деле борьбы за политехническую школу. ЦК в своем постановлении пишет, что «наряду с решающими шагами по осуществлению обязательного обучения детей школьного возраста, школа значительно продвинулась вперед по пути соединения школьного обучения с производительным трудом и общественной работой, благодаря чему заложены основы перестройки школы на базе политехнизма».

В 1930/31 году был сделан первый поворот школьного руля. Он заключался в том, что мы круто повернули наше внимание к школе, а самую школу круто повернули лицом к производству. Сейчас осталось очень немного школ, которые не прикреплены к социалистическим предприятиям. Мы добились поворота школы в сторону политехнизма. Но именно в результате этого поворота с величайшей резкостью обнаружились важнейшие недостатки в работе советской школы.

В рапорте, который коллегия Наркомпроса РСФСР подала в июле нынешнего года ЦК партии т. Сталину, констатируется, что, «добившись значительного сдвига в деле политехнизации школы за истекший год, мы

же далеко еще не осуществили директив партии о коренном и всесторон-
і улучшении качества работы школы, о надлежащей постановке производ-
енного обучения, о повышении образовательного уровня учащихся и все-
іного укрепления марксистско-ленинской и специально-педагогической
іготовки учительских кадров».

И далее рапорт добавляет: «эта задача является главной и решающей
ближайший период деятельности Наркомпроса РСФСР».

Коренной недостаток школы.

В условиях под'ема всей школьной работы из всех имеющихся недо-
атков школы—особенно резко обнаружилось отставание об'ема общеобра-
вательных знаний, даваемых массовой школой.

За последний период этому делу со стороны органов народного обра-
вания было уделено совершенно недостаточное внимание; помимо этого
коде политехнической перестройки школы был сделан ряд ошибок, допуще-
і искривления в области методов обучения и, наконец, «левацкое» методиче-
ое прожектерство нанесло значительный вред именно этой стороне школь-
й работы.

С этим связан второй поворот школьного руля, который мы должны
елать на протяжении 1931/32 учебного года. Этот год будет очень напря-
енным годом, потому что в связи с необходимостью всемерного обеспечения
школе надлежащего об'ема общеобразовательных знаний, надо поднять
іщий порядок в школе, укрепить школьную организацию, наладить едино-
чное управление школой и добиться правильного повседневного методи-
ского руководства школой.

Все эти задачи придется практически разрешать в условиях политех-
іческой перестройки школы и дальнейшего развертывания об'ема школьной
ти (завершение всеобуча четырехлетнего и ускоренное проведение все-
іуча семилетнего). И от этого будет зависеть, насколько успешно спра-
імся мы с той громадной задачей, которая поставлена перед нами директи-
й ЦК от 5 сентября нынешнего года.

Мы должны развернуть непримиримую борьбу на два фронта — проти
авых оппортунистов и против «леваков» в педагогике. Мы должны разобла-
ть и ликвидировать малейшие попытки сопротивления «повороту в работе
колы», какими бы «лозунгами» они ни прикрывались — «левацкой» фразой
іи правооппортунистическими увертками, ведущими к отказу от поли-
хнизма.

Как определяет постановление ЦК коренной недостаток школы в дан-
ій момент?

ЦК прежде всего констатирует, что «советская школа далеко еще не
ответствует тем огромным требованиям, какие пред'являются к ней со-
еменным этапом социалистического строительства». И, далее, ЦК указы-
ет, что «коренной недостаток школы в данный момент заключается в том,
о обучение в школе не дает достаточного об'ема общеобразовательных
іаний и неудовлетворительно разрешает задачу подготовки для техникумов
для высшей школы вполне грамотных людей, хорошо владеющих основами
іук (физика, химия, математика, родной язык, география и др.)».

Вот коренной недостаток, который мы имеем в школе, вот тот про-
ів, который имеется в школьной работе; нам нужно добиться того, чтобы
о ликвидировать как можно скорее. Для этого нужно добиться, чтобы все
лы местных партийных организаций, все силы органов народного образо-
ния, все силы культурной армии, все силы массового культурного движения,
е силы новой армии педагогического персонала были под руководством
ртии направлены на ликвидацию этого коренного недостатка.

Совершенно несомненно, что успехи в этой области создадут прочную базу для нового под'ема школы в направлении перестройки ее на основе педагогических принципов Маркса и Ленина.

В мае 1931 года Ленинградский обком по докладу зав. облОНО принял постановление «о ходе всеобуча и ликвидации неграмотности в Ленинградской области», в котором давал такую директиву облОНО и РОНО: «...обеспечить поднятие успеваемости учащихся в овладении всей суммой необходимых навыков и знаний». Этот вопрос в настоящее время приобретает исключительное значение, для его освещения я использую результаты одного обследования, которое было произведено в 3-х районах Донского округа в мае 1928 года и которым было охвачено 458 школьных групп, давших 14½ учен. бланков (см. И. С. Канаев и Ф. В. Быкодоров — «Уровень знаний и навыков сельского школьника», изд. «Раб. просвещения», 1930 г.). Чем занято было это обследование? Оно было занято выяснением того, как обстоит дело с двумя элементами в школе: во-первых, с комплексными знаниями, которые характеризуют общеполитический кругозор и общее развитие учеников, и, во-вторых, с формальными навыками в области орфографии, счета, арифметики, геометрии и т. д. Какие результаты в основном дало это обследование? Если мы посмотрим, как выглядят комплексные знания во всех 4-х группах, то надо сказать, что в основном, несмотря на целый ряд недостатков в этой области, эти знания выглядят в общем и целом удовлетворительно. Разбирая этот материал по группам, авторы этой книжки указывают, что в такой-то группе было слабо с усвоением обществоведческого материала, в такой-то группе было неважно с усвоением начатков естествознания и т. д., но в общем и целом, особенно в старших группах, дело обстояло удовлетворительно. А вот если мы возьмем положение дела с навыками, то тут уже надо прямо сказать, — положение из рук вон плохое.

Не приводя здесь всего обширного материала, имеющегося в книжке Канаева и Быкодорова, возьмем только знания по орфографии в 1-й и 4-й группах. В первой группе мы имеем такое положение, что из всего числа проверенных этим обследованием учеников 1-й группы только 21 человек, или 3,1% написали без ошибок. При написании 10 фраз с 24 словами школьники всех обследованных первых групп сделали 2.580 ошибок, по 4 ошибки в среднем на ученика. По 4-й группе результаты такие: пишут хорошо, т.-е. без ошибок, 4,1% всех учащихся, средне-нормально — 41,5%, остальные 54,4% — ниже среднего, слабо и очень слабо — 20,6%.

Авторы делают такой общий вывод, что «32% оканчивающих школу пишут безграмотно, делая от 11 до 41 ошибок».

В этой книжке приведена маленькая диаграмма, где одной чертой изображены знания и другой чертой — навыки, и получились «школьные ножницы»: комплексные знания идут вверх, формальные навыки падают вниз. Авторы этого обследования делают следующий общий вывод: «если об'единить все формальные навыки в одну кривую и сопоставить ее с кривой знания, то получим школьные «ножницы», характеризующие значительное расхождение навыков от знаний»

Дальше авторы говорят, что «при таком низком уровне формальных навыков сельская школа не может давать полноценной продукции» и что «вопрос об увязке навыков и знаний до сих пор еще остается актуальным вопросом для сельской школы, а может быть, — добавляют авторы, — и для городской». Мои личные наблюдения говорят, что, пожалуй, в основном, эти выводы применимы и к городской школе.

Авторы цитированной книжки делают на основании материала обследования ряд методических замечаний. Приведем лишь общее замечание о «проблеме навыков в их отношении к комплексным знаниям» Вот оно: «пе-

оги часто жалуются на недостаток времени для закрепления навыков и же стараются полностью проработать весь комплексный материал, тем ым жертвуя навыками в пользу знаний комплекса. Нужно по возможно- і гармонически сочетать эти элементы в начальной школе, которые у нас содятся в разрыве». Не касаясь вопроса по существу, необходимо под- окнуть, что сама-то проблема представляет практический интерес и дол- а быть изучена и переведена на методический язык нашими методическими ганами и научно-исследовательскими педагогическими институтами.

Ликвидация коренного недостатка школы в данный момент является жнейшей очередной задачей, без разрешения которой совершенно невоз- іжно построение политехнической школы, без разрешения которой и сама ілитехнизация школы приобретает формальный характер

Учебные планы и учебные программы.

С этим вопросом теснейшим образом связана целая группа пробле. ісающихся учебных программ и учебных планов массовой школы. Я уже гмечал, что в резолюции ЦК указывается на необходимость пересмотра нешних программ.

ГУС'ом и УМС'ом НКП уже разослана всем органам народного обра- эвания директива, что до пересмотра программ, к которому мы уже при- упили, школы должны руководствоваться теми программами, которые вы- ущены на 1931/32 учебный год.

Мы должны наши программы перестроить. В каком направлении? — направлении обеспечения в них «точно очерченного круга систематизи- рванных знаний (родной язык, математика, физика, химия, географи, стория)». Учебные планы массовой школы за последние годы изменились сторону того, что мы в значительном об'еме ввели в них труд. Известно, го труд появляется в программах 1927 г. Сейчас мы эту сторону обучени одняли на значительную высоту, хотя качество этой стороны школьной аботы, повторяем, не может быть признано удовлетворительным. Мы зна- ительно увеличили удельный вес целого ряда дисциплин в сельских и го- родских повышенных школах. Если взять по таблице распределения учеб- ого времени ШКМ и ФЗС 1930/31 учебный год сравнительно с 1929/30 учеб- ым годом, то в ФЗС увеличилось учебное время по русскому языку и лите- атуре, по математике, физике, астрономии, по химии и по труду. В ШКМ овышение учебного времени коснулось техники и организации коллектив- ого хозяйства, физики, химии, математики, географии, литературы и род- ого языка, значительно возросло количество часов на производственное бучение.

Но надо сказать, что одно дело на бумаге, другое дело на практике. ело заключается не только в том, чтобы поставить большее количество асов для данной дисциплины в учебном плане, а дело в том, чтобы добиться аксимального усвоения программ и надлежащей организации учебного вре- ени ребят. А эта сторона дела, безусловно, далеко еще не удовлетвори- ельна. В учебных программах 1931 года мы сделали уже в известной сте- ени упор на навыки. Это выразилось в том, что и в сельском и в городском ариантах программ начальной школы мы дали об'ем знаний (по годам) по атематике и русскому языку, а для сельского варианта дополнительно по стествознанию, и об'ем знаний по сельскому хозяйству. Но этого совер- енно недостаточно. И в ближайшее время, не дожидаясь новых програм, действующим программам будут даны об'емы знаний (по годам) по обще- твоведению (политграмота, история, география) и по технике (минимум ехнических знаний).

Кроме этого учебно-методический сектор должен разослать по всем школам и органам народного образования в качестве дополнения ряд учебно-методических документов, которые идут в направлении того, чтобы уже в рамках существующих программ обеспечить усвоение точно очерченного круга систематизированных знаний по основным дисциплинам.

На школьный сектор НКП в настоящее время возложена текущая методическая работа. Он должен будет в первую очередь дать ряд методических писем и разослать специальных инструкторов-методистов по всем краям и областям.

Нам нужно уже сейчас начать подготовку к тому, чтобы новые программы были не только написаны, но и практически реализованы. Это потребует громадной подготовительной работы. Нужно немедленно провести большую работу среди учительства. На местах надо будет собирать не только общие учительские конференции, но и специальные методические совещания учителей по отдельным дисциплинам и на них самым тщательным образом проработать целый ряд практических вопросов, связанных с частными методиками. Даже при беглом ознакомлении с работой Ленинградского отдела народного образования у меня создается впечатление, что здесь уже стали на этот путь.

Но сделанного недостаточно. Общим недостатком работы отделов народного образования является то, что еще очень слабо оперативное руководство школой.

Недавно мне пришлось столкнуться с таким фактом: приехав в один крупный областной центр, я тут же получил заверения, что школы начали работать аккуратно, в назначенное время. Это очень хорошо, так как в прошлом году в этом же крае школы начали работать с большим опозданием. Но когда я спросил этого же товарища, — какие школы действительно начали работать, он мне на это ответить не смог. Куда это годится? Люди, которые отвечают за школу, знают, что школа начала работать, и не удосужились поинтересоваться, — какие школы действительно приступили к занятиям. Это говорит о том, что оперативного руководства школами со стороны отделов народного образования еще очень мало. А думать, что мы можем коренным образом улучшить методическое руководство массовой школой без того, чтобы не изменить коренным образом повседневное руководство всем школьным делом, придав ему максимум оперативности и «предметности», — это сущие пустяки.

Методы обучения в политехнической школе.

В настоящее время со всей остротой встает вопрос о методах обучения в массовой школе. Вопрос о методах обучения является важнейшим вопросом.

Мы строим политехническую школу. Мы имеем новое содержание школьной работы, новые целевые установки, а следовательно, должны иметь и новые методы работы. Нельзя думать так, что можно целевую установку школы и содержание школьной работы изменить и остаться при старых методах обучения. Это — глубокое заблуждение. Из этого ничего хорошего не выйдет. Но, с другой стороны, ни в коей степени нельзя сказать и так, что есть новая школа, новые целевые установки, новое содержание и по этому выкидывай целиком все старые методы обучения. Это — неправильная установка. Мы должны уметь ценные методы обучения старой школы применить в практике работы нашей новой школы, школы с новой целевой установкой, с новым содержанием работы и с новыми методами обучения. И здесь надо говорить не только об общей методике, о методике обучения, но и о частных методиках, и об отдельных практических приемах учебно-методи-

еского порядка. Возьмите хотя бы «показательные уроки» или «специальные упражнения по навыкам» или «контрольные задания».

Неужели все это не может быть применено в нашей советской школе? — Может быть применено; надо только уметь так эти приемы проработать, чтобы они соответствовали целевым установкам, содержанию и методам обучения нашей политехнической школы, вернее сказать, — школы, перестраивающейся на политехнической основе. У нас опытных специалистов-педагогов, обладающих педагогическим мастерством, не так уже много.

Но у нас, как известно, очень много педагогической молодежи, и посмотреть такому молодому педагогу на то, как работает опытный педагог в классе, в рабочей комнате, в школьной мастерской, как он ведет экскурсию ребят в музей, на фабрику, на завод, как организует работу старших групп на предприятии, — все это для такого педагога будет величайшим делом. Он будет на практике находить разрешение целого ряда недоумений, которые у него, как у недостаточно опытного специалиста, безусловно есть. Здесь нужно развернуть надлежащую работу, нужно как следует поработать над целым рядом подобных практических учебных приемов в соответствии с задачами политехнической школы.

Недавно на одном учительском совещании (в г. Саратове) мне пришлось слышать о «специальных упражнениях» и «конкретных заданиях» в одной, повидимому, хорошей опорной школе. Что тут плохого, ежели от этого знания закрепляются, а школьное обучение не только не отрывается от практики, общественной работы и производительного труда, а наоборот, последние от этого выигрывают? Ничего, кроме хорошего, и нужно дать решительный отпор людям, которые, прикрываясь «левой» фразой, задумают помешать в такого рода методической работе. Надо беспощадно разгромить и тех, кто захочет протащить здесь «зубрежку», «муштру», «мертвые знания», извращать целевые установки и новое содержание политехнической школы, школы коммунистического воспитания, кто захочет помогать школьной реакции, тянуть назад — к буржуазной школе.

О применении новых методов обучения.

Перестройка школы на политехнической основе требует систематической работы над новой методикой массовой школы, которая находилась бы в полном соответствии с задачами политехнизации школы и коммунистического воспитания подрастающих поколений.

Эту работу необходимо вести на основе методического опыта, накопленного органами народного образования за последнее десятилетие, в теснейшей связи с тем практическим педагогическим опытом, который ныне сосредоточивается в нашей массовой школе в процессе ее перестройки на политехнической основе, и, наконец, в этой области мы можем и должны использовать методический опыт передовой буржуазной педагогики, при том обязательном условии, что положительные завоевания буржуазной школы мы будем перерабатывать в соответствии с задачами политехнической школы в пролетарском государстве, выбрасывая из них то, «что являлось необходимым для капитализма», и внедряя в нашу практику то, «что является необходимым для коммунизма».

Школа, перестраивающаяся на политехнической основе, требует новых методов преподавания. В постановлении ЦК мы читаем: «применяя в советской школе различные новые методы обучения, могущие способствовать воспитанию инициативных и деятельных участников социалистического строительства, необходимо развернуть решительную борьбу против легкомысленного методического прожектерства...».

Директива ЦК, говоря о применении новых методов обучения, обусловливает это прежде всего тем, чтобы эти новые методы могли «способствовать воспитанию инициативных и деятельных участников социалистического строительства». Критерий дан совершенно точный, нужно только уметь его правильно применить на практике.

Но в директиве ЦК также указано:

«Необходимо развернуть решительную борьбу против легкомысленного методического прожектерства, насаждения в массовом масштабе методов, предварительно на практике непроверенных, что особенно ярко за последнее время обнаружилось в применении так называемого «метода проектов».

Мы должны сейчас развернуть решительную борьбу против «легкомысленного методического прожектерства». Мы должны самым решительным образом ликвидировать практику «насаждения в массовом масштабе методов, предварительно на практике не проверенных». Мы должны провести это особенно в отношении метода проектов, так как в применении его в школе «особенно ярко» обнаружилось и «методическое прожектерство» и «насаждение в массовом масштабе непроверенных методов».

Вот как должна быть понята нами эта часть директивы ЦК о новых методах и о методе проектов.

Мы имеем такие случаи, когда, скажем, за тот же «метод проектов» хватаются все, кто только может, совершенно не усвоив, что такое метод проектов, не проверив его предварительно на практике, не подготовив к этому как следует школу, не продумав тщательно ни методической, ни организационной стороны этого дела. И, конечно, от этого получаются самые пагубные результаты.

Мне, например, пришлось в Саратове собрать методическое совещание квалифицированных педагогов и инструкторов труда. Что там выяснилось? Там выяснилось, что некоторые школы на метод проектов переходили сразу, всей школой, без всякой подготовки, и, по заявлению самих этих людей, у них получился полный беспорядок и хаос в школе. Создавались сквозные бригады, ломалась вся школьная организация, предварительного опыта в применении этого метода никакого, руководства никакого, педагогическая подготовка учительства в школе явно недостаточная, и в итоге получились чрезвычайно плачевные результаты, которые в конце концов приводили к резкому снижению качества всей школьной работы, а в худших случаях — к полному развалу школы.

На саратовском совещании приводили и другие примеры, когда опыт с применением метода проектов удался (в опытно-показательной школе — в ФЗС № 5).

Но это лишь подчеркивало весь вред «легкомысленного методического прожектерства» и всю недопустимость «насаждения в массовом масштабе» непроверенных методов (особенно таких, как «метод проектов»). Это методическое прожектерство выражалось и в других формах. Например, в мае было собрано совещание в Академии коммунистического воспитания всех высших педвузов, и там нашлись такие люди, которые говорили о том, что можно диалектический материализм целиком и полностью перевести на метод проектов. Вот — перлы методического прожектерства! С ними нужно повести решительную борьбу, их надо изгнать из нашей школы, потому что от них ничего, кроме вреда для всей школьной работы, мы не получим.

Но было бы неправильным представлять себе дело так, что «прожектеры» сидели только в школах. Ничего подобного. Инициатива этого методического прожектерства шла сверху — из ныне расформированного Института марксистско-ленинской педагогики.

Именно оттуда шла такая пропаганда метода проектов, которая сама а не чем иным, как «легкомысленным методическим прожектерством» орая питала и методическое прожектерство в школе и массовое «наса ние» методов, «на практике непроверенных». Тем более, — это необхо о особо подчеркнуть, — что эта пропаганда в самом-то Институте бази алась на ликвидаторской теории «отмирания школы».

И вот здесь мы подходим к последней части директивы ЦК о приме ии в советской школе новых методов обучения:

«Вытекавшие, — читаем мы в постановлении ЦК, — из антиленинской рии «отмирания школы» попытки положить в основу всей школьной ра ы так называемый «метод проектов» вели фактически к «разрушению олы».

И в этих случаях мы имели уже не просто ошибки, а прямое грубей е извращение большевистской школьной политики, ликвидаторскую ольную практику, вытекавшую из антиленинской «левацкой» теории гмирания школы».

Когда в таком огульном виде применялся метод проектов, то это есть что иное, как теория «отмирания школы» на практике, приводившая разрушению школы. Мне уже приходилось говорить о «левацкой» теории мирания школы, — и на II партийном совещании по народному образова о в апреле 1930 г., и на пленуме научно-пед. сессии ГУС'а в 1931 году за последние месяцы на августовском совещании зав. ОНО, и на конфе иции ФЗС).

Эта теория довольно в'едливая. Мы видим, как целый ряд попыток именения метода проектов, в сущности говоря, были такими попыт ми, которые вытекали из «левацкой» теории «отмирания школы». Конечно, и не приводили ни к чему иному, как к разрушению школы — этого кнейшего орудия пролетарского государства в деле «воспитания поколения, особного окончательно установить коммунизм».

В отношении новых методов обучения можно сказать, что история вторяется. Но «история» с методом проектов повторяет подобные же стории», которые уже были и прошли, но, к сожалению, она их повто ›т в худшем виде. Наркомпросом РСФСР были подведены итоги того, как ществлялась комплексност в нашей массовой школе. Что мы здесь видим? клад по этому вопросу отмечает, что «комплекс превращался в фетиш, за онявший цель, смысл и сущность педагогической работы», и что в жертву эму фетишизированному комплексу приносилась «элементарная грамот сть». Доклад особо отмечает попытку «безудержного комплексирования эбного материала, при чем «комплексировалось» то, что комплексированию вершенно не поддавалось. Имели место явные курьезы. В докладе имеется щий вывод, имеющий значение и для нашего времени. Там говорится сле ощее: «логика организации и методики работы по комплексным темам олкнулась с логикой организации и методикой работы по языку и мате тике».

В докладе указывалось, что в 1925/26 году вопрос об увязке комплекс х знаний и навыков по языку и математике «был чрезвычайно острым во эсом». Почему? — Потому, что учитель или совсем отказывался от работы комплексной системе, уделяя почти все время обучению детей знаниям и выкам по родному языку, математике и пр. и, таким образом, переходил старой предметной системе обучения, или, наоборот, в попытках все сг гь доходил до курьезов.

То же самое, примерно, мы имели с дальтон-планом. То же самое, лько в значительно худшей форме мы имеем и с «методом проектов». тория повторяется. Нужно все-таки сказать, что в отношении «метода

проектов» значительно больше скверных вещей наговорено и наболтано, чем наделано. Хотя наделано и напутано тоже порядочно.

Постановление Центрального комитета дает нам в руки могучее орудие для борьбы за генеральную большевистскую линию в школьной политике, обеспечивает нам успех в борьбе с ошибками и извращениями в области методики массовой школы. Оно сыграет громадную роль и в исправлении тех ошибок и искривлений, которые имеют место и в высшей школе, в первую очередь — в наших педагогических вузах.

В отношении массовой школы методическая линия совершенно ясна Мы должны, применяя «различные новые методы обучения», решительно отказаться от массового применения метода проектов, ограничившись сохранением его лишь в тех отдельных школах, где он дал безусловно положительные результаты с точки зрения тех задач, которые поставлены постановлением ЦК партии, организовав опытное изучение применения этого метода в условиях советской школы.

Опытное изучение надлежит организовать в настоящее время и в отношении других методов обучения, применительно к условиям школы, перестраивающейся на политехнической основе. Это даст нам возможность не только коренным образом исправить имеющиеся в школьной практике ошибки, перегибы и искривления в применении различных новых методов обучения, но и, проверив на опыте различные методы преподавания, тем самым обеспечить необходимые условия для развертывания новой методики в условиях политехнической школы.

В теснейшей связи с этими методическими задачами должна быть развернута методическая работа наших научно-исследовательских институтов.

В этой области нам предстоит проделать очень большую работу, ибо она крайне засорена «прожектерами» и «леваками». Этим людям памятник следовало бы водрузить и на памятнике написать: «Вот люди, которые шли в одну дверь, а попали в совершенно другую», хотели провозгласить архиреволюционную педагогику, а на деле самым теснейшим образом сомкнулись с либеральной меньшевистской политикой. Эти методические прожектеры. «леваки», авторы и распространители антиленинской теории «отмирания школы» затруднили нам сейчас проведение в школе новых методов обучения. Они возмутительно навредили в деле проведения новой методики. Благодаря им методическое поле крайне засорено. И нам придется сейчас взяться вплотную за то, чтобы по-большевистски очистить его от всего этого «левацкого» хлама. Эту борьбу мы будем вести под знаменем теории Маркса и Ленина.

Один из примеров некритического усвоения методики буржуазной школы.

Чем больше вдумываешься во всю эту «историю» с методом проектов, главными деятелями которой были тт. Шульгин и Крупенина, возглавлявшие бывший Институт методов школьной работы, тем яснее понимаешь, что, в сущности говоря, в шульгинском «левом» прожектерстве с методом проектов мы имеем типичный пример некритического усвоения методики буржуазной школы, имеем образчик прямого некритического перенесения такого метода, который характерен для американской школы. Можем ли мы заимствовать методы обучения из передовых буржуазных школ? Безусловно, можем. Но как? Перерабатывая их, выбрасывая и разоблачая все, что являлось «необходимым для капитализма», беря и критически усваивая то, что является «необходимым для коммунизма». Таким образом должны мы действовать в отношении применения методов преподавания, практикующихся в буржуазной школе.

В отношении американского метода проектов «леваки» сделали совершенно обратное.

Для того, чтобы наглядно показать это, придется прежде всего заняться американскими теоретиками и практиками метода проектов.

Прежде всего остановимся на том, какие основные принципиальные установки имеются у теоретиков американского метода проектов, а затем возьмем пример того, как этот метод проектов на практике применяет профессор Коллингс в своей опытной школе. Теоретик передовой американской педагогической мысли Кильпатрик исходит из «идеала демократической гражданственности». Мы знаем, что из себя этот «идеал» представляет. Мы уже цитировали книгу профессора Каунтса, который показывает, конечно далеко неполно и далеко не в настоящем виде, эту американскую «демократическую гражданственность». Кильпатрик говорит так: «Раз мы установили, что целевой акт есть типичная черта, достойная жизни демократического общества, то его следовало бы сделать типичной чертой педагогической практики».

Здесь уже закладывается основа метода проектов. «Целевой акт» («проект») надо положить в основу, сделать его типичной чертой «педагогической практики», т.-е. работы школы. И тут же Кильпатрик заявляет: «Весь мой философский взгляд привил мне недоверие ко всяким общим принципам». Это настоящая философия беспринципного делячества, столь характерная для эпохи империализма. И, наконец, вот третий тезис профессора Кильпатрика, который надо знать, чтобы понять и его педагогические взгляды: «мы презираем человека, — пишет Кильпатрик, — который пассивно применяет то, что ему навязывает судьба или простой случай. Мы преклоняемся перед человеком, который является господином своей судьбы, который внимательно и осмотрительно, принимая во внимание общее положение, составляет определенные, далеко хватающие задачи, кто заботливо разрабатывает и исполняет проекты, им самим составленные».

Тут мы имеем совершенно точное отражение американского империализма, с его бешеной конкуренцией, с его беззастенчивым рвачеством, с его узким практицизмом и с беспринципным делячеством. Педагогическая философия Кильпатрика есть не что иное, как отражение сущности американского империализма. Буржуазия рассматривает школу как средство «натаскать» для себя «покорных и расторопных слуг», «исполнителей воли и рабов капитала». Для этого она лицемерно об'являет ее вне политики и тем самым делает ее орудием своей политики, политики капиталистической эксплоатации и капиталистического гнета. Для этого она «загромождает» ее средневековым и буржуазным хламом, строит школу «зубрежки», «муштры» и «мертвых знаний». Это один путь, которым буржуазия стремится достичь своих целей, т.-е. «натаскать» в школе «покорных и расторопных прислужников». Но имеется и другой путь, который ведет к той же цели, это путь Кильпатриков и Коллингсов, которые по существу-то дела говорят настоящей империалистической прозой, так как школа, построенная по их рецепту, дает людей, которые именно нужны буржуазии. Их школа имеет одну задачу — дать возможность детям и подросткам «практиковаться в выборе и успешном осуществлении целей», т.-е. «натаскать» узколобых практиков капиталистического дела. Школа Кильпатриков и Коллингсов, — это не школа «зубрежки», «муштры» и «мертвых знаний», это — передовая буржуазная школа; она другим путем, но выполняет ту же самую задачу, т.-е. задачу, поставленную школе американским империализмом.

Кильпатрик говорит, что он питает «недоверие ко всяким общим принципам». Школа Кильпатриков и Коллингсов построена на этом

«принципе», она проникнута узким практицизмом, она не дает места «общим принципам» и тем самым воспитывает людей, которые беспринципность возводят в принцип, т.-е. с таким «мировоззрением», которое как раз и нужно для капитализма. Недаром проф. Каунтс говорит, что «принцип индивидуального успеха» играет такую определяющую роль в развитии «американской системы образования». Если спросить, — что же можем мы взять из такой буржуазной школы? Само собой разумеется, не то, что мы подвергли здесь критике и разоблачению. И даже далеко не все то, что является в этой школе ценным, скажем, новые методы обучения, так как это было бы образчиком некритического усвоения буржуазных достижений. Ценное в методике такой школы надо взять таким образом, чтобы переработать его с точки зрения интересов пролетарской диктатуры и социализма, отбросив все, что «являлось необходимым для капитализма», и усвоив то, что «является необходимым для коммунизма».

Практик американского метода проектов профессор Коллингс в 1917 г. организовал опытную школу. При чем он взял две традиционных американских школы в качестве контрольных школ. В течение четырех лет применял он в своей школе опыт метода проектов. В изданной им книжке («Опыт работы американской школы по методу проектов») он подводит итоги этой работы и дает анализ всей организации школы и школьной работы.

«Метод проектов, — говорит Коллингс, — по своему существу предполагает огромное разнообразие проектов, создаваемых самими детьми в процессе работы, а следовательно, совершенно исключает возможность применения какого бы то ни было заранее выработанного курса». Коллингс отмечает, что «почти все проекты носили индивидуальный характер».

Мы уже здесь цитировали Каунтса, который говорит, что в основу американского метода воспитания положен принцип крайнего индивидуализма. В школе Коллингса американские ребята практикуются в «делах». Один делает гладильную доску для своей мамаши, другой занимается тем, что изучает, как варить кофе и т. д. О программе такой школы Коллингс говорит следующее: программа опытной школы «была выбрана непосредственно из целей, поставленных себе детьми, и беспрерывно перестраивалась по мере дальнейшего развития опыта совместными усилиями инспектора, учителей и учеников школы».

О расписании занятий в школе он сообщает такие сведения: «дневное расписание занятий было чрезвычайно гибким, подчас оно позволяло всей школе в целом одновременно отдаться одному и тому же проекту, подчас предоставляло каждому ученику, или группе учеников, или комбинации ученических групп работать отдельно».

Место учебника в опытной школе он характеризует так: «никаких учебников как таковых в опытной школе не применялось, хотя некоторые имелись в библиотеке в качестве справочных материалов».

Если спросить: вот этот метод, который так философски обосновывается и так применяется практически, он подходит к нашей советской школе, или нет?

Когда я в Саратове беседовал с группой учителей, между прочим с учителями из школы, в которой вся работа шла по методу проектов, то одна учительница этой школы, очень хороший и опытный педагог, на мой вопрос — «как вы относитесь к американскому методу проектов» — отвечала: «американский метод проектов неприемлем на 80%». В процентах тут всего не определишь, но ответ должен быть признан безусловно правильным, так как в нем заложена правильная оценка американского метода проектов.

Американская школа, работающая по методу проектов, в сущности го-ря, совершенно выкидывает теоретическое образование, выкидывает элементы мировоззренческие. «Основы наук» она целиком и полностью связывает «проектами». Она ликвидирует обычные учебные программы, расписания, учебники и т. д. Такой организацией школы в полной мере разрешается задача — дать возможность ученикам «практиковаться в выборе успешном осуществлении целей». Всякая попытка без соответствующей критической переработки перенести этот метод в советскую школу будет значать проникновение влияния буржуазной педагогики. «Леваки» в советской педагогике смыкаются с этими архибуржуазными философами и практиками школы, работающей по методу проектов, когда они некритически переносят опыт американской школы к нам. Это приводит их даже и к «общим принципам» явно американского происхождения.

Что говорит о воспитании т. Шульгин? Приведем очень короткую, выразительную цитату: «Нам нужно из наших ребят, — пишет т. Шульгин, — сделать таких людей, которые, как говорил Джек Лондон, смотрели бы на препятствия, как на спорт: нужно преодолеть». Вот вам «цель» воспитания подрастающих поколений в пролетарском государстве в формулировке архилевого» т. Шульгина. Комментарии излишни! Но у т. Шульгина можно найти и явное отражение идей мелкобуржуазной педагогики «свободного воспитания». О школе он нередко говорит, как об организации «самовоспитания» детей. Так «леваки» в советской педагогике отражают и в своей теории и в своей практике влияние буржуазной педагогики, прикрываемое революционной» фразой. И надо удивляться, что этакая диллетантская, эклектическая окраска, изрядно сдобренная «левацким» прожектерством, столь продолжительное время могла иметь хождение в качестве «теории» революционной педагогики! В настоящее время надо ее разоблачить до конца перед всем учительством, так как она является одним из наиболее тяжелых наследств», полученных нами, является тормозом в борьбе за политехническую школу, борьбе, требующей напряжения всех сил и последовательного проведения ленинской линии в школьной политике пролетарского государства

Где корни этих «левацких» теорий? Эти корни лежат в неправильном, антиленинском понимании соотношения между политикой и педагогикой, эти корни лежат в совершенно неправильной трактовке соотношения между «стихийным» и «организованным» педагогическим процессом. И здесь и там наши теоретики «левацкой» педагогики скатываются к меньшевизму. И не случайно именно из возглавляемого т. Шульгиным института вышла не только ликвидаторская теория «отмирания школы», не только огульная проповедь американского метода проектов, как «системы», определяющей собой весь строй школы сверху донизу, выбрасывающей из педагогического процесса учебные программы, учебники и учителя, но и такая пропаганда исследовательского метода коллизий (институт выпустил по этому вопросу специальную книжку), где ведя дискуссию по какому-нибудь острому вопросу, рекомендовалось не руководить этой дискуссией, а ее развязывать, т.е. предоставлялась возможность взять руководство этой дискуссией кому угодно, в том числе и классовому врагу.

Следует еще раз остановиться на одном чрезвычайно важном месте постановления ЦК о школе. Там сказано, на какой основе мы должны проводить соединение обучения с производительным трудом. Там сказано о том, что «весь общественно-производительный труд учащихся» должен быть подчинен «учебным и воспитательным целям школы». Я обращаю внимание на это место постановления ЦК, так как оно направлено против теории «школа — культурно-производственный цех завода» и имеет исключительно важное значение для всей нашей школьной работы

Нам нужно так устанавливать об'ем и направление общественно-полезной работы, так устанавливать об'ем и направление занятий общественно-полезным трудом детей и подростков, чтобы это целиком и полностью было подчинено учебным и воспитательным задачам политехнической школы. В школах бывает так, что ребята отлично борются за промфинплан на заводе и совершенно не выполняют «промфинплана» школы, бывает так, что учебный план школы уродуется в угоду теории, по которой «школа — цех завода», в силу чего учебные программы снимаются, «основы наук» проходятся отрывками, не систематизированно, в урезанном об'еме, т.-е происходит грубейшее извращение идеи политехнической школы.

И теоретикам, и практикам школьной работы нужно в этом году очень много над этим делом поработать, руководствуясь директивой ЦК о том, что «общественно-производительный труд учащихся» должен быть подчинен «учебным и воспитательным целям школы». Москва уже ведет работу в этом направлении. Надеемся, что и ленинградцы не отстанут от москвичей. Надо развернуть здесь соцсоревнование. Это будет в интересах борьбы за политехнизм и коммунистическое воспитание.

IV. О некоторых практических вопросах строительства политехнической школы.

О методическом руководстве. Мы говорили уже относительно того, что задача методического руководства стоит перед нами как одна из важнейших задач. Нам приходилось не раз слышать, что школа работает «без руля и без ветрил». И Государственный ученый совет и учебно методический сектор ни в какой степени не овладели еще методическим учебным руководством. Наши местные органы еще очень слабо осуществляют задачи методического руководства. И пединституты неудовлетворительно осуществляют свои обязанности по отношению к массовой школе, хотя за последний год здесь имеется несомненное движение вперед. В прошлом году мне пришлось быть в Саратовском пединституте. Я интересовался постановкой кафедры педагогики. Эта кафедра год тому назад занимала одну комнату. В нынешнем году кафедра развернула политехнический кабинет, где стоят предметы, которые являются результатом работы аспирантуры и студентов в школе, на фабриках и заводах. Это шаг вперед. Но от этого шага еще очень далеко до того, чтобы связаться с массовой школой и с педтехникумами в крае и по-настоящему организовать помощь методическому руководству массовой школой, а затем и всей сетью учреждений народного просвещения. На службу методическому руководству надо поставить и научно-исследовательские институты. Нужно организовать сеть опытно-показательных учреждений, которые бы помогали школе перестраиваться на началах новой методики. Мы должны методическое руководство строить на настоящей научной марксистской базе. Наши научно-исследовательские институты оторваны от педагогической практики и далеко еще не выполняют своих обязанностей перед школой и педагогикой. На одном московском собрании имело место выступление одного директора, который заявил, что Наркомпрос научно-исследовательскими институтами не руководит. Дело тут не в руководстве, а главным образом в том, что институты практической школьной работе ничего не дали. А некоторые из них, например, ныне расформированный Институт марксистско-ленинской педагогики наделал столько путаницы своими «левацкими» теориями и легкомысленным методическим прожектерством, что нам придется развернуть решительную борьбу и разоблачение, чтобы с корнем вырвать из педагогической практики последствия «плодотворной» теоретической деятельности шульгинского института. Нам нужно

Американская школа, работающая по методу проектов, в сущности говоря, совершенно выкидывает теоретическое образование, выкидывает элементы мировоззренческие. «Основы наук» она целиком и полностью связывает «проектами». Она ликвидирует обычные учебные программы, расписания, учебники и т. д. Такой организацией школы в полной мере разрешается задача — дать возможность ученикам «практиковаться в выборе успешном осуществлении целей». Всякая попытка без соответствующей критической переработки перенести этот метод в советскую школу будет означать проникновение влияния буржуазной педагогики. «Леваки» в советской педагогике смыкаются с этими архибуржуазными философами и практиками школы, работающей по методу проектов, когда они некритически переносят опыт американской школы к нам. Это приводит их даже и к «общим принципам» явно американского происхождения.

Что говорит о воспитании т. Шульгин? Приведем очень короткую, выразительную цитату: «Нам нужно из наших ребят, — пишет т. Шульгин, — сделать таких людей, которые, как говорил Джек Лондон, смотрели бы на препятствия, как на спорт: нужно преодолеть». Вот вам «цель» воспитания подрастающих поколений в пролетарском государстве в формулировке архилевого» т. Шульгина. Комментарии излишни! Но у т. Шульгина можно найти и явное отражение идей мелкобуржуазной педагогики «свободного воспитания». О школе он нередко говорит, как об организации «самовоспитания» детей. Так «леваки» в советской педагогике отражают и в своей теории и в своей практике влияние буржуазной педагогики, прикрываемое «революционной» фразой. И надо удивляться, что этакая диллетантская, эклектическая окраска, изрядно сдобренная «левацким» прожектерством, столь продолжительное время могла иметь хождение в качестве «теории» революционной педагогики! В настоящее время надо ее разоблачить до конца перед всем учительством, так как она является одним из наиболее тяжелых «наследств», полученных нами, является тормозом в борьбе за политехническую школу, борьбе, требующей напряжения всех сил и последовательного проведения ленинской линии в школьной политике пролетарского государства

Где корни этих «левацких» теорий? Эти корни лежат в неправильном, антиленинском понимании соотношения между политикой и педагогикой, эти корни лежат в совершенно неправильной трактовке соотношения между «стихийным» и «организованным» педагогическим процессом. И здесь и там наши теоретики «левацкой» педагогики скатываются к меньшевизму. И не случайно именно из возглавляемого т. Шульгиным института вышла не только ликвидаторская теория «отмирания школы», не только огульная проповедь американского метода проектов, как «системы», определяющей собой весь строй школы сверху донизу, выбрасывающей из педагогического процесса учебные программы, учебники и учителя, но и такая пропаганда исследовательского метода коллизий (институт выпустил по этому вопросу специальную книжку), где ведя дискуссию по какому-нибудь острому вопросу, рекомендовалось не руководить этой дискуссией, а ее развязывать, т. е. предоставлялась возможность взять руководство этой дискуссией кому угодно, в том числе и классовому врагу.

Следует еще раз остановиться на одном чрезвычайно важном месте постановления ЦК о школе. Там сказано, на какой основе мы должны проводить соединение обучения с производительным трудом. Там сказано о том, что «весь общественно-производительный труд учащихся» должен быть подчинен «учебным и воспитательным целям школы». Я обращаю внимание на это место постановления ЦК, так как оно направлено против теории «школа — культурно-производственный цех завода» и имеет исключительно важное значение для всей нашей школьной работы

Нам нужно так устанавливать об'ем и направление общественно-полезной работы, так устанавливать об'ем и направление занятий общественно-полезным трудом детей и подростков, чтобы это целиком и полностью было подчинено учебным и воспитательным задачам политехнической школы. В школах бывает так, что ребята отлично борются за промфинплан на заводе и совершенно не выполняют «промфинплана» школы, бывает так, что учебный план школы уродуется в угоду теории, по которой «школа — цех завода», в силу чего учебные программы снимаются, «основы наук» проходятся отрывками, не систематизированно, в урезанном об'еме, т.-е происходит грубейшее извращение идеи политехнической школы.

И теоретикам, и практикам школьной работы нужно в этом году очень много над этим делом поработать, руководствуясь директивой ЦК о том, что «общественно-производительный труд учащихся» должен быть подчинен «учебным и воспитательным целям школы». Москва уже ведет работу в этом направлении. Надеемся, что и ленинградцы не отстанут от москвичей. Надо развернуть здесь соцсоревнование. Это будет в интересах борьбы за политехнизм и коммунистическое воспитание.

IV. О некоторых практических вопросах строительства политехнической школы.

О методическом руководстве. Мы говорили уже относительно того, что задача методического руководства стоит перед нами как одна из важнейших задач. Нам приходилось не раз слышать, что школа работает «без руля и без ветрил». И Государственный ученый совет и учебно методический сектор ни в какой степени не овладели еще методическим учебным руководством. Наши местные органы еще очень слабо осуществляют задачи методического руководства. И désинституты неудовлетворительно осуществляют свои обязанности по отношению к массовой школе, хотя за последний год здесь имеется несомненное движение вперед. В прошлом году мне пришлось быть в Саратовском désинституте. Я интересовался постановкой кафедры педагогики. Эта кафедра год тому назад занимала одну комнату. В нынешнем году кафедра развернула политехнический кабинет, где стоят предметы, которые являются результатом работы аспирантуры и студентов в школе, на фабриках и заводах. Это шаг вперед. Но от этого шага еще очень далеко до того, чтобы связаться с массовой школой и с педтехникумами в крае и по-настоящему организовать помощь методическому руководству массовой школой, а затем и всей сетью учреждений народного просвещения. На службу методическому руководству надо поставить и научно-исследовательские институты. Нужно организовать сеть опытно-показательных учреждений, которые бы помогали школе перестраиваться на началах новой методики. Мы должны методическое руководство строить на настоящей научной марксистской базе. Наши научно-исследовательские институты оторваны от педагогической практики и далеко еще не выполняют своих обязанностей перед школой и педагогикой. На одном московском собрании имело место выступление одного директора, который заявил, что Наркомпрос научно-исследовательскими институтами не руководит. Дело тут не в руководстве, а главным образом в том, что институты практической школьной работе ничего не дали. А некоторые из них, например, ныне расформированный Институт марксистско-ленинской педагогики наделал столько путаницы своими «левацкими» теориями и легкомысленным методическим прожектерством, что нам придется развернуть решительную борьбу и разоблачение, чтобы с корнем вырвать из педагогической практики последствия «плодотворной» теоретической деятельности шульгинского института. Нам нужно

ть доподлинно научную педагогическую базу для того, чтобы по-настоя-у, на марксистско-ленинской основе развертывать методическое руковод-школой. В связи с этими задачами мы должны будем по-новому пере-оить всю работу ГУСа и УМСа. До сих пор они занимались главным обра-разработкой учебных планов и учебных программ. и не только для нар-просовской сети школ (всех ступеней), но и для вненаркомпросовской сети икумов, вузов, втузов и т. д. Это чрезвычайно и совершенно излишне омождало их работу. Для разработки вопросов педагогики, в том числе опросов, связанных с методами обучения, не оставалось времени. В настоя-время работу ГУСа и УМСа надо круто повернуть в ту сторону. Это главная важнейшая задача на данном этапе в развитии народного обра-ания в стране.

Методические и инструкторские кадры. Перед и стоит задача подготовки и переподготовки наших методических кадров научно-исследовательских институтах, пединститутах и т. д.). Эти кадры тью воспитывались в «школе» Пинкевича и Пистрака, а частью в «левац-» институте Шульгина. Конечно, среди них мы имеем хорошую партий-молодежь. Эта молодежь много сделала для разоблачения теории мирания школы» в самом институте. Но этого очень мало. Подготовка одических кадров—это важнейшая задача сегодняшнего дня. Мы должны реться на крепкое партийное ядро научных сотрудников и аспирантов институтах, в АКВ, опереться на опытных практиков-педагогов, на тех узиастов-ударников из многотысячной массы учительства, которые на ритории нашей страны ведут напряженнейшую работу по созданию литехнической школы. Мы должны выполнить директиву ЦК и создать трукторов в районах. Это решение должно дать нам в руки живой мето-еский инструмент для руководства массовой школой. До сих пор наши труктора в районах плохо или даже совсем не выполняли своих методи-ких обязанностей. Сейчас это должно быть первейшей задачей районных трукторов.

Надо добиться того, чтобы, проверяя школы, инструктор имел автори-. Для этого надо тщательно подобрать и подготовить кадры районных трукторов. Мы должны выполнить решение ЦК о том, что все коммуни-педагоги должны овладеть методической стороной школьной работы. На агогов-коммунистов возлагается в этом деле огромная задача. Комму-ты должны быть передовиками в деле проведения решений ЦК, они должны ь передовиками в деле борьбы с различными разновидностями оппорту-ма в педагогике, на фронте строительства политехнической школы.

Учительские кадры. В решениях ЦК мы имеем программу оприятий по развертыванию работы по педагогическим кадрам. Эту про-мму мы должны осуществить. Нам нужно добиться того, чтобы наши учи-я были активными строителями социализма, чтобы они были активными анизаторами масс на фронте культурной революции, чтобы они в полной е овладели методикой новой политехнической школы и чтобы они были азованными специалистами, мастерами своего педагогического дела. Таких агогов требует политехническая школа. Таких педагогов мы должны иметь аких педагогов мы будем иметь. ЦК поручил Госплану, Наркомфину, ЦК пропа и наркомпросам разработать мероприятия по повышению зарплаты тельства. ЦК указал в своем решении, что снабжение учителей продоволь-ием и промтоварами должно быть приравнено к снабжению промышлен-рабочих. В специальном разделе постановления о школе намечена кон-тная программа мероприятий по снабжению учителей продуктами и промт-арами. Этим мы проводим в жизнь завет Ленина об учителе в советском дарстве.

Материальная база школы. ЦК дает целую программу мероприятий по основным элементам материальной базы массовой школы. Я не буду на этом вопросе останавливаться подробно. Эта часть постановления касается школьных зданий, оборудования, рабочих комнат, школьных мастерских и т. д. Мы лишь укажем, что очень плохо обстоит дело со строительством новых школ. Надо,—чтобы местные партийные организации вплотную подошли к этому вопросу. Без нового школьного строительства нам не разрешить успешно и быстро ряда задач, связанных с организацией политехнической школы.

Плохо обстоит дело и со школьным оборудованием, — надо на местах заняться организацией производства учебного оборудования для массовой школы. Отделы народного образования обязаны в этом деле проявить максимум инициативы.

О некоторых внутришкольных вопросах. В управлении школой необходимо провести единоначалие. Заведующих школами, выдвиженцев-рабочих надо провести через специальные педагогические курсы. Заведующие учебной частью в школах должны заниматься своими делами, т.-е. учебно-методической стороной школьной работы. Надо разгрузить их от тех обязанностей, которые мешают их основной работе. Нам нужно провести работу среди ребят, ввести в школе настоящую, сознательную, крепкую пионерскую дисциплину. Нужно повернуть детское самоуправление и пионерорганизацию к вопросу повышения качества учебы и дисциплины. Нужно повести борьбу с неравномерным распределением среди ребят общественных обязанностей и с перегрузкой ребят. Полгода тому назад мне в Москве пришлось специально вызвать человек 15 ребят и выяснить совместно с ними — какая у них имеется нагрузка. Оказалось, у некоторых из них общественная нагрузка в два раза превышает их учебную нагрузку. Мы должны добиться того, чтобы школа заботилась о здоровьи ребенка, чтобы школа по-настоящему занималась вопросами физкультуры. Это дело поставлено у нас в школах еще очень слабо.

Необходимо, чтобы школа начала заниматься художественным воспитанием ребенка. Пора этим заняться. Нам нужно воспитывать всесторонне развитых членов коммунистического общества. Здесь можно пойти на целый ряд мероприятий и финансового порядка, чтобы заинтересовать работников искусства этим делом в массовой школе.

Нам нужно по-настоящему наладить руководство школой. Нужно прекратить «обезличку», которая царит в этом деле. Нам нужно осуществить поворот в работе школы. Для этого нужно руководить школой по-новому. В этой области мы должны добиться того, чтобы директивы т. Сталина были практически реализованы. Без этого нельзя осуществить того поворота в школьной работе, о котором говорит постановление ЦК о школе.

Местные партийные организации и местное партийное руководство должны взять на себя инициативу в этом деле и установить самый тщательный контроль.

Рабочие комнаты, школьные мастерские и прикрепление школ к предприятиям. В 1930/31 году громадную массу школ мы прикрепили к промышленным предприятиям, совхозам, МТС и колхозам. Возросла в школах и сеть рабочих комнат и школьных мастерских.

В нынешнем году надо организовать и упорядочить прикрепление школ к предприятиям. С этой точки зрения кампания по пересмотру договоров между школой и предприятием принимает исключительно важное значение.

новременно органам народного образования надо вплотную подойти к делу ганизации в школах рабочих комнат и школьных мастерских. Материально технически это дело поставлено неудовлетворительно. При этом необходимо работу по школьным мастерским сочетать «с прикреплением школ предприятиям, совхозам, МТС и колхозам на основе договоров».

Эта директива ЦК должна быть взята нами под особое наблюдение.

О начальном и семилетнем всеобуче. — В своем поановлении ЦК подтвердил необходимость выполнения «в срок» решения ЦК всеобщем начальном обязательном обучении (25/VII—30 г.). Этим дан реительный отпор всем оппортунистам, которые уже начинали плакаться по воду быстрых темпов, взятых органами народного образования под руководством партии в деле развертывания всеобуча.

Постановление о школе практически ставит вопрос о «скорейшем осуществлении» требования программы партии об общем и политехническом бразовании всех детей и подростков — до 17 лет. В связи с этим ЦК предлагает СНК СССР «разработать план всеобщего обязательного семилетнего бучения».

Эта важнейшая задача, без разрешения которой нам не ликвидировать эго количественного разрыва, который имеется между массовой школой, одной стороны, и потребностью в подростковых контингентах фабзавучей техникумов,—с другой. Надо понять, что это есть одно из важнейших звеьев в успешном разрешении всей проблемы кадров. И надо повести решиэльную борьбу против тех правых оппортунистов, нытиков и колеблющихся, оторые пытаются мешать развертыванию всеобщего обязательного семилетего обучения.

Здесь нужна организованная, систематическая и упорная работа. Под уководством партии мы сумеем успешно разрешить и эту труднейшую адачу.

Общие задачи. Школа на повороте. Нам нужно взяться за ажнейшее звено, указанное в решениях ЦК и построить политехническую колу, которая так необходима пролетариату.

Борьба за политехнизм есть фронт классовой борьбы.

В школе мы имели антипролетарские влияния, — попытки «привить дем советской школы элементы антипролетарской идеологии». Нужно всей ассе советских педагогов проявить бдительность, твердость и умение видеть оиски классового врага в школе и жестоко бить по малейшим попыткам ривить детям «элементы антипролетарской идеологии». С этой точки зрения нам необходима величайшая непримиримость и гранитная твердость проведении генеральной линии партии в области школьной политики.

Нам нужно беспощадно наносить удары направо, нам нужно усиление орьбы с «левацко»-оппортунистическими извращениями в области школьной олитики. При этом условии мы сумеем повести решительную борьбу и проив тех элементов в органах народного образования, которые будут сопровляться нынешнему повороту в школьной работе. Мы должны разбить наолову примиренчество к оппортунистам.

Это одно из важнейших условий в деле успешной перестройки школы а политехнических началах.

Поставим школу на службу развернутому социалистическому наступлеию. Под руководством партии большевиков и ее ленинского Центрального омитета построим политехническую школу как мощную организацию протарского государства по коммунистическому воспитанию подрастающего околения и тем самым одержим решающую победу на фронте культурной еволюции.

РАБОТА СЕМИНАРОВ ФИЛОСОФСКОГО ИНСТИТУТА КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ

ОТ РЕДАКЦИИ

Редакция приступает к систематическому печатанию обработанных докладов, выступлений, статей и др. материалов слушателей Философского института красной профессуры, чтобы отразить на страницах ПЗМ работу, которая происходит в семинарах Ин-та.

Отдавая себе полный отчет в том, насколько такие работы могут быть отрывочны, иногда несовершенны, иметь те или другие недостатки—редакция все же считает, что это один из очень важных путей выявления наших растущих партийных кадров на философском участке теоретического фронта и об'единения вокруг журнала молодого теоретического актива.

Редакция обращается к слушателям Фил. ИКП, к слушателям других институтов кр. профессуры, к аспирантуре местных отделений Комакадемии принять активное участие в этом отделе журнала.

О закономерности общественного развития

(Критика буржуазного и ревизионистского понимания закономерности общества).

Г. Габриэлян.

I.

При воспроизводстве своей материальной жизни человек стоит не только перед необходимостью познания законов природы, но и перед необходимостью вскрыть законы развития общественных явлений, которые целиком обусловлены его производственной деятельностью. Ведь недаром Маркс говорит, что в этой производственной деятельности человек, «подчиняя игру этих (природных) сил своей собственной власти», тем самым «осуществляет в то же время и свою сознательную цель, которая, как закон, определяет способ, характер его действия и которой он должен подчинить свою волю» (Капитал, т. I, стр. 119 — 20). Нет и не может быть сомнения в том, что человеку, чтобы подчинить себе «игру этих сил» и «осуществлять свою сознательную цель», необходимо знать закон «игры этих сил», необходимо «видимое, выступающее на поверхность движение — свести к действительному внутреннему движению» (Маркс), иначе говоря, установить необходимые, об'ективные закономерные внутренние связи между явлениями, вскрыть внутренние законы их существования и движения. В самом деле: когда возможно осуществить планомерное воздействие человека на природу? Очевидно, тогда, когда нам в той или иной мере известны законы существования и изменения природы или тех об'ектов, которые находятся под нашим воздействием. А когда нам могут быть известны эти законы? Очевидно только в процессе производственной деятельности, в практике изменения вещей. В процессе производственной деятельности, мы, воздействуя на пред-

ы, на вещи, подчиняем себе слепые силы природы. В этом процессе изме-
ия внешнего мира мы изменяем и свою собственную природу, мы познаем
гренние закономерности. Но это познание не есть самоцель; оно целиком
олностью исходит из необходимости осуществления вполне определенных,
кретных задач определенного общественного класса. Поэтому «беспар-
ные» буржуазные мыслители всегда были партийны, об'ективизм никогда
ыходил из суб'ективных рамок своего класса. Ленин писал, что «об'екти-
говорит о необходимости данного исторического процесса; материалист
статирует с точностью данную общественно-экономическую формацию и
ождаемые ею антагонистические отношения. Об'ективист, доказывая
бходимость данного ряда фактов, всегда рискует сбиться на точку зрения
югета этих фактов; материалист вскрывает классовые противоречия и
самым определяет свою точку зрения. Об'ективист говорит о «неопреде-
ных исторических тенденциях»; материалист говорит о том классе, ко-
ый «заведует» данным экономическим порядком, создавая такие-то формы
тиводействия других классов. Таким образом материалист, с одной сто-
ы, последовательнее об'ективиста и глубже, полнее проводит свой об'екти
и. Он не ограничивается указанием на необходимость процесса, а выявля-
какая именно общественно-экономическая формация дает содержание
му процессу, какой именно класс определяет эту необходимость». «С дру-
стороны, материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязы-
при всякой оценке события прямо открыто становиться на точку зрения
еделенной общественной группы» (Соч., т. I, изд. 2-е, стр. 275—6). Боязнь
рыто выявить свое политическое партийное лицо является основным
йством буржуазного об'ективиста. Не о конкретных, определенных обще-
енных формациях и отношениях говорит об'ективист, а рассуждает
общих принципах, о процессе вообще. Поэтому он никогда не может
чно познать действительность. Даже передовые буржуазные мыслители
али, что «единственная основа всех человеческих действий и обществен-
отношений» находится в «человеческой голове и придуманных ею теоре-
еских положениях» (Анти-Дюринг, стр. 12). Цель борьбы буржуазии
лючалась вовсе не в том, чтобы устранить частную собственность и со-
ть социальное равенство, а в окончательном укреплении собственнических
ошений, доведении их до предельного конца, т.-е. до установления бур-
зного господства. Задачи буржуазных мыслителей всегда вытекали из
ности борьбы их класса против феодализма и заключались в теоретиче-
м осмыслении складывающихся общественных отношений, в доказатель-
и установлении «царства разума», которое «было не чем иным, как
ализированным царством буржуазии» (там же, стр. 12). Отсюда и их
овинчатость, идеализм в их учениях и т. д.

Кризис современной буржуазной социологии заключается не в том, что
отказалась от своих прежних позиций или от основных теоретических
нципов. Вовсе нет. «Человеческая голова и придуманные ею теоретиче-
е положения» как раньше, так и теперь, по глубокому убеждению
жуазных мыслителей, являются «единственным основанием всех человече-
к действий и общественных отношений». Эти теоретические предпосылки
новном и сейчас являются отправным пунктом для буржуазных теорети-
Изменилась форма применения этих положений. Изменилась историче-
роль буржуазии в общем ходе общественного развития. Изменились
иально-общественные условия, которые когда-то сделали эти теоретиче-
предпосылки буржуазии революционными, вернее придали им револю-
ное значение. Поэтому всякая попытка превратить Маркса в простого
ематизатора якобы до него высказанных теоретических положений я-
ся разновидностью ревизии марксизма и имеет определенный политиче-

ский смысл—стремление унизить марксизм до уровня обыкновенной буржуазной теории. Собственно говоря, так именно и критиковали Маркса все буржуазные ученые, обвиняя его в литературном жульничестве, в том, что он свою теорию якобы заимствовал у Смита, Рикардо, Родбертуса и др. На этих позициях по существу стоят все социал-фашисты, во главе с Каутским, который марксизм подменил социал-дарвинизмом. Так же начали свою ревизию и меньшевиствующие идеалисты, считая, что все основные вопросы диалектического материализма были якобы разрешены еще Гегелем. Такая постановка вопроса не есть простое непонимание, а уродование марксизма-ленинизма. Мы не намерены здесь дать систематическую критику этого рода ревизионизма. Наша задача более скромна. Она заключается в изложении закономерности общественного развития и критике ревизионизма, только в отношении данного вопроса.

II.

Познание действительности возможно лишь тогда, когда мы вскрываем внутренние закономерности этой действительности, когда мы осмысливаем действительные формы ее существования. Познать какое-нибудь биологическое существо — значит вскрыть законы его развития и движения. Ведь задача науки заключается именно в том, «чтобы видимое, выступающее на поверхность движение, свести к действительному внутреннему движению» (Маркс). Создать какую-нибудь науку о физическом мире — прежде всего означает установить определенные, необходимые, закономерные внутренние связи между отдельными физическими явлениями. Это общеизвестный и даже со стороны буржуазных естественников не оспариваемый факт. Но буржуазные мыслители протестуют против применения этого принципа в общественных науках. Даже больше, они всячески пытаются доказать, что смешно говорить об исторических закономерностях, так как в обществе нет никакого исторического закона (Э. Мейер).

Мы знаем, что общество — это часть природы. Природа является средой для общества. Элементы общества представляют собой в основном не что иное, как силы природы, втянутые в процесс общественного производства. Человек, которого Маркс считает первой предпосылкой общества, одновременно является частью природы. Как таковой и как материальное существо вообще, он подчинен всем основным законам изменения материи. По крайней мере; до сих пор ни один разумный человек не попытался отрицать этот общеизвестный факт. Природа также изменяется определенным образом, в ней также действует определенная закономерность. Как будто и это в ученом мире не оспаривается. Следовательно, как часть целого, общество тоже должно иметь определенные законы и изменяться определенным закономерным образом, потому что, как правильно указывает тов. Покровский, «нельзя себе представить вне законной части закономерного целого» («Правда», 1924 г., февраль). Однако существуют все же ученые, которые всячески пытаются отрицать закономерность общественного развития, указывая на сложность общественных явлений и, главное, на то, что исторические факты являются якобы единичными, не повторяющимися фактами и поэтому их обобщить, а следовательно, установить какой-нибудь закон, невозможно.

Еще в начале прошлого столетия французский социолог О. Конт высказал ту мысль, что существует «два класса естественных наук»: один класс, который занимается установлением законов, следовательно и закономерностей, и другой класс, — «науки конкретные, частные», которые занимаются исключительно «описанием» и «приложением этих законов к истории отдельных существующих тел» (Курс позитивной философии, т. I, стр. 30, 1900 г.). Конечно, Конт не говорит о том, что установление законов невоз-

жно именно в общественных науках. Как позитивиста Конта в данном чае интересует другой вопрос — показать, что так как «общее» и «индивидуальное» являются отдельными признаками вещей, то наука должна «регистрировать в одной своей части одни признаки, в другой другие» (Покровский). Но в данном случае нас интересует не это, а то, что Конт, разграничивая описательные науки от наук, занимающихся установлением законов, м самым расчистил уже дорогу для Виндельбанда, Риккерта и других. дальнейшем эти отдельные положения, которые мы находим еще и у Канта, или более детально разработаны Риккертом и другими.

Говоря о невозможности установления законов и закономерности какой-нибудь области, нужно конкретно указать на человеческую историю, потому что там все имеет место лишь как единичные, несвязанные факты,— заявляют они.

Но прежде чем перейти к рассмотрению возможности установления закономерности общественного развития и характера этих закономерностей, необходимо выяснить, что такое закон и как можно установить его — вопрос, который не мало запутан и в нашей литературе.

«Закон, — говорит Монтескье,—в самом обширном значении слова, суть необходимые отношения, проистекающие из натуры вещей, и в сем смысле все существа имеют свои законы» (Дух законов, т. I, пер. Карпеева, 1839 г., стр. 1). Таким образом, по Монтескье, закон — это не субъективное понятие, выдуманное человеком, а вполне реальное отношение, вытекающее из натуры вещей. Закон имеет свои материальные основы, вытекает из необходимых отношений вещей и основывается на материальных предпосылках. Эту об'ективную сторону, как мы увидим дальше, Монтескье особенно подчеркивает, что несомненно представляет положительное явление.

«Законы, — писал Кант, — существуют не в явлениях, а только в отношении к суб'екту, которому принадлежат явления» (Критика чистого разума, 13). И эту мысль повторяет большинство буржуазных теоретиков. Не в явлениях нужно искать законы, не в об'ективных отношениях вещей, в суб'екте, в его отношениях к вещам. Против этой, чисто суб'ективной постановки вопроса, Монтескье выдвигает понимание закона как отношения реальных вещей. «Закон, — говорит Монтескье, — суть отношения между первопричиною и разными существами, и отношения сих разных существ между собою» (там же, стр. 2). Об'ективно существующие вещи находятся в постоянном процессе изменения. Эти изменения происходят определенным образом и в определенном порядке. Порядок этот не есть сверх установленный принцип, а вполне об'ективный процесс, происходящий между вещами. Могут спросить, возможны ли какие-нибудь изменения без определения отношений между вещами и общественными явлениями. Конечно, нет, потому что относиться к чему-нибудь, само собой означает установить определенные связи, определенные законы и взаимоотношения между вещами. Следовательно, когда Монтескье говорит, что закон — это отношение, вытекающее из самих вещей, он, в противовес суб'ективистам в лице Канта, подчеркивает об'ективность закона и его достоверность человеческому познанию. Но можно ли это считать научным ответом на интересующий нас вопрос?

Аксельрод пишет, что «сущность закона сформулирована на мой взгляд вполне правильно одним из выдающихся политических мыслителей XVIII столетия, Монтескье», и дальше она приводит уже знакомые нам цитаты (Критика основы бурж. общества и ист. мат., стр. 7, 1925 г.). И это вполне понятно. В формулировке Монтескье отображена вся механически-метафизическая концепция XVIII века. Аксельрод могла только целиком солидаризироваться с Монтескье, потому что в формулировке этого выдающегося политического мыслителя отображена и вся ее методология. И в самом деле

закон «суть необходимые отношения, проистекающие из натуры вещей», говорит Монтескье. Но ведь можно по-разному понять «натуру вещей», а следовательно различное содержание вложить в понятие тех отношений, которые проистекают из этих вещей. Например, метафизические мыслители XVIII столетия, в том числе и Монтескье, думали, что природа дана от вечности как неизменная категория и, следовательно, все те отношения, которые вытекают из нее, также постоянны и являются вечными законами природы и общества. На мир они смотрели не как на единый диалектический процесс, а как на совокупность отдельных, отличных друг от друга неизменных вещей. Ничего не изменяется, ничего не течет, поэтому все законы суть сверхестественные отношения. От такого понимания вопроса скатиться к религиозному фанатизму довольно легко, путь к этому короток. Кант, не менее знаменитый мыслитель того же столетия, сделал именно такое заключение. «Историю, — пишет он, — в целом можно рассматривать, как выполнение тайного плана природы» («Родоначальники позитивизма», кн. I, стр. 11, 1910 г.). Аксельрод не могла этого понять, потому что она сама стоит по существу на позициях Монтескье. Марксист-ленинец на мир смотрит не как на совокупность несвязанных, единичных фактов, а как на единый диалектический процесс — поэтому все законы для него суть исторически-изменяющиеся законы. Вещи находятся в постоянном движении, поэтому все отношения вещей также преходящи, конкретны и историчны. Как механист Монтескье не мог этого понять. Для него достаточно было подчеркнуть об'ективность законов. Выступая против феодализма, буржуазии необходимо было доказать законность своих требований. Надо было теоретически обосновать, что новые складывающиеся общественные отношения являются вполне естественными и закономерными. Вот почему Монтескье не мог рассматривать вещи в процессе изменения и познать законы как исторически развивающиеся категории. Только у мыслителей пролетариата возникла потребность в таком научно-историческом подходе к вопросам. Маркс и Энгельс первыми стали применять этот единственный научный метод не только при изучении общественных, но и естественных явлений и поставили его на должную высоту. Марксизм-ленинизм смотрит на законы не только как на об'ективные, но и как на исторические категории. Законы изменяются всегда с изменением того, законами чего они являются. Каждая конкретная форма материи имеет свои особые законы существования. Поэтому нельзя законы одного исторического явления механически перенести на другие явления. Если закон есть присущее явлению движение, если он отражает в себе тенденции развития явления или есть его тенденция, то вообще его перенести нельзя, и каждое явление должно иметь свои законы. А так как все явления изменчивы, преходящи, то, следовательно, все законы историчны. Энгельс по этому поводу писал: «вечные законы природы превращаются все более и более в исторические законы. Что вода от 0 до 100°С жидка, это — вечный закон природы, но, чтобы он мог иметь силу, должны быть: 1) вода, 2) данная температура, 3) нормальное давление». Но не всегда и не везде эти условия были налицо. Из истории земли мы знаем, что было время, когда их не существовало, когда наша земля еще не образовалась и потому нынешние законы воды не могли действовать тогда. И сейчас также этот закон действует не везде. «На луне, — продолжает Энгельс, — нет вовсе воды, на солнце имеются только элементы ее, и к этим небесным телам наш закон неприменим». «Каждая ступень» развития имеет «другие законы», говорит Энгельс (Архив, т. II, стр. 85).

Но пойдем дальше. Определяя закон, как отношение, существующее между вещами, Монтескье теоретически обосновывает свою механистическую позицию. Выдвигая теорию географической среды, он между явлениями видит

шь внешние отношения, отношения, которые не вытекают из внутренних ижений вещей, а как бы механически увязаны с отдельными самостоятельными вещами. Для Монтескье природа и общество существовали как отдельные сущности и основной закон развития общества заключался в том, что природа постоянно влияла на общество, т.-е. между ними установилась непрерывная связь отношений. Климат определяет характер людей, характер государств и вообще характер общества, потому что Монтескье отрицает свойственный обществу какой-либо специфический закон, как внутреннюю основу его существования, как движущую силу общественного развития. Понимая закон как внешнее отношение вещей, понятно, что Монтескье определяющим законом общества должен был считать влияние природы на общество, т.-е. отношение между обществом и природой. По сути дела такое же непонимание вопроса проявляет и тов. Бухарин, когда пишет, что отношение между системой и средой есть решающая величина, ибо все положение системы, основные формы ее движения (упадок, развитие и застой) определяется именно этим отношением». В данном случае Бухарин, так же как Аксельрод и Монтескье, не понимает, что общество как особая сущность имеет свои законы, которые являются определяющими для него, что каждое явление подчинено не только внешней среде, но одновременно и тем законам, которые свойственны ему и вытекают из его внутреннего движения. Определяющим для данного явления — общества являются те внутренние законы, которые ему присущи. Этого нельзя понять, стоя на механистических позициях. Идя по стопам Монтескье, Аксельрод и Бухарин как механисты ищут общие законы общества, законы, присущие всем временам и периодам общественного развития. Такой закон является отношением между обществом и природой. Поскольку существует общество, оно находится в непрерывном отношении с природой. Так как отношение это постоянно, то законы, основанные на нем или вытекающие из него, принимают абстрактный характер и не имеют конкретно-исторического значения. Кроме того, отношение между обществом и природой — это лишь частный момент общественного развития, который не включает в себя все то многообразие и богатство общественных отношений, которое является основным для общественного развития. Универсализация этого частного момента неизбежно приводит к абстрактному, неисторическому взгляду на общество. Бухарин именно так и делает: причиной упадка, застоя и развития общества он считает влияние природы на общество. Исходя из этого основного положения, он делает уже дальнейшие выводы. Поскольку определяющим законом развития общества является влияние природы, то, следовательно, главная задача заключается в установлении равновесия между обществом и природой, равновесия, которое обеспечивало бы дальнейшее развитие общества.

При установлении общественных законов мы должны исходить из того, что: 1) общество является лишь частью природы. Как часть оно не есть целое и не равняется ему. Законы движения и изменения целого свойственны части, но законы последней, в данном случае общества, не обязательны для природы. Например, законы развития производительных сил, как основной движущей силы общества не действуют в природе. 2) Общество есть продукт взаимодействия людей, говорит Маркс. Человек как первая основа общества производит средства производства и от других животных отличается тем, что устанавливает известные отношения, во-первых, между самими людьми, во-вторых — между людьми и природой. Последний род отношений есть то, что мы называем трудом. Маркс говорит, что труд есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс,

в котором человек своей собственной деятельностью обусловливает, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой (Капитал, т. I, стр. 148). Труд есть то, что соединяет людей, устанавливает между ними известную связь отношений, и потому труд есть основной р е м е н ь общества. 3) Хотя труд является основным ремнем общества, но он не может быть исходным пунктом для социологического анализа, ибо труд как затрата известной человеческой энергии свойственен всем формациям. Маркс говорит, что поскольку труд есть процесс, совершающийся между человеком и природой и свойственный всем формам общественного развития (там же, стр. 442), то основой социологического анализа являются отношения первого рода, т.-е. отношения, происходящие между людьми, иначе говоря, производственные отношения. Но эти отношения всегда выступают как социальные формы производительных сил, поэтому мы не можем отделить их от последних. Диалектическое единство производительных сил и производственных отношений является единственным исходным пунктом для научного понимания общественного развития. 4) Если основой социологического анализа являются производственные отношения, то решающими в классовом обществе являются классовые отношения. Буржуазные мыслители этого никогда не понимали и затушевывали, и потому движущую силу общества они искали или в сознании людей или в отношениях между природой и обществом. Люди, именующие себя марксистами, как Аксельрод, Бухарин и др., вместо того, чтобы исходить из вышеуказанных марксистских положений и изучения внутренней связи явлений, основные законы общества ищут во внешних отношениях, в отношениях между обществом и природой.

Считая, что определение закона Монтескье «вполне правильно», Аксельрод не понимает и другого основного вопроса. Ведь отношение проявляется и тогда, когда мы для сравнения отдельных вещей противопоставляем их друг другу, описываем их отдельные черты и поверхностно различаем одну вещь от другой. Например, я могу Аксельрод противопоставить моей бабушке и описать отличающие их черты. Но является ли это вскрытием законов явлений? Конечно, нет. Каждое описание дает некоторое представление о предмете, но оно не вскрывает существенного в явлении, на что указывал еще Гегель, не говоря уже о том, что внутренние основы существования явлений остаются при этом для нас неизвестными. Риккерт тоже считает, что общественные науки должны заниматься чистым описанием. Но он более «принципиален». Исходя из такой же постановки вопроса, он заключает, что в общественных науках устанавливать законы невозможно. Аксельрод, конечно, не так глупа и отлично понимает, какие выводы можно сделать из определения закона Монтескье. Если же, несмотря на это, она приводит его как «вполне правильное определение», то именно для того, чтобы на основе такого механистически-метафизического определения закона притти к отрицанию общественной закономерности в понимании Маркса, Энгельса и Ленина.

Итак, определение закона Монтескье не удовлетворяет нас. Хотя по сравнению с кантовским пониманием закона оно значительно выше, но и оно также метафизически-механистично. Поэтому, как уже указано, оно не отграничено от идеализма и всякого рода поповщины. В этом отношении, в отношении правильного понимания вопроса, гораздо дальше шел Гегель. В «Науке логики» он писал, что «существование возвращается в закон, как в свое основание; явление содержит в себе то и другое, простое основание и разлагающее движение являющейся вселенной, существенность которого он составляет». Закон есть таким образом «с у щ е с т в е н н о е явление» (цитируем по Ленину). В противовес метафизическому пониманию закона как отношения, Гегель выдвигает новую постановку вопроса; он

кон определяет как «существенное явление». Каждое явление имеет существенное, то, что является основным для него. Каждое явление имеет много свойств и находится в различных отношениях с другими явлениями, но не каждое из них является существенным для данного явления. Например, в обществе действуют различные факторы, на него влияет и природа, но существенной движущей силой общества является развитие производительных сил. Если это так, то, значит, «закон есть отражение существенного в движении универсума», замечает Ленин (149). Движение универсума многообразно и многогранно, а закон — лишь существенное в этом многообразии. Причины гибели капиталистических отношений могут быть многочисленны, как у нас (см. ст. тов. Сталина об Октябре), но одна из них является ведущей, основной. В данном случае — это противоречие между производительными силами и производственными отношениями, что и подчеркивает тов. Сталин. «Поэтому явление есть относительно закона полнота, ибо оно содержит в себе закон и е щ е б о л е е, именно, момент самодвижущейся формы», говорит Гегель. «Явление б о г а ч е закона» (149), говорит Ленин. «Закон есть прочное (остающееся) в явлении» (147), т. е. он имеет некоторую относительную устойчивость. Закон не изменяется каждое мгновение. Поскольку существует данное явление, его закон должен быть одним и тем же. Не может быть, чтобы при господстве капиталистических отношений закон ценности, как основной регулятор буржуазной хозяйственной жизни, уступил бы свое место социалистическому планированию. Именно так обманывают рабочих все социал-реформисты, и из этих источников питается теория «организованного капитализма» тов. Бухарина. В самом деле, если при капитализме возможно организованное хозяйство без уничтожения буржуазных отношений, без установления пролетарской диктатуры, возможен пятилетний план и вообще социалистическое планирование, то теоретически это значит, что закон одного явления можно механически перенести на другое, что нет законов, которые свойственны только данному явлению, а не любому и в любое время. По Ленину, закон явления всегда имеет некоторую относительную устойчивость. Но эта устойчивость не есть отрицание самодвижения, как хочет приписать Гегелю Карев. Нет. В этой устойчивости одновременно отражаются многообразность и самодвижение явлений. Например, закон стоимости, как клеточка, которая в себе заключает все многообразие капиталистических общественных отношений, есть отражение не только покойного состояния явлений, но и их постоянного движения, потому что сама стоимость есть стоимость только в движении, в процессе капиталистического воспроизводства, и когда Гегель пишет, что «царство законов есть п о к о я щ и й с я (разрядка Гегеля) образ осуществляющегося или являющегося мира», то он вовсе не отрицает самодвижения явлений. Нет. Этим он лишь указывает на различия между явлением и законом, на то, что эти два понятия не тождественны, а второе как присущее первому одновременно отлично от него. Именно так ставил вопрос Гегель. Приводя вышеуказанное место из Гегеля, Ленин пишет: «это замечательно материалистическое и замечательно меткое (слово «спокойное») определение. Закон берет спокойное, и потому закон, всякий закон узок, не полон, приблизителен» (147). И поэтому, когда тов. Карев такое понимание закона считает «не полной истиной» или «статистическим» (см. его статью «Истмат как наука»), то этим он извращает не только Гегеля, но и Ленина, потому что, как мы видим, Ленин такую постановку вопроса считает «замечательно материалистической» постановкой.

Итак, закон есть то, что присуще явлению, он есть существенное явление. Закон отражает в себе сущность явлений, и поэтому Ленин пишет, что «з а к о н и с у щ н о с т ь — понятия однородные (однопорядковые), или вер-

нее, одностепенные, выражающие углубление познания человеком явлений мира etc.» (147). Вскрыть закон данного явления — значит познать его сущность, потому что последняя, как характерное для данного явления, существенна именно для него, а не для других. Каждое явление имеет свою сущность. Познать эту сущность — одновременно значит вскрыть ее законы, потому что без выявления законов существования явлений сущность познать нельзя. Познать сущность капиталистических отношений — означает вскрыть основные движущие законы этого общества, и наоборот. Поэтому Ленин говорит, что «закон и сущность однородны». Именно однородны, а не тождественны, потому что закон есть лишь существенное в сущности. Дальше, закон есть конкретно исторический закон. Эта конкретность проявляется не только в том, что каждое явление имеет свой закон, но и в том, что каждая ступень в развитии явления создает свои новые законы. Например, общество как особое явление имеет свои законы. Эта особенность проявляется в его «качественной отличности от природы, и на основании этого законы общества не только историчны, как законы природы, но и являются своеобразно историческими законами. Этою своеобразностью является социальное содержание этих законов, которого не понял не только Монтескье, но и остальные буржуазные мыслители. А та часть буржуазных социологов, которая так или иначе пыталась понять общество, как отличное от природы особое качество, фактически превратила его или в чистый дух, или целиком логизировала, отрицая всякое об'ективное существование общества. Но об этом более подробно ниже. Пока же отметим, что интересующий нас общественный закон не есть какая-то абстрактная и вечная категория. Он не есть принцип разума суб'екта и не вытекает из психических переживаний человека.

Но как установить эти общественные законы? В естественных науках вопрос как будто более ясен. Мы говорим это потому, что махизм делает неустойчивым «прочное» положение буржуазных естествоиспытателей и в этих вопросах. В общественных же вопросах буржуа, никогда по вышеуказанным причинам не подходившие к их научному разрешению, более ярко начинают проявлять свое неумение понять природу общественных законов.

Если социолог древнего мира — Аристотель, который историю человечества сводил к истории государств, установление законов представлял частью как акт естественный, а частью — как дело человеческих рук, включая в последнее чисто юридическое понятие («Политика», стр. 449), если средневековые христианские мыслители все представляли как творение бога, то буржуазные социологи наших времен мистифицируют историю «путем отрицания всяких закономерностей». Выдающийся представитель этого направления Риккерт, свою теорию отрицания общественных закономерностей мотивирует так: существующая историография, — говорит он, — которая до сих пор пыталась, путем установления определенных законов общественного развития, дать историю человечества, не справлялась со своими задачами. Она не дала нам такую историю, которая выяснила бы «дух времени». Тут Риккерт и прав и не прав. Он прав, поскольку буржуазные историки действительно не дали нам «духа времени» и вся написанная ими история есть история знаменитых людей или в лучшем случае история государств. Он не прав потому, что эти историки не вскрыли действительных законов общества и их метод изучения истории всегда, в конечном счете, был в основном суб'ективным, т.-е. именно таким, какой предлагает и сам Риккерт. Ясно, что Риккерт критикует этих историков, конечно, не за их суб'ективизм, не за то, что они, на словах считая возможным установление общественных законов, но сводя их к сознанию человека, фактически отрицали об'ективную закономерность и стояли на чисто суб'ективных позициях, а за то, что они «половинчаты», «непоследовательны», фактически отрицают признаваемые

а словах законы. Риккерт требует, чтобы они без всяких словесных деклараций о законах прямо начали с суб'ективной «оценки», с «описания» общественных явлений и т. д. Он считает это единственно правильным потому, что история должна дать нам возможность познать «дух времени». А для того, чтобы понять дух времени, история должна прежде всего исследовать индивидуальность «руководящих умов» и показать, как чисто индивидуальное мало-помалу переходит к массам» (Границы ест.-научн. обр. понят., пер. А. Водена, 1903 г., стр. 422). Продолжая теоретическое обоснование своего чисто суб'ективного, описательного метода, он пишет: «понятие наше об истории должно быть настолько обширным... чтобы оно обнимало собой и «новейшие тенденции», «именно поэтому, по существу дела, невозможно, чтобы мы пришли к установлению логических норм, неприменимых к такой истории, как ее писал Ранке или другие представители «прежнего направления» (там же, стр. 287). Как ни странно, но факт остается фактом: приводимое место является одним из основных аргументов Риккерта для доказательства невозможности установления общественных законов. Но мы можем спросить, — разве наше понятие о естественных явлениях не «должно быть обширно»? Разве человек не стремится к познанию различных форм движения природы, законов ее изменения, чтобы более целесообразно организовать свое воздействие на природу, чтобы подчинить себе «стихийные силы природы», как говорит Маркс. Почему же тогда в естественных науках установление законов возможно, — что Риккерт не отрицает (хотя законы его и здесь суб'ективны), а в общественных науках — нет? Да потому, — отвечает Риккерт,—что «всегда и всюду историк стремится понять исторический предмет как единое ц е л о е в е г о е д и н с т в е н н о с т и (Einmaligkeit) и никогда не повторяющейся индивидуальности и изобразить его таким, каким никакая другая действительность не может заменить его» («Философия истории», пер. С. Гессена, 1908 г., стр. 27 — 28). Странная аргументация — историк так хочет, поэтому так должно быть. Но это не новость для буржуазных мыслителей; для них важно, чтобы не логика вещей доказала их правоту, а чисто суб'ективная формальная логика. Но мы с полным правом можем спросить, почему же естествоиспытателю воспрещено иметь такое «стремление»? Потому, — отвечает Риккерт, — что в истории развитие ведь всегда означает возникновение чего-то нового, до сих пор еще нигде не бывалого». А разве развитие природных явлений, развитие органического мира не есть возникновение новых форм движения, которых «до сих пор не было»? Разве Дарвин с многочисленными фактами в руках не доказал, что различные животные организации являются продуктом исторического развития органического мира, что когда-то их не существовало? Почему и при изучении природных явлений нам не заниматься простым описанием отдельных, единичных фактов? Но наш мыслитель продолжает: «так как в понятие закона входит лишь только то, что всегда можно рассматривать, таким образом, как будто бы оно повторялось любое число раз, то поэтому понятие исторического развития и понятие закона взаимно исключают друг друга» (там же, стр. 36). Получается, если в естественных науках установление законов возможно, то лишь потому, что там нет исторического развития, а вот в обществе, где существует развитие — законов нет. Но такая постановка вопроса свидетельствует лишь о тупоголовости Риккерта, потому что, начиная с Дарвина, большинство из виднейших естествоиспытателей не отрицают, что в природе существует развитие. Кроме того, само развитие не отрицает, а необходимым образом предполагает свои законы, потому что закон, как мы знаем, «есть существенное в движении универсума». Например, развитие капиталистического общества немыслимо без тех законов, которые

заложены в основе его развития. И если, несмотря на это, Риккерт продолжает повторять те же мысли, то его главная задача заключается в доказательстве неповторяемости общественных явлений; а так как законы можно установить при наличии известного числа повторных фактов, говорит Риккерт, то, следовательно, в обществе законы установить невозможно. Но действительно ли это так? Конечно, нет. Все теоретическое оружие Риккерта направлено не против закона общества, понимаемого чисто суб'ективно, а против марксизма, против мировоззрения революционного пролетариата, который день за днем делает новые достижения не только в общественных, но и в естественных науках, что является угрожающим для буржуазии. И Риккерт откровенно об этом заявляет. В предисловии цитированной уже нами книги Риккерт жалуется, что марксисты его «прозвали философом буржуазии» потому что он оспаривал так называемое материалистическое понимание истории Маркса и Энгельса, якобы исходя из «чисто-логических соображений».

Исходя из этих соображений он «одной из задач своей «философии» считает «борьбу с историзмом, как мировоззрением» (Фил. ист., стр. 13), в данном случае с марксизмом, потому что только марксизм является последовательным проводником историзма не только в общественных, но и в естественных науках.

Однако вернемся к первому вопросу — действительно ли в обществе явления не повторяются и как понять вообще повторяемость? Возражая Риккерту, Аксельрод в уже известной нам работе доказывает, что исторические явления тоже повторяются, что Риккерт не прав. Конечно, Риккерт не прав, но весь вопрос заключается в том, — как понять повторяемость. Аксельрод об'ясняет: вот, например, феодализм как особая экономическая формация повторялся почти что во всех странах, буржуазная революция имела место и в XVII веке в Англии, и в XVIII веке во Франции, и в XIX веке в Германии, и, наконец, в XX веке в России, Китае и других странах. Материализм как мировоззрение, начиная с Демокрита до наших времен, повторялся несколько раз и т. д. Верно это? Конечно, верно. Но для доказательства общественных законов это ничего не говорит ни уму, ни сердцу. И в самом деле, при таком понимании повторяемости установить какой-нибудь общественный закон невозможно. Ленин установил закон империализма, однако эта форма капитализма никогда еще ранее не существовала в истории человечества, хотя Чернышев уверяет нас, что в Древней Греции империализм существовал и софисты были его идеологами («Софисты», стр. 87). Неужели Аксельрод возьмет на себя смелость доказать, что колхозное движение как социалистический тип организации труда где бы то ни было повторялось. Скорее всего она согласится с социал-фашистами, с Каутским и другими, считая это лишь случайным, незаконным явлением, потому что ее теоретическая позиция не позволяет ей вскрыть законы колхозного движения или считать его одним из основных форм в социалистической переделке нашей деревни. Но от этого дело не меняется, колхозное движение существует, и без познания его законов, без вскрытия основного в нем мы не могли бы его сделать массовым движением и охватить им многомиллионные массы крестьянства. Итак, мы можем без конца перечислять примеры, доказывающие, что аксельродовское понимание повторяемости не только не помогает, но на деле отрицает всякую возможность установить какой-нибудь общественный закон. Как механистка Аксельрод отрывает частный момент от общего и настолько обобщает и универсализирует его, что вместо конкретно-исторического подхода к явлениям устанавливается абстрактно-созерцательный взгляд на мир. И в самом деле: если все формы повторяемости свести лишь к количественному, к тому, что явления в истории повторяются несколько

з, то этим, в лучшем случае, мы можем установить лишь общие, абстракт-
е законы, законы пригодные для всех времен, а не конкретно-исторические
коны общественного развития. Собственно говоря, односторонность и по-
ешное обобщение частных явлений является органическим недостатком не
олько механистов, но и меньшевиствующих идеалистов. Именно такой под-
од к вопросам привел последних к модернизации Гегеля, к отрыву диалек-
ики Гегеля от его философских взглядов, общего мировоззрения и т. д.
арксистам чужд такой подход к явлениям. Явление они рассматривают и
ценивают лишь в процессе, конкретно и всесторонне. В данном случае ко-
ичественное повторение или повторение в аксельродовском смысле есть
ишь частный момент, одна из форм остальных видов повторения. Но это
це не все. Этот вид повторения не является основным для установления
бщественных законов.

Ленин говорил, что повторяемость является общенаучным критерием
заслуга Маркса и Энгельса заключалась и в том, что они доказали приме-
имость повторяемости и при изучении общественных явлений («Что такое
рузья народа», 1923 г., стр. 12). Повторяемость в постановке Аксельрод
ак раз исключает всякую возможность применить этот общенаучный кри-
ерий к общественным явлениям. И поэтому не случайно, что, возражая про-
ив Риккерта, Аксельрод сама стоит на его точке зрения в понимании пов-
оряемости. Как мы видели, именно Риккерт повторение понимает как
повторение любое число раз», т.-е. чисто механистическое количественное
овторение. Но Риккерт, как и Аксельрод, не понимает повторяемости как
нутреннего состояния явления. Они не понимают, что явления повторяются
е только количественно, т.-е. появляются в истории несколько раз, но что,
лавное, они повторяются в каждое мгновение своего существования, что
уществование самого явления есть одновременно и его повторение, ибо без
овторения явление не может существовать. Но было бы бессмыслицей су-
ществование явления свести к повторяемости, ибо существовать — означает
аходиться в постоянном диалектическом движении, а повторение — это лишь
дна из тех многочисленных форм, в которых проявляется существование
влений. Именно так понимал и оценил роль и значение повторяемости
Маркс, когда доказал, что капитал как известное общественное отношение
уществует постоянно постольку, поскольку он воспроизводится, т.-е. непре-
ывно повторяется. Прекратите превращение прибавочной стоимости в ка-
итал, — и капитал сейчас же как общественная категория перестанет суще-
твовать. «Для того, чтобы накоплять, необходимо часть прибавочного про-
укта превращать в капитал». Для этого же необходимо иметь прибавочный
родукт, превращаемый потом в капитал. Прибавочный продукт произво-
ит рабочий, следовательно, необходимо все время «воспроизводить и рабо-
ий класс как класс», чтобы иметь возможность производить прибавочную
тоимость и превращать их в капитал (Капитал, т. I, 1923 г., стр. 565). Та-
им образом для сохранения и расширения капиталистических обществен-
ых отношений происходит непрерывное повторение явлений. Одна форма
уществования материи переходит в другую, эта последняя повторяется не-
рерывно, чтобы воспроизводиться на различных основах, чтобы не только
беспечить свое бытие, но и в более развернутом виде проявить себя. «На-
опление капитала, — говорит Маркс, — рассматриваемое конкретно, сво-
ится к воспроизводству его в расширяющемся масштабе. Круговорот про-
того воспроизводства изменяется и превращается, по выражению Сисмонди,
спираль» (там же, стр. 566). И это спиральное движение есть одна из основ-
ых форм развития общества. Что же такое спиральное движение в преде-
ах одного общества, если не повторение по форме одного и того же яв-

ления, но на совершенно новых основах? Как мы видели, Маркс говорит, что «накопление капитала» мы имели лишь тогда, когда «кругооборот простого воспроизводства изменяется и превращается... в спираль», т.-е. когда мы имеем расширенное воспроизводство, когда те же капиталистические отношения повторяются на новых, расширенных основах. Таким образом это спиральное движение капиталистического общества есть повторение, воспроизводство капиталистических отношений все время на новых, расширенных основах. Но это спиральное движение имеет известный предел. Когда воспроизводство одних и тех же отношений становится невозможным, когда противоречия между производительными силами и производственными отношениями усиливаются, нарастает социальная революция как отрицание прежних общественных отношений.

«Во времена Фурье во всяком случае невозможно было еще видеть, что этот (заколдованный круг капиталистического производства) круг постоянно суживается, что движение производства идет по спирали и, подобно движению планет, должно закончиться столкновением с центром», — говорит Энгельс (Анти-Дюринг, 1928 г., стр. 258). Но прекращается ли здесь спиральное движение? Конечно, нет. Новая экономическая формация, как совершенно новое содержание, не отрывается от всего предшествующего, а устанавливает с ним некоторую связь. Социализм, как качественно новое содержание, одновременно имеет некоторую связь с предшествующими формациями. Ведь социализм не упал с неба, он есть результат развития производительных сил в прежних формациях, и тем самым он связан с ними. Ведь недаром Маркс в своем письме к Анненкову говорит, что в «человеческой истории» существует «связь», и эту связь он видит в том, что «каждое последующее поколение находит производительные силы, добытые прежними поколениями, и эти производительные силы служат ему сырым материалом для нового производства...» (Письма, стр. 7). Троцкист Ваганян в своей книге «О пролетарской культуре», говорит, что «вся наша культура представляет собой сгущение, подытоживание классовой борьбы, результат борьбы рабочего класса с буржуазией за уничтожение классов» (стр. 11) и только. Ваганян отрицает какую-либо связь с человеческой историей, круги, спирали; он не знает, что человеческая история не является каким-то прямолинейным процессом. Благодаря тому, что одно положение исходит из другого, одно явление есть следствие изменения другого, при чем это изменение всегда является зигзагообразной кривой — образуются различные круги, спирали. Гегель в своих лекциях по истории философии сравнивает этот процесс с кругом. «У этого круга по краям огромное количество кругов», говорит Гегель, а Ленин на это замечает: «очень глубокое, верное сравнение!! Каждый оттенок мысли—круг на великом круге (спирали) развития человеческой мысли» (Лен. сб. XII, стр. 171). Троцкист Ваганян отрывает пролетарскую культуру от всей человеческой культуры, между предшествующей и новой культурой он видит абсолютный разрыв, наконец, пролетарскую культуру он противопоставляет предшествующим, как их полное и абсолютное отрицание. Несомненно, этим он «отрывает кусочек от кривой линии», в данном случае—пролетарскую культуру от всего того, что было достигнуто человеком в течение тысячелетий и этот «кусочек» он «превращает в самостоятельную прямую линию», которая «ведет в болото, в поповщину» (Ленин).

Итак, цепь данных форм повторения никогда не прекращается, поскольку существует данное явление. Прекратить повторение или, выражаясь языком политической экономии, воспроизводство капитала, значит прекратить существование капитала вообще. Когда Маркс установил законы капиталистического общества, он исходил из его наличного существования, в ко-

гором проявлялось и его повторение. Как известно, народники обвиняли марксистов в том, что, исходя из теории повторяемости, они якобы утверждают о неизбежности развития капитализма в России, так как он существовал на Западе. Ленин доказывал им, что никогда никто из марксистов такого вздора не говорил, ибо «никогда они не видели в теории Маркса какой-нибудь общеобязательной философско-исторической схемы, чего-нибудь больше, чем об'яснение такой-то общественно-экономической формации» («Что такое друзья народа», стр. 64). Неизбежность развития капитализма в России марксисты установили, исходя именно из тех капиталистических отношений, которые уже существовали в России и все время повторялись и развивались дальше.

Таким образом, повторяемость есть внутреннее состояние, форма, в которой проявляется существование явлений. Поскольку явление существует, оно непрерывно повторяется, воспроизводит свое существование и т. д. Только такое понимание повторяемости делает возможным научное познание явлений, при чем не только общественных, но и естественных явлений. Если исходить из того понимания повторяемости, какое предлагает Аксельрод, как же быть тогда с геологическими явлениями, существовавшими лишь раз? Необходимо признать, что или Аксельрод, вместе с Риккертом, не прав, и повторяемость нужно понимать так, как мы выше излагали, или что не прав Ленин, когда считает повторяемость общенаучным критерием. Но мы доказали, что прав Ленин, а не Аксельрод, и повторяемость является общенаучным критерием не только для естественных, но и для общественных наук.

Выступая против марксизма, Бернштейн в свое время писал, что «измом обозначается миросозерцание, тенденция, система мыслей или требований, а вовсе не наука. Основа всякой истинной науки есть опыт, она строит свое здание на накопленном знании. Социализм же есть учение о будущем общественном порядке, именно потому его наиболее характерная черта не может быть установлена научно».

Бернштейн говорит совсем языком Риккерта. Ведь и Риккерт всячески старается доказать, что общественные науки, собственно говоря, не науки, так как они не основаны на законах. Следовательно, исторический материализм, как наука об обществе, не является наукой. Как мы видели, Риккерт прямо об этом заявляет. Задачей своей философии он считает борьбу против исторического материализма и марксизма вообще. Разница между ним и Бернштейном только в приемах для доказательства одной и той же мысли.

Отрицая повторяемость в общественных явлениях, Риккерт тем самым пытался отрицать всякую историческую закономерность, следовательно и научный социализм, который основан на «научном предвидении общественных явлений». Научное же предвидение возможно лишь в том случае, если мы «на основе опыта» строим известное обобщение, «устанавливаем известный закон, который делает возможным научно предвидеть ход развития истории» (Плеханов, т. XI, стр. 67). А Бернштейн стремится доказать невозможность такого обобщения и тем самым подтвердить тезис Риккерта.

Непонимание природы общественных явлений, отрицание их повторяемости, полное непонимание того, что такое повторяемость, приводит всех этих мыслителей к общему результату, к отрицанию конкретности, к полному уходу от действительности, к суб'ективному идеализму.

Действительно, понять повторяемость как непрерывное существование явлений и, исходя из этого, установить законы явлений, — означает вскрыть конкретную сущность их, выявить исторические формы их существования, познать явления в конкретном процессе их развития. При таком изучении мы не сваливаем в одну кучу различные явления и не абстрагируемся от их

конкретной сущности. Мы берем каждое явление и вскрываем те законы, которые ему присущи. Маркс говорит, что «каждый исторический период имеет свои законы». Но эти законы нельзя установить, если не принять теоретическое положение, согласно которому повторение есть одновременно и существование явлений. Если бы мы стояли на теоретических позициях Аксельрод, Риккерта и других, мы не могли бы говорить о конкретных законах каждой формации. Даже больше: мы не могли бы говорить о каких-нибудь законах данной формации, так как для установления их необходимо было бы ждать того, чтобы данная формация повторилась еще раз, не в отдельных странах, а вообще. Но мы знаем, что до сих пор такого случая еще не было. Следовательно, лучшее, что нам оставалось бы делать, это рассуждать об общих законах общества вообще. Так и поступает Аксельрод, а за нею и тов. Бухарин.

«Возможно ли найти и установить такие (как в природе. — *Г.*) общие и общезначимые законы в исторической области», спрашивает Аксельрод и отвечает на это утвердительно. Сложны (на что жалуется Риккерт) не только общественные, но и естественные явления, повторяются не только природные, но и общественные явления, об'ективный подход возможен не только в естественных, но и в общественных науках и, наконец, не только природа, но и «история также полна экспериментов и в известном смысле она представляет собою лабораторию, в которой производится опыт» (Критика и т. д., стр. 7 — 15), поэтому и в обществе возможно установить «общезначимые» законы. По сути дела по ее стопам идет тов. Бухарин. Задача марксистской социологии заключается в том, чтобы «выяснить общие законы человеческого развития», «установить общие положения» (Ист. мат., 1925 г., стр. 12). В то время как Ленин пишет: «гигантский шаг вперед, сделанный в этом отношении Марксом, в том и состоял, что он бросил все эти рассуждения об обществе и прогрессе вообще и зато дал «научный» анализ «одного общества и одного «прогресса» — капиталистического» («Друзья народа», стр. 17), Бухарин рассуждает об «общих законах» и «положениях».

Из сказанного вытекает, что для установления какого-нибудь закона необходимо известное обобщение, систематизация повторяющихся явлений, известная абстракция. А так как абстракция, по ученому мнению Деборина, есть «лишь формальное тождество» или «общий признак», следовательно и общественные законы должны быть обще-абстрактными законами, законами, которые не имеют конкретного применения и значения вообще. Даже больше: только исходя из таких абстрактных законов мы можем познать общество. Ученик Деборина Тымянский так и пишет: «Прежде чем решить вопрос об определенном конкретном общественном явлении, мы должны, отвлекаясь от конкретности отдельных явлений, рассмотреть закономерность общества вообще, общество, взятое в абстракции» («Проблемы марксизма», 1930 г., № 2). А что такое общество вообще или абстрактное общество? Кто для познания конкретного отвлекается «от конкретности отдельных явлений»? Наконец, кто, вместо изучения определенного общества или отдельных экономических формаций, рассуждает об обществе вообще, об абстрактно-всеобщих законах общества? Всезнающий Тымянский должен был бы знать, что так рассуждали Спенсер, Конт, неокантианцы, русские суб'ективисты и вообще патентованные буржуазные социологи. Ленин в свое время смеялся над Михайловским за то, что он, следуя Спенсеру и его ученикам, вместо конкретного изучения какой-нибудь общественной формации и конкретных общественных отношений, рассуждал о прогрессе вообще, о том, что такое общество вообще. И когда меньшевиствующий идеалист Тымянский пишет, что «логически познать общественные процессы, значит — познать их общие связи, а это прежде всего значит — познать закономерность абстрактного

бщества и потом уже, исходя из него, притти к познанию конкретных общественных формаций» (там же), он ничего нового не говорит, кроме повторения уже общеизвестной буржуазной ереси об абстрактном обществе и законмерности вообще. Но чем же об'яснить это бегство от действительности, т конкретного изучения ее, от такого «исследования», которое «освоилось материалом, проанализировало различные формы его развития, проследило их внутреннюю связь (Маркс, послесловие к «Капиталу»). Мы думаем, что ответ довольно ясен. При загнивающем капитализме, при усилении противоречий в буржуазном обществе, при сильном нарастании пролетарской революции не только буржуазный мыслитель не способен об'ективно познать действительность, которая восстает против его собственного класса, но и мелкобуржуазный теоретик; реакционному мелкому буржуа ничего не остается делать, как абстрагироваться от проклятой действительности и заниматься самообманом. В таких случаях абстракция понимается как уход от действительности. При помощи таких абстракций установленные законы становятся пустыми, не отражающими основного в явлениях. С такой постановкой вопроса Риккерт вполне согласен, но только он делает из этого соответствующие выводы для своей теории. Он говорит: при абстракции мы отвлекаемся от характерного и действительного и создаем для себя лишь «общие понятия», абстрактные законы, а так как задача общественных наук заключается в познании особенного, индивидуального, то, следовательно, там абстрагироваться нельзя (Фил. ист., стр. 39). Оставляя в стороне то, что под «действительностью» Риккерт подразумевает чистое мышление, «общее, безыменное, безличное сознание», отметим, что здесь заключается и доля истины. Действительно, при таком абстрагировании, какое мы находим у буржуазных социологов, от конкретного мира ничего не остается и все превращается в чистую мысль. Фактически на этих позициях стоит и представитель меньшевиствующего идеализма Деборин, когда пишет, что «абстрактное понятие» это «только тождество», это «отвлеченное, разделенное от особенного и единичного» и наконец, «это формальная всеобщность» явлений, имеющих «лишь общий признак» (Естествознание и диалектика, 1929 г., стр. 116—17). Но дело в том, что марксистское понимание абстракции ничего общего не имеет ни с риккертовской постановкой вопроса, ни с деборинской трактовкой. Абстрагироваться от многообразности, по Марксу, означает найти то общее, что связывает все эти многообразные явления, что, хотя бы в зародыше, включает в себя все многообразие. Критикуя позицию об'ективистов в этом вопросе, Ленин писал, что они «до сих пор не могли опуститься до простейших и таких первоначальных отношений, как производственные», и потому вместо конкретного изучения определенного общества и экономической формации, рассуждали об обществе вообще. Для конкретного изучения общества необходимо, чтобы наша абстракция была абстракцией конкретного и включала в себе это конкретное. Даже больше. «Абстракция», говорит Маркс, должна быть «исторической абстракцией, которую можно произвести только на основании определенного экономического развития общества» (Письма, 1923 г., стр. 161). Такое понимание абстракции не только не «отвлеченное», не «разделенное от особенного и единичного», оно не только не есть «формальное тождество», как уверяет нас Деборин, а гораздо «глубже отражает природу, вернее, полнее», как говорит Ленин (Лен. сб. IX, стр. 183). Риккерт во всех отношениях не способен к такому пониманию абстракции, поэтому в его глазах абстракция является злейшим врагом для познания общественных явлений.

Отрицая возможность абстрагирования от социальных явлений, Риккерт считает, что в истории законы установить невозможно; задача истории заключается в том, чтобы «изобразить какой-нибудь единичный об'ект,

обладающий индивидуальным содержанием» (Фил. ист., стр. 28). Предположим, что это так; но ведь и для этого нужно иметь какой-нибудь принцип подхода к вопросам, какой-то отправной пункт. Сам Риккерт чувствует, что при всем желании ни один гениальный историк не может «изобразить» все факты. Нужно иметь общий принцип для подбора материалов. Потому он говорит, что «индивидуализирующий метод нуждается в общих понятиях как обходных путях для изображения и связывания об'ектов между собою» (там же, стр. 73). Без этих «общих понятий», без «какой-нибудь оценки» обойтись невозможно. «Лишь под углом зрения какой-нибудь ценности индивидуальное может стать существенным, и поэтому уничтожение всякой связи с ценностями означало бы также и уничтожение исторического интереса и самой истории (там же, стр. 52). Но, спрашивается, откуда получается этот прогноз ценности? Оказывается, он изначально дан суб'екту как априорный принцип познания.

«Культурная ценность, — говорит Риккерт, — либо фактически пользуется всеобщим признанием, либо более чем чисто индивидуальное значение постулируется, по крайней мере культурным человеком». (Культуровед. и естествовед., стр. 13). Таким образом, история фактически логизируется. Ценность, говорит Риккерт, «образует совершенно самостоятельное царство, лежащее по ту сторону суб'екта-об'екта» (Логос, 1910 г., книга 1-я, стр. 31—32). Вся человеческая история изучается на основе этих логических категорий. Даже больше: так как об'екты, которые мы приводим в порядок, «связываются» этими категориями, являются не чем иным, как отображением этих логических категорий, то можно свободно сказать, что история делается сообразно общим понятиям. И другой представитель неокантианской школы, Г. Зиммель, откровенно заявляет, что «о культуре мы имеем право говорить лишь в том случае, когда воспринятое душою сверхличное содержание развертывает в ней, как бы в тайной гармонии, лишь то, что уже раньше было заложено в ней как ее собственное влечение и как внутренняя предназначенность для суб'ективного совершенствования». И дальше. Говорить о развитии истории, все равно, что говорить о «развитии явлений, уже заложенных в потенциальном ядре личности, как эскизах идеального плана» (Логос, 1911 г., кн. 2—3, стр. 3). Таким образом, начиная с отрицания возможности установить какой-нибудь общественный закон, Риккерт и его единомышленники фактически устанавливают суб'ективно-логическую «закономерность» общественного развития, вернее сказать, логизируют всю человеческую историю. Ленин говорит, что «суб'ективисты, признавая закономерность исторических явлений, не в состоянии, однако, были взглянуть на их эволюцию, как на естественно-исторический процесс, именно потому, что останавливались на общественных идеях и целях человека, не умея свести этих идей и целей к материальным общественным отношениям» (Друзья народа, стр. 12—13). До сих пор распространяется легенда о том, что якобы Риккерт отрицает всякую закономерность. Мы думаем, что этот вывод сделан лишь на основе внешней оболочки учения Риккерта.

Отрицая всякую об'ективную закономерность, он всячески старается установить новую суб'ективную закономерность. Ведь Ленин говорит, что суб'ективист не отрицает, а подменяет об'ективные закономерности суб'ективными закономерностями. Выступая против закономерности общественного развития, Риккерт одновременно говорит: «история должна предполагать, что каждый ее об'ект есть необходимое действие предшествовавших ему событий, и поэтому она должна искать причины связей (Фил. ист., стр. 39). Но какой характер должны иметь эти «причинные связи»? Несомненно, они должны обладать лишь «эмпирической реальностью», так как причинная связь существует лишь в суб'екте и сам суб'ект поэтому предписывает

об'ективному миру. На этих позициях стоит и неомахист А. Богданов. Он ...шет: «когда элементы опыта выступают для нас в об'ективной общезна...мой закономерности, мы называем комплексы этих элементов «физич...ими телами», когда закономерность иная, не об'ективная, не общезначимая ...менно ассоциативная), мы называем комплексы «психическими» (Эмпирио...низм, 1904, т. I, стр. 92—93). Сравните эти мысли Богданова с известны...ке нам мыслями Риккерта. Риккерт говорит о закономерностях, как об ...бщих понятиях», как о «ценностях», которые «пользуются всеобщим при...анием» и наконец, как о «ценностях», которые образуют совершенно само...оятельное царство» и т. д. Богданов не прибавляет к этому ничего нового, ...гда под об'ективной закономерностью понимает «общезначимое», под чело...ком, которого Маркс считал «первой предпосылкой истории», лишь вос...иятие, слагающееся из зрительных, тактильных, акустических и иных эл...ентов», а под предметом, т.-е. реальным миром — лишь «результат группи...овки и систематизации восприятий, сначала индивидуальной, затем ...оллективной» (Эмпириомонизм, т. II, 1906 г., стр. 20—21), и наконец, когда ...утреннюю связь об'ективных явлений подменяет «функциональной зависи...остью» этих психических «фактов» и вместо вскрытия об'ективных законо...ерностей ищет «параллелизм» явлений и т. д. (там же, стр. 16—17). Мы ...овторяем, принципиально здесь ничего нового нет, та же суб'ективная ерес... ...зложенная языком неомахиста. Подменить об'ективную причинно-зави...имость суб'ективными восприятиями, действительно реальные связи — функ...иональной зависимостью, является признанным приемом всех буржуа...ых мыслителей. Против чего направлен этот взгляд? Несомненно, против ...б'ективно-научного понимания закономерности. Какой бы то ни было закон ...ожно установить только тогда, когда вскрывается об'ективная причинно...ависимость между явлениями. Каждое явление имеет свои причины, каждое ...зменение причинно-обусловлено. Переход от одной экономической фор...ации к другой есть следствие противоречия между производительными си...ами и производственными отношениями, выражающейся в классовой борьбе, ...революции. Для установления закономерности общественного развития не...бходимо вскрыть эти причинно-зависимости, установить между явлениями ...утренние связи. Выступая против такого понимания причинности, Риккерт, ...огданов и другие фактически выступают против научного понимания зако...омерности, против марксизма, против единственной научной теории, против ...ировоззрения пролетариата. Но, повторяем, ничего нового они не говорят. ...ще Кант писал, что «порядок и закономерность вносятся нами самими ... явления, называемые нами природой, и не могли быть найдены в явлениях, ...сли бы не были вложены в них первоначально нами самими или природой ...ашей души» (Критика чистого разума, пер. Лосского, 1915 г., стр. 99). Ещ... ...еханисты-материалисты доказывали несостоятельность суб'ективизма Канта ... других. Проводя «строго» детерминизм, они, с одной стороны, пришли к ...бстрактно-механическому пониманию причинности, противопоставляя сл...айность необходимости, с другой стороны, — отрицали роль и значение об'...ективной случайности в истории. Случайность, по их мнению, есть непозна...ая необходимость. Как выступление против суб'ективизма и всяческого про...вола в истории, это несомненно является некоторым прогрессом. Но в то ...е время здесь нет действительно научного понимания истории. Основным ...едостатком механистов в данном вопросе является, во-первых, абстрактно-...ханический подход к явлениям, во-вторых, такой детерминизм, который ...риводит к фатализму в истории. И когда Бухарин или Аксельрод, уклоняясь ... марксизма, забывая о конкретных, ищут всеобщие законы истории, они ...сходят именно из механистического понимания причинности и непризнания ...'ективного характера случайности.

Исходя из такого понимания, Гегель случайность определяет как «единство возможности и действительности» (Наука логики, 1929 г., ч. 1-я, кн. II, стр. 128). Каждая действительность содержит в себе возможность, во-первых, потому, что она, как действительность, создает в себе новые возможности. Например, наша революция как совершонная возможность и действительности создала новые возможности и для окончательной победы пролетариата. Наряду с многочисленными средствами для укрепления позиции рабочего класса наша революция создала всяческие условия для проявления и развития различных способностей трудящихся масс, для расцвета трудового героизма и т. д. Умение использовать указанные возможности — одно из основных условий для окончательной победы пролетарской революции. Эти возможности мы уже используем для социалистической переделки, например, сельского хозяйства.

Риккертовское понимание причинности, как небо от земли, далеко от марксистского разрешения вопроса, оно не включает в себя случайность как момент, как частный случай в общем развитии. Как кантианец Риккерт противопоставляет случайность необходимости, поэтому случайность никакой положительной роли не играет для установления закономерности общественного развития. Риккерт думает, что вся история человечества есть история единичных фактов или событий. Причинная связь явлений — это суб'ективное понятие. Нет и не может быть об'ективной причины зависимости между историческими событиями, поэтому говорить об исторических закономерностях не приходится. Как мы видели, на этих же позициях стоит и Богданов. Задача обоих (Риккерта и Богданова), а также их единомышленников, одна и та же. Подменяя об'ективные закономерности общественного развития чистым суб'ективизмом, они имеют цель помогать буржуазии в ее борьбе против пролетариата. Но удастся ли им приостановить или даже ослабить новые завоевания марксизма? Конечно, нет. Развитие классовой борьбы и науки день за днем вскрывает всю реакционную сущность этих теорий. Применение марксизма-ленинизма и в общественных науках сделало последние действительными науками, а следовательно и орудием для преобразования мира. В наши дни смешно говорить о невозможности осознания общественных закономерностей. Смешно потому, что мы сами сейчас являемся участниками того, как пролетариат, вскрывая конкретные, исторические законы, успешно организует борьбу против капитализма, против всякого угнетения, за новое социалистическое общество.

Мы эти законы осознаем, исходя:

1) Из диалектического единства и различия природы и общества. Риккерт же, как кантианец, между природой и обществом видит лишь противоположность.

2) Из об'ективного подхода к общественным явлениям. Общество и те многочисленные общественные отношения, которые являются об'ектом изучения, существуют так же реально, как явления природы. Изучение этих материальных отношений возможно лишь при об'ективном подходе, при изучении действительных процессов. Законы этих явлений мы должны искать в самих этих явлениях, а не предписывать им наши суб'ективные стремления или выдуманные нами законы. Риккерт и все суб'ективисты отрицают такой подход к общественным явлениям.

3) Из правильного понимания повторяемости. Общественные явления повторяются не только количественно, но и качественно, поэтому повторение есть форма проявления существования явлений, оно есть материальный процесс развития общественных явлений, включающий формы спиралевидного и скачкообразного движения.

4) Из возможности обобщать повторяющиеся общественные явления, что тоже является одним из важнейших условий для установления обществен-

х законов. Без обобщения нельзя установить между явлениями каких-либо ...тренних связей или вскрыть эти связи. А без этого установления зако... невозможно предвидение, поскольку закон есть существенное в явлении; ...ез предвидения нет науки. Кроме того без обобщения невозможно пре...ение, а без предвидения нет науки. Поэтому неслучайно, что Бернштейн, ...итикуя марксизм, всячески старался доказать, что в общественных науках ...общение невозможно.

5) Из точного определения соотношения конкретного и абстрактного. ...к известно, Маркс считал, что абстракция в общественных науках играет ...к бы роль эксперимента. Риккерт и его единомышленники считают, что ...общественных науках абстракция неприменима. Механисты и деборинцы ...отивопоставляют абстрактное понятие конкретному. Абстракция в их по...мании теряет жизненное значение, превращается в голую абстракцию. ...ркс и Ленин же считали, что абстракция есть абстракция конкретного. ...страктное понятие, «соответствующее сути дела», вернее и точнее изо...ажает явления, говорит Ленин.

6) Из необходимости при изучении общественных явлений правильно ...итывать роль и значение об'ективной случайности. Без такого учета многие ...ления остаются непонятными.

7) Наконец, понимание истории как истории борьбы классов. Это по...зднее по счету положение является важнейшим для марксистско-ленинского ...дхода к изучению, осознанию, пониманию закономерностей общественного ...звития.

III.

Выяснение вопроса об общественной закономерности необходимо не ...лько для исторически правильной оценки различных буржуазных течений, ..., главным образом, для доказательства того, что марксистская постановка ...проса не есть результат суммирования отдельных высказываний различных ...ржуазных мыслителей, как в этом уверяют нас ревизионисты разного ка...бра, а диалектическое преодоление этих мыслителей и совершенно ...вое разрешение вопроса.

Один из первых идеологов буржуазии И. Макиавелли писал: «Изучая ...ытия настоящего и прошедшего времени, мы находим, что во всех госу...ствах и у всех народов существовали и существуют одни и те же стрем...ния и страсти. Не трудно поэтому выводить из внимательного исследования ...шедших событий о том, что предстоит в будущем...» («Госуд. рассуждения ... Тита Ливия», стр. 215, пер. И. Курочкина, 1869). Макиавелли далек от ... мысли, что в обществе не существует никакой закономерности ...то установить законы общественного развития невозможно. Наоборот, он ...ерждает: «Чтобы знать, что должно случиться, достаточно проследить, что ...ю, потому что все происшествия мира имеют соответствующие отно...ния с теми, которые уже прошли» (там же, стр. 492). На основании про...шлого, на основании того, что уже было, мы можем установить то, что ...ет, или, как Полибий говорит, «предсказать будущее» (Всеобщая история, I, стр. 6, 1895 г.). Конечно, все эти мысли еще звучат полутеологически, ...ибий, Макиавелли и другие еще не освободились от метафизической формы ...шления, они говорят еще об отношениях как лишь внешних отношениях, ...оны устанавливают лишь путем внешнего сопоставления отдельных, ...ных фактов, они не могут смотреть на явление в самом процессе, им неиз...на внутренняя связь в явлениях и т. д., но они уже говорят о реальных ...ытиях», о «фактах», они рассуждают о законах, которые вытекают ...тих событий и т. д., а это уже большой шаг вперед по сравнению с хри...нской философией. Развивая свою теорию географической среды, Мон...ье в известной своей работе писал, что причину существующих до сих

пор различных государственных форм нужно искать в том климатическом различии, которое существует между отдельными частями света. Если, например, «в Азии всегда была великая империя», то это потому, что «известная нам Азия имеет гораздо большие равнины, пересекается морями на гораздо большие пространства; и так как она лежит ближе к югу, то источники удобнее там изыскивать, горы менее покрыты снегами, и реки, разливаясь менее, не составляют огромных преград». Поэтому «в Азии власть всегда должна быть деспотическая» (стр. 112—13). Религия в течение многих веков учила, что власть — божественного происхождения, что царь — наместник бога. Бог «создал нас для себя», никто не смеет нарушить божественный закон. «Если бы даже все народы совершали подобные преступления, то все они подлежали бы уголовной вине перед божественным законом», — говорит Августин («Творение», т. I, 1901 г., стр. 1, 58, 59). Пуанкаре может без всяких изменений повторить эти строки в своих статьях как свои собственные мысли. Святой Августин предвосхитил «святого» Пуанкаре. Итак, насколько бы консервативно ни звучали сейчас мысли Монтескье, когда мы его оцениваем исторически (а другой оценки не может быть), когда мы противопоставляем воззрению Августина, то нельзя не отметить прогрессивного значения, которое имело учение Монтескье в свое время. С высоты неба он спускается на землю. Таким образом Монтескье не только не отрицает, но даже устанавливает законы общественного развития. По его мнению, основы этих законов нужно искать в климате. Если в Англии роскоши много, а во Франции нет, то причины этого заключаются в различной плодородности земли этих стран (т. I, стр. 179—80). «Индия была, Индия будет такова, как есть, и во все времена торгующие с нею народы будут привозить к ней деньги, а не вывозить из нее», потому что это обусловлено природными климатическими условиями Индии (т. II, стр. 27). Несомненно доля истины здесь есть. Ни один марксист не станет отрицать, что природа не влияет на общество. «Являясь первоначальной кладовой его (человека — *Г.*) пищи, земля является также и первоначальным арсеналом его средств труда», говорит Маркс. (Капитал, том. I, стр. 150). Как мы видим, и Маркс подчеркивает этот момент. Вопрос только в том, является ли влияние природы на общество основным определяющим законом общественного развития? Маркс отвечает—нет. Несомненно «плодородие почвы» влияет на «величину прибавочного труда, однако отсюда не вытекает обратного положения, что наиболее плодородная почва является наиболее подходящей для роста капиталистического способа производства», говорит Маркс (там же, стр. 494). Таким образом Маркс не отрицал влияния природы на общество. Но, во-первых, при установлении общественной закономерности Маркс доказывал специфичность общества, и потому движущими силами общественного развития он считал не влияние природы, а имманентное развитие производительных сил. Во-вторых, говоря о влиянии природы на общество, он видел между ними не функциональное соотношение, как это представляет себе Монтескье и все буржуазные мыслители, а д и а л е к т и ч е с к о е е д и н с т в о. В-третьих, Маркс говорил о влиянии природы на общество не вообще, а о конкретных формах ее влияния, о влиянии, которое всегда изменяет свои формы и размеры с развитием производительных сил. Приведенная цитата ясно говорит об этом. По Марксу, влияние природы на общество относительно уменьшается с развитием производительных сил общества. Представитель меньшевиствующего идеализма Витфогель считает недопустимым говорить об относительной эмансипации общества, но Маркс ясно заявляет о том, что «естественная граница д в и г а е т с я назад в той мере, в какой прогрессирует промышленность» (там же, стр. 496).

Выступая в защиту теории географической среды Бокль, идеолог английской буржуазии, ставил себе задачей уже не борьбу против феодальных

редрассудков, а борьбу за оправдание, укрепление гегемонии англий-кой буржуазии в Индии и других странах. По Боклю, законы общества сооб-азны с законами природы не потому, что первые так же об'ективны и имеют вои реальные основания, с изменением которых изменяются и эти законы, потому, что они так же вечны и неизменны, как законы природы. Как ви-им, одним ударом Бокль убивает двух зайцев — для того, чтобы увекове-ить капиталистические отношения, он сперва об'являет неизменными законы рироды, а потом уже первое ставит исключительно в зависимость от вто-ого. И мы думаем, прав Каутский, когда пишет, что «с точки зрения» Бокля общественный прогресс заключается в том, чтобы, все с большей ясностью юзнавая естественные законы общественного развития, устроить общество :ообразно этим вечным истинам» (Истмат, сб. 1922 г., стр. 151—152).

В этом духе попытался разрешить закономерность общественного раз-вития и другой английский мыслитель Г. Спенсер. Вся органическая школа ю главе со Спенсером, рассматривая общество как биологический организм, имела одну задачу — доказать и оправдать эксплоатацию пролетариата со стороны буржуазии. Действительно, если общество такой же организм, как любое биологическое существо, где каждый орган имеет свои заранее уста-новленные функции, то не вытекает ли отсюда, что пролетариат, как один из органов общества, осужден на вечное рабство? Философия Спенсера есть чистейшая реакция, она есть идеология самодовольной промышленной бур-жуазии. Несмотря на свою внешнюю оболочку — это идеалистическая реак-ция против диалектического материализма. И такая реакция против мар-ксизма-ленинизма развивалась и продолжает развиваться не только по линии натурализации закономерности общественного развития, но и из того тече-ния буржуазной социологии, которое уже с самого начала подходило к изу-чению общества, как особого своеобразного качества.

Еще Макиавелли писал, «что человеческие дела делаются людьми» (Госуд., стр. 492). Не боги или ангелы делают истории, а сам человек. Но человек — это существо, обладающее сознанием. От остального животного мира он отличается тем, что имеет сознание и сознательно организует свою жизнь, говорили мыслители XVII и XVIII веков. Исходя из этого, на вопрос, что является движущей силой истории человечества, не только Макиавелли, но и французские материалисты XVIII века отвечали — сознание или разум.

Такой идеализм в свое время был оружием революционной буржуазии, когда она пыталась доказать, что не сознание бога, а сознание человека—го-сударя, руководителя, законодателя — делает историю. «Разум с помощью человеческих страстей организует общественный порядок, позволяющий лю-дям жить в человеческом обществе», говорит Вико. «Человек — сознательный двигатель истории», говорит Лафарг по адресу Вико. Никто не приводит историю в движение и «никто не организует» новый общественный порядок, кроме «реального» человека». Когда «мы изучаем политику», например, «по-литику первобытных времен», то в качестве исходной точки «берем слу-того времени, т.-е. людей, которые делают историю, которые своим эконо-мическим действием, тем, что они являются основным производительным классом, влияют на политику («Эконом. детер. Маркса», 1923 г., стр. 61). Маркс считает правильным положение Вико, что «человеческая история тем отличается от естественной истории, что первая сделана нами, а вторая сде-лана не нами» (Капитал, т. I, стр. 349). Однако Вико не дошел до действи-тельно научного понимания активности человека. Для него человек постольку творец своей истории, поскольку он исполняет «каким-то божественным разумом» «предначертанный» «план». Маркс в предисловии к первому тому Капитала» также пишет, что «страна, промышленно более развитая, по-казывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего». Но этот «план» не есть какой-то божественный «план», а план, установлен-

ный общественно конкретным человеком, творцом своей истории. Поэтому совершенно не прав тов. Максимовский, когда пишет, что «взгляды Маркса... на роль человеческой деятельности в истории и назначение человеческой практики как критерия истины» «совпадают со взглядами Вико», что второй тезис о Фейербахе звучит совершенно, как выражаются итальянцы, «по-виковски» (Архив М. и Э., т. IV, стр. 61). Деборин гораздо мягче выражает и гораздо «радикальнее» в этом вопросе, чем т. Максимовский. Деборин сравнивает взгляды Маркса на роль практики со взглядами Фейербаха (Ленин как мыслитель. 1929 г., стр. 25), а тов. Максимовский идет дальше и не видит никакой разницы между революционным пониманием практики Маркса и полутеологическими взглядами Вико по этому поводу. Несомненно это немарксистская, вредная постановка вопроса. Не только Вико, но ни один из буржуазных мыслителей не понял и не мог понять роли человеческой практики так, как это ставил и разрешил Маркс.

Буржуазные мыслители XIX века не только ничего нового не прибавили к тому, что уже было высказано их предшественниками, но и значительно отошли назад по сравнению с Гельвецием, Руссо и другими. Гегель попытался доказать, что основной движущей силой человеческого развития является абсолютная идея и установленные ею законы. Об'ективный мир существует только в сознании абсолютного духа. И так как мир — это лишь мысль о нем, то, следовательно, законы общественного развития суть законы, установленные разумом. Другой мыслитель того же времени, О. Конт, прогресс человеческого общества представлял как прогресс от религиозного мышления к метафизике и, наконец, к позитивному мышлению как высшей стадии развития человечества. Умственное движение, по Конту, всегда идет впереди. Буржуазные мыслители не могут смотреть на общество об'ективно, как на исторически развивающееся конкретное существо. Они рассуждают об обществе вообще, говорит Ленин, и потому для них существует не конкретный, исторический прогресс, прогресс какого-нибудь тела или экономической формации, а прогресс вообще, прогресс как мыслительный, при чем даже прямолинейный процесс. Ленин, критикуя такую постановку вопроса, писал, что «машинная индустрия является гигантским прогрессом в капиталистическом обществе не только потому, что она в громадной степени повышает производительные силы, обобществляет труд во всем обществе, но также потому, что она разрушает мануфактурное разделение труда, делает необходимостью переход рабочих от одних занятий к другим, разрушает окончательно отсталые патриархальные отношения, в особенности в деревне, дает сильнейший толчок прогрессивному движению общества как по указанным причинам, так и вследствие концентрации индустриального населения. Прогресс этот сопровождается, как и все другие прогрессы капитализма, также и «прогрессом» противоречий, т.-е. обострением и расширением их» (т. II, изд. 2-е, стр. 52).

Не существует прогресса вообще, прогресса вне материального мира, или прогресса как такового, как чистого мыслительного процесса. Прогресс всегда имеет место в чем-нибудь, в обществе или в природе, поэтому он всегда об'ективен и конкретен. Мы не можем рассуждать о прогрессе как Кант рассуждает об априорных категориях; если речь идет об общественном развитии, то мы можем говорить только о прогрессе данной экономической формации, о конкретном прогрессе. Во-вторых, как уже было сказано, прогресс не есть какой-то прямолинейный сдвиг вперед, а диалектический процесс. Никто из буржуазных мыслителей не дошел до глубины такого понимания вопроса, потому что ни один из них не мог прогресс общества представить как конкретно-об'ективный прогресс. Выступая против материалистического понимания прогресса общества, они начали обвинять марксистов в том, что, говоря об об'ективных законах общества, о материальных

овах его движения, последние якобы забывают о роли суб'ективного ктора и, главное, о роли личности в истории. Русский народник Лавров, нно с этой точки зрения подходя к установлению закономерности общественного развития, писал, что историю делает «критически мыслящая личность». «Задача истории цивилизации» заключается в том, чтобы «показать, к критическая мысль личностей перерабатывала культуру общества, стремясь внести в цивилизацию их более истины и справедливости» (Исторические письма, 1905 г., стр. 352). Эта чисто суб'ективно-идеалистическая постановка вопроса в сущности есть своеобразное применение или выявление уже известного нам основного тезиса Канта, согласно которому между обществом и природой существует абсолютный разрыв. Нравственные категории Канта, как вечные законы человеческого общества, в сущности были уже тем суб'ективным разрешением вопроса общественного развития, которое сейчас так сильно выдвигают Виндельбанд, Риккерт, Зиммель и другие. Постановка вопроса Лаврова по существу исходит из тех же теоретических положений. Общество опирается на сознание суб'екта. «Прогресс опирается на общественное сознание», говорит он (там же, стр. 339). На «создание личности» 33). Мы не будем говорить о роли личности в истории. Это особая тема. Интересующий нас в данном случае вопрос более широк и сводится к роли суб'ективного фактора вообще.

Плеханов, пытаясь разрешить и раз'яснить диалектическое единство об'екта-суб'екта, дал такую схему: сперва производительные силы, потом производственные отношения, потом социально-политический строй, потом психика общественного человека и, наконец, идеология.

Но с таким решением вопроса согласиться нельзя. Пятичленка Плеханова — это прежде всего схема. Нигде мы не найдем, что Маркс давал общеобязательные схемы. Он дает лишь общие принципы, а Плеханов — схемы, против чего так сильно возражал Ленин (см. «Что такое друзья народа»). Во-вторых, из пятичленки Плеханова выпала роль классовой борьбы. Плеханов с большим удовлетворением и вниманием рисует роль психики, но почему-то забывает о роли и значении классовой борьбы, которая является ведущей в классовом обществе. И, в-третьих, пятичленка Плеханова недостаточно материалистична. Предупреждая своих критиков, Плеханов пишет, что «эта монистическая формула насквозь пропитана материализмом» (т. XVIII, стр. 1—2). Мы думаем, что это не совсем соответствует действительности, и вот почему. Определение идеологии у Плеханова несомненно имеет некоторую связь с его теорией иероглифов. И в самом деле, в чем заключается сущность этой теории? Маркс, критикуя теорию иероглифов в политической экономии, писал, что буржуазные мыслители, «об'являя простыми знаками те общественные черты, которые получают вещи, и те вещные черты, которые получают общественные определения труда на основе определенного способа производства, об'являют их вместе с тем продуктом произвольных человеческих мнений и, так сказать, санкционируют всеобщим согласием человечества. ...кова была излюбленная манера просветителей XVIII века устранять, хотя временно, по меньшей мере видимость удивительного в тех или иных загадочных формах человеческих отношений, процесса возникновения которых не сумели расшифровать. Так как еще не умели выяснить возникновение и развития загадочных форм общественных отношений, то старались отнять у них непонятный характер, заявляя, что они — человеческое изобретение, не свалились с неба» (Капитал, т. I, стр. 58—59). Так именно делает и Плеханов. Вместо того, чтобы попытаться об'яснить, как идеология отражает в себе общественную действительность, борьбу классов и т. д., он об'являет свойством психики человека, т.-е. фактически отнимает от нее ее материальную основу, ибо сам Плеханов в другом месте признает, что психика общественного человека есть категория суб'ективная (т. XVII, стр. 124). Если

это так (а это действительно так), то следовательно, об'являя идеологию свойством психики человека, Плеханов тем самым отходит от диалектико-материалистического понимания идеологии. Говорят, что в этой формулировке Плеханов подчеркивает специфичность идеологии. Возможно, что суб'ективное намерение Плеханова действительно было таково, но об'ективный результат получился иной. В самом деле, как разрешается специфичность идеологии и в чем ошибка Плеханова? Специфичность идеологии заключается именно в том, что она есть переработанное отражение действительности, не механическое копирование, а обработанное, своеобразное отображение социального бытия в голове человека. Энгельс говорит, что идеология есть одновременно и мыслительный процесс (Письма, стр. 309). Конечно, процесс, связанный с общественными явлениями. Своеобразие идеологии заключается в том, что оно как отражение действительности, одновременно включает в себя и некоторые суб'ективные понимания, стремления, чувства и т. д. Тот факт, что идеология есть одновременно и мыслительный процесс, т. е. познание действительности при помощи мыслительного аппарата, что это познание происходит своеобразно, познающий суб'ект познает сообразно своей социальной психике, социальным стремлениям, отображая при этом и свою социальную психику, является специфичностью идеологии. Ошибка Плеханова, как указано уже, заключается в том, что он одну сторону явления отождествляет с явлением, психику, как момент в идеологии, отождествляет со всей идеологией. Плеханов забывает, что существенным в идеологии является социальное бытие, которое отражается в нем, что та форма, в которой проявляется содержание, не отделима от него и без содержания не имеет никакого смысла, ибо еще Маркс писал, что «сознание никогда не может быть чем-то иным как только сознанием бытия (bewustes Sein), а бытие людей—это реальный процесс их жизни» (Архив, т. I, стр. 216). Что такое, например, юридическая наука? Маркс говорит, что она есть идеология. А что такое идеология? Маркс отвечает, что не только юридическая наука, но и искусство, религия, философия, одним словом, идеология вообще есть «сознание конфликтов, форма познания материальной деятельности человека, они являются формами, в которых люди сознают социальные конфликты и в которых ведут борьбу» (Крит. полит. эк., стр. 55, 1929 г.). На этой точке зрения стоит и Энгельс, считая, что юридическая наука как идеология есть отражение реальных отношений людей. (Письма, стр. 284).

Другой пример: что такое религия? Следуя формулировке Плеханова, мы должны были бы ответить, что она как идеология есть лишь свойство психики человека. Христианство — одно свойство, магометанство — другое, буддизм — третье и т. д. На самом же деле это не так. «Каждая религия— говорит Энгельс,— является не чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними, отражением, в котором земные силы принимают форму сверхестественных» (Анти-Дюринг, 1928 г., стр. 301). Религия как идеология не есть лишь свойство психики человека, но одновременно и уродливое отражение действительности, как правый оппортунизм или троцкизм не являются лишь свойством психики правых уклонистов или троцкистов, а отражением классовых интересов капиталистических элементов у нас.

Ревизионисты для обоснования ошибочного понимания Плеханова иногда ссылаются на искусство. Что такое искусство? Плеханов говорит, что художник в своем произведении выражает не только чувства, но и мысли людей данного класса и т. д. Но что такое мысль, если не мысль о действительности? То же и относительно чувств. Прежде чем чувствовать, должно иметь об'ект чувства, и потому чувство как элемент искусства есть не только психическое, но одновременно и чувство конкретно действительного, оно есть своеобразное отражение об'екта чувства. Такое понимание искусства

исходит из тех основных положений, которые мы имеем у Маркса. Известно, что греческая мифология составляла не только арсенал греческого искусства, но и его почву. Это был его материал (Критика полит. экономии, стр. 48—49). А что такое мифология? Во всяком случае, не одно лишь свойство психики человека, а «особый взгляд на природу и общественные отношения». Она есть «природа общественной формы, уже получившая бессознательную художественную обработку в народной фантазии» (там же, стр. 48—49). Таким образом, греческое искусство является своеобразным представлением, отражением общественного бытия тогдашних греков. Нам могут возразить, что это было детство человечества. Плеханов не раз об'яснял, что танцы дикарей нельзя сравнить с танцами буржуазных салонов. В первых непосредственно проявляются трудовые процессы людей, в то время как в последних этого нет. Это верно. Но следует ли из этого, что вальс или фокстрот являются выражением психики салонных дам? Конечно, нет. Здесь мы имеем своеобразную форму отражения общественного бытия.

Следовательно, идеология не оторвана от своего базиса, а является «реальным или иллюзорным сознательным выражением их (людей—*Г.*), реальных отношений и деятельности, их производства, их сношений, их общественной и политической практики», как говорит Маркс (Архив, т. I, стр. 215). Никакой отделяющей преграды между идеологией и ее материальным базисом, общественным бытием, не существует. Основная ошибка Плеханова заключается в том, что он, вместо диалектического единства материальных и духовных «факторов» общественного развития, вместо материалистического обоснования и об'яснения роли и значения надстройки общества, фактически оторвал последнее от его материального базиса и тем самым стал на путь идеалистического извращения основных категорий исторического материализма. И, конечно, это не случайно. Ведь мы уже знаем, что сознание людей «является реальным или иллюзорным сознательным выражением их общественной и политической практики». Следовательно, теоретические ошибки Плеханова можно понимать только как теоретические обоснования его политического оппортунизма. Вот почему борьба против повторения или углубления этих ошибок является борьбой за марксистско-ленинскую теорию, за революционное мировоззрение пролетариата.

Углубляя теоретические ошибки Плеханова и идеалистически извращая основные положения диалектического материализма, деборинская школа в понимании закономерности общественного развития вообще и закономерности переходного периода в частности встала на антимарксистский, антиленинский путь. Действительно, Ленин конкретно, марксистским исследованием доказал, что империализм есть последняя фаза капитализма, есть загнивающий, умирающий капитализм, а Деборин пишет, что «империалистический капитализм представляет собою в сравнении со старым капитализмом... огромный шаг вперед...» («Ленин как мыслитель», 1929 г., стр. 86). Эта мысль т. Деборина целиком совпадает с мыслями Каутского, который пишет, что капитализм сейчас является более жизненным, чем полвека тому назад (т. II, стр. 623). И это неизбежно для всех тех, кто пытается марксистско-ленинскую теорию классовой борьбы подменить меньшевиствующим идеализмом. Так случилось не только с Дебориным, но и с его учениками. Вот как, например, понимает Карев закономерность переходного периода: «К этим вопросам (учение об империализме и т. д.) т. Бухарин присоединяет также и те, которые только намечены были В. И. и которые нуждаются в действительной разработке, о врастании в социализм после победоносной рабочей революции... о теоретическом анализе двухклассового общества при рабочей диктатуре» («ПЗМ», 1924 г., № 10—11).

Теория «двухклассового общества» Бухарина есть практическое применение его теории равновесия, его непонимания природы классов, корне-

говоря, его незнания диалектики, в чем неоднократно обвинял его Ленин. Солидаризируясь с Бухариным, Карев лишний раз доказывает свое формально-меньшевистское понимание сущности диалектики. Революционный марксизм не знает всеобще-абстрактных законов. Ему враждебна также теория классового мира, допускающая мирное врастание буржуазии в социализм. Теория же «двухклассового общества» Бухарина есть вывод из его абстрактно-механического понимания закономерности общества и одновременно теоретическое обоснование его лозунга о «врастании кулака в социализм».

В своей полемике против Преображенского Бухарин писал, что при наличии советской системы закон трудовых затрат скидывает «фетишистский костюм» закона ценности. Он не понимает, что категории капиталистического общества не только не переходят в социалистическое общество, но и не имеют своих аналогов в нем. Поэтому для установления закономерности переходного периода обязателен, во-первых, конкретно-исторический подход, во-вторых, вскрытие классовой сущности каждого закона. Подходя к вопросу именно так, мы должны сказать, что основной закон переходного периода — это революционное переустройство капиталистического общества в коммунистическое, это революционное уничтожение капиталистических законов и закономерности и возникновение качественно новых законов, социалистическое планирование, усиление роли партии. Побеждая буржуазию и создавая новые общественные отношения, мы еще окончательно и до конца не уничтожили всех остатков буржуазии. Эта «новая», высшая форма борьбы с буржуазией «стояла на очереди дня» (Ленин, т. XV, стр. 183) в тот период, в который мы вступили на последнем этапе нэпа, в лице широкой реконструкции промышленности и коллективизации сельского хозяйства. Это говорит о том, что революционное переустройство общества в коммунистическое, как основной закон переходного периода, происходит в обстановке обостренной классовой борьбы, что с социалистическим планированием, как ведущим фактором в нашем хозяйстве, имеются еще остатки капитализма, день за днем уничтожаемые, уступающие место социалистическому планированию. Забыть об этом, значит забыть о классовой борьбе у нас, о том сопротивлении, которое умирающий класс оказывает пролетарскому переустройству мира. Но мы сказали уже, что это сопротивление ломается, уничтожается каждый день, каждый момент. Вместо стихийных, слепых законов вырастает, укрепляется, усиливается и окончательно побеждает закон социалистического планирования, т.-е. сознательного, планомерного переустройства общества. Короче говоря, из царства необходимости человечество переходит в царство свободы. Таким образом, суб'ективный фактор получает у нас исключительное значение, поскольку от стихийности мы идем к сознательной организации истории, из предистории вступаем в действительную историю. Но этим еще не исчерпывается своеобразие, качественное отличие закономерности переходного периода. Здесь особенно нужно подчеркнуть исключительную роль класса (пролетариата) и его партии у нас.

Характерной чертой буржуазной революции было то, что в своей борьбе за гегемонию буржуазия использовывала трудящиеся массы, вернее сказать, действительную революцию делали последние, буржуазия же только руководила, точнее, использовывала результаты борьбы. Кроме того, борьба буржуазии всегда в той или иной мере была компромиссной, буржуазия никогда не была последовательным революционным классом. Пролетариат отличается от буржуазии, во-первых, тем, что как класс он борется не за увековечение своего господства, а через диктатуру подготовляет уничтожение всякого господства, во-вторых, тем, что интересы пролетариата совпадают, вернее, являются интересами трудящихся масс, т.-е. большинства человечества, поэтому пролетариат не нуждается в компромиссах. Он не сог-

ельский, а самый последовательный и действительно революционный
Тот союз, который пролетариат заключил и заключает с трудящимся
крестьянством, не есть классовый компромисс, а последовательное проведение
основных идей пролетариата. В-третьих, пролетариат является наиболее
итным классом, поэтому различные партии не могут выражать его
есов. Пролетариат имеет только одну партию, которая неуклонно про-
и руководит борьбой рабочего класса. Отсюда — огромная роль партии
ановлении закономерности переходного периода. Класс и партия не
о руководят страной, но и сознательно и планомерно переустраивают
тво, поэтому нельзя установить и познать закономерность переходного
да без точно установленной роли класса и партии у нас.

И, наконец, последний вопрос — это роль вождя и личности вообще.
ость в буржуазном обществе является рабом стихийности, она подчи-
слепой стихийности и не может свободно проявить все свои способно-
ыть сознательным строителем своей жизни. У нас же личность является
тельным строителем нового общества. Роль вождя и личности, как сти-
-случайного явления, уменьшается у нас, но увеличивается и принимает
шенно новый характер их роль как сознательных организаторов и
телей социализма. Кроме того в буржуазном обществе выдвижение од-
ичности закрывает дорогу для других. Плеханов по этому поводу пишет
«выступив в роли «хорошей шпаги», спасающей общественный порядок,
еон тем самым устранил от этой роли всех других генералов, из кото-
ные может быть сыграли бы ее так же или почти так же, как и он.
общественная потребность в энергичном военном правителе была удо-
орена, общественная организация загородила всем другим военным та-
м дорогу к месту военного правителя. Его сила стала неблагоприятной
роявления других талантов этого рода» (т. VIII, стр. 298). Иначе и не
быть при господстве частной собственности и конкуренции. Но у нас,
астная собственность и конкуренция уничтожаются, выдвижение одной
сти не только не приостанавливает, наоборот, только способствует и
ю способствовать полному проявлению способностей других личностей.
вительно, хорошим директором у нас считается тот, который в своей
дневной работе подготовляет и выдвигает новые кадры для руководящей
ы, создает новых директоров. При установлении закономерности пере-
го периода нельзя не учитывать соответствующим образом этого су-
енного различия между ролью личности у нас и в буржуазном обществе
) иметь в виду, что история делается людьми, и нельзя при познании
ственных закономерностей пройти мимо этого марксистского тезиса,
ый может быть правильно понят лишь с точки зрения диалектического
иализма.

Вот вкратце те положения, которые, по нашему мнению, должны
я исходным пунктом при анализе закономерностей переходного
да. Мы должны неуклонно и решительно проводить борьбу на два
а — против меньшевиствующего идеализма и механицизма, как главной
пасности, не только при исследовании закономерности общественного
тия, но и при анализе закономерностей переходного периода в особен-
сти.

К вопросу о философской эволюции Маркса*)

(Заметки).

А. Макаров

Идеализм в лице гегелевской философии в конце 30-х гг. прошлого столетия был господствующим философским направлением Германии. «Система Гегеля, в основных своих чертах, была готова еще в 1810 г. К 1820 г. миросозерцание Гегеля уже сложилось окончательно. Его политические взгляды, его учение о государстве, складывавшиеся под влиянием английских учреждений, носят явный отпечаток реставрации» [1]). Но система Гегеля, его выводы о законченности процесса, выразившиеся в освящении им Прусской монархии, стояли в явном противоречии с методом, не мирившимся с консерватизмом системы. Метод и система Гегеля для конца 30-х годов и были теми полюсами, вокруг которых скрещивались теоретические бои.

«Принципы гегелевской философии всегда носят печать независимости и свободомыслия, выводы же... нередко умеренны и даже консервативны», писал Энгельс еще в период увлечения Гегелем в 1841 г. Против выводов, против системы в основном и направлены были удары левых гегельянцев на рубеже 40-х годов прошлого столетия.

«Мышление Гегеля отличалось от мышления всех других философов громадным историческим смыслом, лежавшим в его основе. Хотя форма была крайне абстрактной и отвлеченной, все же ход его двигался постоянно параллельно с развитием всемирной истории и последняя в сущности должна была быть проверкой первого. И если благодаря этому правильное соотношение было перевернуто и поставлено на голову, то все же в философию повсюду вошло реальное содержание» [2]). Это положительное содержание гегелевской философии и попыталась использовать буржуазия в конце 30-х годов.

Но обострение классовой борьбы, самостоятельное выступление пролетариата вскоре привело к такому соотношению классовых сил, когда эта прогрессивная сторона гегелевской философии оказалась для буржуазии слишком революционной, и Гегель был заброшен. Лишь часть бывших левых гегельянцев, в лице Маркса и Энгельса, ставшая на позиции пролетариата, смогла последовательно и до конца «воспользоваться громадным историческим смыслом гегелевской философии, подвергла ее окончательной критике, переработав то ценное, что заключалось в гегелевском методе.

Пионеры лево-гегельянского крыла Штраус и Бауэр, стремившиеся прорваться за пределы ортодоксального гегельянства, оставшись на позициях

---

*) Часть из доклада в семинаре II курса ИКПФ за 1930—1931 уч г
[1]) Маркс-Энгельс, т. II, стр. 117.
[2]) Из рецензии Энгельса на «Критику политэкономии» Маркса

уржуазии, не смогли выйти из круга «гегелевского умозрения»; дальше б
ы с теологией они не пошли.

Из младо-гегельянцев «первого призыва», обративших свое критич
ружие против реакционных, консервативных сторон философии Ге
аиболее совершенным оказалось оружие Фейербаха. Фейербах нанес пе
ешительный удар и теологии и философии абсолютного духа. Своими бл
щими работами он положил начало материалистическому освоению и пре
ению Гегеля.

Фейербах, по выражению Ленина, взявший природу без всякой по
ювки, оказал очень сильное влияние на развитие материалистич
зглядов Маркса-Энгельса.

Маркс и Энгельс пришли к выработке диалектического материал
т идеализма Гегеля через философию Фейербаха — это бесспорная ист
Но какова сила влияния Гегеля и Фейербаха на Маркса, как шел про
реодоления их Марксом, — эти вопросы выяснены недостаточно, а отч
ены извращены.

* * *

Активное, систематическое участие Маркса в печати начинается с
работы в «Рейнской газете» в качестве сотрудника и редактора. Пе
работы в газете явился временем перелома в мировоззрении Маркса-
листа.

В предисловии к «Критике политической экономии» Маркс п
по этому вопросу: «Моей специальностью была юриспруденция, кото
однако, я проходил как подчиненную науку наряду с изучением филосо
и истории. В 1842 — 43 г.г., состоя редактором «Рейнской газеты», я впе
поставлен был в затруднение, так как должен был высказать суждение о
называемых материальных интересах. Постановление Рейнского Ланд
по поводу лесных порубок и раздробления земельной собственности, офиц
ная полемика по вопросу о положении Мозельских крестьян, наконец, деб
о свободной торговле и покровительственных пошлинах, послужили пер
толчком для моих занятий экономическими вопросами».

Идеализм Маркса в трактовке социально-политических проблем в
период наиболее ярко выявляется в понимании им сущности государ
Маркс видел в государстве — учреждение, стоящее над обществом, над б
бой сословий. В статьях по поводу прений в Ландтаге о лесных поруб
пытаясь оказать влияние на исход прений в пользу бедноты, Маркс ук
вал, что государство, соответствующее своей идее, не должно и не м
«так низко опуститься, чтобы разрешать вопросы сообразно с требован
частной собственности».

«Если, — пишет Маркс, — частный интерес пытается низвести госу
ство до уровня своего средства, то само собой разумеется... всякое совре
ное государство как бы мало оно ни соответствовало идее го
дарства (разрядка моя.—*А. М.*), при первой же практической попы
такой законодательной власти принуждено будет громко заявить: т
пути — не мои пути, твои идеи — не мои идеи»[1]).

Специфически-гегельянские воззрения Маркса здесь выражены в пол
мере; они потерпели крах при первой же попытке их реализации. Ланд
в своих решениях исходил не из гегелевского понятия государс
а из реальных интересов лесовладельцев. Под влиянием подобных фа
Маркс все чаще и чаще приходит в выводу, что он не в состоянии посл
зательно решать социально-экономические и политические проблемы,
действительность не укладывается в формулы, навязываемые ей гегелев

[1]) Маркс-Энгельс, т. I, стр. 238.

философией. Усиление процессов классовой борьбы в капиталистических странах, появление самостоятельного пролетарского движения выдвинули, в качестве важнейшей проблемы, ставшей в центре внимания теоретической мысли,—коммунизм. Борьба пролетариата с буржуазией в начале 40-х годов, по свидетельству Маркса, «всякому бросалась в глаза на улицах Манчестера, Парижа и Лиона».

Задача теоретического осмысливания этой борьбы стала в порядок дня; стала она и перед Марксом. В полемике с Аугсбургской газетой он впервые вынужден был высказать свою точку зрения на коммунизм и коммунистическое учение. Впоследствии, указывая на этот момент, Маркс писал: «я откровенно признался, что мои тогдашние знания не позволяли мне составить самому себе определенное суждение о французских направлениях». Так уже в 1842 г. в поле зрения Маркса — идеалиста и революционного демократа, наряду с вопросами, выдвигавшимися борьбой между буржуазией, дворянством и крестьянством, оказываются и проблемы, связанные с самостоятельным движением рабочего класса.

Статьи Маркса в «Рейнской газете», являющиеся образцом публицистики, представляют также яркое свидетельство того, как даже при желании идти вперед, при радикализме воззрений, отсутствие диалектико-материалистического метода не дает возможности обосновать часто правильно нащупанные проблемы. В этих статьях Маркс, в основном, выступает еще с позиций идеализма, но в них же можно проследить, как в мировоззрении Маркса-идеалиста все чаще и чаще начинают сквозить материалистические ноты. Разрыв с берлинской группой «свободных» в этот период, попытки изобразить прения в Ландтаге как прения сословий, стремление оттенить факты эксплоатации, утверждение, что «правильная теория должна быть раз'яснена и развита на примере конкретных обстоятельств и данного положения вещей»,—все это указывает на перелом во взглядах Маркса в сторону материализма уже в 1842 г.

* * *

В марте 1843 г. «Рейнская газета» была закрыта прусским правительством.

«В закрытии «Рейнской газеты», — писал Маркс, — я вижу прогресс политического сознания и поэтому смиряюсь. Кроме того, обстановка стала для меня слишком невыносимой. Даже для свободы противно отбывать барщину и противно драться вместо дубин иголками. Мне надоели лицемерие, глупость, грубый авторитет и наше подлаживание, поклоны, изворачивание, хитрячание. Словом, правительство снова дало мне свободу» [1]). Освободившись от цензурных цепей, Маркс целиком отдается делу разрешения своих сомнений, уходит в изучение экономических вопросов, истории, теории и практики революционных движений. Период деятельности Маркса, охватывающий собой 1843—1844 гг., наиболее интересен как период становления Маркса на позиции пролетариата, решительной, активной критики гегелевской философии и преодоления слабых сторон философии Фейербаха. Годы 1843 — 1844 были годами наиболее сильного влияния работ Фейербаха на Маркса и в то же время периодом формирования и разработки основ диалектико-материалистического мировоззрения.

Плеханов, указывая на знакомство Маркса с философией Фейербаха как на поворотный пункт, с которого Маркс вступает в период решительной борьбы с традиционным гегельянством, рассматривает взгляды Маркса в течение этого периода, как чисто фейербахианские. «В немецко-французских ежегодниках,—пишет Плеханов,—они (Маркс и Энгельс) стоят на точке

[1]) Маркс-Энгельс, т. I, стр. 530.

зрения Фейербахова гуманизма» [1]), а в «Святом семействе» делают лишь несколько значительных шагов в смысле дальнейшей разработки философии Фейербаха».

Плеханов рассматривает борьбу Маркса с гегелевской философией, как борьбу с фейербахианских позиций.

Он не видит, как Маркс уже в «Критике гегелевской философии права» одновременно с критикой Гегеля по ряду вопросов идет значительно дальше философии Фейербаха. В процессе критики Гегеля Маркс перерабатывал его диалектико-идеалистический метод, закладывал основы материалистической диалектики, преодолевая метафизику Фейербаха. С позиции фейербахианства Маркс не смог бы дать окончательной критики гегелевской философии. Он осуществлял эту задачу по мере того, как освобождался от слабостей философии Фейербаха.

Работы Маркса, помещенные в «Немецко-французских летописях», доказывают, что уже в конце 1843 и начале 1844 г. критическое преодоление Марксом Гегеля и Фейербаха было процессом единовременным.

Область социологии являлась самым слабым звеном философии Фейербаха; в трактовке проблем истории, государства, морали и т. д., он оставался идеалистом. Маркс, став вначале материалистом и коммунистом в основном фейербахианского типа, очень рано, однако, замечает наиболее уязвимые места фейербахианства. На односторонность философии Фейербаха Маркс указывал уже в марте 1843 г. В письме к Руге, после ознакомления с фейербаховскими «Предварительными тезисами к реформе философии» он пишет: «афоризмы Фейербаха страдают, на мой взгляд, в том отношении, что он слишком много напирает на природу и слишком мало на политику. Между тем это единственный союз, благодаря которому теперешняя философия может стать идейной».

Таким образом, еще на пути к материализму, Маркс нащупывал уже одно из наиболее слабых звеньев в философии Фейербаха. Это обязывает при изучении философской эволюции Маркса не ограничиваться установлением простой схемы, как это имеет место у Плеханова, а раскрывать собственные взгляды Маркса и в ранних его работах. Признав в «Рейнской газете» свою некомпетентность в вопросах социализма, Маркс вплотную берется за их изучение. Плоды этого быстро сказываются в его взглядах на перспективы и задачи коммунистической критики. Он обнаруживает в общих чертах недостатки утопического социализма и предшествующей философии и уже осенью 1843 г. приходит к заключению о необходимости выработки нового учения на основе конкретного изучения действительности. «До сих пор, — пишет Маркс, — философы имели в своем портфеле разрешение всех загадок, и глупому, непосвященному уму оставалось только раскрыть рот, чтобы ловить жареных рябчиков абсолютной науки. Преимущество нового направления как раз в том, что оно не стремится догматическими построениями предвосхитить будущее, а желает посредством критики старого мира найти новый мир» [2]). В этих строках Маркс в общем виде уже наметил задачи, разрешенные им в последующих работах. Не догматическое предвосхищение будущего, а критическое изучение действительного мира, вскрытие закономерностей общественного развития, обоснование путей реального движения к коммунизму. Маркс не выходит здесь еще за пределы этих

---

[1]) Между прочим, в предисловии к 1-му тому сочинений Маркса и Энгельса (стр. 22) Рязанов целиком идет по пути Плеханова, заявляя, что в период написания «Святого семейства» и «Положения рабочего класса в Англии» «коммунизм Маркса и Энгельса все еще базируется на философии «реального гуманизма», оба остаются еще фейербахианцами» (разрядка моя — А. М.)

[2]) Маркс-Энгельс, том I, стр. 364.

познания и теоретической критики, находится в основном под влиянием Фейербаха, но и эти общие положения показывают, в какую сторону направлено было внимание Маркса, насколько в постановке вопросов уже в этот период «ученик» шел дальше своего «учителя».

Еще работая в «Рейнской газете», Маркс сталкивался с необходимостью пересмотра многих своих взглядов, последующее же, с осени 1843 г., пребывание его в Париже, необычайно ускорило реализацию этой необходимости, обусловило направление и характер выработки Марксом нового мировоззрения. Оказавшись в центре революционного движения, активно участвуя в деятельности рабочих революционных организаций, усиленно занимаясь историей социализма и революционного движения,—Маркс уже в 1843—44 гг. переходит на позиции пролетариата. Это было необходимым и важнейшим шагом в эволюции Маркса.

Становясь на сторону пролетариата, Маркс освобождался от остатков буржуазной идеологии, от ограниченности исторического кругозора, приобретая способность и возможность видеть глубже и дальше дворянско-буржуазных и мелкобуржуазных идеологов. И именно здесь, в 1843—44 гг. в своей работе «К критике философии права Гегеля», преодолевая Гегеля, пробиваясь через антропологические воззрения Фейербаха, Маркс закладывает основы теории исторического материализма.

Работая в «Рейнской газете», Маркс был на полпути от идеализма и революционного демократизма к материализму и коммунизму; в «Немецко-французских летописях», на рубеже 1843—1844 гг., он выступает уже, как материалист и коммунист, правда, материалист в основном фейербахианского толка и коммунист, лишь еще намечающий пути реального движения к коммунизму. В «Немецко-французских летописях» помещены были две работы Маркса: «К еврейскому вопросу» и «К критике философии права Гегеля». Статья «К еврейскому вопросу» интересна тем, что в ней влияние философии Фейербаха на Маркса достигло наивысшего напряжения. Она является поворотным пунктом в философской эволюции Маркса, от которого нараставшая с 1841 г. сила влияния Фейербаха идет на убыль, окончательно сходя на-нет по существу уже в «Святом семействе». Маркс критикует в этой работе Бруно Бауэра за непонимание им различия между политической и человеческой эмансипацией. Быть политически эмансипированным еще не значит быть эмансипированным в человеческом смысле.

Подлинной эмансипацией еврейства может быть лишь эмансипация человечества от еврейства, от торгашеского духа буржуазного общества. «Граждане откажутся от своей религиозной ограниченности, как только уничтожат свои светские ограниченности. Бауэр не понимает, что религия не основание, а только феномен светской ограниченности, поэтому он оставляет «светские ограниченности нетронутыми, когда полемизирует против их религиозного выражения».

Поднятый Бауэром вопрос, как вопрос чисто религиозный, Маркс повышает до общего социального вопроса об отношении религии к современному государству. Позднее в «Святом семействе» Маркс охарактеризовал трактовку, данную им в этой статье. Он отмечал, что в ней «старому еврейскому вопросу не была дана так называемая истинная постановка, но зато еврейский вопрос был рассмотрен в той постановке, которую новейшее время дает всем старым вопросам...». «Бауэру показано было, что он понимает лишь религиозную сущность еврейства, но не светскую реальную основу этой религиозной сущности, он борется против религиозного сознания как против самостоятельной сущности» [1].

[1] Маркс-Энгельс, том III, стр. 136.

Нетрудно видеть, что учение Фейербаха о человеке, как о родовом ...ществе, принимается Марксом. Он не может еще покинуть ни «родового ...ловека», ни человечества вообще. Противопоставляя политической эман...пации эмансипацию человеческую, Маркс не возвышается здесь до пони...ния эмансипации человечества через эмансипацию ...ролетариата.

Проводя различие между общественными отношениями, как осно...ием, и религией, как идеологией, зависимой от них, Маркс не вскрывает ...щества этих отношений, не диференцирует человечества; не проводит ...нем классовых различий. Он не идет здесь дальше фейербаховской «родовой ...ущности человека», «гражданского общества», дальше его реального гу...анизма.

Но, несмотря на это, Маркс в данной работе многое сделал для выпол...ения той задачи, на которую он указывал в марте 1843 года. В письме Руге он писал :«как мне ни противна религия, но взгляд Бауэра мне кажется ...лишком абстрактным. Надо сделать в христианском государстве столько ... ...колько можно, и контрабандой всунуть максимум рационального, сколько ...т нас зависит». В эту статью Маркс действительно вложил столько раци...ального, что и по настоящее время она представляет по ряду вопросов ...ольшую ценность.

В этом своем первом выступлении против Бруно Бауэра Маркс уже ...ащупывает реальную основу идеологии, материалистически трактует вопрос ...соотношении религии и политики, в общих контурах вскрывает основу ...елигии в современном обществе.

* * *

Становясь на позиции материализма, Маркс выдвигает перед филосо...ией задачу перехода от критики вообще к критике конкретной, к критике ...ак орудию классовой борьбы. «Ничто не мешает нам,—писал он Руге ... сентябре 1843 г.,—связать нашу критику с критикой политики, с интере...ами определенной политической партии, а стало быть связать и отожде...твить нашу критику с действительной борьбой» [1]).

В этих строках нет еще конкретизации классовых взглядов Маркса, ...о в них уже чувствуется перелом в развитии его мировоззрения от общих ...ринципов Гегеля к конкретным задачам дня, от фейербахианского гуманизма ... антропологизма к практике классовой борьбы.

В «Критике философии права Гегеля» Маркс идет значительно дальше ... разработке многих вопросов, в том числе и тех, которые в общих чертах ...ыли им набросаны в статье «К еврейскому вопросу».

«Для Германии,—говорит он,—критика религии по существу окончена, ... критика религии предпосылка всякой другой критики», От человека ... ...иологической единицы, от абстрактного человека Фейербаха Маркс ... ...ую подходит к вскрытию социальной сущности человека. «Человек,— пишет ...аркс, — не абстрактное, вне мира витающее существо, человек это ... ...еловека, государство, общество» [2]).

В отличие от Фейербаха, не понимавшего во всей полноте значения ...гелевской диалектики, Маркс, став на позиции материализма, критически ...спользовал, перерабатывал метод Гегеля уже в этих первых своих матери...тических работах. Удержав «мысль Гегеля о вечном процессе развития» ...аркс вскрывает закономерности движения самой действительности, ...ется показать развитие идей, как отражение развития вещей, превращая ...ениально угаданное» Гегелем в принцип науки, вскрывая его реальную ...териальную основу.

[1]) Маркс-Энгельс, т. I, стр. 366.
[2]) Там же.

Маркс далек в этой работе от той трактовки государства, которую он давал в «Рейнской газете». Там он исходил в своих статьях из гегелевской концепции государства, здесь он дает уже ее развернутую критику. «Гегель, — пишет Маркс, — растворил понятие политического устройства в общей идее организма; для поверхностного же взгляда и по его собственному мнению, он из общей идеи развил конкретную. Он сделал продуктом, предикатом идеи то, что является ее суб'ектом. Он развивает свою мысль не из предмета, а конструирует свой предмет по образцу завершившего, именно в абстрактной сфере логики завершившего свой круг мышления» [1]).

Маркс приближается в этой работе к вскрытию подлинной, реальной основы государства; критикуя государственно-правовые взгляды Гегеля, он преодолевает его диалектико-идеалистическую методологию, намечает принципиально отличные задачи материалистической критики. «Философская критика современного государственного строя, — пишет Маркс, — не только вскрывает существующие противоречия, но и об'ясняет их; она понимает их генезис, их необходимость. Она берет государственный строй в его специфическом значении. Это понимание состоит, однако, не в том, чтобы, как это представляет себе Гегель, везде находить определение логического понятия, а в том, чтобы постигнуть своеобразную логику своеобразного предмета».

Маркс прослеживает шаг за шагом гегелевскую мистификацию, устанавливая, как действительные реальные суб'екты превращаются Гегелем в предикаты. Указывая на определение правительственной власти, данное Гегелем, Маркс формулирует существо гегелевских вымученных конструкций. Гегель держится, говорит Маркс, «лишь за одну категорию и дает с в о е й л о г и к е п о л и т и ч е с к о е т е л о, но он не дает нам л о г и к и п о л и т и ч е с к о г о т е л а [2]).

Критикуя гегелевские примеры постепенного изменения конституции, указывая вопреки Гегелю, что «категория п о с т е п е н н о г о перехода, во-первых, исторически неверна и, кроме того, ничего не об'ясняет... для установления н о в о й к о н с т и т у ц и и, — говорит он, — требовалась всегда настоящая революция». Так Маркс уже в конце 1843 г. методологически правильно разрешал этот вопрос; в трактовке роли революции, как необходимой причины радикальных изменений конституции, он шел дальше Гегеля и Фейербаха.

Маркс на различных примерах показывает элементы дуализма в работах Гегеля.

Гегель исходит не из р е а л ь н о г о, действительно существующего суб'екта, он не считает действительное существо «подлинным суб'ектом бесконечного», его исходным пунктом являются предикаты, всеобщие определения, а в качестве их необходимого носителя выступает мистическая идея. Отсюда дуализм логики Гегеля, который Маркс видит в том, что в ней всеобщее и единичное трактуются как крайности.

Маркс с присущей ему глубиной ставит проблемы сущности и существования, внешних и внутренних противоречий. Он указывает на необходимость видеть различия между противоположными определениями в пределах одной и той же сущности — противоположностями по существованию, и действительными крайностями, как противоположностями по сущности. «Север и юг — противоположные определения одной и той же с у щ н о с т и... Истинными и действительными крайностями были бы полюс и неполюс, человеческий и нечеловеческий пол. Здесь различие есть различие с у щ е с т в о в а н и я, там — различие с у щ н о с т е й, различие д в у х сущностей»

[1]) Маркс-Энгельс, т. I, стр. 869.
[2]) Там же.

Это ценнейшее методологическое указание Маркса почти не освоено в нашей философской литературе, а между тем оно дает очень много для понимания проблемы внешних и внутренних противоречий, для разработки закона единства противоположностей.

Ленин блестяще владел диалектическим методом, теоретически его развивал, и это выразилось в частности в понимании им моментов, когда противоположности, в пределах одной сущности явлений, необходимо должны перерастать в крайности, в противоположности между явлениями, различными по сущности. Большевизм и меньшевизм уже в 1903, 1904, 1905 гг. переросли из различных течений в пределах одной пролетарской партии в крайности, в противоположности по самой своей природе. Ленин уже тогда вскрыл непролетарскую природу меньшевизма, в то время как многие еще полагали, что между большевизмом и меньшевизмом имеется лишь несущественное различие, и нужен был опыт мировой войны и пролетарской революции, чтобы это раскрылось в полной мере.

Наконец, характеристика троцкизма тов. Сталиным на различных этапах борьбы с ним является лучшим образцом понимания диалектики процесса, умения видеть звено перерастания противоположностей на основе и в пределах одной партии в существенные противоположности, в крайности.

Маркс предостерегает против забвения различий между противоположностями по существованию и крайностями. Это забвение часто приводит к тому, пишет Маркс, что «резкость действительных противоположностей считается чем-то вредным или считают нужным по возможности помешать превращению этих противоположностей в крайности, между тем как это превращение означает не что иное как, с одной стороны, их самопознание, так, с другой стороны, их воодушевление к решительной взаимной борьбе». Маркс не дает здесь развернутой трактовки закона единства противоположностей, он касается лишь одной из его сторон. Но и эти замечания показывают, что уже в первой своей критической работе, направленной против Гегеля, он не только вскрывает ложность исходного пункта идеализма, но и критически преодолевает гегелевский диалектико-идеалистический метод; перерабатывая рациональное этого метода, он закладывает основы материалистической диалектики. В своей критике гегелевской философии права и государства Маркс не просто применяет метод Фейербаха, как это представляется Рязанову, а во многом уже превосходит его.

В статье «К еврейскому вопросу» Маркс не шел дальше формулировки задачи о необходимости эмансипации человечества вообще; классы еще не были в поле его зрения. Здесь он уже более конкретизирует свое понимание проблемы преобразования общества; в фокусе его внимания становится пролетариат. В отличие от братьев Бауэров и так называемых «истинных» социалистов, которые еще в 1845 — 1846 гг. игнорировали революционную роль масс, считая пролетариат реакционной силой, Маркс ставит философию на службу пролетариату, стремится провести органическую связь между борьбой пролетариата и теорией в лице философии. «Подобно тому, как философия находит в пролетариате свое материальное оружие, так и пролетариат находит в философии свое духовное оружие...» «Оружие критики, — говорит Маркс, — не может заменить критики оружия. Материальная сила должна быть опрокинута материальной же силой; но и теория становится материальной силой как только она овладевает массами»[1]). Так в процессе критики гегелевских воззрений Маркс по многим вопросам преодолевает и Фейербаха и вплотную подходит к диалектико-материалистическим, историческим взглядам.

[1]) Маркс-Энгельс, т. I, стр. 406 и 412.

на человека, на государство и общество, на пути социального преобразования закладывает первые кирпичи в основу теории исторического материализма.

Работа Маркса «К критике философии права Гегеля» является яркой иллюстрацией того, как Маркс, наряду с критикой Гегеля, преодолевал метафизику и антропологические воззрения Фейербаха. Маркс, ставший на позицию материализма, пользуясь фейербаховской критикой гегелевского исходного пункта, не отбросил метод Гегеля, а давая окончательную критику философии Гегеля, перерабатывал рациональное его метода». Годы 1843, 1844, 1845 и были начальным, наиболее интенсивным периодом формирования диалектического материализма, критики гегелевской философии, гуманизма и метафизики Фейербаха.

* * *

Плеханов недооценивал сложности эволюции взглядов Маркса. Этот процесс он представлял в виде прямой, на определенном отрезке которой, до 1841—42 гг., Маркс был гегельянцем, всю первую половину 40-х годов, включающую и такую работу Маркса, как «Святое семейство», был только фейербахианцем и на третьем стал диалектическим материалистом, понявшим, наконец, значение и ценные стороны гегелевской диалектики.

Фейербах, как известно, не понимал ценности метода Гегеля. А так как, согласно схеме Плеханова, Маркс всю первую половину 40-х годов был фейербахианцем, то он приписывает Марксу многие качества Фейербаха, в том числе и непонимание значения диалектики Гегеля. Плеханов пишет: «на расстоянии более 20-ти листов «Святого семейства» мы ни разу не встречаем оценки положительного значения гегелевской философии. Нам остается заключить, что в 40-е годы Маркс и Энгельс под влиянием борьбы с реакцией, прикрывавшейся гегелевской философией...

Абсолютно отрицательно относились к Гегелю, не думая тогда отделять зерна от плевел, диалектический метод от абсолютного духа» [1]) (Разрядка моя.—*А. М.)*.

После всего вышеотмеченного нами нет надобности, при характеристике даже такой ранней, по сравнению со «Святым семейством», работы Маркса, как «К критике философии права Гегеля», доказывать ошибочность этого заключения Плеханова. Проблемы, затрагиваемые и разрешаемые Марксом не только в «Святом семействе», но и в ранних работах, показывают, что Маркс прекрасно понимал рациональное гегелевского метода уже в 1843—1844 гг. и в значительной степени благодаря этому не только смог дать окончательную критику Гегеля, но и сумел очень скоро раскусить реакционные стороны философии Фейербаха и преодолеть его гуманизм.

Отсутствие дифирамбов гегелевской философии в «Святом семействе», так смутившее Плеханова, было не следствием непонимания Марксом значения диалектики Гегеля, а следствием необходимости заострения борьбы с главной опасностью этого периода, с реставрацией худших сторон гегельянства группой Бр. Бауэра. Только отрывая работы Маркса от практики и задач классовой борьбы, не понимая того, что борьба Маркса с Бауэром и др имела не только «чисто теоретический» характер, но и сугубо политический, можно притти к такому выводу.

Бруно Бауэр, сначала правый гегельянец, в 40-х годах ставший крайним «левым», возглавил группу, вышедшую из кружка младо-гегельянцев, которая в своей теоретической деятельности совершенно изолировалась от конкретных задач революционного движения, считала теорию центром всего, отрицала роль масс в историческом процессе, более того, видела в пролетариате реакционную силу. Маркс, уже на заре формирования своего уче-

[1]) Г. Плеханов, т. XVIII, стр 332

ния ставивший теорию на службу практике классовой борьбы, видевший в ней не самоцель, а средство в борьбе за преобразование мира, не мог пройти мимо течения, восстанавливавшего худшие стороны гегелевской философии, уводившего наличные теоретические кадры от практики классовой борьбы в область абстрактной фразеологии, и со всей силой обрушился против него.

Плеханов, отмечая борьбу Маркса с реакцией, прикрывавшейся гегелевской философией, не подчеркивает, что именно эта борьба заставляла Маркса вместо выпячивания положительного содержания философии Гегеля сосредоточивать весь огонь своей критики против ее реакционных сторон. Он приходит к совершенно противоположному выводу, обвиняя Маркса «в крайне несправедливом отношении к философии Гегеля».

Сила и острота полемики Маркса и Энгельса с Бруно Бауэром становится понятной лишь в свете задач, стоявших перед ними в тот период. Энгельс в письмах из Германии писал по этому поводу: «об'явлена была война, — указывает он, — тем из германских философов, которые отказываются делать практические выводы из своей чистой теории и которые утверждают, что человеку только тем и надлежит заниматься, что спекулятивным мышлением о метафизических вопросах. Гг. Маркс и Энгельс опубликовали подробные опровержения принципов, отстаиваемых Бруно Бауэром, а гг. Гесс и Бюргерс заняты сейчас работой над опровержением теории Штирнера. Эти работы необходимы потому, что Бауэр и Штирнер являются представителями наиболее крайних выводов германской абстрактной философии, а следовательно и единственно серьезными противниками социализма или вернее коммунизма». «Таким образом, основной задачей, которую ставили себе Маркс и Энгельс в «Святом семействе», была задача разгрома наиболее серьезных противников коммунизма «слева». *В борьбе с представителями крайних выводов абстрактной философии* Маркс не ставил себе задачей подчеркивание положительного содержания философии Гегеля, тем более, что через посредство критики работ Бауэра и др. он подвергал уничтожающей критике худшие стороны гегельянства как теоретической основы «критической критики». Плеханов, формально упоминая о ней, по существу упускает из виду эту главную опасность, в борьбе с которой Маркс обрушивался на философию Гегеля. Указывая на резкие отзывы Маркса в «Святом семействе» о философии Гегеля, Плеханов заключает, что «Маркс не мог бы так безусловно резко и *без всяких оговорок* отозваться о философии Гегеля, если бы он в то время придавал ей то значение, которое он и Энгельс придавали ей в свой окончательный, 3-й период развития, когда они выработали основу научного социализма» [1]).

Плеханов, придерживаясь «чистой логики» при анализе работ Маркса, упускает из поля зрения конкретную обстановку, в условиях которой Маркс писал ту или иную свою работу, он не видит действительных причин, которыми руководствовался Маркс в своем отношении к работам Гегеля в различные периоды. Плеханов впадает в путаницу, когда он по существу указывает, что Маркс не понимал значения гегелевской диалектики именно в тех работах, в которых он вскрывал ее мистифицирующую сторону. Согласно логике Плеханова, Маркс понял значение гегелевской диалектики несколько лет спустя после того, как он ее раскритиковал, понял лишь тогда, когда он выработал основы научного социализма и диалектического материализма. Плеханов не учитывает, что положение вещей на теоретическом фронте, соотношение классовых сил играли для Маркса не последнюю роль в его отношении к той или иной теории и в частности к гегелевской философии. Маркс подчеркивал это и в предисловии ко 2-му изданию 1-го тома «Ка-

[1]) Г. Плеханов, т. XVIII, стр. 332.

тала», где он писал: «мистифицирующую сторону гегелевской диалектики я подверг критике почти 30 лет назад, в то время, когда она была еще модной. Но как раз в то время, когда я разрабатывал I-й том «Капитала», крикливые претенциозные и ограниченные эпигоны, задающие тон в современной Германии, с особенным удовольствием третировали Гегеля, как некогда во время Лессинга доблестный Мойсей Мендельсон третировал Спинозу, а именно—как «дохлую собаку». Я поэтому открыто заявил себя учеником этого великого мыслителя и в главе о теории стоимости даже несколько кокетничал гегельянством, употребляя там и сям его характерную терминологию».

Методология Плеханова, во многих отношениях являющаяся истоком методологии меньшевиствующих идеалистов наших дней, сыграла с ним, при анализе философской эволюции Маркса, скверную шутку. Она привела к тому, что Маркса и Энгельса периода «Святого семейства», когда они заложили основы диалектического материализма, он охарактеризовал как людей, не отделявших в философии Гегеля «зерна от плевел, диалектического метода от абсолютного духа».

* * *

Ранние работы Маркса и Энгельса показывают, что и в период наибольшего увлечения философией Фейербаха в 1843—1844 гг. они не были, однако, правоверными фейербахианцами. Фейербах оказывал на них влияние лишь отдельными сторонами своего учения, ускоряя процесс выработки ими диалектического материализма, в направлении которого уже развивалось их мировоззрение. Энгельс в 80-х годах считал нужным подчеркнуть эту крупнейшую роль Фейербаха на рубеже 40-х годов XIX века. «За нами остается долг чести,—писал он,—полное признание того влияния, которое имел на нас, больше, чем какой-либо другой философ послегегелевской эпохи, Фейербах в наш период бурных стремлений». Ленин в своей статье «Карл Маркс» отмечал, «что всемирно-историческое», составляющее эпоху «значение Фейербаха, Маркс видел именно в решительном разрыве с идеализмом Гегеля и в провозглашении мат[ериал]изма». Но дал ли Фейербах, разорвав с идеализмом Гегеля, его о к о н ч а т е л ь н у ю критику? Далеко нет.

Фейербах в своей философии положил лишь блестящее н а ч а л о делу критики и преодоления гегелевского учения, но он н е п р е о д о л е л и не мог его преодолеть, поскольку не стал на позицию пролетариата, не сумел изжить метафизических, а в области социологии и идеалистических воззрений. Казалось бы, это ясно, а между тем в философской литературе имеет место значительная «нечеткость» по вопросу о роли Фейербаха и Маркса в преодолении Гегеля, встречающаяся преимущественно в работах Плеханова и Деборина. Плеханов, указывая, что Маркс «начал выработку своего материалистического об'яснения истории с критики гегелевской философии права, заявляет, «что критика спекулятивной философии Гегеля была з а к о н ч е н а еще Фейербахом» [1]) (разрядка моя.—*А. М.).*

Можно полагать, что здесь имеет место случайная формулировка, но эта «случайность» наводит на большие сомнения, если принять во внимание, что Плеханов в разработке многих вопросов философии явно преувеличивает роль Фейербаха, заявляя, что понятие единства об'екта и суб'екта правильно выработано Фейербахом, что гносеология Маркса лишь углубленная гносеология Фейербаха и т. д.

Мы не затрагивали бы этого, казалось, давно решенного вопроса, если бы такие «формулировки» встречались у одного автора. К сожалению, это не так. Деборин в своей книге «Людвиг Фейербах», указывая на блестящую

[1]) Плеханов, т. XVIII, стр. 189.

работу, проделанную Фейербахом по выяснению связи между спекулятивной философией и теологией, заключает, что «его (Фейербаха) критику идеализма следует признать самой сокрушительной и, с нашей точки зрения, окончательной» (разрядка моя. — *А. М.).*

Утверждение Деборина о том, что Фейербах дал окончательную критику идеализма Гегеля, вытекает из других его установок, идущих по линии подмены марксизма фейербахианством. Историческую роль Маркса в развитии материализма Деборин видит исключительно в поправках к философии Фейербаха. Он пишет: «Маркс углубляет свое мировоззрение и становится творцом научного социализма, но остается в общем верен фейербаховскому материализму, в который вносит лишь известные поправки»[1]. Исходя из своей практики отождествления при трактовке важнейших проблем диалектики Гегеля с диалектикой Маркса, Деборин очевидно полагает, что дать окончательную критику Гегеля, значит показать ложный исходный пункт идеализма. Но это глубоко неверная установка. Преодолеть гегелевскую философию, дать ее окончательную критику, это значит преодолеть ее наиболее сильную сторону — диалектико-идеалистический метод. И как бы суб'ективно ни расценивали данные авторы свои вышеизложенные выводы, об'ективно они вносят ими путаницу, приписывая философии Фейербаха роль, исторически выполненную марксизмом.

«Гегель, — говорил Ленин, — бьет всякий материализм, кроме диалектического», — и это целиком подтверждается на примере философии Фейербаха.

Методологическое бессилие Фейербаха обнаружилось не только в его подходе к общественным явлениям, но и в трактовке им ряда конкретных вопросов естествознания. И в этой области Фейербах не смог преодолеть метафизики в своих суждениях. «Когда он касается вопросов естествознания, — пишет Энгельс, — то за исключением отдельных гениальных обобщений, он должен довольствоваться беллетристическими фразами». «Фейербах ударяется в бесплодные и бесцельные спекуляции на счет отношения мышления к мыслящему мозгу и т. п.». И это было в 40—50-х гг., в период ряда блестящих открытий во всех областях естествознания, которые подтверждали материализм и которые нужно было использовать для его дальнейшей разработки. Но они не были поняты не только Фохтом, Бюхнером, но и Фейербахом. Для теоретического развития Фейербаха не прошло бесследно то, что вместе с гегелевской системой он отбросил и рациональное его метода.

В разработке ряда вопросов Фейербах ушел вперед от материалистов XVIII века, но он оказался, однако, бессильным увязать современные ему достижения научной мысли в единое целое, понять их значение, вскрыть диалектику процесса и двинуть материализм вперед. В разработке материализма он остановился не только перед рвом, отделяющим область естествознания от исторического материализма, но и перед диалектикой природы, которая не была им понята, несмотря на отдельные гениальные высказывания, ибо он не смог окончательно освободиться от метафизического метода, не сумел критически переработать гегелевскую философию и использовать ее достижения.

В работах Гегеля, впервые в истории теоретической мысли, «идея универсального движения и изменения угадана до ее применения в жизни и к обществу». Задача преодоления Гегеля, задача его окончательной критики заключалась в преодолении диалектического идеализма и главным образом в критике и переработке подлинного открытия Гегеля — и не...

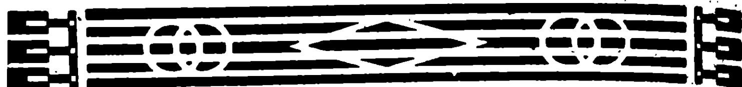
[1]) Деборин. Людвиг Фейербах, стр. 81.

лектико-идеалистического метода. С этой центральной задачей, вопреки мнению Плеханова и Деборина, Фейербах не справился, ибо сам был «идеалистом сверху» и метафизическим материалистом «снизу».

«Фейербах только порвал и отбросил систему, но об'явить данную философию ошибочной еще не значит справиться с нею... ее надо было «снять» в ее собственном смысле, т.-е. критика должна была уничтожить ее форму, сохранив добытое ее содержание» [1]). Но эта подлинная, окончательная критика Гегеля представляла колоссальные трудности. Гегель был одной «из ученейших голов всех эпох» и только гений первого ранга, по выражению молодого Энгельса, мог бы справиться с такой задачей. Но для этого нужно было нечто большее, чем личная гениальность: необходимо было проникнуться идеологией пролетариата. Только с позицией пролетариата могла быть плодотворной эта критика.

Маркс, уже в 1843—1844 гг. активно участвовавший в классовой борьбе, с первых шагов своей научно-политической деятельности становится на сторону рабочего класса и с его позиций подвергает окончательной критике гегелевскую философию. «Маркс был и остается единственным человеком, который мог справиться с этой работой — высвобождения из логики Гегеля того ядра, которое заключает в себе истинное открытие Гегеля в этой области, и восстановить диалектический метод в его простой форме, освободив его от идеалистической оболочки, выставить в такой форме, которая является единственно правильной формой развития мышления». В этом и состояла задача подлинной и окончательной критики гегелевской философии. Фейербах, блестяще начавший ее решение, оставшись за барьером классовой борьбы пролетариата, не изжил своих метафизических воззрений, не смог плодотворно продолжать и закончить начатую им критику философии Гегеля. Эта задача была решена лишь Марксом и Энгельсом. Только Маркс и Энгельс как идеологи пролетариата смогли дать окончательную критику Гегеля; выработав в борьбе с идеализмом, метафизическим материализмом, с буржуазными и мелкобуржуазными теориями — диалектический материализм.

[1]) Ф. Энгельс, Людвиг Фейербах.



Геохимия и витализм.

(О „Научном мировоззрении“ акад. В. И. Вернадского).

Д. Новогрудский.

> «Необходима еще неустанная работа по искоренению существующих и возникающих в различных научных областях теорий, отражающих буржуазное и социал-демократическое влияние». (Из пост. ЦК. ВКП(б) от 15/III 1931 г. по докладу президиума Комакадемии).

Биогеохимия — молодая научная дисциплина. Она разрабатывает проблемы, смежные химии, геологии и биологии. Один из крупнейших представителей этой науки — акад. В. И. Вернадский.

Геохимия — это наука об истории химических элементов в земной коре; ее можно назвать геологической наукой об атомах [1]). Рассматривая земную кору с точки зрения свойств и перемещений составляющих ее элементов, геохимии удалось установить новые факты, ускользавшие из кругозора геологов. Рассматривая мир организмов в качестве одного из геологических факторов, эта новая научная дисциплина вскрывает некоторые интересные положения, до сих пор недостаточно учитываемые в работе биолога.

Геохимия имеет большое значение для социалистического строительства в нашей огромной и еще мало изведанной стране. Она дает научные критерии для предсказания возможных залеганий полезных ископаемых. Она позволяет «путем геохимических предсказаний предугадать, где что надо искать» и об'единяет единой научной мыслью бесчисленные поисковые работы, которые до сих пор шли довольно случайно и бессистемно.

Один из виднейших представителей этой науки в нашем Союзе акад. А. Е. Ферсман посвятил общему значению геохимии следующие слова:

«Геохимия — наука о распределении и перемещении химических элементов земли, но в рамках определенных территорий она вырастает в науку о той сырьевой и отчасти энергетической базе, на которой строится хозяйство. Геохимические проблемы Союза поэтому не проблемы отвлеченной теории или узко-практических задач,—это проблемы того и другого вместе, проблемы культурного строительства страны на основе научного анализа природы и ее производительных сил» [2]).

Но геохимия, как и все прочие области естествознания, является примером не только того, каким могучим оружием может стать наука, поставленная на службу величайшей исторической задаче человечества — строительству социализма. Эта же наука служит для некоторых ученых основой для разв

---

[1]) Вернадский. Геохимия в СССР. 1928.

[2]) А. Е. Ферсман. Геохимические проблемы Союза.—Очерк первый. Л. 1931. См. также А. Е. Ферсман. Геохимические проблемы Сибири. 1931.

тывания самых реакционных идей и теорий. Таковы биогеохимические идеи акад. В. И. Вернадского.

Геохимические идеи Вернадского, якобы основанные на фактическом материале наблюдений и опытов, приводят их автора к виталистическому — фидеистическому мировоззрению. По мнению Вернадского, выводы геохимии подтверждают истинность витализма.

Виталистические воззрения Вернадского не носят характера случайных высказываний. Это не невольная дань буржуазному мировоззрению, которую платят немало крупных естествоиспытателей, не дающих себе труда разобраться в теоретических предпосылках своей собственной специальности и поэтому попадающих в плен самой «скверной философии».

Идеи Вернадского из года в год развиваются, дополняются и вырастают в законченную виталистическую систему взглядов.

Когда обобщения или теории, установленные в одной области наук, получают подтверждение со стороны других, смежных наук, в основу которых положены иные об'екты и иные методы исследования, то подобное совпадение делает такие теории в огромной степени достоверными. Так, например, подтверждение выводов из теории эволюции данными палеонтологии, сравнительной анатомии, эмбриологии, зоо- и фитогеографии, наконец, биохимии возводит теорию эволюции до достоверности факта. Вот почему утверждение, что данные новой науки — геохимии — подтверждают учение витализма, приобретает исключительный интерес.

Между тем научное мировоззрение акад. Вернадского почти не подвергалось марксистской критике [1]). Это тем более необходимо, что, постепенно развиваясь в законченную систему виталистических взглядов, оно становится знаменем реакционных сил в области теоретического естествознания и тормозом в реконструкции науки и техники на службе строительства социализма.

I.

Наука и религия.

Знакомство с мировоззрением академика Вернадского удобно начать с изложения его общих философских воззрений.

Начнем с вопроса о взаимоотношениях между наукой и религией.

По мнению академика Вернадского, наука и религия — это различные стороны деятельности человеческого духа, которые выполняют одинаковую функцию — искание истины.

«Научное мировоззрение, — говорит Вернадский, — не является синонимом истины точно так, как не являются ею религиозные или философские системы. Все они представляют лишь подходы к ней, различные проявления человеческого духа» [2]).

Чем отличаются эти разные подходы к истине? Что такое научное мировоззрение? Академик Вернадский дает на это следующий ответ: это «совокупность представлений о явлениях, доступных научному изучению, которое дается наукой» [3]).

---

[1]) В Большой советской энциклопедии мы находим всего две строки, посвященные философским воззрениям Вернадского. Там сказано: «В. широко интересуется также историческими, философскими и общественными науками». (Б. С. Э., X, 807). Это все, что прежнее руководство Б. С. Э. нашло необходимым сообщить советскому читателю о религиозно-виталистическом мировоззрении В. И. Вернадского.

[2]) В. И. Вернадский, Очерки и речи, 1929, т. II, «О научном мировоззрении», стр. 13.

[3]) Там же, стр. 14.

В этом определении акад. Вернадский обходит вопрос о том, как отно-
тся наши представления к действительному миру. Но зато он подчерки-
ает, что научному изучению доступны не все явления; на долю науки при-
одится только часть явлений вселенной. Все то, что недоступно научному
зучению, составляет об'ект религии и философии.

Для более точного понимания воззрений акад. Вернадского необхо-
имо иметь в виду, что последний весьма своеобразно понимает также и
щность философии.

«... нет философии без рационалистического самоуглубления в челове-
ескую природу или в мышление, без логически обоснованного языка и без
оложительного или отрицательного введения в миросозерцание мистиче-
ского элемента...» [1]).

«... В истории развития человечества значение мистического настрое-
ия — вдохновения — никогда не может быть оценено слишком высоко.
той или иной форме оно проникает всю душевную жизнь человека,
вляется основным элементом жизни» [2]).

«Мистика является одной из самых глубоких сторон человеческой
изни» [3]).

Под философией акад. Вернадский понимает метафизические философ-
кие системы, «философию иррационального», мистику, которая является,
о его мнению, основным элементом жизни и одной из самых глубоких сто-
он человеческой души.

Очевидно, кто мыслит подобным образом, тот принимает, что религия
мистика не могут противоречить науке, а наоборот, последняя может
олько выиграть от сотрудничества и помощи со стороны религии и мистики.
кад. Вернадский действительно полагает, что научное мировоззрение не
ротиворечит религиозному или философскому (мистическому).

«Среди течений научного мировоззрения существуют направления,
оторые предполагают, что научное мировоззрение может заменить собою
ировоззрения религиозное или философское; иногда приходится слышать,
то роль философского мировоззрения и даже созидательная и живительная
оль философии для человечества кончена и в будущем должна быть заме-
на наукою. Но такое мнение само представляет не что иное, как отго-
сок одной из философских схем и едва ли может выдержать пробу науч-
ой проверки [4]).

«Как христианство не одолело науки в ее области, но в этой борьбе
убже определило свою сущность, так и наука в чуждой ей области не
может сломить христианскую или иную религию, но ближе определить
уяснить форму своего ведения» [5]).

Акад. Вернадский разделяет сферы влияния науки, религии и мистики
и полагает, что через всю духовную историю человечества проходит про-
цесс не только питания науки идеями и понятиями, возникшими в области
религии, «но и обратный процесс». «Рост науки неизбежно вызывает в свою
очередь необычайное расширение границ философского и религиозного
знания человеческого духа, религия и наука, восприняв достигнутые науч-
ным мировоззрением данные, все дальше и дальше расширяют глубокие тай-
ки человеческого сознания» [6]).

Все приведенные здесь образцы поповской мудрости представляют со-
о отрывки из лекций проф. Вернадского по истории развития физико-ма-

[1]) В. И. Вернадский, Очерки и речи, 1929 г., т. II, «О научном мировоз-
зрении», стр. 14.
[2]) Там же, стр. 27.
[3]) Там же, стр. 96.
[4]) Вернадский, О научном мировоззрении, стр. 20.
[5]) Там же, стр. 21.
[6]) Там же, стр. 23.

мических и геологических наук, читанных в Московском университете в 1902/1903 акад. году и вновь опубликованных без каких-либо изменений в 1922 г.

Ученейший естествоиспытатель заявляет, что наука питается религиозными идеями, что религия расширяет глубокие тайники человеческого сознания, что мистика — одна из самых глубоких сторон человеческой жизни. Все, что наука в состоянии об'яснить, должно находиться в ведении науки. Все, что наука еще не об'яснила, может стать об'ектом религиозной веры или мистического вдохновения.

Нет надобности доказывать, что вся эта идиллическая картина мирного сожительства науки и религии глубоко противоречит всем историческим фактам. Это, повидимому, учитывает и Вернадский. И он находит весьма простой выход из этого противоречия. Тем хуже для исторических фактов, полагает он. Они, по его мнению, не отражают действительной сущности взаимоотношений между религией и наукой, подобно тому, как суеверно-мистический экстаз шамана не дает действительной картины глубокого значения мистики для человеческой души.

Согласно Вернадскому, в историческом процессе искажаются идеальные соотношения между наукой и религией, на них наслаивается ряд других моментов (социально-политических), не вытекающих из их природы.

Поэтому акад. Вернадский настойчиво подчеркивает, что говоря о религии, он не имеет в виду какое-либо конкретное религиозное учение, а религию в общем понимании, как определенную «сторону духовной деятельности человека».

Сущность этих и подобных им воззрений достаточно проста. Это более тонкая, более рафинированная религиозная апологетика.

В наше время нелегко ученому естествоиспытателю пропагандировать какое-либо одно определенное религиозное учение. Но бороться за религию «вообще» — входит в функции многих буржуазных ученых. Академик Вернадский уверяет своих читателей, что религия есть «сторона духовной деятельности человека», она, значит, дана самой человеческой природой. Социально определены лишь конкретные формы «религиозного сознанья».

В другом месте, говоря о могучем расцвете научных знаний и исканий переживаемой нами эпохи, академик Вернадский об'ясняет этот расцвет тем, что он обусловлен не социальными причинами, а коренится в природе человека, «связан с глубочайшими биологическими особенностями Homo sapiens». Далее акад. Вернадский подчеркивает, что с этим величайшим движением научной мысли неизбежно связан новый рост философской мысли и религиозного творчества [1]).

Таким образом, напрашивается вывод, что как философское, так и религиозное творчество коренятся в биологической природе человечества. А ведь только это и требуется «доказать» всем воинствующим и ученым религиозникам.

Акад. Вернадский не оставляет, впрочем, без внимания и некоторые конкретные исторические факты. Известно, например, какую жуткую главу вписала в историю борьбы науки с религией борьба за учение Коперника. И вот академик Вернадский подходит к вопросу о научно-установленном факте вращения земли вокруг солнца. После общих рассуждений мы приближаемся, наконец, как будто к разбору конкретного исторического события.

Академик Вернадский ставит вопрос: обязаны ли считаться религиозные, мистические и магические течения с этим фактом? Обязаны,— отвечает он,—хотя могут и не считаться. «Даже мистические и магические течения

[1]) Вернадский, Мысли о современном значении истории знаний. Лнгр., 1927 г.

должны считаться с этим положением, хотя они могут, придав иной смысл понятию времени, совершенно уничтожить значение этого факта в общем миросозерцании» [1]).

Оказывается, все очень просто. Стоит придать «иной смысл» понятию времени и для нашего миросозерцания факт вращения земли теряет всякое значение. Не только религия и мистика, но и магия не оставлена без благосклонного внимания.

Воззрения акад. Вернадского — это попытка якобы научного обоснования несостоятельности материализма и защиты идеализма, поповщины и религии. Эти воззрения являются составной частью буржуазного антиматериалистического фронта. Напрасно он умолчал, против кого направлены его выводы. Вместо глухого намека на существование направления, полагающего, что научное мировоззрение может з а м е н и т ь с о б о ю мировоззрение религиозное, акад. Вернадский должен был открыто назвать это якобы антинаучное направление, которое, по его мнению, «едва ли может выдержать пробу научной проверки» [2]). Это течение, столь не нравящееся акад. Вернадскому, есть д и а л е к т и ч е с к и й м а т е р и а л и з м [3]).

В основе воззрений акад. Вернадского лежит кантовское представление о мире феноменов, в котором господствует принцип причинности (научно-познаваемый, или научно-построяемый мир, по терминологии Вернадского), и мире ноуменов, к которому категория причинности не приложима — область религии, мистики, магии — по Вернадскому.

Эти воззрения давно похоронены истинным развитием философии и науки. Практика классовой борьбы вскрыла реакционную сущность религии и ее эксплоататорскую роль в обществе.

Взгляды акад. Вернадского на взаимоотношения между наукой и религией характерны для реакционной части буржуазных ученых, идеология которых отражает присущее современному капитализму, основанному на самой жестокой эксплоатации рабочего класса и трудящихся, глубочайшее противоречие между огромным расцветом техники с широким размахом научно-исследовательских работ и необходимостью поддерживать мистические учения и религию во всевозможных ее проявлениях в целях подчинения рабочего класса идейному влиянию буржуазии.

Поэтому всякие теории, проповедующие мирное сосуществование науки и религии, являются по сути дела составной частью идеологического буржуазного фронта, направленного против страны социализма и трудящихся всего мира.

* * *

Известно, какое глубокое родство существует между религией и идеалистической философией. То, что религия выражает на языке чувств, переживаний, то идеализм переводит на язык понятий.

Всякая идеалистическая философия есть в конечном итоге поддержка религиозного мировоззрения.

В какие философские силлогизмы облек академик Вернадский свои религиозные представления?

Академик Вернадский — решительный и рьяный противник материалистической философии. Материализм, по его словам, это не выдерживающий проверки научной критики «детский лепет»; материалистическая философия — мертва; «живого материалистического учения» в настоящее время

[1]) Вернадский, О научном мировоззрении, стр. 28.

[2]) Вернадский, О научном мировоззрении, стр. 20.

[3]) Л. М. Лопатин, — философ-спиритуалист, которого Ленин называл «философским черносотенцем», — охотно опирался в борьбе против материализма на воззрения Вернадского, направленные в защиту религии. См. Ленин, 3-е изд., т. XIII, стр. 245.

нет. Материалистические учения всегда были чужды сознанию «человечества» и «человечество» не могло с ними мириться,— заявляет Вернадский. «За все протекшие века нет никакого успеха в об'яснении жизни в схемах господствующего научного миропонимания» [1]). «Кругом идет огромная творческая и во многом плодотворная работа человечества в других духовных областях — в религии и особенно в философии, коренным образом противоречащая научному миропониманию, созданному в последние столетия» [2]). «Сейчас, повидимому, мы подходим к новым дерзаниям, может быть, не менее коренным образом меняющим наше мышление. Мы подходим к построению мира без материи» [3]).

Таковы, вкратце, исходные положения «философии» акад. Вернадского. Как видно, эти «новые дерзания» имеют уже порядочную давность. Они сводятся к голословным заклинаниям, что материализм мертв и что мы подходим к построению мира без материи. Другого трудно ожидать от естествоиспытателя, идущего в поход против науки с развернутыми религиозно-виталистическими знаменами.

Что же акад. Вернадский противопоставляет «мертвому» материализму?

Послушаем академика Вернадского: «...Вселенная, все охватывающая, не является логическим изображением окружающего или нас самих. Она отражает в себе всю человеческую личность, а не только логическую ее способность рассудочности» [4]).

Можно сколько угодно недоумевать: как может «всеохватывающая» Вселенная являться «изображением окружающего»? Мы этого не знаем; но смысл всего этого достаточно ясен. Для акад. Вернадского не подлежит, очевидно, сомнению, что вселенная является отражением нас самих. Спорит он лишь против тех, кто утверждает, что вселенная является отображением только логической способности, рассудочности человеческой личности, а не всей человеческой личности. Если вселенная отображает всю человеческую личность, то понятно, что религия и наука не противоречат друг другу. Перед нами несущественный спор внутри лагеря идеализма. Существенно одно — вселенная есть отображение человеческой личности.

Ту же мысль автор высказывает в другом месте. «Под именем дуалистического научного мировоззрения я подразумеваю тот своеобразный дуализм, до сих пор наблюдаемый среди людей науки, когда ученый исследователь противопоставляет себя — сознательно или бессознательно — исследуемому им миру. Исходя из чисто об'ективного отношения к отдельным частным вопросам научного исследования, работая в этих случаях в определенных рамках, он переносит ту же привычную точку зрения и на всю совокупность знания — на весь мир. Получается фантазия строгого наблюдения ученым исследователем совершающихся вне его процессов природы, как целого» [5]).

Упрекать автора этих строк в отсутствии ясности нельзя. Реальный мир, наблюдение вне нас совершающихся процессов природы об'является фантазией. Зато мистика и религия признаются орудиями познания истины.

---

[1]) Вернадский, Изучение явлений жизни и новая физика, Изв. Ак. Наук. ОМЕН, № 3, 1931, стр. 407.

[2]) Там же, стр. 412.

[3]) Вернадский, Мысли о современном значении истории знаний, Лнгр., 1927, стр. 9.

[4]) Вернадский, Очерки и речи, т. I, стр. 36.

[5]) «О научном мировоззрении», стр 10. (Подчеркнуто акад. Вернадским)

Сущность науки заключается, по мнению Вернадского, в том, что мы построяем в форме моделей космос. Этот последний, построенный из моделей-гипотез есть абстрактный космос; он составляет наш «научный мир материи и энергии» [1]). Итак в качестве отражения рассудочной, т.-е. логической деятельности человека вселенная представляет «научный мир материи и энергии». Но этот научный мир не исчерпывает существа вселенной, подобно тому, как одною рассудочностью не исчерпывается душевная жизнь человека. Значит, столь же законным, как научный мир материи и энергии, являются и другие подходы, религиозные и мистические.

Обратимся к вопросу о том, каково отношение между построенным наукой «абстрактным космосом» и вне нас, независимо от нас существующим бытием. В этом основном вопросе акад. Вернадский стоит целиком на идеалистических позициях.

«Научное мировоззрение не дает нам картины мира в действительном его состоянии» [2]). В чем заключается задача естествоиспытателя? По возможности полно описать изучаемое явление. «Об'яснить» явление, значит, по мнению акад. Вернадского, дать место этому явлению в нашем абстрактном космосе, построенном из моделей-гипотез [3]). Таким путем он приходит к теории «формальной действительности». Под именем формальной действительности,— пишет акад. Вернадский,— я подразумеваю то представление об окружающем, которое вытекает — в конце концов — из исследования его научными приемами, в связи с критической работой логики и теории познания». «Употребляя этот термин, мы не предрешаем, каковым окажется представление о мире при дальнейшем росте науки, насколько оно изменится при переработке его на почве теории познания, или каков мир сам по себе» [4]).

Повторяется старая картина. Ученый естествоиспытатель призывает отказаться от материализма, чтобы заменить его «дешевой софистикой» махизма.

Идеалисты и церковники всех толков охотно пользуются следующим доводом против материализма. Материалисты, — говорят они, — хотят свести весь мир к некоей фикции, к материи. Этот довод, уж столько раз опровергнутый, опять всплывает в аргументации академика Вернадского. Оказывается, и для естествоиспытателя Вернадского мир атомов или электронов есть мир отвлеченных форм нашего мышления.

«Сведение всего окружающего,— пишет акад. Вернадский,— на стройный или хаотический мир атомов или электронов было бы сведением мира к отвлеченным формам нашего мышления.— Это никогда не могло бы удовлетворить человеческое сознание, ибо в мире нам ценно и дорого не то, что охватывается разумом; и чем ближе к нам картина мира, тем дальше отходит научная ценность абстрактного об'яснения» [5]).

Это ценное признание! Акад. Вернадский заявляет: в мире нам ценно и дорого не то, что охватывается разумом. Что же ценно и дорого сердцу виталиста? Очевидно, все неохватываемое разумом, сверхчувственное, сверхпостигаемое. Что находится в ведении науки, то не ценно; а вот все внеопытное приобретает великую ценность. Недаром ведь Вернадский заявляет, что мистика является самой глубокой стороной человеческой жизни.

Подведем итоги.

---

[1]) Вернадский, Биосфера, 1926, стр. 20.
[2]) Вернадский, Очерки и речи, т. II, стр. 40.
[3]) Вернадский, Биосфера, стр. 20.
[4]) Вернадский, Очерки и речи, т. II, стр. 10.
[5]) «Задачи дня в области радия», стр. 36.

Мировоззрение акад. Вернадского — это эклектическое сочетание различных идей, направленных против материализма. Основной фон философских воззрений акад. Вернадского, это признание положительной роли религии и мистики, сочетающееся с элементами махизма в области естествознания. В целом, воззрения акад. Вернадского представляют собою одну из бесчисленных и не оригинальных реакционных попыток похода против естествознания и защиты религии под прикрытием того же естествознания.

Неудивительно, что такие философские воззрения оказали серьезное влияние на естественно-исторические труды их автора. Акад. Вернадский убежден, что исследуя природу, он нашел в ней, на основании многих «эмпирических обобщений», доказательства ценности религиозных подходов и правоты витализма.

II.

Эмпиризм академика Вернадского.

Академик Вернадский любит называть себя эмпириком, а свои теории и взгляды эмпирическими обобщениями.

Познакомимся ближе с этим эмпиризмом.

В «Биосфере» акад. Вернадский следующим образом характеризует свой «метод».

«В этих очерках автор попытался иначе посмотреть на геологическое значение явлений жизни».

«Он не делает никаких гипотез. Он пытается стоять на прочной и незыблемой почве — на эмпирических обобщениях. Он, основываясь на точных и бесспорных фактах, пытается описать геологическое проявление жизни, дать картину совершающегося вокруг нас планетного процесса» [1]).

«Таким образом, эмпирическое обобщение, раз оно точно выведено из фактов, не требует проверки».

«Оно может существовать и быть положено в основу научной работы даже если оно является непонятным и противоречит господствующим теориям и представлениям».

«Только такие эмпирические обобщения, основанные на всей совокупности известных фактов, а не гипотез и теории, положены мною в основу дальнейшего изложения» [2]).

Изложенный здесь «метод» акад. Вернадского состоит, как видим, в следующем. Во-первых, никаких гипотез; во-вторых, факты и эмпирические обобщения фактов, «не требующие проверки».

Начнем с вопроса о фактах. Почему факты не требуют проверки? И тем более — почему не требуют таковой так называемые эмпирические обобщения?

Потому, — поясняет акад. Вернадский, — что между эмпирическими обобщениями и научными гипотезами существует огромное различие. Оно заключается в том, что эмпирическое обобщение опирается на факты, индуктивным путем собранные, не в ы х о д я з а и х п р е д е л ы.

«Научная гипотеза всегда выходит за пределы фактов, послуживших основой для ее построения, и поэтому для необходимой прочности она неизбежно должна связываться по возможности со всеми господствующими теоретическими построениями о природе, им не противоречить» [3]).

---

[1]) Вернадский, Биосфера, стр. 3—4.
[2]) Там же, стр. 22—23.
[3]) Там же, стр. 21—22.

Такое рассуждение в корне неверно и метафизично. Оно основано на ложном представлении, будто метод индукции обязательно ведет к безошибочным выводам и поэтому он является единственно научным методом, но построено на неверной предпосылке, будто эмпирическое обобщение не выходит за пределы фактов. «По мнению индуктивистов,—писал Энгельс[1],—индукция является непогрешимым методом. Это настолько неверно, что ее якобы надежнейшие результаты ежедневно опровергаются новыми открытиями. Световые тельца, теплороды были плодами индукции. Где они теперь? Индукция учила нас, что все позвоночные животные обладают диференцированной на головной и спинной мозг центральной нервной системой и что спинной мозг заключен в хрящевых или костных позвонках — оттуда-то заимствовано даже название этих животных; но вот появляется амфиоксус — это позвоночное животное с недиференцированным центрально-нервным анатиком и без позвонков... Если бы индукция была действительно столь непогрешимой, то откуда взялись бы эти бесконечные перевороты в классификациях представителей органического мира. Они являются самым подлинным продуктом индукции и, однако, они уничтожают друг друга».

Всякое эмпирическое обобщение является возможным в силу заранее проделанной теоретической работы. Думать, что эмпирическое обобщение «не выходит за пределы фактов», совершенно нет оснований. Раз оно есть обобщение, то тем самым оно покидает пределы фактов. Более того, не только обобщения или выводы, но и самые факты естествознания весьма и весьма нуждаются в проверке. Обратимся к примеру, приводимому акад. Вернадским. В качестве образца великого эмпирического обобщения он приводит работы Менделеева по открытию периодического закона. Но не кто иной, как сам Менделеев не уставал бороться и писать против «покорной доверчивости так называемым фактам» и призывал к «победе действительного знания над фактом»[2]. «Только после конца средних веков,—писал Менделеев,—как говорили мне, смысл слов factum est стал двояким,—то делом рук человеческих, то чем-то абсолютным, вне человека существующим. Сперва же понимали только в первом смысле. Ныне понимают факт только во втором смысле и фактам покоряются. Между тем всякий факт — дело людского восприятия, а следовательно и людских ошибок в том или другом смысле. Естествоиспытателю это должно быть ясно. В грубом примере это понятно из того, что «факт» ежедневного движения солнца не подлежит сомнению. А между тем солнце относительно неподвижно. Вращается только ежедневно человек около оси своей земли по окружности доживших понятий, лишь изредка и понемногу проникая во внутреннее существо дела».

«Душой науки» Менделеев считал «ее законы, гипотезы и теории». Только «в строгом критическом отношении — как к приемам опыта, так и способам их рассмотрения — должно видеть исход из лабиринта сплетающихся фактов и их об'яснений»[3].

Попытка акад. Вернадского метафизически оторвать факты науки от научных теорий и гипотез антинаучна и реакционна. Это попытка, под прикрытием своего эмпиризма, выкинуть за борт научные теории, чтобы заменить их религиозными представлениями. «Сохрани бог, — говорят буржуазные естествоиспытатели,— мы не против фактов естествознания. Мы полностью принимаем все факты. Но позвольте нам не принимать существующие

[1]) Энгельс, Диалектика природы, изд. 1-е, стр. 59.

[2]) Менделеев, Исследование водных растворов по удельному весу. Спб., 87, стр. 5—6.

[3]) Там же, стр. 106.

в естествознании теории». Другими словами: позвольте нам отвергнуть материализм и быть идеалистами и фидеистами.

Вопрос о взаимоотношениях между научными теориями и практикой, между законами и фактами давно уже получил четкую формулировку со стороны диалектического материализма.

«Формой развития естествознания, поскольку оно мыслит, является гипотеза. Открывается новый факт, делающий непригодным прежний способ об'яснения относящихся к той же самой группе фактов. С этого момента возникает потребность в новых способах об'яснений, опирающихся сперва только на ограниченное количество фактов и наблюдений.

Дальнейший опытный материал приводит к очищению этих гипотез, устраняет одни из них, исправляет другие, пока, наконец, не будет установлен в чистом виде закон. Если бы мы захотели ждать, пока *созреет материал для закона, то пришлось бы до того момента отложить теоретическое исследование и уже по одному тому мы не получили бы никогда этого* закона»[1]).

Обратимся к вопросу о том, какие же именно «гипотезы и теории», какие «предвзятые идеи», «противоречащие существующим в науке эмпирическим обобщениям», акад. Вернадский считает необходимым исключить из научного мировоззрения.

Читатель, неискушенный в тонкостях бесчисленных приемов «опровержения материализма», сможет подумать, что акад. Вернадский собирается выкинуть из науки пресловутые энтелехии, души импульсов, доминанты, жизненные порывы, жизненные силы, имманентные цели и проч. необозримый идеалистически-религиозный хлам, заполняющий буржуазное естествознание.

Но не эти прелести мракобесия в науке возмущают ученого естествоиспытателя. Акад. Вернадский об'являет в первую очеред поход против трех «предвзятых идей».

Первая — это «идея о геологических явлениях, как *о случайных совпадениях причин*, или слепых по самому существу своему, или кажущихся такими по их сложности и множественности, не разложимой в данную эпоху научной мыслью».

Вторая: идея о «логически неизбежном существовании *начала жизни*, ее возникновения в ту или другую стадию геологического прошлого земли».

Наконец, *третья*: идея об огненно-жидкой или горячей газообразной стадии земли.

Все эти идеи акад. Вернадский считает противоречащими эмпирическим обобщениям науки, проникшим в нее из области философско-религиозных течений. Он полагает, что так как в доступном изучению эмпирическом материале не находят даже следа перечисленных трех факторов, то они должны быть выброшены из круга зрения естествоиспытателей, как ненужные надстройки, чуждые имеющимся крупным и прочным эмпирическим обобщениям.

Обратим внимание на первую идею, которую акад. Вернадский рекомендует выбросить из научного мировоззрения. Нетрудно видеть, что идея эта есть *материалистическое понимание* природы. Именно оно достигло величайшего торжества, сумев об'яснить неорганическую и органическую природу из действия «слепых по существу причин». Слепые по существу причины, действующие в природе, возмущают религиозно-идеалистическое сознание буржуазного ученого, они противоречат, по заявле-

[1]) Энгельс, Диалектика природы, стр. 11.

нию Вернадского, всему, что так близко и дорого его сознанию. Вместо того, чтобы открыто заявить, что научное об'яснение явлений природы из действия слепых по существу причин несовместимо с религиозно-идеалистической философией, проповедуемой многими буржуазными естествоиспытателями, акад. Вернадский заявляет, что единственно научное об'яснение явлений природы противоречит самому естествознанию. Он не находит подтверждения действий слепых причин в эмпирических фактах; материалистическое понимание природы, по его мнению, фактам противоречит. Зато божественность жизни легко укладывается в его мировоззрении естествоиспытателя. Лайель и Дарвин — это предвзятые идеи; зато Плотин — великий «учитель жизни».

Вот каков эмпиризм акад. Вернадского. Необходимо,— заявляет он,— очищать научное мировоззрение от всякого рода предвзятых идей. Откажемся, в первую очередь, во славу эмпиризма, от материалистического понимания природы. Неважно, что тут же широко открываются двери для религиозной мистики, для идеализма, для поповщины. Зато мы придерживаемся эмпирических обобщений, которые не требуют проверки, если даже они противоречат материалистической теории.

Весь пресловутый эмпиризм акад. Вернадского — это дешевая декорация, значение которой — прикрыть и приукрасить якобы научной аргументацией возмущение религиозного сознания буржуазного естествоиспытателя материалистической методологией естествознания. Под защитным цветом такого эмпиризма совершается поход религии против науки. Тысячу раз прав был Энгельс, указавший, как эмпиризм, плоский эмпиризм — ведет от естествознания к мистицизму.

Любопытно, что академик Вернадский и сам серьезно не относится к заявлениям о своем эмпиризме. Это видно хотя бы из того, что он сам опровергает эти свои утверждения. Остановимся несколько подробнее на последнем моменте.

Касаясь вопроса о механистическом и виталистическом понимании явлений жизни, акад. Вернадский указывает, что оба эти представления являются не выводом из научных фактов, а отражением философских и религиозных идей; оба эти представления оказывают тормозящее влияние на научную мысль, так как они «запутывают эмпирические обобщения». Каков же выход?

«В стремлении, все более и более преобладающем в научных исканиях, оставить в стороне оба типа об'яснений жизни, подходить к изучению ее явлений чисто эмпирически» [1]).

Допустим, что естествознание отказывается от достижений теоретической мысли и решает подходить к явлениям жизни «чисто эмпирически». Какой успех ожидает его на этом пути? Акад. Вернадский полагает, что такой подход может, с одной стороны, расширить область физико-химических сил, известных науке и, с другой стороны, ввести «новый принцип или аксиому в науку, новое недоказуемое и целиком невыводимое из известных аксиом и принципов понятие — наряду с теми, которые строят наш научный мир материи и энергии».

Удивительно непоследователен акад. Вернадский. Ведь на предыдущих страницах он доказывал нам, что эмпирическое обобщение не выходит за пределы фактов. Каким же путем оно способно ввести в науку «новый принцип» или «новое понятие» или «аксиому»? Не очевидно ли, что там, где мы вводим новый принцип или новое понятие, мы неминуемо выходим за пределы узкого эмпирического наблюдения?

---

[1]) «Биосфера», стр. 19—20.

На следующих страницах опровержения акад. Вернадского Вернадским же продолжаются. Все рассуждения по поводу незыблемой почвы фактов разлетаются, как пыль, когда мы узнаем от автора «Биосферы», что после эмпирических обобщений следует серьезная переработка нашего научного мировоззрения.

«Придется только вместо господствующих космогонических гипотез построить новые, применить к некоторым из оставленных научной мыслью в стороне философских или религиозных построений иную, чем теперь, математическую или научную обработку, как это и было сделано для других философских и религиозных исканий при выработке современных научных космогоний» [1].

Не ясно ли, что дело не в отказе от теории вообще, а именно от материалистической теории. Акад. Вернадский не против всяких гипотез, а против гипотез, вытекающих из материалистического понимания природы. Вот почему весь эмпиризм акад. Вернадского — это словесная мишура и декорация, которую акад. Вернадский сам не единажды разрушает.

При чтении трудов акад. Вернадского приходится не раз поражаться таким непоследовательностям и противоречиям.

Но оставим это и последуем в область естественно-исторических изысканий акад. Вернадского. Посмотрим, каким образом на основе эмпирических обобщений, «не требующих проверки», был утвержден во славу религии витализм.

III.

Земля как планетный механизм и роль жизни.

Для дальнейшего необходимо знакомство с некоторыми идеями геохимии, как их развивает акад. Вернадский [2].

История химических элементов в земной коре может быть сведена к их разнообразнейшим перемещениям, которые Вернадский называет миграциями. В результате миграций в земной коре создаются различные системы химических равновесий.

Можно отличить в истории химических элементов земной коры несколько групп систем равновесия. Эти группы более или менее независимы, и химический элемент, включенный в них, подчинен в каждой группе различным физико-химическим законам. Акад. Вернадский называет эти разные группы систем равновесия формами нахождения химических элементов. Каждая из них отличается особым состоянием в ней атомов. В земной коре он различает следующие различные формы нахождения химических элементов: 1) молекулы и их соединения в минералах (горные породы, жидкости и газообразные земные массы); 2) химические состояния живых организмов (живого вещества); 3) кремневые магмы (сложные, вечно изменчивые системы, более или менее вязкие, обладающие высокой температурой и высоким давлением, переполненные газами); 4) наконец, состояния рассеяния химических элементов.

Формы нахождения химических элементов — магмы, рассеяния, минералы, живые вещества,— не могут быть сведены ни к фазам, ни к химическому элементарному составу вещества; они характеризуют различные земные оболочки, представляющие особые системы динамических равновесий. Формы нахождения элементов являются переменными природных динамических равновесий, которые распределяются в форме оболочек.

---

[1] «Биосфера», стр. 24.
[2] Вернадский, Очерки геохимии.

Химические элементы обнаруживают в различных оболочках [illegible] планеты известные закономерные свойства. Наиболее важны из них следующие:

1) Химические элементы находятся в устойчивых динамических равновесиях, различных для каждой земной оболочки.

2) Они переходят в течение геологического времени из одной оболочки в другую.

3) Состояние элементов — отвечающие им равновесия — изменяются, когда химические элементы переходят из одной оболочки в другую.

Это изменение происходит медленно или внезапно, но оно всегда одинаково, идет всегда в одну и ту же сторону и постоянно возобновляется, если наблюдать процесс в течение достаточного времени.

История большинства химических элементов, охватывающих не менее 99% всего вещества земной коры, характеризуется замкнутыми круговыми процессами. Эти круговые процессы соответствуют изменениям равновесий химических элементов в различных земных оболочках в течение достаточно продолжительного геологического времени. Акад. Вернадский отличает первичные круговые процессы, соответствующие нескольким термодинамическим оболочкам, и **вторичные** круговые процессы, происходящие в пределах одной термодинамической оболочки.

Если задать себе вопрос, чем обусловлена миграция химических элементов, какие силы поддерживают в постоянном круговороте замкнутые круговые циклы превращений химических элементов,— то необходимо обратить особое внимание на **поверхностную оболочку земной коры**.

Поверхностная наружная оболочка земной коры отграничивает ее от космической среды и одновременно связывает ее с последней при посредстве космических излучений [1]). Наиболее своеобразной особенностью ее является жизнь.

При помощи мощных потоков космической энергии «жизнь захватывает значительную часть атомов составляющей земную поверхность материи. Под ее влиянием эти атомы находятся в непрерывном, интенсивном движении. Из них все время создаются миллионы разнообразнейших соединений».

«На земной поверхности нет химической силы, более постоянно действующей, а потому и более могущественной по своим конечным последствиям, чем живые организмы, взятые в целом».

Более того — становится ясным,— пишет Вернадский,— что прекращение жизни было бы неизбежно связано с прекращением химических изменений, если не всей земной коры, то во всяком случае ее поверхности — лика земли, биосферы. Все минералы верхних частей земной коры — свободные алюмокремневые кислоты (глины), карбонаты (известняки и доломиты), гидраты окиси железа и алюминия (бурые железняки и бокситы) и многие сотни других непрерывно создаются в ней только под влиянием жизни. Если бы жизнь прекратилась — их элементы быстро приняли бы новые химические группировки, отвечающие новым условиям, старые, нам известные тела, безвозвратно исчезли бы. С исчезновением жизни не оказалось бы на земной поверхности силы, которая могла бы давать непрерывно начало новым химическим изменениям. С исчезновением жизни на земной поверхности шли бы лишь медленные, от нас скрытые изменения, связанные с земной тектоникой.

---

[1]) «Излучениями нематериальной среды,— пишет акад. Вернадский,— охвачена не только биосфера, но все доступное, все мыслимое пространство» (Биосфера, стр. 7). Остается секретом, как может нематериальная среда излучать

Таким образом биосфера есть не только результат действия беспорядочных, случайных и единичных геологических явлений. Биосфера — это сложный механизм, все части которого согласованы в единое целое; это механизм, поддерживающий в беспрестанном циклическом движении огромное большинство химических элементов, составляющих более 99% массы вещества нашей планеты. В этом сложно-действующем механизме живому принадлежит исключительная роль. Без живых организмов механизм нашей планеты невозможно себе мыслить. «Живое вещество» — это наиболее активный, наиболее действенный из всех геологических факторов. Оно непрерывно и постоянно переводит химические элементы из одной термодинамической оболочки в другую, оно является могущественнейшим фактором осуществления круговых обратимых процессов в миграциях химических элементов. Без жизни биосфера имела бы совершенно иной геологический характер, и все химические превращения замерли бы. Явления жизни должны быть рассматриваемы, как части механизма биосферы; косное вещество есть в значительной мере создание жизни.

Исходя из этих положений, акад. Вернадский приходит далее к выводам, имеющим огромное методологическое значение.

«Твари земли являются созданием сложного космического процесса, необходимой и закономерной частью стройного космического механизма, в котором, как мы знаем, нет случайности» [1]).

«Жизнь является, таким образом, не внешним, случайным явлением на земной поверхности. Она теснейшим образом связана со строением земной коры, входит в ее механизм и в этом механизме исполняет величайшей важности функции, без которых он не мог бы существовать» [2]).

Отсюда следует вывод: необходимо отказаться от представления о начале жизни.

«...Принимается,—пишет академик Вернадский,—логически неизбежным существование начала жизни, ее возникновение в ту или в другую стадию геологического прошлого земли. Эти идеи вошли в науку из религиозно-философских исканий».

Акад. Вернадский считает представление о начале жизни ненужной надстройкой, чуждой имеющимся прочным эмпирическим обобщениям. Эти представления не имеют под собою эмпирической основы, логическая обязательность их является иллюзией и принятие их во внимание «в текущей геологической работе в данный момент развития геологии вредным, тормозящим и ограничивающим научную работу обстоятельством» [3]).

«... Все нам известные точно установленные факты ни в чем не изменятся, если даже все эти проблемы получат отрицательное решение, т.-е. если бы мы признали, что жизнь всегда была и не имела начала, что живой организм — никогда и нигде не происходил из косной материи, и, что в истории земли не было вообще геологических эпох, лишенных жизни» [4]).

«... Признавая биогенез, согласно научному наблюдению за единственную форму зарождения живого, неизбежно приходится допустить, что начала жизни в том космосе, какой мы наблюдаем, не было, поскольку не было начала этого космоса. Жизнь вечна постольку, поскольку вечен космос, и передавалась всегда биогенезом. То, что верно для десятков и сотен миллионов лет, протекших от архейской эры до наших дней, верно и для всего

[1]) Биосфера, стр. 10.
[2]) Там же, стр. 27
[3]) Биосфера, стр 4.
[4]) Там же, стр. 24.

бесчисленного хода времени космических периодов истории земли. Верю и для всей Вселенной» [1]).

В этом вопросе наука, по мнению Вернадского, бессильна:

«И прав был другой великий философ древности и великий учитель жизни, живший через полтысячелетия после Аристотеля, Плотин (204—269), который видел в биогенезе, непрерывном зарождении организма от других организмов — и так на протяжении всего доступного для нашей мысли времени — величайшую тайну природы, самое глубокое проявление в ней божественности» [2]).

Итак, допущение начала жизни — заблуждение. Жизнь вечна и божественна. Таков первый вывод, якобы вытекающий из данных геохимии.

Но это не все. Представление о нашей планете, как об упорядоченном механизме наносит, по мнению акад. Вернадского, решающий удар материализму. Для доказательства последнего, вытаскивается из философского архива метафизическое противопоставление случайности и необходимости.

«Слепой или бессмысленный случай, столкновение ничем не связанных частиц и неправильных их движений, построение мира без оставления места в нем явлениям, которые для нас так близки в нашем разуме и в нашем сознании, с каждым годом и с каждым научным достижением все больше бледнеют, все больше кажутся детским, не отвечающим реальности научным лепетом».

«На каждом шагу мы наблюдаем соотношения, которые приводят нас к необходимости аналогии с механизмом, а не с слепым столкновением случайностей».

«Одним из частных проявлений этого нового является то проникновение во все уголки космоса представление о числовой и симметричной согласованности частей целого, о порядке природы, одним из проявлений которого является представление о живых организмах, как частях механизма земной коры. Они вполне согласованы планете, неразрывную часть которой они составляют, и планета согласована им».

«Об'яснение этого явления явно выходит сейчас за рамки научной мысли, но мне кажется, что самое важное — факт его бытия,— все точка его устанавливается и неизбежно должен быть воспринят и пережит» [3]).

* * *

Необходимо разобраться в этом обширном материале.

При этом нужно тщательно отличать в воззрениях акад. Вернадского фактическую сторону выдвигаемых им положений от философских выводов и общих теорий. Необходимо помнить слова В. И. Ленина: «Ни единому из этих профессоров, способных давать самые ценные работы в специальных областях химии, истории, физики, нельзя верить в едином слове, раз речь заходит о философии».

В чем заключается фактическая сторона изложенных воззрений? Огромное большинство химических элементов, составляющих более 99% земной коры, находится в состоянии циклических круговращений. Жизнь, т.-е. органический мир, принимает самое тесное участие в осуществлении этих круговоротов или циклов. Таковы факты.

Перейдем к теориям, которые построены на основе этих фактов.

Первый вывод, который делает акад. Вернадский, заключается в том, что неорганический мир, мир химических элементов и жизнь согласованы

---

[1]) «Начало и вечность жизни», стр. 45—46.

[2]) Там же, стр. 11—12.

[3]) Вернадский, О размножении организмов и его значения в механизме биосферы. Статья вторая. Известия Академии Наук, 12. 1926, стр. 1059—10[illegible].

друг с другом, что неорганический мир никогда не существовал без жизни, так как они образуют единый механизм. Жизнь является частью этого механизма, без которой весь механизм не был бы в состоянии действовать.

На первый взгляд может показаться, что в этих утверждениях нет никаких двусмысленностей. Пусть наша планета — механизм, космос — механизм и жизнь — часть космического механизма.

Но понятие механизм взято из человеческой практики. Механизм тем отличается от всякого другого предмета природы, что он создан человеком. Следовательно, идея, цель механизма в сознании его создателя может существовать ранее и задолго до самого механизма. Поэтому необходимо помнить, что когда естественник пользуется понятием механизм, он имеет в виду лишь одно свойство механизма: согласованность частей целого. Одним из величайших вопросов естествознания являлся вопрос о происхождении этой согласованности: возникла ли она в силу действия слепых по существу причин, заключающихся в свойствах самых предметов, или же она возникла в силу некоего творческого, сознательного, направляющего действия. XIX век разрешил вопрос в первом смысле, нанеся смертельные удары идеализму и религии.

Само по себе понятие «механизм» метафизично и ничего не говорит. Коренной вопрос естествознания — происхождение «механизма». Является ли он историческим продуктом естественного развития природы, или создан волею творца по образу творений человека?

После этих замечаний вернемся к положению, выдвигаемому акад. Вернадским. Построение мира,— говорит он,— из ничем не связанных частиц, без оставления места в нем явлений, которые так близки и так дороги нашему разуму и сознанию, с каждым новым научным достижением все больше бледнеют, все больше кажутся детским, не отвечающим реальности научным лепетом. Мир — не слепое столкновение случайностей, а механизм. Живые организмы — части механизма земной коры. Они вполне согласованы планете, планета согласована им.

Совершенно ясная точка зрения. Механизм не возникает из случайных причин. Наоборот,— механизм противопоставляется случайности для вящего посрамления «не отвечающего реальности научного лепета» материализма. Механизм, в понимании акад. Вернадского, исключает материалистическое об'яснение его. Такое понимание механизма и есть виталистическое, религиозное понимание, противостоящее научному и материалистическому об'яснению.

Остановимся теперь на другой стороне этих утверждений.

Живые организмы вполне согласованы планете и планета согласована им,— говорит акад. Вернадский. Другими словами: жизнь вполне приспособлена к окружающей среде, и окружающая среда приспособлена к жизни. Подобные утверждения не новы. Многие виталисты и религиозники в естествознании охотно и с большой любовью возвращались к идее о том, что наша планета и весь космос приспособлены для жизни. Причину приверженности к этой идее мы скоро узнаем. Очень подробно она разработана в известном сочинении Гендерсона: «Среда жизни». «Свойства окружающего мира,— говорит Гендерсон,— с биологической точки зрения обнаруживают такие же «целесообразные» особенности, как и сама жизнь». «Явления космического развития неразрывно связаны с характерными признаками организма и что, следовательно, пока еще необ'яснимым образом космическое и биологическое развитие образуют нечто целое. «Весьма сочувственное отношение к таким представлениям мы находим у Г. Дриша. Последний считает, что имеется достаточно оснований для введения в науку понятия о «всеобщей гармонии между органической и неорганической природой». Существует не-

что, доказывающее, что природа сама по себе есть некоторая цель. «Вместе с тем, я признаюсь,— продолжает Дриш,— что я совершенно не в состоянии рассматривать эту цель иначе, как с антропоморфной точки зрения».

Почему виталисты различных направлений относятся столь благожелательно к идее о приспособленности неорганического мира к жизни? Не трудно это понять. Для естественника материалиста жизнь возникла на определенной ступени развития неорганизованной материи. Живые организмы возникают позднее их среды. И приспособление живых организмов к среде есть результат исторического развития. Другое дело, если считать, что и среда приспособлена к живым организмам. Тогда единственно-научное, материалистическое об'яснение приспособлений получает брешь, разгадка отодвигается куда-то вдаль, на сцену выступает опять таинственное, неуловимое нечто. Тогда нужно допустить, как это делает Гендерсон, что «в нашей солнечной системе приспособленность внешнего мира находилась в потенциале еще задолго до возникновения живых организмов» [1]), или, как это делает В. И. Вернадский, допустить, что жизнь столь же вечна, как и материя. Но и то и другое ведет прочь от науки в об'ятия божественности. Поэтому совершенно прав был Э. Вильсон, который в президентской речи 1915 г. в Американской ассоциации следующим образом характеризовал метафизическую сущность такой постановки проблемы: «Говорят также, что приспособления обоюдны: организмов к окружающей среде и среды к организмам. Может быть оно и так для метафизиков, но для нас, натуралистов, это вопрос исторический, и организмы появляются, несомненно, позднее их среды» [2]).

Для акад. Вернадского не существует вопроса: как возник этот механизм? Как он развивался? «Об'яснение этого явления явно выходит сейчас за рамки научной мысли»,— говорит он. Выходит, что достаточно назвать планету механизмом, чтобы узреть над ним витающую тень божественного архитектора. Раз дан механизм, следовательно, он вечен. Раз доказано, что в этом механизме участвует органический мир, следовательно, и жизнь вечна. Но эта логическая последовательность тезисов и следствий столь же «логична», как онтологическое доказательство бытия бога. Все это сплошная метафизика.

Для виталистов и метафизиков особенно трудно приемлема эволюционная точка зрения. В этом отношении акад. Вернадский продолжает в своей специальной области традиции витализма. Эволюционное развитие, историзм, не занимают почти никакого места в воззрениях В. И. Вернадского. Химические элементы даны в природе в различных формах нахождения, они могут лишь мигрировать из одной формы нахождения в другую, проходя вечно неизменные циклы превращений; минералогический состав земной коры оставался во все геологические времена одинаковым. Живые организмы менялись лишь морфологически, но не менялось на всем протяжении геологических эпох совокупное биохимическое действие органического мира. Все, что мы находим в природе, дано и оставалось тем же в течение всей геологической истории земли. Никакого развития, никакой эволюции. Изменения в природе происходят лишь постольку, поскольку химические элементы и тела попадают из области с одними термодинамическими условиями в область других условий. Новообразованиям, появлению новых качеств нет места в концепции акад. Вернадского. Природа есть некоторое данное равновесие, некоторый механизм, все части которого существовали от века и об'яснение чего выходит сейчас за рамки научной мысли.

---

[1]) «Среда жизни», стр. 172.

[2]) Цитир. по К. А. Тимирязеву: «Из летописи науки за ужасный год».

Метафизическое мышление мешает акад. Вернадскому правильно поставить вопрос о взаимоотношении между случайностью и необходимостью, между слепым действием причин и согласованностью механизма.

Одним из наиболее убедительных доводов против материализма акад. Вернадский считает невозможность понять явления мира, как имеющие в основе своей также и с л у ч а й н ы е п р и ч и н ы. Как может «слепой случай» создать согласованный механизм космоса, планеты, органического мира?

«Слепой случай» и «порядок природы» — вот те две противоположности, которые, по мнению акад. Вернадского, решают вековую проблему в пользу идеализма и религии. Стоит показать, что в природе господствует «порядок», и материализм погиб. Но... «эта песня стара и поется она не талантливо». История борьбы идеализма с материализмом знает многократные попытки применить подобную аргументацию для уничтожения безбожного материализма. Вспомним Д р и ш а, который писал, что дарвинизм, — это учение о том, каким образом из беспорядочного бросания камней можно построить стройное здание. Вспомним Руссо: «Если мне придут сказать, что случайно рассыпавшийся шрифт расположился в Энеиду, я шага не сделаю, чтобы проверить эту ложь». Но, если в XVIII веке логика Руссо была, быть может, неотразима, то что сказать о натуралистах, которые и по сие время стоят на том же? Подобные выступления в настоящее время показывают лишь то, что авторы их не понимают постановки этой проблемы современным, диалектическим материализмом.

Диалектический материализм считает, что случайность и необходимость не являются противоположностями, исключающими друг друга. Случайность и необходимость — это два полюса, каждый из которых лишь момент единого, развивающегося на основе противоречия. Случайность нельзя противопоставить причинности, так как случайное н е о б х о д и м о. С другой стороны, необходимость определяет себя как случайность. С этой точки зрения необходимость составляется из случайностей, а эти случайности представляют собою форму, за которой скрывается необходимость. Случайное не определяет основной закономерности явления, но оно входит как отдельный момент в его действительное развитие. Основная закономерность явления, его необходимость, проявляет себя и прокладывает себе дорогу через целый ряд случайностей. Так осуществляется историческая необходимость, пробивая себе дорогу через многие случайности. В процессе эволюции органического мира мы имеем практическое доказательство внутренней связи между необходимостью и случайностью. То же относится к любому явлению, ибо это отношение между необходимостью и случайностью имеет общее значение.

Механисты вместо того, чтобы разрешить вопрос о связи между случайностью и необходимостью, просто устраняют случайность, об'являя ее результатом нашего неведения; идеалисты об'являют случайность беспричинной и стоят в недоумении, подобно акад. Вернадскому, перед вопросом, как же можно беспричинную случайность связать с необходимостью.

В свое время К. А. Тимирязев пытался подробно пояснить антидарвинистам ошибку, лежащую в основе метафизического противопоставления случайности и необходимости. Его рассуждения весьма любопытны и мы приведем их довольно полно.

«Но мне кажется, — писал К. А. Тимирязев, — что все это только парадоксальная игра словами. Найдется ли какой-нибудь сложный механический процесс, дающий вполне определенный, вперед вычисляемый результат, и непредставляющий при более глубоком анализе, при рассмотрении в д р у г о м м а с ш т а б е целого хаоса случайностей. Когда сельский хозяин в своей

сортировке отделяет одни семена от других, пользуется ли он определенным механизмом или только игрой случайностей? Когда химик отделяет на фильтре твердый осадок от жидкости, пользуется ли он механизмом или случайным явлением? Конечно, и да и нет. Каждый из этих процессов является и определенным механизмом и хаосом случайностей, смотря по тому, с какой точки зрения мы себе представим явление. Последите, что происходит с каждым мелким зернышком в сортировке, какой путь оно опишет, пока дойдет до отверстия в сетке, сколько раз проскользнет мимо, а может быть, так и ухитрится уйти, спрятавшись за крупными. Или эта частица раствора, которая должна пройти через фильтр и упорно засела в осадке, не доказывает ли она, что вся операция фильтрования основана на случайности? Но попытайтесь убедить химика, что все его анализы основаны на случае, и он, конечно, только встретит смехом такое философское возражение. Или еще лучше убедите человека, садящегося в поезд Николаевской железной дороги, с расчетом быть завтра в Петербурге,— убедите его, что эта уверенность основана на целом хаосе нелепейших случайностей. А между тем с философской точки зрения — это верно. Какая сила движет паровоз? Упругость пара. Но физика нас учит, что это только результат несметных случайных ударов несметного числа частиц, носящихся по всем направлениям, сталкивающихся и отскакивающих и т. д. Но это далеко не все. Есть еще другой хаос случайных явлений, который называют трением. Вооружимся микроскопом, даже не апохроматом, а идеальным микроскопом, который показал бы нам, что творится с частицами железа там, где колесо локомотива прильнуло к рельсу. Вот одна частица зацепилась за другую, как зубец шестерни, а рядом две, может быть, так прильнули, что их не разорвать, вот третья оторвалась от колес, а вон четвертая — от рельса, а пятая, быть может, соединилась с кислородом, и, накалившись, улетела. Это ли не хаос? И однако из этих двух хаосов, а сколько бы их еще набралось, если бы подсчитать, — слагается, может быть, и тривиальный, но вполне определенный результат, что завтра я буду в Петербурге» [1]).

Так отвечал К. А. Тимирязев на истерические вопли Данилевского о том, что материализм убивает все то, что так дорого нашему сердцу и сознанию.

Отметим, что К. А. Тимирязев был, понятно, неправ, считая случайность и необходимость лишь двумя «масштабами» рассмотрения явлений, двумя «точками зрения», а противопоставление этих двух категорий — «парадоксальной игрой словами». В этом вопросе старик Тимирязев стоял целиком на позициях механицизма, который отрицает случайность. С этих позиций невозможно опровергнуть религиозное кликушество естествоиспытателей, недоумевающих, каким образом необходимость может возникнуть из случайности, так как для механицизма существует одна сплошная необходимость. «С необходимостью же этого рода мы все еще не выходим из границ теологического взгляда на природу» (Энгельс).

Только материалистическая диалектика дает решение этого вопроса.

IV.

Начало и вечность жизни.

«Какое торжество, милостивые государи, какое торжество для материализма, если бы он мог утверждать, что материя действительно организуется и оживляется сама собой; материя, которая уже заключает в себе все известные силы... Ах, если бы мы еще могли придать ей ту силу, котор

[1]) К. А. Тимирязев, Опровергнут ли дарвинизм?

называется жизнью, если бы мы могли придать ей такую жизнь, которая видоизменилась бы в своих проявлениях вместе с условиями наших опытов, то естественным образом мы должны были бы притти к обоготворению этой самой материи. К чему тогда допускать первобытное творение, перед тайной которого мы поневоле должны преклониться. К чему тогда идея бога — создателя».

Эти слова из публичной лекции (1864) знаменитого Пастера могут послужить иллюстрацией того, как тесно представление о начале жизни, о происхождении живого из неживого, связано с материалистическим воззрением на природу.

Допущение вечности жизни заключает в скрытом виде признание того, что жизнь есть не только свойство определенным образом организованной материи, но нечто надматериальное. Такое признание непосредственно связано с виталистическими воззрениями на жизнь.

Рассмотрим аргументы, приводимые акад. Вернадским в пользу того, что жизнь не имела начала.

Первый из них — порядка философского.

Воззрения на происхождение жизни из косной материи тесно связаны с материалистическим пониманием природы. Но материалистическое истолкование природы, — как утверждает Вернадский, — потерпело крушение. Поэтому «возрождение разных форм виталистических и энергетических гипотез жизни является здоровым проявлением научного критицизма. Оно является реакцией против незаконно охватившего науку философского представления, ему чуждого. К тому же это философское построение связано с материализмом, тем философским течением, которое было живым в конце XVIII, середине XIX века, и которое в тех проявлениях, в каких оно выражается в науке, является историческим пережитком в современной философии. Живого материалистического течения мысли в современной философии, находящейся сейчас в бурном движении, нет» [1].

Если материалистическая философия потерпела крушение, если она представляет собою «умирающее и чуждое науке представление», то ясно, какое малое значение может иметь для натуралиста логическая неизбежность признания абиогенеза, то-есть происхождения живого от неживого.

Так рассуждает акад. Вернадский.

Читая эти строки нашего ученого академика, становится очевидно, что в нем менее всего говорит естествоиспытатель: эти строки написаны фанатичным религиозником, во что бы то ни стало стремящимся очернить и разбить ненавистный ему материализм.

Кем и когда доказано, что материализм чужд науке? Кто доказал, что материализм в науке является только историческим пережитком?

Такая характеристика материализма может исходить только от человека или совершенно ослепленного ненавистью к этому мировоззрению, или его совершенно не знающего и не понимающего.

В одном академик Вернадский прав. Действительно, материализм конца XVIII столетия имел существенные недостатки. Прежде всего это был механический материализм, не знавший законов диалектики, не понимавший мира в его движении. Но все недостатки старого материализма были превзойдены в диалектическом материализме Маркса, Энгельса и Ленина. Между тем акад. Вернадский утверждает, что живого **материалистического течения мысли** в настоящее время нет. Это утверждается тогда, когда диалектический материализм накладывает все большую печать на развитие не только общественных наук, но и наук о природе.

---

[1] **Вернадский**, Начало и вечность жизни.

Достаточно продумать тот неоспоримый факт, что революционная теория диалектического материализма лежала в основе революционной практики пролетариата, совершившего Октябрьскую революцию; что и сейчас та же теория является основой всего строительства социализма в нашей стране и надежнейшим компасом мирового пролетариата в его великой борьбе за освобождение от капиталистического рабства,—достаточно только продумать эти факты, чтобы понять, чью враждебную рабочему классу и трудящимся идеологию отражает «научное мировоззрение» нашего академика.

На этом закончим обсуждение первого «аргумента» акад. Вернадского в пользу вечности жизни.

Второй довод — из области геологии.

Историю земли делят на геологическую и космическую. Геологическая история земли охватывает те периоды ее существования, начиная с архейской эры, в течение которых образовались земные слои. Эта история доступна изучению методами геологии. Но до геологического периода земля проделала огромной длительности историю, которая не может изучаться методами геологии. Это — космические периоды существования земли.

Академик Вернадский считает доказанным, что в геологические времена зарождения жизни не было. В пользу этого представления говорят, по его мнению, следующие доводы. Первые прямые указания на существование жизни на земле мы находим в древних до-кембрийских отложениях. Ниже их идут азойные (безжизненные) слои. Но уже в до-кембрийских слоях жизнь имеет такое развитие, которое свидетельствует о том, что ей предшествовали бесчисленные века более древних организмов. С другой стороны, изучение азойных (архейских) слоев показало, что они представляют собою всецело метаморфизованные горные породы и поэтому древние следы организмов всецело уничтожены.

Наконец, «строение архейских горных пород, нахождение среди них конгломератов, песчаников, известняков, углистых соединений, глин и т. д. явно указывают на широко развитые в это время процессы выветривания, т.-е. воздействие атмосферы — кислорода, углекислоты и воды — на силикатовые массивные породы. Мы знаем, что все процессы выветривания идут сейчас при самом энергичном и непрерывном участии жизни, переполнены биохимическими реакциями. Если бы жизни не было, они шли бы иначе. Но никакого различия этих древнейших отложений, связанных с процессами выветривания, от аналогичных современных пород мы уловить не можем. И мы должны признать, что процессы выветривания и тогда, как и теперь, регулировались жизнью, игравших в ней ту же самую роль, какую она играет в них в нашу эпоху. Неизменность продуктов этих реакций и их количественных соотношений служит едва ли опровержимым указанием на существование жизни на всем протяжении альгонской и архейской эры» [1].

Посмотрим, какую убедительность имеют эти доводы.

Богатство фауны докембрийских слоев свидетельствует о том, что им предшествовали «бесчисленные века более древних организмов». Это безусловно верно. Последнее, однако, ни в коей степени не может служить аргументом в пользу вечности жизни. Есть все основания полагать, что докембрийская эра истории земли была более продолжительной, чем все последующие эры. Один только альгонский период не менее продолжителен, чем вся палеозойная эра. «И тогда становится понятной возможность развития такой фауны, какую мы встречаем уже в кембрии» [2].

С другой стороны, нахождение в архейских породах известняков, у-

[1] Вернадский. Начало и вечность жизни.
[2] Павлова, Палеозоология, ч. 1, 1927, стр. 11.

конгломератов, углистых соединений и продуктов выветривания может быть об'яснено просто тем, что эти породы не являются столь древними, как это когда-то принималось. «Кристаллические сланцы, — пишет Haug, — прежде считались самыми древними породами и потому назывались архейскими. В настоящее же время известно, что они произошли из осадочных пород различного возраста, преимущественно палеозойных, но иногда и мезозойных (напр. в Калифорнии), и даже может быть кенозойных. Правильность этого положения не может больше вызывать никаких сомнений, так как среди кристаллических сланцев часто встречаются настоящие конгломераты из окатанных галек более древних осадочных, изверженных и метаморфических пород»[1]).

Именно поэтому некоторые исследователи предлагали применять название **архейской эры** только к **осадочным до-кембрийским породам**, а нижележащие слои называть **первичными**, или каким-нибудь другим именем.

Факты, приводимые Вернадским, давно известны. Они не препятствуют специалистам-геологам (назовем, напр., Неймайера) быть убежденными сторонниками дарвинизма и абиогенеза. Таким образом, геологические данные, хотя отодвигают начало жизни к более древним временам, чем это могло казаться несколько десятилетий тому назад, но ни с какой стороны не заставляют принимать положение о вечности жизни.

Геологические данные, приводимые акад. Вернадским, не вносят ничего принципиально нового, ничего ранее неизвестного или недостаточно учитываемого. Поэтому со стороны геологии нет решительно никаких предпосылок подвергать сомнению материалистический взгляд на происхождение жизни из неорганической природы в течение геологического развития нашей планеты.

Обратимся теперь к третьей группе аргументов, основанных на данных геохимии.

«Из того факта, что минералогический состав нашей планеты тесно связан с живым веществом и остается неизменным в течение всего геологического времени, следует, что организмы-концентраторы одинаковых химических элементов, но разных морфологических форм, должны были существовать в течение всего геологического времени»[2]).

«Совершенно несомненно, что минералы, образующиеся в течение геологического времени, всегда одинаковы. Всюду и всегда, не только со времени кембрийской эры, но и со времени архейских эр, образуются те же минералы; нет никакого изменения. Не только нет изменения в самих минералах, **но** и их парагенезис остается тот же и их взаимные количества во все времена кажутся тождественными».

«Отсюда необходимо заключить, что геохимические явления не изменились заметным образом со времени архейских эр».

«Из этого также следует, что средние количества и состав живого вещества остались приблизительно одинаковыми в течение всего этого непостижимого по длительности времени. Иначе, в виду значения организмов в геохимической истории всех химических элементов, ни минералы, ни их соединения не могли бы оставаться все время тождественными»[3]).

«В этой области выводы геохимической науки находятся в противоречии с данными биологических наук и палеонтологическими фактами»[4]).

Начнем с последнего положения. Академик Вернадский заявляет, что

---

[1]) Ог. Э. Геология, т. I, изд. 3-е, стр 168—169. Haug. Traité de geologie, II, 1908—1911, стр. 565—570.

[2]) «Очерки геохимии», стр. 202.

[3]) Там же, стр. 193—194.

[4]) Там же, стр. 196.

іводы геохимии пришли в противоречие с данными биологических наук и леонтологии.

Основа всех биологических наук, это—учение об эволюции органического мира. Выводы Вернадского противоречат теории эволюции. Последняя ссматривает органический мир, как находящийся в постоянном изменении. Геохимическая наука в лице академика Вернадского пришла к заючению о неизменности органического мира; органический мир не имеет чала, он, следовательно, вечен; средние количества и средний состав жиго вещества тоже вечны, так как оставались приблизительно одинакоими в течение необозримых геологических периодов.

Какой выход из этого противоречия находит академик Вернадский?

Прежде всего это противоречие об'является только «кажущимся»[1].

Далее для об'яснения его акад. Вернадский вынужден прибегнуть к сьма сомнительной гипотезе. Сущность ее заключается в следующем.

Вся эволюция органического мира есть только эволюция форм, исклютельно морфологическая эволюция, которая не касается химического соава организмов. Правда, каждому морфологическому изменению сопутвует изменение химическое; но химические изменения живых организмов эвершаются в «химически неизменных рамках разнодного живого вещества». Согласно этому допущению, общий имический состав живого вещества и, следовательно, геохимическая деяльность органического мира остается в течение геологического времени егда одинаковой.

Гипотеза акад. Вернадского молчаливо предполагает еще одно допущение. Именно, если какой-нибудь вид в ходе эволюции претерпевает известные имические изменения, то другой вид будет изменяться в обратном направлении. Но кто и каким путем регулирует подобные процессы?

Такова цепь гипотез, выдвигаемых акад. Вернадским. Автор этих елых гипотез считает их эмпирически установленными фактами или эмпирическими обобщениями. На каком основании? Кто и когда устанавливал, что средний химический состав организмов тавался неизменным в течение геологического времени? Кто и когда эмпически устанавливал, что морфологические изменения организмов происхог в химически неизменных рамках живого вещества? Если все это эмпирические факты, то каким имёнем назвать научные догадки?

Нетрудно заметить, что воззрения акад. Вернадского по этим вопром фактически совпадают с взглядами Лотси на эволюцию органического ра. Согласно воззрениям последнего — в ходе эволюции не имеют места вообразования. Все развитие органического мира представляет перегруппировки уже существующих свойств и качеств. Воззрения акад. Вернадого являются повторением на химическом языке взглядов Лотси, изложенх на языке биологическом. Таким образом акад. Вернадский, подобно тси, фактически отрицает эволюцию органического мира, ибо он считает, э химический состав органического мира дан заранее и не может быть іеняем. Академик Вернадский вышел из указанного выше противоречия, но эт выход оплачен дорогой ценой отрицания органической эволюции.

Посмотрим теперь, в каком виде представляется гипотеза о постояе химического состава органического мира со стороны известных нам нных биологии и палеонтологии. В замечательном докладе покойного В. Самойлова «Эволюция минерального состава скелетов организ» [2]), мы находим ряд интересных данных и соображений, касающихся тересующего нас вопроса.

---

[1]) Очерки геохимии, стр. 197.
[2]) Самойлов, Биолиты, 1929 г.

Древнейшие ископаемые животные организмы из всех доныне известных — это радиолярии. Они найдены в кремнистых породах (фтанитах) северной Бретани до-кембрийского возраста. Радиолярии выделяют скелет, состоящий из иголочек кремнезема. Представители другого класса, типа корненожек, более просто организованные, чем радиолярии — фораминиферы выделяют скелет, состоящий из карбоната кальция. Они редко встречаются в кембрийских слоях, силуре и девоне и начинают изобиловать в верхних каменноугольных отложениях. Обратимся к другим представителям животного мира, имеющим кремневый скелет — кремневым губкам. Кремневые губки находятся уже в раннем кембрии; известковые губки (вообще более простые и несравненно менее разнообразные, чем кремневые) встречаются в весьма небольшом количестве только со среднего девона. В соответствии в этим,—полагает Я. В. Самойлов,— надо принять замкнутый цикл кремневых животных (и растений) за древнейшую группу организмов. «Кремневая группа не пошла далеко в своем развитии. На лестнице животных организмов она не продвинулась дальше типа кишечнополостных. На древе развития организмов древнейшая кремневая группа представляет отдельную самостоятельную ветвь, скоро остановившуюся в своем дальнейшем развитии».

«Господство организмов с кремневым скелетом в первоначальном море находится в согласии и с высказывавшимся предположением о недостатке кальция в первичном море».

Обратимся теперь к другим классам животного мира. Среди беспозвоночных более высоко развитых, чем корненожки и кремневые губки (кишечнополостные — известковые губки, кораллы; молюскообразные — мшанки, плеченогие; иглокожие; молюски) исключительную роль в построении скелета играет углекислый кальций.

«В построении скелета всех некремневых организмов совершенно исключительную роль играет кальций — пятый по распространенности после отмеченных нами выше элементов. Скелет беспозвоночных животных главным образом сложен из углекислого кальция. Можно отметить, что и в минеральной природе углекислый кальций имеет распространенность, много превышающую распространенность всех других карбонатов».

«Наконец мы переходим к высшему типу животных организмов — к позвоночным с их внутренним скелетом. То, что для состава скелетов беспозвоночных являлось исключительным, как бы предуказывающим дальнейшее развитие скелетного материала, для позвоночных представляет общий фон: скелет последних сложен из фосфата кальция. Только отдельные, незначительные по массе образования, как напр отолиты рыб, сложены из карбоната кальция; из него же состоит скорлупа яиц».

«В скелете позвоночных исключительную роль играет именно фосфор-элемент, как отмечалось, относительно менее распространенный. Для построения скелета позвоночных — не пригодны карбонаты щелочных земель, которыми удовлетворяются ниже организованные типы животных: для позвоночных требуются фосфаты».

Остановимся на этом. Будь гипотеза Вернадского об одинаковости среднего химического состава органического мира верна, мы должны были бы ожидать в каждую геологическую эпоху одинаковых количественных взаимоотношений между организмами «кремневыми», «карбонатными» и «фосфатными». Ничего подобного в палеонтологических данных мы не находим. Наоборот, с усложнением организации организмов новые вещества вовлекаются в построение их скелетов и тем самым в биохимические циклы.

Мы намеренно остановились более подробно на воззрениях Я. В. Самойлова. Они показывают, что против тех положений, которые об'являются

«эмпирическими фактами», могут быть выдвигаемы весьма веские возражения и что они не разделяются другими исследователями [1]).

Воззрения Я. В. Самойлова, также основанные на данных геохимии, могут служить примером подхода к геохимическим проблемам, в корне отличного от подхода акад. Вернадского. Акад. Вернадский принимает жизнь изначальною, вечной и неизменяемою. Я. В. Самойлов принимает жизнь постоянно развивающейся, изменяющейся в ходе эволюции не только морфологически, но и химически. Первый полагает, что жизнь определяет минеральный состав поверхности нашей планеты, который оставался неизменным во всю геологическую историю земли. Второй считает, что условия окружающей среды (первичного моря) наложили своеобразный отпечаток на развитие жизни; но с другой стороны жизнь в свою очередь воздействует на минеральную среду, изменяя ее сообразно своим био-химическим действиям. Короче говоря, у акад. Вернадского — метафизический подход, опирающийся на гипотетические допущения. У Я. В. Самойлова—подход естествоиспытателя материалиста, вскрывающего глубину и сложность наблюдаемых явлений [2]).

V.

Жизнь и второй принцип термодинамики.

Виталисты стремятся проложить непроходимую грань между органическим миром и неорганическим. Для виталиста эти два мира явлений абсолютно различны. Огромное большинство виталистов поэтому придает особое значение характеру энергетических процессов в живых организмах. Особое место уделено этому вопросу и в трудах В. И. Вернадского [3]).

«Природные явления, выраженные энергетически, обыкновенно сводятся к принципу Карно. Мы видим, что они всегда связаны с деградацией энергии; количество деятельной энергии, способной производить работу, падает с каждым природным явлением. — Энергия рассеивается в виде тепла, энтропия мира, как говорил Клаузиус, увеличивается, и уровень тепла выравнивается».

«Проявления жизни являются эмпирическим фактом, с трудом входящим в рамки других природных явлений — в аспекте принципа Карно. Уменьшение энергии, ее рассеяние в виде тепла не имеет места в жизни такой, как мы ее понимаем (зеленых хлорофильных растений или автотрофных микробов). Наоборот, в силу факта существования этих организмов, количество энергии, способной производить работу, очевидным образом увеличивается к концу жизни в окружающей природе».

Другими словами: в неорганическом мире господствует второй принцип термодинамики; только живые организмы не подчинены этому принципу.

---

[1]) В другой работе Я. В. Самойлов писал: «И если мы примем, что различные организмы, особенно с необычными биохимическими свойствами, организмы, численность которых в современную геологическую эпоху совершенно незначительна (потому-то их свойства и кажутся нам необычными), что такие организмы в какой-либо прежний период истории земли могли быть весьма многочисленными и распространенными, то мы поймем, какую важность должно представлять детальное освещение этих вопросов для выяснения генезиса различных минералов, встречающихся в осадочных породах. — Я. В. Самойлов. Палеофизиология (палеобиохимия) и ее геологическое значение, «Биолиты», 1929.

[2]) Наши знания об эволюции органического мира не только как об эволюции форм, но и как эволюции биохимического состава организмов, все более расширяются. Интересны работы А. В. Благовещенского (Biologia generalis, V, 1929) по линии ботаники и сводка P. Krüger, Abstammung und Biochimie (Biologia generalis, VI, 1930)—по линии зоологии

[3]) «Очерки геохимии», стр. 226.

энергетический характер явлений жизни противоположен характеру явлений в неорганической природе.

Среди виталистов подобные взгляды имеют большое распространение. Л. С. Берг, например, считает, что каждое отдельное живое существо, «поскольку оно представляет собою совокупность материальных молекул», подчинено тому же закону рассеяния энергии, или наименьшей работы. Но этот путь вовсе не характерен для процесса развития отдельной особи, вида или всего органического мира. «В противоположность неорганическому миру, в органическом — развитие идет в сторону создания таких организмов, которые были бы в состоянии производить не минимум работы, а максимум». «Жизнь идет как раз в сторону наименее вероятного» [1]).

«Мертвая материя,— говорит Л. С. Берг,— стремится к такому положению, в каком она осуществит минимум работы, онтогенетическое же и филогенетическое развитие живых существ идет в сторону выработки организмов, способных превратить максимум тепла в работу» [2]).

Другой виталист — Д. Соболев разделяет все процессы, протекающие в организмах на летальные или энтропические и витальные или просергатические. Первые рассеивают энергию; вторые концентрируют ее [3]).

Такие воззрения, сущность которых сводится к тому, что жизненные явления признаются исключением, не подчиняющимися второму началу термодинамики, имеют среди виталистов большое число приверженцев.

Академик Вернадский не приводит ни одного факта в подтверждение этой огромной важности предпосылки (если не считать упоминания о деятельности хлорофиллоносных растений и автотрофных бактерий). Посмотрим, насколько подобные утверждения основаны на каких-либо научных данных.

По мнению Вернадского рассеяние энергии в виде тепла «не имеет места в жизни (такой, как мы ее понимаем) зеленых хлорофильных растений и автотрофных микроорганизмов».

Все известные данные и факты позволяют утверждать как раз обратное. Науке неизвестен ни один организм и ни одно проявление жизнедеятельности, которое стояло бы в противоречии со вторым законом термодинамики.

«Было бы открытием огромной важности, — говорит известный французский исследователь Ф. Донан, — если бы было обнаружено, что растения и животные составляют исключение из этого правила».

«Было бы великим событием, если бы кто-либо из исследователей открыл хоть один случай, где второй закон термодинамики не подтвердился бы» [4]).

«Ни один организм, — пишет О. Мейергоф, автор специальной работы, посвященной применению термодинамики к жизненным процессам, — не обладает способностью уменьшать энтропию мира. В каждом случае явления протекают в направлении уменьшения свободной энергии» [5]).

---

[1]) Берг, Л. С. Взгляды Дидро на эволюцию. — Природа, 1927.

[2]) Берг стоит полностью на почве аналогии организма с тепловой машиной. Эволюция, онтогенез и филогенез идут в сторону выработки организмов, способных превратить максимум тепла в работу. Эти взгляды, основанные на аналогии организма с паровой машиной, давно устарели — Организм не производит работу за счет тепла, а за счет лучистой или химической энергии. — Выделение теплоты, как правило, является побочным явлением в энергетике организма. — Организмы не тепловые машины, а хемодинамические. — См. Oppenheimer. Der Mensch als Kraftmaschine, 1921.

[3]) Соболев, Эволюция, как органический рост. Природа, 5, 1929.

[4]) Scientia, v. XLV, NCCV—5, 1929 (Русск. пер.: Природа, 12, 1929).

[5]) O. Meyerhof, Thermodynamik des Lebensprozesses, Handbuch der Physik, Bd. XI, 1926, стр. 242.

Естественно, возникает вопрос, почему же виталисты, и в том числе акад. Вернадский, считают вопрос решенным? Каким образом обосновывают ни столь огромной важности открытие?

В основе подобных рассуждений мы часто находим вульгарное представление о втором принципе термодинамики.

Согласно второму принципу термодинамики, если мы наблюдаем процесс, идущий с уменьшением энтропии, то он сопровождается безусловно другим процессом, идущим с увеличением энтропии, т. е. с рассеянием энергии. Совокупная свободная энергия системы уменьшается.

Что же делают наши виталисты? Они берут живой организм вне всякой связи с окружающей его средой. Они изолируют одну часть связанной системы, и находя в этой изолированной части системы накопление энергии, они с ликующим видом восклицают: вот видите, живой организм не подчиняется второму началу термодинамики!

Они берут зеленое растение. Из углекислоты и воды оно образует углеводы и кислород. Безусловно, этот процесс, взятый сам по себе, идет с увеличением запасов энергии. Но оно возможно лишь постольку, поскольку в другом полюсе системы идет другой компенсирующий процесс деградации или падения энергии, основанный на разнице температур поверхности солнца и земли. Виталисты приводят в пример нитрифицирующих бактерий. Эти микробы ассимилируют углекислоту и превращают ее в органические вещества своего тела. Без сомнения, — в теле бактерий имеет место увеличение свободной энергии. Но оно возможно только потому, что в другой части системы, в окружающей среде, аммиак окисляется до нитритов или нитриты окисляются до нитратов, и это уменьшение свободной энергии компенсирует увеличение ее в другом месте. «Живая клетка, — говорит Донан, — действует как трансформатор энергии, снижая часть свободной энергии окружающей среды до более низкого уровня потенциала и, одновременно, повышая некоторую часть ее до более высокого уровня». Есть ли тут малейшее противоречие со вторым принципом термодинамики? [1]).

Во всех этих попытках поражает тот низкий уровень, на котором наши виталисты ведут обсуждение этих вопросов. Необходимо отметить, что на западе постановка тех же проблем утонченнее.

Некоторые естествоиспытатели пытались с точки зрения теории вероятностей подойти к вопросу об особом характере энергетических процессов в живых организмах. Они допускали (например, Хилл), что в живом белке второе начало может быть неприменимо, так как малые размеры клеточных структур не дают возможности осуществляться закону, основанному на теории больших чисел. По выражению Мейергофа, они, стало быть, допускали, что «демоны Максвелла, которые наподобие клапана пропускают через перегородку равнонагретых приемников только, с одной стороны, более быстро движущиеся молекулы, — играют роль в жизненных явлениях и тем самым вызывают изменения против состояния вероятности в направлении прогрессивного диференцирования и целесообразного формообразования» [2]). Интересно, что в этом вопросе Гельмгольц также отдал известную дань ...

---

[1]) Насколько наши виталисты вульгарно толкуют второй принцип термодинамики, можно уяснить из известной книги Л. С. Берга «Номогенез или эволюция на основе закономерностей». 1922. Автор этой книги считает, что живая материя способна систематически переводить тепло в работу (стр. 1), в чем он усматривает одно из принципиальных отличий неживой природы от живой. Так как в настоящее время даже школьнику известно, что в неживой природе наблюдается постоянное превращение теплоты в работу (энергия ветра, падающей воды и т. д.), прав был А. К. Тимирязев, назвав, в свое время, вышеприведенное утверждение Л. С. Берга вопиющей безграмотностью (Философия науки, 1, Физика, 1922, стр. ...

[2]) Meyerhof, там же, стр. 240.

-мощу. «Вопрос о том, возможно ли такое превращение (неупорядоченной энергии в упорядоченную) в тонких структурах живых органических тканей — остается для меня открытым» [1]).

Эти воззрения, однако, остались изолированными. Произвольность таких рассуждений очевидна. Если мы даже допустим, что тонкие клеточные структуры состоят из небольшого числа частиц, то почему это должно увеличить реальную вероятность энергетических процессов в клетке, направленных в сторону уменьшения энтропии? Теоретически этот вопрос разработан Смолуховским, который показал, что существование подобных микросистем столь мало вероятно, что практически их можно принять невозможными. Поэтому, — заканчивает Мейергоф раздел, посвященный этому вопросу, — «упорядочение неупорядоченных молекулярных движений без потери энергии в структурах каких угодно малых размеров невозможно» [2]).

Примером другого типа рассуждений о применимости второго начала термодинамики к жизненным процессам может служить работа Вахтеля [3]). Автор исходит из положения, что важным признаком, характеризующим жизненные явления, является их необратимость. Но раз это так, рассуждает Вахтель, то что собственно остается для доказательства действительности второго начала? Ибо ведь ясно, что ведя процесс необратимо, нельзя полностью перевести в работу даже упорядоченную энергию. Поэтому Вахтель приходит к заключению, что применимость второго начала к животным организмам ф о р м а л ь н о доказана.

Понятно, что подобные формалистические рассуждения не могут нас удовлетворить. Не всякий естествоиспытатель, стоящий на точке зрения применимости физико-химических закономерностей к явлениям жизни, тем самым является уже материалистом. Иллюстрацией этого может служить уже цитированный выше Мейергоф, который считает, что не могут существовать натурфилософские принципы, которые не были бы применимы и в биологии», так как «высшие принципы естествознания вытекают из человеческой познавательной способности» [4]). С таких позиций кантианец Мейергоф критикует виталиста Дриша. Другой яркий пример—это американский исследователь Лотка, идеалист, который механически отождествляет закон эволюции органического мира со вторым законом термодинамики [5]). Вывод тот, что не всякое признание применимости физико-химических закономерностей к жизненным явлениям свидетельствует о материализме.

В то время как виталисты таинственно шептали о том, что жизнь настолько загадочное явление, что оно не подчиняется законам термодинамики и оставалось поставить на этом точку и закончить исследование энергетики жизненных процессов, в это время в биологические науки проникли новые приемы исследования из области физической химии, целиком основанные на втором начале термодинамики. Вопреки пророчествам виталистов, наука, на основе применения к жизненным процессам основных положений второго начала термодинамики, достигла серьезных успехов в сторону понимания механизма обратимых окислительно-восстановительных процессов в клетке; она нашла способы измерения незначительных концентраций ионов, дотоле остававшихся неуловимыми; она выяснила поразительные закономерности прохождения ионов через полупроницаемые перепонки. Если вопрос об истинности теоретического воззрения решает практика человеческой деятель-

---

[1]) Helmholz, Thermodynamik chem Vorgange. Ostwalds Klassiker, № 124. S. 30

[2]) Meyerhof, там же, стр. 240.

[3]) Wachtel. Ueder die Anwendbarheit des zweiten Hauptsatzes der Thermodynamik auf Vorgänge im tierischen Organismus. Pflügers Archiv, 171, 1918.

[4]) Meyerhof, там же, стр. 238.

[5]) Lotka, Elements of physical biology. Baltimore, 1925, S. 26.

ности, если уменье вызвать то или иное явление свидетельствует о том, что мы владеем причинами его, то практика определения концентрации водородных ионов и окислительно-восстановительного потенциала, основанная на приложении второго начала к жизненным процессам, и многочисленные предвидения хода биологических процессов, сделанные на основе учета этих данных [1]), лучшим образом свидетельствует о бесплодности виталистических умствований насчет второго начала.

Перейдем теперь к другой стороне вопроса о приложимости второго принципа к явлениям жизни. Наши виталисты (напр., Л. С. Берг) утверждают, что каждое отдельное живое существо подчиняется законам термодинамики, но эволюция в целом, эволюция особи, вида и всего органического мира противоречит второму началу, т. к. развитие в органическом мире идет в сторону создания организмов, способных производить максимум работы, т.-е. жизнь идет в сторону менее вероятного.

Достаточно продумать эти положения, чтобы убедиться, насколько они противоречивы.

Виталисты принимают, что каждое отдельное живое существо подчиняется законам тепла. Это означает, что все процессы жизни индивидуума подчиняются этим законам. Итак, питание, дыхание, рост, размножение и пр. — подчиняются законам термодинамики. Но развитие особи и заключается в этих и только в этих процессах. Почему же развитие в целом должно составлять исключение из второго принципа? Мы знаем, что энергетические явления обладают свойством аддитивности. Какие же основания считать, что в случае, когда все отдельные единичные процессы подчиняются второму началу термодинамики, совокупность этих процессов будет противоречить этому началу? Пусть сторонники Берга вместо общих рассуждений покажут какой-нибудь выход из нагроможденных ими противоречий.

В чем же действительное различие между характером энергетических процессов мира неорганического и органического?

Среди явлений окружающей нас природы мы замечаем двоякого рода равновесия: статические и динамические. Тела, находящиеся в статическом равновесии, отличаются тем, что они неспособны производить работу.

Живые организмы — это системы динамических равновесий. Этим сказано, что живые организмы способны производить работу и что работоспособность эта поддерживается за счет притока энергии извне. Тем самым живые организмы включаются в общую цепь закономерностей природы, охватываемую законами термодинамики.

Наши виталисты не хотят видеть того, что эти основные черты характеризуют не только неживые динамические системы, но и все вообще динамические системы, включая живые организмы. В другую крайность впадают биологи — механисты. Они не идут дальше сравнения живого организма с водопадом или с пламенем [2]). Для них не существует вопроса о том, имеется ли различие между живыми организмами и неживыми динамическими системами.

Между тем в этом именно различии заключается своеобразие энергетики жизненных процессов [3]).

---

[1]) Michaelis, Oxydations — Reductions — Potentiale mit besonderer Berücksichtigung ihrer physiologischer Bedeutung, 1929.

[2]) Höber. Physikalische Chemie der Zelle und Gewebe. 5 Aufl., H., 1924, стр. [illegible]

[3]) Вопросу о выяснении этого различия посвящена работа т. Бауэра «Теоретические основы в биологии», 1930. С рядом положений, высказанных тов. Бауэром, мы не можем согласиться, но обсуждение их вышло бы за рамки настоящей статьи. Тов. Бауэр в основном правильно разрешает вопрос об отличии энергетики живых организмов от энергетики неорганизованных динамических систем.

В чем же заключается это своеобразие?

Живые организмы имеют многочисленные механизмы, с помощью которых они используют энергию, поступающую к ним извне, для производства работы. Структура этих механизмов имеет существенное значение для определения степени использования энергии и работоспособности системы. Живые организмы отличаются от неживых динамических систем тем, что свою работоспособность, другими словами — свою свободную энергию, они затрачивают на изменение структуры своих механизмов, и тем самым меняют степень своей работоспособности. Работоспособность живых организмов меняется в ходе развития организма, так как свободная энергия организма используется для изменения самого уровня свободной энергии. В живых организмах мы имеем своеобразные динамические системы, в которых сама работоспособность их включена в цикл развития.

Одно из отличий живых организмов от неживых динамических систем заключается, стало быть, в том, что в неживых динамических системах сама затрата свободной энергии не влияет на процесс притока энергии извне. Другое дело — в организмах. Здесь затрата энергии приводит через изменение структур к изменениям в самом процессе притока энергии извне и возможностей ее использования.

Вернемся теперь к основному положению, которое выдвигает академ. Вернадский.

Правильно ли, что «в результате жизни происходит не уменьшение свободной энергии в космической среде, а ее увеличение»? Что «в этом отношении жизнь действует обратно правилу энтропии» [1]).

Ясно, что подобные утверждения не имеют под собою никакой почвы. Живые организмы увеличивают свою работоспособность за счет притока свободной энергии извне. Этим сказано, что под воздействием жизни свободная энергия в космической среде уменьшается.

К такому в корне неправильному представлению о явлениях жизни, как действующих обратно правилу энтропии, ведет часто неверное понимание своеобразных черт энергетики жизненных процессов хлорофилоносных растений. Последние поглощают лучистую энергию окружающей их среды и незначительную часть этой энергии консервируют в органическом веществе. Не будь на поверхности земли растений, эта лучистая энергия рассеялась бы. Но благодаря особым механизмам, в данном случае благодаря хлорофильному аппарату часть лучистой энергии задержана. Таким образом, растительный мир тормозит рассеяние энергии. Это замедление процесса рассеяния энергии виталисты нередко принимают за уменьшение рассеяния. Изменение скорости процесса они заменяют изменением направления этого процесса. Но очевидно, что это два разных явления. Второй закон термодинамики тут не при чем, ибо он трактует не о скорости реакций, а об их направлении.

VI.

Кризис физики и витализм.

Кризис, переживаемый буржуазной наукой, в частности — кризис физики имеет в своей основе резкое несоответствие между огромным эмпирическим материалом, накопленным современным естествознанием и «методологией» буржуазной науки, задыхающейся в узких рамках механизма или идеализма. Современный кризис буржуазного естествознания рождает на одном полюсе стихийный диалектический материализм, а на другом — идеа-

[1]) Вернадский, Изучение явлений жизни и новая физика, Изв. Ак. Наук ОМЕН, 3, 1931 г., стр. 420.

зм, мистику и поповщину. Глубокий кризис буржуазной науки — это одно проявлений процесса загнивания и распада капиталистической системы.

Современный «кризис физики» и установление отступлений от механической причинности для микромира движения ионов вызвал радостное возбуждение в лагере витализма.

Одним из первых забил в литавры австрийский теоретик витализма ...рталанфи [1]). В кризисе физики он усматривает огромное потрясение механицизма и «усиление позиций витализма». Он упрекает биологов в том, ...о они продолжают догматически придерживаться физики, уже отошедшей древность и ставшей проблематичной. Вместо принципа причинности он ...едлагает «позитивистическую телеологию», согласно которой в данный момент существующее A зависит от будущего B. Подобно тому, что мы видели у Вернадского, Безталанфи сочетает свои научные воззрения с мистицизмом. «Вместо строгой причинности природы,— пишет он, — выступает недетерминированная картина мира, которая столь же похожа на ранние, примитивные представления, как современный психизм и особенно учение о сверхиндивидуальной душе совпадает с мистическим чувством донаучного человеческого состояния».

Из этих кратких высказываний австрийского теоретика становится ...овершенно очевидным, что именно так волнует ученых-виталистов, специализировавшихся в погоне за чудом.

Неудовлетворительность механического понимания причинности они ...олкуют как отказ от причинности вообще. Ограниченность механистической формы материализма они представляют как всеобщее крушение материализма. Вместо материализма — недетерминированная картина мира; вместо научного исследования природы — разговорчики о сверхиндивидуальной ...уше.

Виталисты вынуждены заниматься неблагодарнейшей работой. Их дел — использовать всякое затруднение научного исследования мира для ...боснования возможности чуда или сверхиндивидуальной души или прямой ...оповщины. Они подхватывают всякое затруднение в научной работе для ...ого, чтобы торжествующе заявить: вот видите, к чему ведет наука! Они ...восторгом хватаются за все неясные и недостаточно изученные явления ...ля того, чтобы напустить на них еще больше неясности и тумана. И понятно, ...акое ликование наступило в лагере витализма по случаю «кризиса физики».

И Берталанфи не одинок. Все его основные положения разделяет акад. ...ернадский.

Ньютоново мироздание, — заявляет акад. Вернадский, — низводило ...еловека со всеми его интересами и достижениями на положение ничтожной ...одробности в космосе. Но этот Ньютоновский мир, построенный на всемирном тяготении, на бесконечности времени и пространства, мир материи и ...нергии, был «чужд живому, человеческой личности и его жизни» [2]). Это ...ыл мир,—продолжает он,—«стихийно непонятный человеку». Это противоречие продолжалось по мнению акад. Вернадского с XVI по XIX столетие, противоречие между тем, что так дорого сознанию и сердцу человека и ...иром науки [3]). Такова общая картина старого мировоззрения в представлении акад. Вернадского.

---

[1]) Bertanlanffy, Ueber die Bedeutung der Umwälzungen in der Physik für die ...iologie. Biol. Zentrbl., 47, 1927.

[2]) Вернадский, Изучение явлений жизни и новая физика, Изв. Ак. Наук ...МЕН, 3, 1931, стр. 404.

[3]) Вернадский, Изучение явлений жизни и новая физика, Изв. Ак. Наук ...МЕН, 3, 1931 г., стр. 417.

Академик Вернадский любит говорить о «человеке» и о «человечестве». Ради ясности отметим, что человечеством акад. Вернадский считает ту реакционную часть буржуазного ученого мира, которая стоит на позициях витализма. Приведем один только пример. Известно, что капитализм переживает глубочайшее потрясение; что буржуазная наука переживает кризис. Академик Вернадский воспринимает этот кризис капитализма, как «неустойчивость научной организации человечества»; он с грустью отмечает, что «результаты научной работы все более и более расходятся с ее содержанием»; он указывает что «во многом плодотворная работа человечества» в области религии приходит в коренное противоречие с научным миропониманием. Так изображает Вернадский картину буржуазной науки. Но при чем тут «человечество» вообще?!

Нарисовав такую картину четырехсотлетнего кризиса господствующего научного миропонимания, акад. Вернадский естественно переходит к проблеме выхода из кризиса.

Мы знаем единственный выход из кризиса буржуазной науки. Это — реконструкция науки на основах диалектического материализма Маркса, Энгельса, Ленина. Это выход, осуществляемый в нашем Союзе, в непримиримой борьбе с идеализмом, витализмом и религией, с одной стороны, и в преодолении и борьбе с механистическими извращениями марксизма и с меньшевистско-идеалистической ревизией его—с другой. Марксистско-ленинская методология указывает единственный путь разрешения буржуазного кризиса науки, путь овладения и перестройки науки и подчинения ее задачам построения социалистического общества, путь, который поднимает саму науку на высшую ступень и создает невиданные ранее возможности для ее развития.

Другой выход, который считает необходимым акад. Вернадский, это — всеобщий витализм, проникновение витализма в науки о неживой природе. Идеи «универсального витализма», которые проповедывали в свое время философские «черносотенцы» — Карпов, Лосский и др.,—становятся ныне знаменем ученой реакции.

Академик Вернадский, рассматривая человеческую деятельность как геологический фактор, пишет: «Человеческая мысль резко и коренным образом меняет ход естественных процессов». В чем сущность этих изменений? В том, что они идут под влиянием не форм энергии, а человеческой мысли». Странно! Но автор и сам понимает необычайность этих строк и поэтому ставит следующий вопрос: «Как же может сознание действовать на ход процессов, как будто целиком сводимых на материю и энергию? Ответ гласит: «Повидимому мы не можем подойти к решению этой проблемы без коренного изменения наших основных физических представлений, которые только что пережили и переживают небывалое, но быстрое в истории мысли изменение. Перед нами стоит новое, не меньшее. Оно неизбежно связано с проникновением основных явлений жизни в построения физических теорий»[1]).

Это означает, что витализм, т.-е. религиозно-божественное об'яснение явлений, должен занять место и в области физики.

«Элементы космоса, — заявляет в другом месте акад. Вернадский, — строящие его бытие в микроскопическом разрезе, может быть, имеют глубокие аналогии с индивидуумами — организмами — жизни».

«Индивидуальное входит в мир физических явлений»[2]).

---

[1]) Вернадский. Эволюция видов и живое вещество. Природа, 3, 1928.
[2]) Вернадский. Изучение явлений жизни и новая физика, стр. 416.

«В физику выдвигаются новые понятия, которые неизбежно обращают внимание физиков на явления жизни. Ибо оказывается, что в явлениях жизни последствия этих понятий выражены яснее и разче, чем в обычных объектах физических исследований» [1]).

«В природе нет великого и малого. Допустив в одном месте отклонение от применения закона причинности, невозможность выразить все в законах движения, — неизбежно придем к тому же допущению в других случаях» [2].

Так акад. Вернадский обосновывает всеобщий витализм. Надо ли доказывать, что все подобные рассуждения покоятся на замене кризиса механического понимания причинности крушением причинности вообще?

Стремление витализма опереться на все непонятное показывает еще и следующий пример. Известно, что в новейшее время некоторые физики, исходя из определенных предпосылок о строении галактики, о плотности материи и пр., пришли на основе теории относительности к выводу о конечности космоса. Известно, что этот вывод привел их к ряду противоречий. Таковы факты... А академик Вернадский торжественно заявляет в виде неоспоримой истины, что «мы становимся ближе к миропониманию средневековья, к Данте, к его конечной Вселенной, чем к безграничному пространству ученых XVI—XIX столетий» [3]).

Кажется, что дальше итти некуда в некритическом отношении к материалам современного естествознания.

Мы видели, как некоторые биологи воспринимают последствия кризиса физики.

В заключении остановимся несколько на том, как выдающиеся физики думают о биологии.

Вот мнение Планка:

«..и все-таки биология всегда работает на основе принципа строгой причинности. Я думаю, что без преувеличения можно утверждать, что в биологии собственно там начинается наука, где в нее вводят закон причинности» [4].

Таково мнение лица, обвинять которое в приверженности к старой физике нет оснований.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Работы и мировоззрение акад. Вернадского в целом являют собой поучительный пример того жалкого состояния, в которое повергается наука, находящаяся в плену буржуазной идеологии.

С одной стороны, ряд экспериментальных работ, представляющих крупнейший научный и практический интерес. Здесь имеются в виду геологические работы, выясняющие закономерности миграции минералов в земной коре; выяснение роли органического мира как геологического фактора; установление значения организмов как концентраторов некоторых элементов, наконец, исследования, освещающие с новых точек зрения генезис некоторых минералов биосферы.

Но, с другой стороны, во всех работах и исследованиях акад. Вернадского поражает тот низкий теоретический уровень, на котором ведется обсуждение принципиальнейших вопросов методологии научного познания.

Поражает то безмерное блуждание между механицизмом и наивным и прикрытой мистикой, поражает полнейшее непонимание и игнорирование диалектического материализма.

Но таков удел буржуазной науки: сочетать выдающиеся экспериментальные исследования с жалким эклектическим и реакционным бредом в ...

[1]) Там же, стр. 412.
[2]) Там же.
[3]) Там же.
[4]) Sitzungsber. preuss. Акад. Wiss, Oeff. Sitzung v. Juli, 1929.

части теории. Буржуазная наука бьется в рамках этого противоречия. И лучшие представители ее начинают отходить от основ буржуазной методологии, ищут понимания и контакта с наукой СССР, перестраиваемой на основах диалектического материализма.

Работы академика Вернадского—яркий пример и тех блестящих достижений буржуазной науки, которые мы обязаны усвоить и переработать, и того обездоленного ее теоретического состояния, сумятицы и идеологического разброда, которые в ней господствуют.

Виталистические проповеди акад. Вернадского — это в настоящее время самый заметный и выдающийся голос витализма в СССР, это воинствующее знамя религиозного мировоззрения.

И на этом теоретическом участке фронта классовой борьбы против буржуазии мы обязаны победить и разбить витализм и расчистить путь для реконструкции естествознания на основе марксистско-ленинской методологии.

Воззрения академика Вернадского подлежат жестокой критике не только потому, что они представляют разновидность реакционных буржуазных теорий, но и потому еще, что они не могут не отражаться на практике работ этого крупного исследователя, его учеников, его школы. Они не могут не оказывать влияния на направление его исследований, на тематику их, на их организацию.

Для иллюстрации сказанного приведем несколько примеров.

Известно, что Академия наук в последнее время произвела перестройку своей работы, приблизив ее к задачам социалистического строительства. Особенно неудовлетворяла потребности, выдвигаемые строительством социализма, работа комиссии по изучению естественных производительных сил Союза (КЕПС). Все эти факты знакомы советской общественности. И любопытно, что как раз теоретические воззрения акад. Вернадского оказались одним из тормозов, препятствующих быстрой перестройке работы КЕПС.

«Логика жизни и логика разума различны» [1]), заявлял акад. Вернадский. Логика жизни — это требования практики; логика разума — это теория. «В теоретической научной области р о л ь личности в постановке новых проблем стоит на первом месте; она нигде в других областях знания не повторяется» [2]). «Выдвигание на первое место той или иной новой проблемы зависит только от человеческой личности»...[3]) Совсем другое в области прикладной науки: «здесь проблемы ставит не свободная человеческая личность или их ассоциация, а ставит жизнь своими требованиями» [4]). Эта теория «науки для науки», теория, открывающая научную работу от прикладной, превращающая первую в какую-то высшую и самодовлеющую категорию, вполне понятно, привела акад. Вернадского к постановке вопроса о том, что «представляется совершенно непонятным, — по сути дела, — чем может быть вызван такой лихорадочно-спешный пересмотр структуры Академии, который сейчас так неожиданно выдвинут» [5]).

Приведем еще один пример, иллюстрирующий глубочайший разрыв между теорией акад. Вернадского и нашей практикой. Мы ведем героическую борьбу за скорейшую индустриализацию нашей страны, за насыщение ее машинами, за овладение наукой и техникой. Но стоит почитать акад. Вернадского, и мы узнаем, что собственно все эти задачи не зависят от воли

[1]) Вернадский. О задачах и организации прикладной научной работы Академии наук СССР, 1928, стр. 25.
[2]) Там же, стр. 5.
[3]) Там же, стр. 4.
[4]) Там же, стр. 5—6.
[5]) Там же, стр. 18.

дей. «Созданные человеческим гением машины... растут в своем значении геометрической прогрессии, вне воли человека». К ним, оказывается, олне приложимы «законы размножения организмов в биосфере» [1]). Стало ть, «машины размножаются» по тем же биологическим законам, которые кат в основе размножения организмов.

Мы ведем борьбу за кадры, за создание своей собственной производ- зенно-технической интеллигенции. Наша социалистическая страна не только ебует мощного развития всех областей науки, которые должны теорети- ски освещать пути нашего строительства, но и создает невиданные в мире едпосылки для мощного творческого развития научной мысли, для огро- го расширения культуры на многомиллионные трудящиеся массы, для выдвиж- ения новых ученых и исследователей. Но послушаем академика Вернад- ого.

«В мире реально существуют только личности, создающие и выказы- ющие научную мысль, проявляющие научное творчество — духовную эргию».

«Их нарождение есть реальный факт, теснейшим образом связан- ый со структурой человека, выраженной в аспекте природного явления. Социальные и политические условия, позволяющие проявление их духо- ого содержания, получают значение только при его наличии» [2]).

«Мы не знаем пока, почему, как и отчего происходит нарождение лантливых людей, орудий научной мысли и их скопление в близких поко- ниях, отсутствие их в других. Мы должны принимать их за свойство шей расы, проявление ее природы» [3]).

Академик Вернадский выражает здесь старую реакционную мысль, ердно проповедуемую апологетами эксплоататорских классов о том, что циальные условия бессильны и не имеют никакого значения, если заранее «нарождены» ученые личности, двигающие вперед науку. Но последнее — оцесс природный, биологический; скопление таких личностей в определен- ые исторические эпохи есть проявление биологических особенностей ловечества, свойств расы.

«Новая полоса взрыва научного творчества неизбежно должна дойти до оего естественного предела, так же неизбежно, как движется к нему мета».

«Эти величайшие движения научной мысли неизбежно отражаются уже йчас на всей духовной структуре человечества. Они отражаются и на его изни, на его идеалах, на его быте. С ним неизбежно связан новый рост лософской мысли, который некоторыми уже указывается как начало новый под'ем религиозного творчества» [4]).

Так рисуются, по акад. Вернадскому, перспективы культурной револю- и, перспективы развития научной мысли. В итоге: прогноз «естественного едела» и «нового под'ема религиозного творчества».

Мы уже говорили выше, что когда академик Вернадский говорит «человечестве», он фактически имеет в виду буржуазию; когда он пишет «духовной структуре человечества», следует подразумевать буржуазную еологию. Соответственно этому все его ученые прогнозы о естественном нце, о новом под'еме религиозного творчества, о бессилии человеческой ли влиять на «размножение машин», о незначимости социальных и полити- ских условий для развития научной мысли, — все это является прямым

---

[1]) Вернадский, О задачах и организации прикладной научной работы адемии наук СССР, 1928, стр. 11.

[2]) Вернадский, Мысли о современном значении истории знаний, Труды и. по истории знаний, Ленинград, 1927, стр. 6.

[3]) Там же, стр. 8.

[4]) Там же, стр. 16.

проявлением кризисного, безвыходного состояния «буржуазного человечества».

Нескольких приведенных выше примеров достаточно, чтобы уяснить как шаг за шагом витализм непосредственно приводит к реакционнейшим выводам в области практики нашего строительства.

Виталистические воззрения в биологии логически развиваются до универсального витализма в подходах ко всем явлениям мира и до признания творческой роли религии: они связываются с извращенными, фантастическими представлениями о соотношениях между материей и сознанием, между практикой и теорией, с реакционнейшими представлениями о законах общественного развития.

В наших условиях, когда во всем мире гудят раскаты величайшей в истории человечества борьбы капитализма и социализма, когда в СССР пролетарская диктатура строит новый мир и завершает построение фундамента социалистической экономики, в этих условиях невиданной в истории человечества технико-экономической реконструкции страны, — «теории» и прогнозы акад. Вернадского имеют один лишь об'ективный смысл. Об'ективно они отражают и укрепляют позиции классовых врагов, позиции международной буржуазии, с ненавистью стремящейся выбить из рук пролетариата основные рычаги науки, необходимые для социалистического преобразования общества.

Необходимо до конца бороться со всеми подобными теориями, необходимо разбить их и обезвредить, ибо без этого мы не можем двигаться вперед по пути реконструкции науки и техники, в соответствии с требованиями строительства социализма.

И чем талантливее и крупнее ученый, который подобные теории развивает, чем полезнее отдельные его экспериментальные работы, тем настоятельнее необходимость вскрыть всю реакционную сущность его теоретических воззрений и вред их для практики нашего строительства.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ

Современное гегельянство на Западе.

«Verhandlungen des ersten Hegelkongresses vom 22 bis 25 April, 1930, im Haag. Im Auftrag des Internationalen Hegelbundes herausgegeben von B. Wigersma. Tübingen, Mohr, 1931». S. 243.

Реформирование книги:

(Труды первого гегелевского конгресса с 22 по 25 апреля 1930 г. в Гааге. По поручению Международного гегелевского союза изданы Б. Вигерсмой. Тюбинген, книгоиздательство Мора, 1931 г., стр. 243).

В одном немецком книгоиздательском проспекте, рекламирующем только что вышедшие в 1931 г. философские книги, говорится по поводу книги Мартина Буссе «Гегелевская феноменология духа и государство», что эта книга имеет особенно важное значение по той причине, что «на Гегеля ссылаются, с одной стороны, марксизм, а с другой стороны, фашизм. Это последнее замечание по существу неправильно. Представители революционного марксизма-ленинизма никогда не «ссылались» на идеализм Гегеля. Маркс и Энгельс своей критикой гегелевского идеализма раз навсегда похоронили и уничтожили всякий идеализм и метафизику, так что все позднейшие попытки буржуазных мракобесов откопать идеализм в той или иной форме неизбежно кончались позорным крахом. Не за мистику и идеализм, а лишь за рациональное зерно, скрытое под мистической философской оболочкой, ценили Гегеля Маркс, Энгельс и Ленин. Заслугой основоположников марксизма является то, что они спасли от буржуазного разгрома рациональную диалектику Гегеля и, подвергнув ее мистифицированную форму уничтожающей материалистической критике, в полную противоположность диалектике Гегеля развили материалистическую диалектику — это непревзойденное революционное оружие пролетариата для действенной критики и уничтожения капиталистического рабства.

И совершенно противоположными причинами вызван теперешний возврат к Гегелю со стороны реакционной буржуазии, после того, как она почти в течение целого столетия травила гениального мыслителя, как «мертвую собаку». Современный национал-фашизм и социал-фашизм хватаются за реакционную сторону гегелевской системы, ссылаются на идеализм и мистику, чтобы найти в них духовное оправдание безудержному разгулу империалистической реакции, оправдание режиму кровавой фашистской диктатуры финансового капитала, чтобы найти идеологическое прикрытие для зверских расправ со стороны фашистских банд над организациями революционного пролетариата и над революционными элементами в угнетаемых империализмом колониальных и полуколониальных странах.

Именно этими причинами вызывается в последнее время рост увлечения Гегелем в капиталистических странах.

Это выразилось в частности в созыве Первого международного гегелевского конгресса, заседавшего в Гааге с 22 по 25 апреля 1930 г. Этот конгресс положил начало архиреакционному Международному гегелевскому союзу, выработал программу и устав этого союза и выбрал правление и председателей. Реферируемая нами книга представляет собою первое печатное произведение Международного гегелевского союза.

Открывается эта книга «Введением издателя», т.-е. Вигерсмы. Вигерсма — голландский философ, член «Общества чистого разума имени Болланда». В своем «Введении» Вигерсма указывает на тот «трагизм культуры», который по его мнению переживается современным человечеством и который выражается в том, что все отрасли культуры (наука, искусство, религия, политика, — об экономике даже и совсем ничего не говорится), — все больше и больше распадаются на множество специальных областей и отделов и все больше и больше теряют связь между собой. При этом каждая частная наука стремится распространить свои частные методы на все остальные области науки и тем самым еще усугубляет то «вавилонское столпотворение», которое характерно для современного состояния науки и всей вообще культуры. Отсюда та тоска по единой всеохватывающей философской «науке наук», которую Вигерсма видит у представителей обособившихся друг от друга частных дисциплин. Вигерсма ищет диалектического разрешения противоречия между всеобщим, особенным и индивидуальным, но кроме высокопарных общих фраз о таком диалектическом разрешении, притом фраз сугубо идеалистических (с уклоном к суб'ективному идеализму), он в своем «Введении» ничего не дает. «Здание науки» он отождествляет со «зданием действительности», а человека он об'являет «разумным суб'ектом всех об'ективных процессов» (стр. 11).

Вигерсма утверждает, что со времени Гегеля никто еще не достиг «внутреннего, существенного, истинно-философского об'единения всех направлений», всех наук и всех областей культуры. И вот важнейшей задачей Международного гегелевского союза этот реакционер и считает разработку такого рода метафизической философии, как «науки всех наук нашего времени» (стр. 9).

За «Введением» Вигерсмы следует «Приветственная речь» голландца Киндермана, председателя голландского философского «Общества чистого разума имени Болланда». Общество это основано учениками известного голландского гегельянца Болланда (1854 — 1922), с 1896 по 1920 г. бывшего профессором философии в Лейденском университете. Целью общества является «разработка философии в духе Гегеля». Это общество и явилось инициатором созыва Первого международного гегелевского конгресса. В сугубо выспренных выражениях, выдержанных в стиле гегелевской «мистики идей», Киндерман приветствует, собравшихся на конгрессе буржуазных философов различных стран Европы, распространяясь об абсолютном духе, который, мол, возвышается над всеми национальными и политическими различиями, над всеми частностями и особенностями. В своем «пафосе» абсолютного идеализма Киндерман доходит до таких утверждений, которые ярко показывают, как плохо он понял глубокий историзм, лежащий в основе гегелевской философии. Киндерман декларирует: «Искусство, религия и философия существенно возвышаются над теми событиями, которые образуют судьбу народов и государств. Они не затрагиваются ходом всемирной истории. События политической жизни совершенно безразличны для более высокой духовной жизни» (стр. 15). Эта иезуитская манера прикрывать гнусности капитализма фразами о «высокой духовной жизни» весьма характерна для представителей современной упадочной буржуазии. Не менее характерно и то, что свою приветственную речь идеолог империалистической буржуазии Киндерман заканчивает цитатой из гегелевского предисловия к «Философии права», где говорится о даваемом философией «примирения с действительностью».

Вступительную речь при открытии конгресса произнес Рихард Кронер, профессор философии Кильского университета (Германия), автор целого ряда известных книг, избранный на заключительном заседании Конгресса первым председателем Международного гегелевского союза. Указав на то обстоятельство, что вскоре после смерти Гегеля в Германии наступил длительный упадок философии, сопровождавшийся резко отрицательным отношением к Гегелю (о философии марксизма — ни слова!), тогда как в Италии, Англии и Голландии возникло мощное философское движение под знаменем гегельянства, — Кронер благодарит голланд-

кое «Общество чистого разума имени Болланда» за организацию международного гегелевского конгресса. Этот ученый поп открыто и ярко высказывает ту же мысль, которая проводится и во «введении» Вигерсмы и в «приветственной речи» Виндермана, — мысль о том, что гегелевскую философию собравшиеся на конгресс «высокопочтенные дамы и господа» понимают, как «снятие различия между знанием и верой» (стр. 20), т.-е. превращают ее в своеобразную, философской терминологией завуалированную, утонченную религию. В этом «снятии различия между знанием и верой» они видят основную сущность гегелевской философии, выбрасывая все то действительно ценное, что в ней содержится, а именно «алгебру революции», как выражался Герцен, «исчерпывающую и сознательную картину общих форм диалектического движения», как выражался Маркс. Кронер превозносит ту философскую «общину веры» (philosophische Glaubensgemeinde), которую представляет собою голландское общество имени Болланда, и сравнивает это общество с одним религиозным братством XIV столетия, считая такое сравнение в высшей степени лестным для «болландианцев». Кронер считает, что «Общество чистого разума имени Болланда» должно служить образцом для всего конгресса, ибо в нем налицо все философские (т.-е. религиозно-мистические) добродетели.

Собственной темой своей вступительной речи Кронер делает обзор противников Гегеля в современной немецкой философии. Кронер считает, что основными противниками Гегеля в современной немецкой философии являются, с одной стороны, «критицисты» (т.-е. неокантианцы), а с другой стороны, «феноменологи» (т.-е. гуссерлианцы). Хотя эти два философских направления и воюют друг с другом, но между ними, по мнению Кронера, при всем их различии, имеется немало общего, и именно это общее и делает их противниками гегелевской «диалектической метафизики» (как весьма характерно выражается Кронер). Оба эти антидиалектические направления современной немецкой философии страдают односторонностью и «догматизмом». По мнению Кронера, задача заключается в том, чтобы каждое из этих направлений осознало свою односторонность и корректировало себя при помощи своего «другого». Путем внутреннего слияния обоих направлений они, по мнению Кронера, неизбежно должны будут притти к «диалектической метафизике».

Кронер берет по два представителя каждого из упомянутых философских течений и показывает на основании отдельных высказываний этих представителей, что они движутся в указанном им направлении. Со стороны «критицистов» берутся Эрнст Кассирер и Николай Гартман; со стороны «феноменологов» — Мартин Гейдеггер и Теодор Литт (из неокантианцев Кронер берет представителей одной только Марбургской школы по той причине, что представители Баденской школы — Риккерт, Ионас Кон, Бруно Баух и сам Кронер — пришли к Гегелю, как он выражается, не путем внутреннего слияния с феноменологией, а путем, проторенным самой историей философии, т. е. от Канта через Фихте и Шеллинга).

Рассмотрение новейших произведений Кассирера, Гартмана, Гейдеггера и Литта приводят Кронера к тому заключению, что, «чем больше современные противники Гегеля приходят к взаимному пониманию друг друга, чем больше каждая из этих партий корригирует и отрицает себя на другой, превращая себя тем самым в момент некоторого высшего целого, — тем более они теряют свой характер противников Гегеля и начинают превращаться в его последователей. Так что разговоры о возрождении Гегеля, которые все громче и громче раздаются в Германии, имеют под собой глубокое основание» (стр. 31).

Заканчивает Кронер опять-таки указанием на то, что только то понимание гегелевской системы правильно, которое видит в ней грандиозное мыслительное оформление глубочайшего религиозного чувства мира, жизни и человеческого «я» (des tiefsten religiösen Welt-, Lebens- und Ichgefühls).

Таково гегельянство одного из виднейших лидеров современной, мистико-

прогнившей буржуазной философии, ярко отражающей глубочайший кризис капиталистической системы.

За вступительной речью Кронера следуют доклады представителей различных европейских стран о состоянии гегельянского движения в этих странах.

Первым идет доклад римского профессора Гвидо Калоджеро «О состоянии и понимании гегельянской философии в Италии». Калоджеро начинает предупреждением о том, что он не будет останавливаться на истории итальянского гегельянства. Он хочет изложить лишь те «достижения» в истолковании Гегеля и те новые точки зрения, испытавшие на себе влияние Гегеля, которые относятся к «новому» философскому расцвету (Wiederaufblühen) Италии XX столетия».

Современное итальянское гегельянство, указывает Калоджеро, представлено двумя фигурами, имеющими общеевропейское значение: Бенедетто Кроче и Джованни Джентиле. Излагая основные моменты, связывающие этих идеологов фашизма с философией Гегеля, Калоджеро ставит перед собой задачу выяснить, в каком смысле и в какой мере эти мыслители могут считаться гегельянцами.

Что касается Кроче, то Калоджеро берет почти исключительно его старую работу 1907 г. о «Живом и мертвом в философии Гегеля». Эта работа сама указывает меру крочевского гегельянства». Для Кроче ценным и «живым» в философии Гегеля представляется прежде всего гегелевская теория диалектики. «Бессмертным достижением Гегеля является утверждение единства противоположностей», понимаемое у Кроче как «диалектическое примирение существенных дуализмов действительности: добра и зла, истины и лжи, конечного и бесконечного» (стр. 38). Учение Гегеля о тождестве разумного и действительного составляет, по Кроче, глубочайшую основу истинного имманентизма. С этим связан третий момент, который Кроче также ставит в особую заслугу Гегелю, — а именно его историзм. В отношении этих трех моментов (диалектики, имманентизм, историзм) Кроче считает себя последователем и продолжателем Гегеля[1]).

Однако, наряду с указанными «заслугами» Гегеля, Кроче усматривает в его философии существеные недостатки. Коренной порок Гегеля состоит, по Кроче, в том, что Гегель не проводит достодолжного различия между «диалектикой противоположностей» и «диалектикой различного». По Кроче, в «диалектике противоположностей» каждой «ценности» (Wert) противостоит «отрицательная ценность» (Unwert), в вечном полагании и отрицании которой и заключается «диалектический процесс». В отличие от этого, в «диалектике различного» каждая следующая ступень не отрицает предыдущую а лишь ее дополняет в некотором новом синтезе. Так, хотя философия и следует за искусством, однако она не отрицает его, но «заново переживает интуитивность искусства в своей логической стихии» Это новое истолкование диалектики и составляет основу крочевской системы философии, устанавливающей круговорот четырех различных «духовных форм» искусство, философия, экономика и этика.

Все остальные недостатки гегелевской философии Кроче выводит из гегелевского смешения «диалектики противоположностей» с «диалектикой различия» — смешения, которое обычно проводится у Гегеля в форме подведения «диалектики различия» под всеобщую схему «диалектики противоположностей». Отсюда, по Кроче, и происходит то «диалектизирование» в области философии природы и философии истории, которое приводит к карикатуре на диалектический метод и которое в значительной степени уничтожает бессмертные заслуги Гегеля Чтобы спасти «наиболее ценное и наиболее глубокое» у Гегеля (его имманентизм и исто-

[1]) Именно Кроче видит, конечно, заслуги Гегеля лишь в идеалистической трактовке диалектики и мистическом понимании истории, а вовсе не в рациональном ядре диалектики Гегеля и не в гениальных его намеках на действительный историзм.

ризм). Кроче считает необходимым «упростить» гегелевскую систему путем сведения ее к обновленной «философии духа».

Калоджеро не дает критики крочевского «гегельянства». Он только указывает, что неправы те критики Кроче, которые упрекают его в чисто внешнем разграничении «живого» и «мертвого» в философии Гегеля. В основном же идеолог фашизма Калоджеро согласен с суб'ективной диалектикой «духа» или «духовных ценностей» у Кроче.

Прежде чем перейти к изложению «гегельянства» другого современного итальянского философа — Джиованни Джентиле, Калоджеро останавливается на характеристике ближайшего философского предшественника Джентиле — Бертрандо Спавента (1817—1883). Спавента интересен тем, что он положил начало той «реформе» гегелевской диалектики, которую продолжил и завершил Джентиле. Суть этой «реформы» заключается в попытке перетолковать первые категории гегелевской Логики (бытие, ничто, становление) в духе суб'ективного идеализма. Спавента считает, что то «бытие», с которого начинается гегелевская Логика, есть не что иное, как «бытие мысли»: мысль сама полагает себя, как бытие, т. е. как нечто абсолютно неопределенное и неподвижное, а так как такое «полагание» противоречит вечно деятельной и «творческой» природе мысли, то она тут же отрицает это «бытие», т. е. полагает «ничто», при чем этот переход от бытия мысли к его отрицанию и составляет диалектическое становление.

В основе этой идеалистической игры в диалектику лежит мысль о том, что диалектическое развитие категорий может быть понято лишь, как [illegible] деятельность чистой мысли, как «живая жизнь» этой мысли. Здесь мы имеем своеобразное суб'ективно-идеалистическое **вырождение** гегельянства, получившее развернутое выражение в «актуалистическом идеализме Джентиле».

Еще в 1913 г. вышла книга Джентиле, озаглавленная «Реформа гегелевской диалектики». Главное его сочинение носит название «Общая теория духа как чистого акта» (первое издание, 1916 г.). Согласно Джентиле, наша мысль не только созерцает и познает диалектическое развитие категорий, но впервые творит это развитие. Джентиле требует перенесения всех философских проблем из сферы абстрактного в сферу конкретного, при чем под абстрактным понимается содержание мысли, фиксированное, как об'ект», а под конкретным понимается само мышление как некоторый «чистый акт». Джентиле заявляет: «Об'ективизм не может иметь никакой диалектики, так как он не может постигнуть никакого становления. Диалектика и становление возможны только для самосознания мысли в ее чистой деятельности «самопорождения».

Джентиле утверждает, что в этих положениях он формулирует наиболее возвышенный принцип гегелевской теории диалектики. Однако он вместе с тем вынужден признать, что у самого Гегеля диалектика мысли, как чистого акта, переходит в диалектику содержания или предмета мысли. Джентиле недоволен тем, что у Гегеля «система и развитие категорий принимают вид некоторой об'ективной совокупности отношений». Истинная диалектика, по Джентиле, — это только диалектика чистой мысли, порождающей из себя, путем об'ективирования, род «абстрактности». И эта диалектика чистой мысли остается всегда одной и той же, всегда одним и тем же «абсолютным становлением» (стр. 50).

Такова «реформа» гегелевской диалектики, предпринятая Джентиле в соответствии с его собственным учением о духе, как о чистом акте, как об абсолютной суб'ективной деятельности. «Самой первой и абсолютной категорией является философское самосознание, и диалектика представляет собою чистый [illegible] осуществления (Verwirklichung), которое заключает в себе вечную антитезу бытия как суб'екта и небытия как об'екта, и столь же вечное снятие этой антитезы» (стр. 52).

Далее Калоджеро отмечает, что при всем различии, существующем между «гегельянством» Кроче и «гегельянством» Джентиле, общим для обоих является

то, что основное значение гегелевской философии они усматривают главным образом в гегелевской теории диалектики и полагают, что эта теория диалектики может быть надлежащим образом понята лишь в том случае, если ее целиком свести к деятельности духа. Калоджеро, конечно, приветствует джентилеанское суб'ективно-идеалистическое истолкование диалектического метода Гегеля и устранение малейших намеков на положительное, реальное содержание, которое, хотя и в извращенной форме, но в известной мере имелось в гегелевской философии.

Нечего и говорить о том, что при такого рода «обработке» Гегеля совершенно исчезает то революционное зерно, которое скрывается под идеалистической мистифицированной формой гегелевской диалектики.

Калоджеро относится восторженно к «гегельянству» своих фашистских соратников Кроче и Джентиле, при чем он особенно высоко ставит актуалистический идеализм Джентиле. Он говорит, что джентилеанская переработка Гегеля представляет собою «наиболее прогрессивную и наиболее заманчивую критическую позицию, достигнутую новым итальянским идеализмом» (стр. 54). По его мнению, будущее принадлежит именно этому философскому направлению. Калоджеро пишет: «Общая основа итальянской интерпретации гегельянства — полнейшее перенесение диалектики в лоно духовной деятельности — получает у Джентиле решительное значение испытания (Prüfung) диалектической природы той самой деятельности духа, которая построяет диалектику как теорию» (стр. 54). Дальнейшее развитие этого направления приводит, по мнению Калоджеро, к той мысли, что диалектику нельзя понимать не только как учение о предмете познания, но, строго говоря, даже и как учение о самом познании, ибо в этой последней интерпретации диалектики все еще сохраняются пережитки того гносеологизма, который, исследуя законы познания, упускает из виду самую деятельность этого гносеологического исследования. Калоджеро считает, что «чистое духовное становление» надо мыслить не как познавательную функцию, а как «абсолютно чистое, практическое действование». Что означает этот «абсолютный активизм», он считает излишним пояснять, ограничиваясь ссылкой на свои другие работы и указанием на то, что в духе этого строжайшего (более строгого, чем у Джентиле) «активизма» следует подвергнуть новой переоценке и новому «внутреннему истолкованию» диалектику Гегеля, которая, мол, еще недостаточно освобождена от элементов абстрактного логицизма и гносеологизма. Таков «актуалистический идеализм» — идеология итальянского фашизма — в освещении Калоджеро

Второй доклад — это доклад оксфордского профессора Джона Александра Смита «Влияние Гегеля на философию Великобритании». Смит дает краткий очерк развития философской мысли в Англии в XIX столетии, отмечает крайний упадок английской философии в первую половину этого столетия и полное игнорирование не только Гегеля, но и Канта вплоть до 50-х годов. Философское оживление началось в середине прошлого века и было связано с углубленным изучением Канта, при чем это изучение привело постепенно к мысли о том, что настоящий ключ к пониманию Канта надо искать у его философских преемников, в особенности у Гегеля. Так возникла известная книга Стэрлинга «Тайна Гегеля» (1865). Это была первая серьезная попытка проникнуть в тайны гегелевской философии. Вся эта книга проникнута сознанием превосходства немецкой философии, достигшей, по мнению Стэрлинга, в лице Гегеля своего высшего пункта. Стэрлинг решительно отбрасывает Шеллингову критику Гегеля, но, с другой стороны, восстает и против того развития, которое гегельянство получило у левогегельянцев. Основным пунктом гегелевской философии Стэрлинг считает учение о господстве разума во всей вселенной. Смит указывает, что при всех своих многочисленных недостатках книга Стэрлинга имела очень большое значение для дальнейшего развития английской философии, т. к. впервые основательно познакомила англичан с Гегелем.

Смит отмечает, что кроме книги Стэрлинга был еще другой косвенный путь для проникновения в Англию гегельянских идей, а именно через сочинения немецкого гегельянствующего теолога Фердинанда Баура (1792 — 1860) и других представителей Тюбингенской теологической школы.

Если Стэрлинг впервые основательно познакомил англичан с философией Гегеля, то «приспособление гегельянства к британскому употреблению, освобождение его жизненного принципа от мертвых наростов и преобразование его в соответствии с нуждами английской мысли» было делом целой группы более молодых философов, действовавших главным образом в Оксфорде. То философское движение, носителем которого они были, известно под именем «британского неогегельянства», но оно же вначале нередко называлось и «британским неокантианством», поскольку представители его уделяли очень большое внимание Канту, считая, что «Кант является истинной основой Гегеля, а Гегель есть истинный интерпретатор Канта».

Вдохновителем молодых английских неогегельянцев был оксфордский профессор Вениамин Джоуэтт (Jowett), известный своим переводом Платона. Хотя он занимал кафедру греческого языка, а не философии, он много занимался философией и высоко чтил Гегеля, усиленно рекомендуя своим ученикам основательно изучать гегелевскую философию и помогая им в этом трудном деле. Под влиянием Джоуэтта ряд молодых оксфордских философов решительно повернул от традиционного английского эмпиризма к немецкому идеализму Канта и Гегеля. Таковы Томас Грин (1836 — 1882), Эдуард Кэрд (1835 — 1908) и Уильям Уоллейс (1843—1897). Ни один из них не сделался гегельянцем в полном смысле этого слова. Та философия, которую они выработали под влиянием Гегеля, носит ярко выраженный английский национальный отпечаток. Кэрд написал специальную книгу о философии Гегеля, а Уоллейс перевел на английский язык «Логику» и «философию духа» Гегеля, снабдивши свой перевод обширными примечаниями и введениями. Все это сильно способствовало широкому распространению гегелевских идей в английских философских кругах. При этом Смит не без удовольствия отмечает то обстоятельство, что особое распространение получили гегельянские идеи, относящиеся к области философии религии. «Гегельянство выполняло в этой области созидательную работу, а не разрушительную», пишет Смит (стр. 63). Все эти английские неогегельянцы крепко придерживались учения о «вездесущности и верховенстве духовного принципа во всей действительности» (вот что привлекало их в философии Гегеля), но «применяли» они это учение неодинаковым образом. Для Грина основным понятием было понятие о внутренней взаимосвязанности всей действительности: об'ективный мир он характеризует, как систему отношений, сдерживаемую и образуемую «духом». Кэрд выдвигал положение о единстве суб'екта и об'екта и о примирении существующих различий и антагонизмов.

Нечто вроде манифеста неогегельянской школы Смит усматривает в сборнике статей, вышедшем в 1883 г. и посвященном памяти Грина (с предисловием Кэрда). Здесь выступили молодые авторы, которые впоследствии приобрели широкую известность: Бернард Бозанкет (1848 - 1923), Андрей Сэт (Seth, он же Прингль-Паттисон, род. в 1856 г.) и Халдэйн (Haldane, впоследствии лорд Халдейн, род 1857 г.).

Кроме Оксфорда и Глазго (куда перебрался Кэрд), новый источник гегельянства открылся в Кэмбриджском университете в лице профессора Мак-Таггарта (1866 — 1925), давшего ряд исследований об отдельных сочинениях и об отдельных сторонах философия Гегеля. Мак-Таггарт, по словам Смита, отметает право-гегельянскую интерпретацию Гегеля, усматривающую в гегелевской философии апологию христианской религии. В своих комментариях к «Логике» Гегеля Мак-Таггарт, по уверению Смита, более чем кто-либо другой из английских гегельянцев проникает в детали гегелевского учения. Однако его книга «Природа существования» (1921 — 1928), где он излагает свою собственную философию, посвященная

что и он не может быть назван учеником Гегеля в собственном смысле этого слова (в этой книге Мак-Таггарт, между прочим, пытается доказать «нереальность времени»).

С Кэмбриджским университетом связана также работа Бальи (Baillie), давшего высоко ценимое Смитом исследование о происхождении гегелевской «Логики» и английский перевод «Феноменологии» (в 1910 г.).

Подводя итоги своего обзора, Смит говорит, что в Великобритании никогда не было и нет гегелевской школы в собственном смысле этого слова, но было и есть значительное и плодотворное влияние «духа» Гегеля на целый ряд мыслителей. В заключение он коротко останавливается на «двух величайших британских философах конца XIX и начала XX века» — Брэдли (1846 — 1924) и Бозанкете (1848 — 1923). Оба они говорят о Гегеле с величайшим почтением и благодарностью. Но оба пошли своей собственной дорогой, создавши каждый свою собственную идеалистическую систему. В последнем издании «Логики» Брэдли Смит усматривает постоянное возвращение к гегелевскому идеалу абсолюта, каковой идеал Брэдли не может целиком принять, но и не может отвергнуть.

«Гегель, — пишет Смит, заканчивая свой доклад, — научил нас парить в высоте и ясными глазами взирать на беспредельную вселенную, являющуюся царством, резиденцией и созданием разума». За это Смит и провозглашает ему хвалу и славу.

Читая доклад Смита, невольно спрашиваешь себя: а где же диалектика Гегеля, где революционная сторона его философии? Ни у самого Смита, ни у философов, им затрагиваемых, не видно никакого намека на это: когда они говорят о Гегеле, они говорят главным образом об его идеалистической метафизике, о мировом Разуме с большой буквы, о царстве свободных духов и тому подобных благочестивых «предметах».

Третьим докладом идет доклад гейдельбергского профессора Германа Глокнера «О состоянии и понимании гегельянской философии в Германии». Глокнер начинает с констатирования того факта, что в современной Германии очень много говорят о Гегеле. При этом, однако, таких философов, которые прямо и безоговорочно признают себя гегельянцами, очень немного; большинство же мыслителей, с той или другой стороны и в той или другой мере примыкающих к гегельянству, отнюдь не желает называть себя последователями Гегеля. Одну из основных причин этого явления Глокнер усматривает в том, что в Германии еще не забыли о тех злоупотреблениях Гегелем, которые имели место при жизни и непосредственно после смерти Гегеля и которые естественно заставляют многих современных мыслителей с большой осторожностью относиться к новому увлечению Гегелем. О самом себе Глокнер заявляет, что он принадлежит к тем, «кто хотел бы сохранить, как святыню, классическую традицию так называемого немецкого идеализма (почему «так называемого»? — В. Б.) и кто в правильно понятой гегелевской философии усматривает непреходящую, вечную философию» (стр. 68). Этот господин хотя и бормочет о «злоупотреблениях Гегелем» в Германии, но все же боится сказать нечто более внятное об отношении революционного марксизма к гегелевской философии.

Свой доклад Глокнер строит так, что сперва он трактует о тех современных немецких философах, которые прямо примыкают к Гегелю, а затем характеризует ту «гегельянскую атмосферу», которая захватила теперь в Германии целый ряд мыслителей, вышедших из самых различных направлений.

Глокнер отмечает, что традиция подлинного гегельянства никогда полностью не прерывалась в Германии. Куно Фишер (1824 — 1907) был связан с самим Гегелем через посредство своего учителя и друга Иоганна Эдуарда Эрдмана (1805 — 1892). К сожалению,—указывает Глокнер,—свой 8-й том «Истории философии» (трактующий о Гегеле) Фишер написал уже в старости, что невыгодно отразилось на этом

труде. Ученик Фишера Гуго Фалькенгейм написал, по словам Глокнера, самое лучшее краткое изложение гегелевской системы.

Правоверным гегельянцем был также Адольф Лассон (1832—1917). Его продолжателем явился его сын Георг Лассон, издатель комментированного собрания сочинений Гегеля и основатель «Архива Гегеля».

Однако ни Фалькенгейм ни Лассон, находящиеся уже в преклонном возрасте, не могут рассматриваться, как типичные представители современной немецкой философии. Среди же этих последних Глокнер находит только одного «настоящего» гегельянца. Это — Рихард Кронер. Кронер пришел к Гегелю от неокантианства. Он сам говорит, что «понять Гегеля означает усмотреть, что за его пределы уже нельзя никуда дальше выйти» (тогда как «понять Канта — значит переступить за пределы кантианства»). Историко-систематическое сочинение Кронера «От Канта к Гегелю» (1921—1924) имело выдающийся успех в Германии. Меньшим успехом пользуется его последняя книга, озаглавленная «Самоосуществление (Selbstverwirklichung) духа, Пролегомены к философии культуры» (1928).

Глокнер говорит, далее, что интерес к Гегелю в современной Германии так велик, что им усиленно занимаются также и такие мыслители, которые ни в какой мере не являются гегельянцами. Таков Теодор Геринг (Haering), работающий над обширным исследованием «Гегель, его намерение и его творение. Хронологическая история развития мыслей и языка Гегеля» (первый том, доходящий только до 1801 г., вышел в 1929 г.). По словам Глокнера, Герингу удалось доказать, что внутреннее развитие Гегеля совершалось более автономно, чем это обычно думают, изображая развитие немецкого идеализма от Канта до Гегеля.

Переход к характеристике «гегельянской атмосферы» в современной Германии, Глокнер указывает, что, хотя настоящие знатоки Гегеля, изучившие все его произведения, насчитываются теперь только единицами, тогда как большинство современных философов читали лишь немногие из трудов Гегеля и нередко берут его только из вторых рук, — однако, несмотря на это, в Германии имеет место «почти всеобщее чувство близости к Гегелю». И Глокнер считает, что это чувство имеет под собой серьезное основание, ибо «общая философская ситуация в Германии развилась в таком направлении, что все отчетливее всплывают такие комплексы вопросов, которые уже занимали Гегеля и на которые он дал ответ» (стр. 74).

И Глокнер пытается очертить основные моменты современной философской ситуации в Германии (само собой разумеется, ему и в голову не приходит попытаться вскрыть экономические и социально-политические корни этой «философской ситуации»). Глокнер считает, что последнюю треть XIX столетия можно обозначить, как новую «эпоху просвещения» в Германии (господство позитивизма, психологизма и неокантианства — словом, как выражается Глокнер, господство «рассудочной» философии). Антитезисом этому новому «Просвещению» явилась новая «романтика», первыми провозвестниками которой были Ницше и Киркегард.

Вильгельм Дильтей (1833—1911) первый, по словам Глокнера, осознавший эту антитезу нового «просвещения» и новой «романтики», характерную для немецкой философии конца XIX и начала XX веков, выпустил в 1905 г. исследование о молодом Гегеле (Die Jugendgeschichte Hegels), в котором он «открыл и показал», что молодой Гегель был романтиком и мистиком. Глокнер с восторгом говорит о тех «чудесных часах», когда он впервые читал эту книгу Дильтея. Вспоминая об этих «чудесных часах», мистик, реакционер Глокнер обращает свои взоры к этой задаче, которая, по его мнению, стоит перед современной философской мыслью к задаче «синтеза рациональной рассудочности и того иррационального духовного содержания, которое не в меньшей степени, чем рассудок, определяет человека» (стр. 76). Книга Дильтея впервые показала Глокнеру, что именно Гегель достиг этого синтеза в своей философии. Глокнер вслед за Дильтеем истолковывает Гегеля только как романтика и мистика в его глубочайшей

основе (что романтика наложила свой отпечаток на все труды Гегеля и что его диалектика дана в мистифицированной форме, это, конечно, не подлежит никакому сомнению, но Глокнер, хватаясь за идеализм и мистику у Гегеля, совершенно умалчивает о другой, положительной стороне философии гениального мыслителя.

Глокнер отмечает то многообразное влияние, которое Дильтей оказал на целый ряд буржуазных ученых и даже на целые отрасли знания. Прежде всего это влияние сказалось на психологии, которую Дильтей освободил от господства «механистической теории ассоциаций» и двинул на изучение «органических связей» психической жизни, «духовных структур» и «типов». Глокнер называет здесь такие имена, как Эрих Иенш, Эдуард Шпрангер, Карл Ясперс, Карл Гроос. Все эти философы, по словам Глокнера, все больше и больше вступают в ту «духовную область», которую гегельянцы называют областью «разума».

Аналогичную перемену Глокнер усматривает и в области исторической науки. От позитивистического историзма эпохи «нового просвещения» историки и философы все больше и больше переходят (в значительной степени под влиянием Дильтея) к «истории духа», к «науке о духе», стремящейся более к тому, чтобы «понимать», чем к тому, чтобы «об'яснять». Здесь Глокнер называет Георга Миша, Бернарда Груттюйзена, Эриха Ротакера, Ганса Фрейера, Эрнста Трёльча, Карла Иоэля и Евгения Кюнемана (последние трое приближаются к Гегелю самостоятельным путем, независимо от Дильтея).

Поворот к Гегелю Глокнер находит далее у некоторых гуссерлианцев (напр., Мартин Гейдеггер) и у ряда неокантианцев (из которых, однако, некоторые приближаются больше к Фихте и Шеллингу, чем к Гегелю). Из неокантианцев Глокнер называет Фридриха Брунштэда, Эмиля Ласка, Бруно Бауха, Фрица Медикуса, Ионаса Кона и Николая Гартмана.

Наконец, та же самая «гегельянская атмосфера» чувствуется, по словам Глокнера, в таких областях, как натурфилософия, философия права и социология. Однако подробно Глокнер на них не останавливается.

Подводя итоги своего обзора, Глокнер находит, что самые разнообразные направления современной немецкой мысли стремятся к тому, чтобы выпутаться из рационализма, характерного для эпохи «просвещения» последней трети XIX столетия. Но задача, говорит Глокнер, заключается не просто в том, чтобы стать на сторону «новой романтики»: высшая цель состоит в том, чтобы примирить и синтезировать «многообразную проблематику» современной мысли с ясно осознанным гегельянством, подобно тому, как Гегель в свое время дал высший синтез «рассудка» и «разума». Самые различные мыслители современной Германии так или иначе, сознательно или бессознательно, приближаются к Гегелю. Однако различие их исходных точек и их методов в высокой степени затрудняет взаимное понимание между ними. Для того, чтобы сделать возможным это взаимное понимание, без которого нельзя разрешить задачу всеоб'емлющего синтеза современной проблематики с гегельянством, - для этого, по мнению Глокнера, прежде всего необходимо углубленное изучение Канта, ибо «без Канта нет Гегеля». Будущий немецкий «гегельянизм», говорит Глокнер, возникает на основе глубокого понимания Канта (более глубокого, чем то, которое характерно для неокантианцев) и должен будет вобрать в себя и «снять» в себе все те современные проблемы, которые выросли на почве Gestalttheorie, теории наук о духе, феноменологии Гуссерля, философии ценностей Риккерта и других, философии символических форм Кассирера и т. д. и т. п.

Таким образом, по Глокнеру, речь идет не о синтезе действительных достижений современной науки и техники, а о винегрете из различных реакционных теорий и теориек современной буржуазной философии, пережевывающей на разные лады старый-престарый идеалистический хлам, — о винегрете, сдобренном «углу-

ленно понятым» Кантом и специфически истолкованным Гегелем (Гегель — мистик, Гегель — иррационалист, Гегель — романтик).

Четвертый доклад — это доклад парижского профессора Александра Куаре (Koyré) «О состоянии изучения Гегеля во Франции». Докладчик отмечает почти полное отсутствие во Франции неогегельянского движения (в отличие от Англии и Италии). Во Франции никогда не было гегелевской школы. Среди причин этой непопулярности Гегеля во Франции Куаре указывает на математический уклон французской философской мысли в XIX столетии и на то обстоятельство, что в католической Франции еще более, чем в протестантской Германии, против философии Гегеля выдвигались обвинения в атеизме, имморализме, фатализме и т. д. Так например, Минье писал в 1858 г.: «Гегелевская философия отнимала у мира его создателя, у творения его премудрость, у жизни ее божественный смысл и ее моральную цель, у души человеческой — ее бессмертие».

В результате, во Франции XIX в. господствовало или враждебное, или безразличное отношение к Гегелю. И только к началу XX века интерес к Гегелю начинает повышаться, хотя у значительной части французских философов продолжает преобладать отрицательное отношение к Гегелю. В лице Октава Амлэна (Hamelin, 1856—1907) Франция имела своего единственного неогегельянца (Куаре говорит о крупном значении Амлэна для современной французской философии, однако не дает никакого изложения его взглядов). В 1907 г. состоялась интересная дискуссия во «Французском философском обществе», посвященная выяснению истинного характера философии Гегеля и критике традиционных представлений о Гегеле, как о чудовищном панлогисте и крайнем реакционере. В дискуссии приняли живое участие Рене Бертело (сделавший вступительный доклад), Эмиль Бутру (1845 — 1921) и Виктор Дельбос. Куаре отмечает, что и для Бертело, и для Дельбоса «гегельянизм — это прежде всего динамическая философия духовной свободы, сливающейся с разумом». Они больше всего настаивают на «синтетическом и творческом характере диалектического движения мысли» (стр. 89).

Бертело и Дельбос, — говорит Куаре, — представляют довоенное состояние изучения Гегеля во Франции. Война принесла с собой резко отрицательное отношение ко всей немецкой культуре, и в течение целого десятилетия (с 1912 г., когда вышла монография Рока «Гегель, его жизнь и его сочинения», до 1922 г.) во Франции не появлялось никаких сколько-нибудь важных работ о Гегеле. И только в самые последние годы французская философия дала три работы, которые Куаре считает достойными всяческого внимания, хотя специально Гегелю посвящена только одна из них.

Первая из этих работ — вышедший в 1922 г. двухтомник Эмиля Мейерсона «Об об'яснении в науках». Целый большой отдел этого двухтомника посвящен исследованию и реабилитации гегелевской философии природы. Мейерсон видит в натурфилософии Гегеля грандиозную попытку «непосредственной, прямой рационализации реальности», попытку «диалектической дедукции реальности». К этой попытке, по мнению Мейерсона, Гегеля привела его критика тех об'яснений, которые даются в таких науках, как физика и химия. Гегель считал, утверждает Мейерсон, что физики и химики в своих об'яснениях тавтологически переходят от тождества к тождеству и потому, в сущности говоря, не в состоянии об'яснить ни изменения, ни появления новых качеств. Мейерсон по этому поводу заявляет: «Взгляды Гегеля на интимную природу механистического об'яснения столь же справедливы, сколь и глубоки» (стр. 93). Однако истолковывает эти взгляды Мейерсон весьма своеобразно. Он считает, что тот элемент внутренней противоречивости, который вскрыт Гегелем при анализе физико-химических об'яснений, означает момент иррационального. И основную ошибку Гегеля Мейерсон усматривает: 1) в том, что Гегель не сумел обнаружить иррационального момента в математике, 2) в том, что для всех наук о природе Гегель принимает только одно единственное иррациональное, тогда как современная нам наука спр

знает целый ряд иррациональностей, и 3) в том, что и это свое единственное иррациональное (das Anderssein) Гегель об'являет разумным в смысле «конкретного разума» (la raison concrete). При всем том Мейерсон принужден признать, что наука с ее физико-химическими об'яснениями каждый день торжествует новые победы. Возможны ли эти триумфы вопреки «разуму»? — спрашивает Мейерсон и отвечает, что так именно и обстоит дело «в известном смысле» (стр. 97).

Куаре высоко ценит «эпистемологические»[1]) исследования Мейерсона и в частности его трактовку гегелевской философии природы. Однако то, что приводится в докладе Куаре, обнаруживает лишь полную бесплодность этих формалистических рассуждений о природе научного об'яснения, об иррациональных моментах и о разрыве между теоретической несостоятельностью физико-химических об'яснений и теми практическими достижениями, которые приносит наука, пользующаяся этими об'яснениями. Никакой диалектики (даже идеалистической диалектики Гегеля) здесь нет и следа.

Вторая книга, которую Куаре отмечает, как развивающую новые интересные мысли о философии Гегеля, это книга В. Баша «Политические учения классических философов Германии» (Париж, 1927). Баш восстает против тех довольно распространенных представлений, которые видят в Гегеле крайнего националиста и реакционера, обожествлявшего государство и приносившего ему в жертву все права индивида. Баш пишет: «Философия, рассматривающая государство как реализацию моральной идеи, как манифестацию морального духа и воплощение свободы, абсолютно не совместима с теми (реакционными) идеями, с которыми ее желают связать». Баш указывает, что неправы и те, которые обвиняют гегелевскую философию в имморализме. По мнению Баша, Гегель ввел новое понятие «об'ективной морали» (la morale objective, Sitlichkeit), — морали социальной, а не индивидуальной, при чем проявляется эта об'ективная мораль именно в государстве, которое, по Гегелю, есть реализация свободы.

Третья книга трактует специально о Гегеле и написана Жаном Валем: «Несчастное сознание в философии Гегеля» (Jean Wahl «Malheur de la conscience dans la philosophie de Hegel», Paris, 1929). Эта книга особенно характерна для современной буржуазной философии. Автор заявляет, что он хочет отыскать ту «живую жизнь», которая скрывается за логическими формулами гегелевской философии и которая питает собою всю гегелевскую систему. Диалектика, пишет Валь, «прежде чем быть методом, является опытом или переживанием», а именно «трагическим, романтическим, религиозным опытом», «некоторой мистической интуицией». Ключ к уразумению этой «мистической интуиции» Гегеля Валь находит в юношеских произведениях Гегеля, которые были впервые опубликованы в 1905 г. и были уже соответствующим образом использованы Дильтеем в его «Истории юности Гегеля». Валь утверждает, что во всех произведениях Гегеля, даже в наиболее абстрактных, мы находим «позади философа — теолога, позади рационалиста — романтика, позади удовлетворенного сознания берлинского профессора «несчастное сознание» романтика, мистика, христианина» (стр. 100).

Как известно, «несчастное сознание» фигурирует в гегелевской «Феноменологии духа» в качестве одной из стадий в развитии человеческого самосознания. Валь совершенно произвольно абсолютизирует эту стадию и столь же произвольно распространяет ее на все этапы истории человечества и на всю философию Гегеля. По Гегелю, стадия «несчастного сознания» представляет собой одну из низших стадий развития духа, и она преодолевается и «снимается» в последующих стадиях этого развития. Если приурочить эту стадию к определенному историческому периоду развития европейской цивилизации, то, судя по тому описанию, которое Гегель дает «несчастному сознанию», это будет эпоха Средних веков, эпоха мрачного господства католической церкви. И Гегель рисует это «несчастное созна-

---

[1]) Слово «эпистемология» означает «теория науки» или «теория познания».

ние» отнюдь не в розовых тонах: «несчастное сознание» в изображении Гегеля есть поистине жалкое, раздвоенное, разорванное сознание. Валь же утверждает, что «несчастное сознание» свойственно всякой человеческой душе, ибо всякая душа «по природе своей христианка». И далее он заявляет, что избавление от этого «несчастья» дает бого-человек Христос, истинный посредник между теми мирами (земным и небесным), абсолютный разрыв между которыми составляет «несчастье» всего человечества. Эти свои поповские «мысли» Валь безапелляционно приписывает Гегелю, уверяя, что гегелевское «конкретное понятие» — это прежде всего Христос, а гегелевская диалектика — это прежде всего «диалектика жизни, смерти и воскресения» (стр. 101). По словам Валя, задача гегелевской философии как раз и состоит в том, чтобы, осознавши «несчастье» человеческой души, подняться к наивысшему счастью, которое необходимо включает в себя «несчастье» как преодоленный и снятый момент.

Куаре чрезвычайно высоко ставит книгу Валя, дающую, по его словам, «удивительно привлекательный и даже волнующий образ Гегеля» (стр. 108). На самом деле, конечно, книга Валя свидетельствует совершенно о другом, а именно о том крайнем теоретическом падении современной буржуазной философской мысли, которое проявляется теперь повсюду. Усиленный рост мистических и поповских настроений заставляет современных буржуазных философов по-новому трактовать великих мыслителей прошлого. Если в середине XIX в. французские буржуа рассматривали Гегеля как атеиста и имморалиста, то теперь, после империалистической войны, в философии Гегеля начинают видеть исповедь верующего христианина и мистика. Не правда ли какой прогресс?

Пятый доклад сделан голландцем Тельдерсом и озаглавлен: «О состоянии и понимании гегельянской философии в Голландии». Докладчик считает, что в течение всего XIX в. в Голландии вообще не было никакой настоящей философии и что философское движение началось там только с момента назначения Болланда профессором Лейденского университета в 1896 г. Придавая совершенно исключительное значение деятельности Болланда, мистический бред которого он называет «гениальным», Тельдерс считает необходимым дать краткую биографию этого «гения» новейшей голландской философии. Биография эта не лишена интереса. Родился Болланд в 1854 г. Мальчиком он поступает на военную службу, но через несколько лет попадает в тюрьму. Затем он становится народным учителем и изучает философию. В 1882 г. он получает место учителя гимназии в Батавии (на острове Яве, в Индонезии), где случайно в библиотеке гимназии находит несколько философских книг (между ними были сочинения Эдуарда фон Гартмана) и увлекается философией. В 1887 г. он делает свой первый философский доклад («О провидении и законе природы») и вслед за тем печатает целый ряд философских статей в голландских журналах. В 1896 г. он, к своему великому удивлению, получает приглашение занять кафедру философии в Лейденском университете. В это время Болланд, по его собственному признанию, совершенно не знал Гегеля и даже не был в состоянии прочесть более десяти страниц из гегелевской «Энциклопедии». Положение профессора философии побудило его приобрести полное собрание сочинений Гегеля, и он принялся читать их. Через некоторое время с ним произошло «чудо», как выражается Тельдерс: он заметил, что Гегель прав! К этому времени у Болланда, по его собственным словам, сложилось такое умонастроение, что он не мог признать безоговорочно верным и неоспоримым ни одного какого бы то ни было положения, понятия, представления. Он пришел к заключению, что все относительно, что абсолютна только одна относительность, что абсолют открывает себя только в относительном и что его нельзя искать вне относительности. Читая Гегеля, Болланд «уразумел», что как раз в признании такого рода всеобщей относительности и заключается истина. В 1898 г. Болланд пишет свою первую статью о Гегеле, в которой горячо рекомендует «основательное изучение великого диалектика». В этой статье он, однако, считает, что гегелевская философия страдает

«известной интеллектуалистической односторонностью, не дающей полного удовлетворения требованиям души». Как видно, для голландского мистика и авантюриста Болланда оказалось недостаточно мистики в абсолютном идеализме Гегеля. Не даром же этот «дипломированный поп» так быстро поднялся вверх по буржуазной «ученой» лестнице и так стремительно занял кафедру философии. Тельдерс это об'ясняет, конечно, «гениальностью» Болланда.

Тельдерс заявляет, что начиная с 1898 г. Болланд переиздал со своими введениями и примечаниями все важнейшие сочинения Гегеля, а также некоторые сочинения гегельянца Габлера и Эрдмана. Далее он дал самостоятельное изложение почти всех отделов гегелевской философии, — изложение, которое, по словам Тельдерса, не имеет себе равных во всей мировой литературе. В многочисленных статьях и докладах Болланд разработал в духе гегелевской философии целый ряд философских, теологических (обратите внимание!), социальных и эстетических проблем. Главное сочинение Болланда, в которое включена большая часть этих статей и докладов, носит заголовок «Чистый разум и его действительность» (первое издание — в 1904 г.).

Переходя к характеристике философских воззрений Болланда, Тельдерс отмечает, что самым существенным в гегелевской философии Болланд считает ее метод. Однако метод этот и Болланд и Тельдерс называют почти всегда не диалектическим, а спекулятивным (Hegels spekulative Methode). Это очень характерно для гегельянства Болланда: здесь мы опять-таки видим всяческое выпячивание реакционной стороны гегелевской идеалистической системы и размазывание элементов мистики и поповщины. Сам Тельдерс вынужден признать, что в понимании метода между Гегелем и Болландом имеется некоторое различие (самим Болландом не осознанное). В то время как для Гегеля метод имманентен самому содержанию или об'екту мысли и составляет внутренний закон самодвижения этого содержания или об'екта, у Болланда он превращается в «виртуозную игру разума с самим собой», в прыжки мысли, «прикрытой виртуозной игрой словами». Основную причину этого недостатка философии Болланда Тельдерс усматривает в том, что диалектику он брал главным образом как непосредственное признание за истину всеобщей относительности, присущей каждому отдельному положению и понятию, а не как методическое раскрытие этой относительности на самом содержании познания. Поэтому диалектика превращалась у него порою в некий готовый рецепт, в некую «волшебную формулу мудрости». С этим, по мнению Тельдерса, связана и недооценка Болландом великого значения «Феноменологии духа», которую Тельдерс называет «самокритикой сознания» и которую он считает одной из важнейших частей гегелевской философии.

Хотя Тельдерс и признает, что вышеозначенная особенность болландовской философии является до известной степени ее недостатком, однако он находит в ней также и положительную сторону. Особенно прославляет он словесное мастерство Болланда, который, по его мнению, еще глубже, чем Гегель, осознал «разумную сущность языка». Тельдерс считает, что до Болланда вообще не существовало голландского философского языка и что Болланд имел полное право сказать о себе: «Велик дух Гегеля, но в годы 1900 — 1910 чистый разум говорит по-голландски и по-болландовски». Так велико было самомнение этого ничтожного голландского авантюриста, — добавляем мы.

Любопытное указание относительно социально-классового значения философской деятельности Болланда можно почерпнуть из следующих слов Тельдерса: «Лекции Болланда давали духовную пищу в особенности той нецерковной буржуазии, которая больше не могла найти себе эту пищу в церкви» (стр. 120).

Переходя затем к характеристике голландского гегельянства после смерти Болланда (1922), Тельдерс отмечает, что из учеников Болланда только одному удалось занять официальное место в одном из университетов Голландии; остальные же развивают философию в духе Гегеля и Болланда вне академической жизни. Из

...их учеников Болланда наиболее выдающимся Тельдерс считает Хессинга. Общее направление у всех одно и то же, при чем главным предметом философствования их всех является «Феноменология духа» Гегеля. Этим путем они желают восполнить тот пробел, который, по мнению Тельдерса, имелся в философии Болланда и который был связан с недооценкой им проблемы феноменологии духа. Ученики Болланда не только изучают и комментируют гегелевскую «Феноменологию», но и разрабатывают целый ряд новых философских проблем в свете «Феноменологии».

В заключение Тельдерс указывает на различие, имеющееся между голландским и германским гегельянством. Различие это, по его мнению, заключается в том, что голландская философия почти не знает той мучительной «борьбы за Гегеля», которую пришлось (и еще приходится) вести немецким философам, попавшим в плен неокантианства и только постепенно выбирающимся из этого плена. Тельдерс говорит, что Болланд одним могучим скачком перепрыгнул через пресловутую неокантианскую проблему об «условиях возможности» абсолютного знания и тем самым в высокой степени облегчил победу «истинной, то-есть гегельянской философии» в Голландии. Поэтому-то голландцы и называют себя «ортодоксальными гегельянцами», — и притом с полным правом, как уверяет Тельдерс, полагающий вместе с другими учениками Болланда, что спекулятивная философия Гегеля есть абсолютная философия, превзойти которую уже невозможно.

Доклад Тельдерса с особенной наглядностью показывает нам вырождение гегельянства в современной философии, полнейший отрыв гегельянствующего философствования от всех положительных достижений современной науки и техники, сугубо созерцательный характер этого философствования, переходящего в своего рода теологию и религию. Значительные слои современной буржуазии перестали довольствоваться старой церковной религией, и вот для ее замены создается «новая», «философская» религия «чистого разума», заимствующая у гегелевской философии ее наиболее реакционные стороны, играющая идеалистической «диалектикой» (которую впрочем она предпочитает именовать «спекулятивным методом») и превращающая ее в отвлеченнейшую игру слов

Шестой и последний из докладов-обзоров озаглавлен «Гегель у славянских народов». Докладчик — пражский профессор, точнее, оголтелый черносотенец на профессорской кафедре Дмитрий Чижевский (Tschizewskij), украинец по национальности, автор ряда историко-философских работ, трактующих о философии в старой Украине и в старой России (в настоящее время Чижевский подготовляет к печати «большой труд» под заголовком: «Гегель у славян», на немецком языке). С самого же начала своего доклада Чижевский заявляет, что основной особенностью философии славянских народов он считает «глубокую религиозную традицию». В философии немецкого идеализма и в частности в философии Гегеля он тоже усматривает глубокую религиозную традицию, идущую от реформации, от отцов церкви и в особенности от немецких мистиков (Яков Бёме и др.). Поэтому, когда он говорит, что послекантовский немецкий идеализм (Шиллер, Шеллинг, Гегель и Баадер) оказал могучее влияние на философское развитие славянских народов, он усматривает в этом влиянии прежде всего «встречу двух различных религиозных традиций». После этого неудивительно, что этот жандарм философии считает необходимым снять с Гегеля всякую ответственность за те взгляды, которые развивались левыми гегельянцами, а то, что он называет «привлечением Гегеля для обоснования коммунизма», он просто об'являет «злоупотреблением» гегелевской философией.

С такого рода «установками» Чижевский подходит к обозрению влияния Гегеля на «духовную культуру» славянских народов. Он указывает, что влияние это было в высшей степени многообразно, хотя ортодоксальных гегельянцев среди славян было сравнительно немного. В небольшом докладе Чижевский приводит очень много имен из самых различных областей культуры (художественная лите-

ратура, литературная критика, философия, политика) и из самых различных славянских стран (Россия, Польша, Чехия, Словакия, Сербия, Украина, Болгария). Больше всего Чижевский останавливается на русском гегельянстве и в особенности на гегельянстве XX века.

Чижевский упоминает о влиянии гегельянских идей на некоторых «славянофилов», хотя эти последние отнюдь не были гегельянцами. Ортодоксальными гегельянцами он считает из русских - Бориса Чичерина (1828 -- 1903) и Дебольского, из украинцев — Гогоцкого (1813 - 1889) и правоведа Редкина (1808 — 1891). Всех этих философов Чижевский ставит очень высоко, хотя и упоминает о схематизме некоторых из них. Совсем иначе он отзывается о представителях левого гегельянства. По его мнению, левые гегельянцы отличались поверхностностью мысли и были только чисто внешним образом связаны с Гегелем, которого они неправомерно превращали в релятивиста и чуть ли не в нигилиста (Чижевский называет здесь Чернышевского и делает намек на Герцена, видевшего в логике Гегеля «алгебру революции»). Такова «научность» этого философского урядника.

Переходя к русской философии XX века, Чижевский усматривает в книге Н. О. Лосского «Обоснование интуитивизма» (первые главы которой появились в 1904 г.) начало и предвосхищение «возобновления русского гегельянства», поскольку в этой книге Лосский, между прочим, полемизирует с традиционными воззрениями на Гегеля, как на рационалиста и панлогиста, и пытается доказать, что Гегель был «интуитивистом». В такого рода истолковании Гегеля как интуитивиста и мистика Чижевский усматривает характерную для новейшей русской философии особенность, которую он так и называет «русская интерпретация Гегеля» и относительно которой он утверждает, что и новейшие западно-европейские философы (в частности немецкие Кронер, Глокнер) независимо от русских пришли приблизительно к тому же самому (созрело, мол, время для такой интерпретации, стр 140). К представителям «русской интерпретации Гегеля» он относит, кроме Лосского, Ивана Ильина, двухтомное сочинение которого о Гегеле (Москва, 1918) он очень хвалит, Семена Франка и А. Ф. Лосева (на произведениях последнего Чижевский останавливается с особенной любовью, рекомендуя их западно-европейским читателям). Основным понятием «русской интерпретации Гегеля» является, по Чижевскому, «спекулятивная конкретность». Гегель рассматривается не как рационалист и панлогист, но как «металогик», как «интуитивно-мыслящий ясновидец». Гегелевский метод понимается не как рациональный метод, а как интуитивный; даже самое слово «диалектика» употребляется неохотно (напр., у Ильина). Если же и говорится о «диалектике» Гегеля, то она сближается с мистической «диалектикой» позднейшего неоплатоника Прокла (как это делает Лосев) или с мистикой Якова Бёме.

Само собой понятно, что Чижевский целиком солидаризуется с высоко ценимой им мистической «русской интерпретацией Гегеля». Понятно и то, что он не считает нужным сколько-нибудь останавливаться на «занятии Гегелем многих представителей русского коммунизма». «Докладывать об этой работе, — говорит он, — лежит за пределами задач этого конгресса» (стр. 143). Чижевский признает, что изучение Гегеля русскими коммунистами и по своему содержанию и по своей цели резко отличается от буржуазного гегельянства. Засим следует такая фраза: «Некоторые работы, касающиеся гегелевской философии, как таковой, и трактующие главным образом о подготовке диалектического метода в кантовской и послекантовской философии — назову здесь в качестве более основательных работы А. Деборина и В. Асмуса — покоятся, к сожалению, на недостаточном знании предмета, и уже поэтому мне незачем на них останавливаться» (стр. 143). Говоря о Ленинских сборниках IX и XII, Чижевский выкидывает такой трюк, он утверждает, что развиваемые в них мысли Ленина близки к... охарактеризованной выше «русской (т.-е. мистической) интерпретации Гегеля». После этого Чижевский склонен при-

что ленинские заметки о Гегеле «не совсем лишены интереса» (стр. 132, ид 44). В чем же Чижевский видит близость Ленина к Ильину и К°. Грубый этого глупого пражского жандарма сразу же виден из следующих его сло н,—пишет он,—тоже подчеркивает понятие «конкретности», отрицает «фал» Гегеля и обычное в более ранней марксистской литературе понимание ктики как учения о развитии» (стр. 144). Трудно представить себе более ю, более чудовищную фальсификацию диалектики Ленина. Подумать только: і, по истолкованию заграничного русского черносотенца, якобы отрицает истское понимание диалектики как учения о развитии, т.-е. стало быть, от тся от Марксовой диалектики и сближается с истинно-русской, т.-е. мисти й ее интерпретацией! Попытка г. Чижевского противопоставить диалектику на диалектике Маркса совершенно ясна, и она, очевидно, нужна пражскому пику от философии, чтобы посеять туман в головах немецких читателей-фаб Полемизировать с фашистскими шулерами и фальсификаторами совершенно лезно. Но для читателей, недостаточно знакомых с IX и XII Ленинскими сбор ми, мы обязаны процитировать два-три места, чтобы рассеять туман, пущенный удах» гегелевского конгресса. Так, в своем IX сборнике Ленин пишет: «Я во стараюсь читать Гегеля материалистически: Гегель есть поставленный на у материализм (по Энгельсу),—т.-е. я выкидываю большей частью божень ют, чистую идею и т. д.» (IX Лен. сб., с. 58). Представители же «русской рпретации Гегеля», наоборот, больше всего интересуются именно боженькой і дывают то, что является наиболее ценным у Гегеля. Ленин пишет: «Логика есть не не о внешних формах мышления, а о законах развития «всех материальных, одных и духовных вещей», т.-е. развития всего конкретного содер ния мира и познания его, т.-е. итог, сумма, вывод истории познания мира» (там стр. 41, разрядка наша.—В. Б.). Что общего между этой конкретностью і улятивной конкретностью» Ильина или Лосского? Неужели современные ноги буржуазии настолько слепы, что не видят диаметральной противополож і между этими «конкретностями»? Что это: кретинизм или сознательная сификация? По всей вероятности и то и другое. Далее, у Ленина мы читаем атье «Карл Маркс», написанной осенью 1914 г.): «Гегелевскую диалектику как всестороннее, богатое содержанием и глубокое учение о развитии с и Энгельс считали величайшим приобретением классической немецкой фи фии» (т. XVIII, стр. 10, разрядка наша В. Б.) Ту же самую мысль развивает нин в своих заметках о Гегеле. Чижевский же «с ученым видом знатока» за т, что Ленин отрицает марксистское понимание диалектики как е о развитии. И надо признать, что доклад этого пражского фальсификатора сотенца, отпечатанный в «Трудах» конгресса без всякого примечания, дает льно яркое представление о задачах и целях самого Конгресса с нарочито по нными докладчиками вроде гг. Чижевских и нарочито подобранными докла которые все целиком направлены против революционного марксизма-лени і. О материалистической диалектике мы не найдем у них ни единого слова, иного намека.

Заканчивается доклад пражского «профессора» «несколькими словами» о за дальнейшего изучения Гегеля в славянских странах. По Чижевскому, эти и сводятся к тому, чтобы во всех подробностях проследить и выяснить влия Гегеля на различные стороны «духовной культуры» различных славянских ов, ибо это, мол, очень важно для построения славянской «истории духа», льку в известном смысле «Гегель сделался славянским философом»—до такой ти его идеи в том или ином преломлении вошли в состав славян национальных культур (стр. 144). Из предыдущего мы уже знаем, какого рода и какого рода цели имеет в виду Чижевский.

Последняя треть книги занята двумя длинными систематическими докладами ны: «Свобода как право» и «Свобода как мышление» (Эти две темы фат

рируют здесь, как подтемы более широкой темы, гласящей «Гегель как философ свободы»). Первый из этих докладов сделан Юлиусом Биндером, профессором Геттингенского университета (Германия) по кафедре философии права. Глокнер в одном из примечаний к рассмотренному выше докладу отзывается о нем, как о вполне ортодоксальном гегельянце, ничуть не уступающем в этом отношении Рихарду Кронеру (на заключительном заседании конгресса Биндер был избран вторым председателем Международного гегелевского союза).

Доклад Биндера представляет собою тяжеловесный пересказ гегелевской «Философии права» с нарочитой тенденцией реабилитировать эту одну из наиболее реакционных частей гегелевской системы. Для Биндера еще более, чем для Гегеля, буржуазное право и буржуазное государство являются вечными, абсолютными категориями. Свобода мыслится как Гегелем, так и Биндером исключительно в рамках буржуазного права и государства, при чем буржуазное государство рассматривается, как наивысшее воплощение и подлинное осуществление свободы. Государство, повторяет Биндер за Гегелем, есть «абсолютная, неподвижная самоцель» [1].

Реакционер Биндер с ненавистью нападает на «марксистскую теорию государства как орудия власти в руках господствующего класса». Эту теорию Биндер считает порождением того «социального суб'ективизма», который, по его мнению, блестяще раскритикован и преодолен в гегелевской философии права. Презрительно отзывается Биндер о современном либерализме и демократизме, которые, по его мнению, тоже имеют своей основой «социальный суб'ективизм» и потому не в состоянии действительно побороть марксистскую теорию государства (стр. 203). По Биндеру выходит, таким образом, что только гегелевское учение о государстве как самоцели способно по-настоящему разделаться с марксизмом. В другом месте мы читаем: либерализм беспомощен перед «сумасбродными требованиями социализма» (стр. 190). И далее: «Вполне последовательно (для гегелевской концепции.—В. Б.), что социализм не играет никакой роли у Гегеля: это происходит не вследствие того, что Гегель был философом сытой буржуазии, как это часто утверждали в недоброжелательном для него смысле, — это, конечно, неверно, — но вследствие того, что Гегель вообще впервые нашел правильное понятие государства, в котором снят эгоизм, как движущий принцип гражданского общества» (стр. 191).

Биндер полагает, что Гегелю удалось создать надклассовую теорию государства, как какого-то духовного единства, расчлененного на семьи, сословия и «корпорации», как «живого духовного организма». В государстве, — говорит Биндер вместе с Гегелем, каждый должен заниматься своим делом, и нелепым является представление о том, что все граждане должны принимать участие в государственных делах (стр. 202).

Биндер предпочитает оставаться в рамках сугубо абстрактных рассуждений, но уже из тех, мимоходом брошенных, замечаний его о социализме и либерализме, которые мы только что привели, отчетливо выступает классово-политический смысл его государственно-правовой концепции. Мы имеем здесь попытку использовать некоторые наиболее реакционные стороны гегелевской философии для теоретического обоснования современного фашизма с его «корпорациями», с его антидемократизмом, национализмом и т. д. Буржуазный либерализм и буржуазную демократию Биндер критикует, само собой разумеется, не слева, а справа, как это и подобает фашиствующему теоретику. Точно так же и буржуазный пацифизм критикуется им не слева, а справа, и при этом опять-таки делается ссылка на Гегеля, учившего, мол, о «нравственной правомерности войны» между отдельными государствами. Упоминая о современном униженном положении Германии, Биндер не

[1]) Гегель, Философия права, стр. 258.

крывает своей мечты о реванше, в котором он усматривает необходимую борьбу народов за свою свободу, за осуществление своей исторической миссии (стр. 209 — 210).

Как же понимает Биндер ту «свободу», которая является собственной темой его доклада? Свобода, — говорит он, — это — субстанция духа, а так как материя есть не что иное, как инобытие того же духа, то свобода оказывается сущностью и субстанцией всей действительности (стр. 150). В развитии человеческих обществ «дух» возвращается к самому себе. В этом смысл Биндер и понимает положение Гегеля о том, что «всемирная история есть прогресс в сознании свободы». Биндер берет всерьез теологический жаргон Гегеля, развивает и «углубляет» поповские элементы гегельянства и дает формулировки вроде следующих: «Так как дух бога и божественная воля действительны только в нашем сознании и через наше сознание и так как история развития человеческого духа есть вместе с тем история осуществления божественного духа в мире, то наша свобода становится тем более действительной, чем более мы поднимаемся к познанию нашей зависимости от воли бога, чем более наша индивидуальная воля умерщвляется в пользу божественной воли... Мы тем более свободны, чем более мы осознали себя марионетками в руках бога» (стр. 154). И эту «марионеточную» концепцию фашист Биндер именует истинным «универсализмом», противополагая ее индивидуализму, самой зловредной формой которого он об'являет «коллективизм», т. е. коммунизм (стр. 184).

Второй доклад о «свободе» («Свобода как мышление») сделал голландец Хессинг, считающийся наиболее выдающимся учеником Болланда и являющийся, по словам Биндера, одним из главных вождей современного гегельянства в Голландии. Доклад Хессинга производит впечатление какой-то сплошной тарабарщины. Это — сплошная мистика идей, и даже не идей, а просто каких-то вымученных комбинаций слов, — несноснейшая и бесплоднейшая схоластика. Если про Гегеля Энгельс имел полное основание сказать, что «насколько идеалистична форма (его философии), настолько же реально (ее) содержание», то у Хессинга мы имеем только чисто мистическую форму без всякого реального содержания, пустопорожние и нудные упражнения в чисто словесной «диалектике».

Если все-таки попытаться отыскать некоторый смысл в этой «философической» тарабарщине, то окажется, что речь идет о постепенном восхождении мышления от полагания непосредственно-данного «чувственного созерцания» («так называемая реальность», как выражается Хессинг) до абсолютно свободного «создания истины» (ибо, по мнению Хессинга, «истина творится мышлением», стр. 238). Перед нами грубо-идеалистическая «феноменологическая» концепция, претендующая на то, чтобы выявить диалектику мышления, являющегося, по Хессингу, сперва «репрезентирующим» и переходящего затем в мышление «символизирующее». Репрезентирующее мышление, по Хессингу, стремится к соответствию с «об'ективным моментом», однако оно никогда не может достигнуть этого соответствия, так как стремление к такому соответствию, по мнению Хессинга, содержит в себе неразрешимое внутреннее противоречие. Поэтому мышление «снимает» вопрос о соответствии с «об'ективным моментом» и создает «символы», придавая им то или другое «значение». Между «символом» и «значением» не может и не должно уже быть никакого «соответствия». Это и есть сфера «свободы» — «свобода как мышление». Однако не следует, — говорит Хессинг, — понимать эту «свободу», как «произвол». Ибо мышление «творит истину» таким образом, что оно ищет не соответствия с каким-либо предполагаемым бытием и не соответствия с какими-нибудь предполагаемыми правилами или законами рассудка, но только единства между мышлением индивидуального «я» и мышлением всеобщего разума или Логоса».

Так заканчивается этот доклад, демонстрирующий полнейшую и безнадежнейшую оторванность его автора и от науки, и от действительности, и от того Гегеля, у которого наши великие учителя сумели найти и использовать «обширную энциклопедию диалектики, хотя и развитую из совершенно ложной исходной точки» [1]).

* * *

Таково содержание «Трудов первого международного гегелевского конгресса». Выводы напрашиваются сами собой. Политическая физиономия большинства участников этого конгресса, судя по их докладам и выступлениям, в основном ярко черносотенно-фашистская. Лучше всего отражены те политические цели, которые преследуют Гегелевский союз и созванный им конгресс, в докладе делегата Биндера, поставившего все точки над i своим открытым требованием фашистской диктатуры, требованием отмены парламентаризма, требованием скорейшего уничтожения коммунизма, ссылаясь при этом на гегелевское учение о государстве и праве. Знаменателен также факт избрания конгрессом этого реакционера вторым председателем Гегелевского союза. Не менее ярким своими политическими выпадами против коммунизма является доклад пражского «урядника» Чижевского, по недоразумению называющегося «ученым профессором». Этот черносотенец, допущенный с докладом на конгресс, характеризует политическую физиономию его участников не менее ярко, чем Биндер.

Представители итальянского фашизма, голландского общества теологов и мистиков и т. д. сами говорят за себя.

Что же касается философской стороны дела, то единственный интерес, который может иметь для нас эта книга, заключается в том, что здесь в сравнительно сжатой и легко обозримой форме дается почти исчерпывающая картина того, что представляет собою современное буржуазное гегельянство. Перед нами проходит длинная вереница имен из самых различных стран капиталистической Европы, и все они сходятся в том, что, игнорируя и отбрасывая все наиболее ценное, что есть у Гегеля, они цепляются за самые реакционные моменты его философии и всеми средствами стараются усугубить, раздуть и усилить эти реакционные моменты, толкуя Гегеля как сплошного мистика, иррационалиста, теолога, и вычитывая из него то, что наиболее соответствует глубочайшему развалу и крайнему упадку современной буржуазной философской мысли, неспособной уже не только ни к какому движению вперед, но и к более или менее правильному пониманию великих мыслителей прошлого. Иначе и быть не может в условиях гниения всей капиталистической системы, быстрыми шагами приближающейся к своей исторически обусловленной гибели. То, до чего поднимались буржуазные мыслители той эпохи, когда буржуазия была восходящим общественным классом, стало недостижимым и безвозвратно потерянным для современной упадочной буржуазии, доживающей последнюю полосу своей исторической жизни.

Весьма характерной чертой рецензируемой книги является также и то, что она прямо кричащим образом свидетельствует о полнейшем разрыве между современной философской мыслью и теми бесспорными достижениями, которые имеются в отдельных областях буржуазной науки и техники. Философская мысль современной буржуазии неспособна осмыслить достижения положительной науки. Более того, она вступает в непримиримый конфликт с этими достижениями, так как идет *антинаучными путями*, путями мистицизма, теологии и поповщины.

Современное буржуазное гегельянство лишний раз подтверждает и иллюстрирует марксистско-ленинское учение о классовом и партийном характере философии.

В. БРУШЛИНСКИЙ.

---

[1]) *Энгельс*, Диалектика природы (Архив М. и Э., т. II, стр. 131).

Д. Б. НАУМОВ. Николай Иванович Зибер. Из истории марксистской экономической мысли на Украине и в России. Украинский Институт марксизма-ленинизма. Кафедра теоретической экономии. Изд. «Пролетарий», Харьков, 1930 г., стр. 93.

В истории развития экономической мысли в России и на Украине Н. И. Зиберу принадлежит весьма значительное место. Больше того, не являясь подлинным революционным марксистом, материалистом-диалектиком, Зибер всей своей теоретической деятельностью связал себя именно с развитием **марксистской** экономической мысли. Всем известна оценка Зибера Марксом, данная в послесловии ко второму изданию первого тома «Капитала». Однако, несмотря на это, до выхода лежащей перед нами книжки тов. Наумова мы не имели (ни в русской, ни в украинской литературе) ни одной серьезной работы о Зибере как экономисте. О нем вообще мало написано. Собственно говоря, дореволюционная литература о Зибере ограничивалась (если не считать отдельных замечаний Плеханова и Воровского) преимущественно одними воспоминаниями (Романовича-Славатинского, Чупрова и др.). К этой литературе в РСФСР и в послереволюционное время ничего существенного не было прибавлено.

Наоборот, на Украине мы наблюдали значительный интерес к Зиберу. О нем пишет М. Грушевский в книжке «Из начал украинского социалистического движения», Яворский—в «Очерках по истории революционного движения на Украине», т. II, часть 1-я, Слабченко — в «Материалах социально-экономической истории Украины в XIX столетии» и во вступительной статье к книге Зибера «Очерки первобытной экономической культуры», Оглоблин—в рецензии на книжку Яворского, Демчук—в статье, помещенной в сборнике «Воинствующий материалист» и в предисловии к украинскому переводу работы Зибера «Диалектика в ее применении к науке». Наконец, специально на экономических воззрениях Зибера останавливается Д. Бованенко в статьях: «К истории политической экономии на Украине», помещенной в сборнике ВУАН «В честь академика Д. И. Багалея» и «Николай Иванович Зибер», помещенной в IX томе «Научных записок киевского Института народного хозяйства».

Казалось бы, что после этого вопрос о Зибере должен быть достаточно освещен. Но на самом деле это не так. Дело в том, что большинство авторов, разрабатывавших этот вопрос, не марксисты, а враги марксизма. Они-то и занялись и исключительно с целью извратить суть теории Зибера и его роль в истории марксизма, выдвигая тенденциозные (совершенно не обоснованные) утверждения о том, что он был «основоположником марксизма на Украине» и т. д.

То же самое некритически повторяли вслед за ними наши товарищи, как Демчук (являющийся одним из представителей деборинщины на Украине) и Бованенко. Кроме того, вся эта литература трактовала преимущественно о Зибере как об украинском деятеле, о роли Зибера в истории революционного движения, а не о Зибере как об экономисте.

Зиберу как экономисту были посвящены лишь две небольшие статьи тов. Бованенко (где наряду с правильными положениями имелись значительные ошибки). Совершенно очевидно, что при таком положении (в связи с неразработанностью проблемы и ошибками в ее трактовке) выход отдельным изданием специальной работы, рассматривающей Зибера как экономиста, представляет собой большой интерес.

Книжка тов. Наумова состоит кроме предисловия (в котором аргументируется необходимость этой работы) из четырех глав. В первой главе («Жизнь и деятельность Зибера») автор прежде всего сообщает краткие биографические сведения о Зибере. Более подробно останавливается тов. Наумов на теоретической деятельности Зибера (в основе которой лежало изложение и популяризация экономической теории Маркса).

Попутно тов. Наумов ставит и разрешает вопрос о причинах довольно большой популярности в 70—80-х годах в России и на Украине экономического учения Маркса (хотя и в «кастрированном» виде, где было выхолощено его революционное содержание). Нужно согласиться с тов. Наумовым, что: «Недостаточно резко выявленными противоречиями между буржуазией и рабочим классом в России и на Украине так же, как и не совсем ясным пониманием в тогдашней России революционной стороны Марксова учения, можно об'яснить и тот исторический парадокс, что первая в мире университетская кафедра, с которой профессор Зибер излагал Марксово экономическое учение, была на Украине в Киевском университете, несмотря на то, что Россия была тогда самой реакционной страной в Европе» (Наумов, «Н. И. Зибер», стр. 13). Сам Зибер, первый указавший в русской литературе на научное значение теории Маркса, являясь первым (и неутомимым) популяризатором экономического учения Маркса, также не понял основного ядра этого учения — его классового, революционного содержания. «Для Зибера, не понимавшего классового революционного содержания учения Маркса—Энгельса, марксизм не был руководством к действию, а оставался всегда абстрактной научной теорией, более совершенной и правильной, чем теория классиков и теории современных Зиберу буржуазных ученых» (Наумов, там же, стр. 16). Но и только.

Весьма интересна вторая глава работы тов. Наумова («Методологические основы политэкономии по Зиберу»). Тут автор весьма детально анализирует методологические принципы Зибера, подчеркивая как положительные, так и отрицательные стороны его методологии.

К положительным сторонам тов. Наумов совершенно справедливо относит понимание Зибером политэкономии, как теоретической общественной науки, признание и подчеркивание им закономерности общественных явлений, формулирование примата производства, как исходного принципа исследования, понимание (не всегда вполне последовательное) исторического характера категорий политэкономии, признание роли абстракции и т. д. Все это дало возможность Зиберу стать на голову (если не на две) выше вульгарных экономистов (суб'ективистов и эмпириков), которых он критиковал в своих работах. Однако путь к действительному пониманию Марксовой теории закрыт для Зибера тем, что он «представлял себе смену капитализма социализмом исключительно эволюционным путем, в силу естественных законов развития капитализма. Значение активного воздействия классов на этот естественный ход развития он не уяснил себе точно так же, как не понимал возможности и необходимости революционных взрывов, скачков» (Наумов, там же, стр. 33—34). Зибер «не уясняет себе значения и сущности классовой борьбы точно так же, как он не говорит о значении и роли классовой борьбы в истории человечества» (Наумов, там же). О том, «какую роль может и должна иметь в деле преобразования капиталистического общества в социалистическое революционная борьба пролетариата, его активное вмешательство и воздействие на ход исторического развития, — об этом З и б е р н е г о в о р и т н и с л о в а» (Наумов, там же, стр. 35, разрядка наша.—Е. Б.). Не довольствуясь констатированием фатализма Зибера, тов. Наумов вскрывает и причины, в силу которых Зибер к нему пришел. «Фаталистический взгляд Зибера, что капитализм сам собой «будет заменен социализмом, связан с его механистическим пониманием законов общественного развития. По Зиберу законы истории ведут человечество «с завязанными глазами и ощупью с одной ступени кооперации на другую» (Наумов, там же, стр. 37). «В силу необходимых внутренних законов одна общественная формация непосредственно, без всякого участия общества и вмешательства классов, переходит в следующую, высшую, когда для этого созревают необходимые об'ективные условия. Сознательное и активное «сокращение и облегчение муки родов» он понимал только в смысле социальных реформ» (Наумов, стр. 38—39).

Таким образом, фатализм Зибера об'ясняется механистичностью его концепции развития общества. Непонимание материалистической диалектики не дало ему

возможности понять того, что действительное развитие общества есть диа[illegible]тическое развитие.

В 3-й главе («Зибер как экономист-марксист») автор анализирует [illegible] Зибером категории стоимости, абстрактного труда, денег, прибавочной стои[illegible] капитала и его накопления, зарплаты. Этот анализ тов. Наумов проводит [illegible] сравнительного исследования Зибером экономических систем Рикардо и Ма[illegible] В конце главы тов. Наумов дает оценку Зиберу как экономисту, еще раз [illegible]кивая, что «скачков и революционных потрясений Зибер не признавал. [illegible]стически веря в непреложность предначертанных путей капиталистического [illegible]вития, Зибер и не мог признавать необходимости революционной борьбы [illegible] придавал этой борьбе никакого значения» (Наумов, там же, стр. 60). Автор [illegible] верно констатирует, что «объективно этот лозунг и его идеологическое [illegible]вание выражали интерес развивающегося класса буржуазии, являвшейся в то [illegible] носителем прогресса страны, развития ее производительных сил» (Наумов, там [illegible] стр. 61).

На основании всего этого тов. Наумов квалифицирует марксизм Зибера [illegible] исправленное рикардианство, а самого Зибера как легального марксиста, [illegible] того периода, когда легальный марксизм как течение еще не сложился. Тов. На[illegible] говорит: «Зибер не был революционным марксистом; таким он не мог быть [illegible] условиях хозяйственной жизни и классовых отношений, свидетелем которых [illegible] был в тогдашней России. Зибер не понимал революционного содержания [illegible]вой теории, он не видел в марксизме теории революционной борьбы пролета[illegible] за уничтожение капитализма и установления нового социалистического стр[illegible] поэтому не понимал и не признавал роли и значения рабочего класса как [illegible]щика капитализма... У Зибера поэтому марксизм получился «кастрированный» (Наумов, там же, стр. 62).

Наконец, мы имеем последнюю главу работы тов. Наумова, посвящ[illegible] [illegible]ние — «Место Зибера в истории марксизма и революционного движения [illegible] Украине и в России». Эта глава представляет больший интерес для истори[illegible] для экономиста. В ней автор восстанавливает правильную точку зрения на [illegible] Зибера в истории марксизма и революционного движения. Это более чем [illegible]димо, поскольку в буржуазной литературе (Клейнборт, Миклашевский, Оси[illegible] Куликовский, Грушевский, Слабченко и др.) господствует совершенно [illegible] представление о Зибере как о «правоверном», «ортодоксальном» марксисте, [illegible]воположнике марксизма на Украине» и т. д. Это мнение было подхвачено [illegible] [illegible]уто «марксиствующими» а ла Яворский (и иже с ним).

Автор устанавливает, что все это основано на непонимании сути [illegible] смешивании подлинного революционного марксизма с объективизмом, с [illegible]ванным» марксизмом, с одной стороны, и на приписывании Зиберу идей, [illegible] он вовсе нигде не выставлял, и активной практической революционной [illegible]ности среди пролетариата, которую Зибер вовсе не вел, — с другой стороны [illegible] основании сопоставления всех имеющихся о Зибере фактических данных тов. [illegible]умов констатирует, что абсолютно никаких оснований нет для того, чтобы с[illegible] Зибера не только руководителем рабочего движения на Украине, но и [illegible] каким бы то ни было непосредственным участником его. «Искания» же Яворс[illegible] в этом направлении и его поспешные, совершенно не обоснованные выводы [illegible] связаны со всей его кулацко-шовинистической концепцией исторического [illegible]цесса на Украине и вытекают из его антипролетарской, антимарксистской [illegible]гии. Резюмируя все вышеизложенное, тов. Наумов говорит, что: «Вопреки ут[illegible]ждению М. Яворского и др., в истории марксизма и рабочего революционного движения на Украине Зибер не занимает места основоположника марксизма, [illegible]низатора и руководителя первых марксистских рабочих кружков. Зибер [illegible] в истории марксизма совершенно другое место. Ему принадлежит [illegible] легального марксиста бывшей России, предтечи легальных марксистов [illegible] (Наумов, там же, стр. 92—93).

При всех своих достоинствах рецензируемая книжка имеет и недостатки. Так, в ней почти ничего нет о Зибере как об историке хозяйственных форм и о Зибере как об экономисте-конкретнике (статистике и т. д.). Чрезвычайно мало сказано об антинароднических работах Зибера. Совершенно не освещен вопрос о понимании Зибером соотношения экономики и права, о его толковании логических и исторических категорий, об его отношении к Родбертусу (о котором Зибер написал специальную работу) и т. д. Все эти вопросы следовало бы подвергнуть марксистской разработке, издав специальную монографию о Зибере.

Есть в работе тов. Наумова и отдельные неудачные формулировки и места. Так напр., на стр. 66 тов. Наумов называет Зибера без всяких оговорок марксистом («Наша характеристика Зибера как марксиста»,—говорит тов. Наумов) Это противоречит приводимому самим Наумовым месту из Ленина, где говорится, что совершенно неправильным является, «когда к марксистам относят людей, понятия не имеющих о борьбе классов, о необходимом антагонизме, присущем капиталистическому обществу, и о развитии этого антагонизма, людей, не имеющих представления о революционной роли пролетариата». Это противоречит и общей концепции рецензируемой работы. Требует расшифровки также выставленное тов. Наумовым на стр. 12, где речь идет о развитии экономики и соотношении классовых сил в России в эпоху Зибера, положение, что «либеральная, передовая буржуазия была еще способна поэтому об'ективно изучать законы капиталистического хозяйства». Данное в такой форме, это положение может вызвать некоторые неверные представления у читателя.

Несогласны мы также и с тем, что: «Ведь и в новейшей экономической марксистской литературе мы имеем различную оценку методологии и теории Рикардо так же, как и различное понимание и толкование проблем марксовой теоретической экономии в том числе, и некоторых проблем, которые излагал и интерпретировал Зибер» (Наумов, там же, стр. 58, разрядка наша.— Е. Б.).

Мы считаем, что в вопросе о методологии Рикардо и о самой его теории, как и в вопросе о понимании основных проблем Марксовой теоретической экономии, для марксистов возможно одно и только одно толкование, толкование, которое дали Маркс, Энгельс и Ленин. Никакой различной оценки, различного толкования и понимания в марксистской экономической литературе быть не может.

Однако в целом книжка тов. Наумова представляет хорошую работу, необходимую как экономисту, так и историку. Нужно надеяться, что появление этой работы оживит как в украинской, так и в русской литературе интерес к истории развития экономической мысли в России и на Украине и к Зиберу в частности.

Е. Быж.

От редакции.

С теоретического фронта.

Помещая статью т. Соловьева о борьбе с рубинщиной в Средней Азии, редакция обращается ко всей академической общественности центра и периферии: институтам красной профессуры, научно-исследовательским институтам, научным обществам, аспирантуре, кафедрам и т. д. — осветить на страницах журнала, как на различных участках теоретического фронта конкретно протекает борьба с извращениями марксизма-ленинизма и с носителями этих извращений.

Освещение борьбы с извращениями марксизма-ленинизма должно одновременно показать, как протекает в действительности процесс поворота теории к практике и как на БАЗЕ ЭТОГО ПОВОРОТА вскрываются и разоблачаются различные формы ревизионизма. О повороте «вообще» много говорилось. Пора посмотреть и поделиться, как он выглядит на различных участках и с какими искривлениями и извращениями при этом приходится сталкиваться.

Редакция ждет не газетных корреспонденций и не голых отчетов, а освещения указанных вопросов на должном теоретическом уровне с вскрытием принципиального содержания возникающих проблем.

РЕДАКЦИЯ «ПЗМ».

Рубинщина в Средней Азии.

В Средней Азии на фронте теоретической экономии до сих пор велась борьба с механицизмом и рубинщиной в значительной мере с недостаточно последовательных или примиренческих позиций. Это об'ясняется общей слабостью теоретической работы в Средней Азии вследствие бедности ее выдержанными марксо-ленинскими квалифицированными теоретическими партийными кадрами. Благодаря этому долгое время распространялась пропаганда идеалистических и механистических теорий буржуазно-реставраторской профессурой как в области философии, так и в области экономических наук, теоретической экономии в частности. Такие насквозь враждебные пролетариату и марксизму-ленинизму лица, как Барботкин, Вайнштейн, Солдатов, Ярошевич, Пославский, Кильчевский, Гаврилов и ряд других[1]), занимая кафедры в вузах и находясь на руководящих постах в хозорганизациях, до самого последнего времени систематически распространяли идеализм и механицизм, поддерживая, одобряя и поощряя в среде молодых научных работников носителей механистических и идеалистических извращений марксизма-ленинизма.

Влияние этой буржуазной профессуры было настолько велико и бесконтрольно, что они имели возможность образовать целые «школки» последователей и защитников, в результате чего мы имеем в Средней Азии «каждонацию» [illegible]

---

[1]) Все они изгнаны из вузов и хозорганизаций в течение 1930/31 учебного года как вредители и враги диктатуры пролетариата.

схоластику — «послевщина»), «барботкинщину» [1]), «гавриловщину» и т. д. Все это вело к распространению механицизма и рубинщины в Средней Азии даже в период после подведения итогов дискуссии по теоретической экономии в Союзе, углубляло отрыв и отставание теоретической экономии от актуальных проблем революционной борьбы и соцстроительства, отвлекало внимание от проблемы империализма на зарубежном Востоке и социалистического строительства в Средней Азии, сказывалось на преподавании этой дисциплины в вузах и комвузах и вело, таким образом к ослаблению позиций партии на теоретическом фронте.

В результате итоги дискуссии по политэкономии в Средней Азии еще даже не подведены. Часть среднеазиатских рубинцев и механистов хотя и разоблачена (Гаврилов, Минубаев, Батраков, Пальцев [2]), но это разоблачение, явно недостаточное, проходило кустарно при недостаточном руководстве СААНИУ и, главное, еще не доведено до широкой партийно-советской общественности и студенчества. Создание выдержанного марксистско-ленинского квалифицированного партийного ядра экономистов для последовательной и систематической борьбы против механицизма, как главной опасности, и рубинщины, за генеральную линию партии на фронте теоретической экономии является актуальнейшей задачей парторганизации Средней Азии.

Задачей настоящих заметок является рассмотрение форм, какие приняла рубинщина в Средней Азии. Рубинщина в Средней Азии связана, главным образом, с именем доцента Гаврилова, который в течение ряда лет (примерно с 1924 г.), работая непосредственно в области теоретической экономии, наиболее активно, последовательно, наиболее открыто и успешно пропагандировал рубинскую концепцию в стенах вузов (Среднеазиатский государственный университет, Комуниверситет). Поэтому рубинщину в конкретных условиях Средней Азии можно, конечно, условно обозначить как «гавриловщину». Гаврилов не был своевременно разоблачен и снят с работы, так как «борьба» против него (начавшаяся, кстати сказать, только в 1929 г.) велась либо с механистических позиций (Пальцев), либо с его же собственных, рубинских позиций (Батраков), и поэтому совмещалась с явным примиренчеством к Гаврилову и с его фактической защитой [3]). В 1931 году Гаврилов

---

[1]) Кантианский идеализм Барботкина, философа, полностью разоблаченного в резолюции пленума философской секции (совместно с ОДВМ) Среднеазиатской ассоциации научно-исследовательских учреждений. Там же осуждены наиболее активные его ученики и защитники — тт. Батраков и Пальцев, не признавшие на пленуме ошибочности своей позиции. (Резолюцию см. в «Под знаменем марксизма» № 1—2 за 1931 год).

[2]) В 1931 году т. Пальцев был разоблачен как правый оппортунист, открыто защищающий теоретическую базу правого уклона — механицизм (защита механистической позиции Кона—Бессонова, обвинение партии — «Правды» и «Большевика» — в примиренчестве к рубинщине, утверждение, что главной опасностью в борьбе на два фронта на данном этапе является не механицизм, а рубинщина). Отказ т. Пальцева от своей позиции является по существу формальным, так как им не выполнены партийные решения по этому вопросу (подача заявления в парторган с признанием ошибочности своей позиции, выступление с докладом о теоретических корнях правого уклона с критикой своей позиции и защитой генеральной линии партии). Все это означает, что т. Пальцев продолжает оставаться на своих правооппортунистических позициях. Как видим, т. Пальцев «умудрился» совместить защиту идеалистической «барботкинщины» в философии с защитой механицизма в теоретической экономии, так как методологический корень этих извращений один и тот же — неокантианство.

[3]) Документ, написанный т. Батраковым в декабре 1930 года под названием «Тезисы о работе кафедры политэкономии», характерен отсутствием постановки вопроса о необходимости развернутой борьбы с рубинщиной Гаврилова и ориентируется на привлечение последнего к руководящей работе по кафедре. В этих «Тезисах» Гаврилов изображается как бывший рубинец. Накануне составления «Тезисов» Батраков выдвигает Гаврилова руководителем бригады аспирантов по теоретической экономии. Не случайно поэтому в процессе разоблачения Гаврилова в 1931 году Батраков проявил «странную» пассивность и молчаливость, не выступив ни разу хотя бы по одному принципиальному вопросу против Гаврилова.

разоблачен как активный враг, законченный меньшевик-неокантианец, вра-
ждебный партии и марксизму.

Еще в 1931 году он пытается в работе в скрытом виде протащить рубинскую
концепцию. Его программа по истории экономического развития построена на
отрыве от современной действительности и на стремлении обойти критику
циальной школы» и рубинщины (в программе нет даже темы о социальной
)ле и о рубинщине как ее агентуре в СССР). Его преподавание характеризуется
ным отрывом от жизни, отсутствием критики рубинщины и своей собственной
иции. В своих «Тезисах» о рубинщине, написанных по предложению кафедры,
рилов отказался признать ошибочность своей рубинской позиции, нагло заявляя,
он рубинцем никогда не был и не является им сейчас, и взял под защиту
ищиту Рубина (это уже после процесса меньшевиков-интервенционистов!). Изобра-
я позицию Рубина только как «меньшевиствующий идеализм», он отказывался
знать Рубина вредителем и врагом диктатуры пролетариата, считая его только
'ективным вредителем» в теоретической экономии, т. е. невольной жертвой
правильно понятой методологии Маркса. Рубинщину он назвал «общим движе-
м экономистов-марксистов», утверждая, что в свое время линия Рубина была
ией партии. Когда ему было предложено подать заявление с разоблачением своей
иции, Гаврилов, борясь за рубинщину, подал в отставку. Разоблачение его перед
деической массой является коренной задачей по ликвидации последствий вреди-
льства на фронте теоретической экономии в Средней Азии.

Благодаря примиренчеству к рубинщине кафедры теоретической экономии
АКУ (т. Юшкевич)[1]), имела место в течение нескольких лет пропаганда ру-
нской концепции т. Минубаевым как в преподавании, так и в его «Учебнике
литэкономии». Этот учебник по теоретической экономии — один из немногих
узбекском языке и, естественно, пользовался большим распространением
еди коренного студенчества. В этом заключается особый политический вред
ой книги, так как по ней коренные национальности на родном языке впервые
акомились с экономической теорией марксизма. Теоретическое содержание этой
иги не нуждается в особом разборе: она представляет собою добросовестное,
стематическое изложение «Очерков» Рубина, часто его же собственными словами,
з намека на какую-либо критику рубинщины. Тут и рубинское понимание пред-
та политэкономии с его отрывом производственных отношений от производи-
льных сил, с его сведением производственных отношений к меновым и с вытекаю-
им отсюда замазыванием классовых противоречий капитализма (внеклассовый ха-
ктер производственных отношений); тут и рубинская концепция стоимости с ее
льным отрывом абстрактного труда и стоимости от конкретного труда и потреби-
льной стоимости, как дальнейшее развитие отрыва производственных отношений
производительных сил; тут и отрыв логического от исторического со всеми его
следствиями и т. д.[2]). Далее, в «Учебнике» пропаганда рубинщины совмещается
механистической и правооппортунистической ревизией ленинской теории импе-
риализма[3]). Минубаев в самой грубой и открытой форме защищает социал-фашист-

---

[1]) В решении парткома Ср.-Аз. комуниверситета об «Учебнике» тов. Мину-
ева, напечатанном в «Узбекистанской правде» от 23 апреля 1931 г., говорится: «Ка-
дра теоретической экономии САКУ проявила недопустимое примиренческое
ношение в борьбе за чистоту марксистско-ленинской методологии и к разобла-
нию теоретических ошибок рубинщины в учебнике Минубаева». Под руковод-
ом т. Юшкевича кафедра не вела борьбы на два фронта, и Гаврилов и
нубаев до самого последнего времени беспрепятственно занимались пропагандой
ньшевистской рубинщины в стенах комвуза.

[2]) Благодаря отсутствию перевода книги т. Минубаева на русском язы-
ке с ней детально ознакомиться не удалось.

[3]) Это совмещение идеализма и механицизма не является особенностью тов.
нубаева. Оно характерно и для самого Рубина: «теоретические работы Рубина,
ражая меньшевистскую концепцию их автора, выхолащивают революционное
держание марксизма и диалектический материализм Маркса и Ленина подменяют
панной из откровенно-идеалистических и механистических настроений» («Боль-
шевик» № 2 за 1930 г.— примечание редакции к ст. Милютина и Борилина, на стр. 67).

скую теорию «организованного капитализма», перещеголяв самого Бухарина. Только два примера: «Империализм является политикой финансового капитала», — определяет империализм Минубаев («Учебник», ч. 2-я, стр. 224). Это стопроцентное каутскианское начало находит себе достойное продолжение. Минубаев целиком принимает тезис об исчезновении противоречий (в том числе и классовых) внутри капиталистических стран благодаря господству монополий и о перенесении всех противоречий во-вне, между странами. Если бы не эти внешние противоречия, то господство монополистических организаций было бы «безусловным и абсолютным» (часть 2-я, стр. 221) и «в таком случае... современное капиталистическое хозяйство, основанное на анархии, превратилось бы в организованное, сознательное, бесклассовое хозяйство» (часть 2-я, стр. 220, подчеркнуто нами.—С.). Окончательному превращению современного капитализма в социализм мешает, по Минубаеву, только конкуренция между странами! Теория организованного капитализма находит себе дальше достойное продолжение в признании Минубаевым «теории деколонизации» и вытекающей отсюда неизбежности кемалистского пути развития для зарубежного Востока, что означает ревизию ленинского учения об особом пути к социализму отсталых колониальных стран. «В результате увеличения расходов на перевозку колонии теряют свое значение для тех стран, которые ввозят сырье» (ч. 2-я, стр. 258). «Железные дороги, джутуноджутенная промышленность, добыча каменного угля и разработка минеральных залежей в Индии открыли путь для развития тяжелой промышлености и сигнализируют возможность экономической независимости ее» (ч. 2-я, стр. 261). Итак, империализм развивает колонии и ведет к их освобождению. Тут комментарии, поистине, излишни.

В условиях Средней Азии пропаганда этой теории является непосредственно реставраторской, ибо она об'ективно льет воду на мельницу националистических контрреволюционных элементов в их борьбе за свержение советской власти в Средней Азии. Таковы перлы этого «учебника». Критика этой антисоветской теории должна быть развернута обстоятельно и немедленно. В 1930—31 гг. под ударами критики т. Минубаев стал на путь решительного исправления своих ошибок, но еще не развернул в достаточной степени ни критики рубинщины и своей рубинской позиции, ни своей антиленинской концепции империализма [1]).

Учеником Барботкина в философии и Гаврилова в теоретической экономии является молодой научный работник т. Батраков. Тов. Батраков в теоретической экономии в общем стоит на неокантианских, идеалистических позициях Рубина. Здесь, во-первых, характерна чисто рубинская интерпретация Марксовой теории стоимости, отрыв абстрактного труда от конкретного, стоимости от потребительной стоимости. Конкретный труд и потребительная стоимость, как и у Рубина, у т. Батракова есть категории неисторические, натуралистические, технические. В его задании на тему «Стоимость», изложенной в вопросной форме, мы находим, например, такие вопросы: «Предметом какой науки является потребительная стоимость, как таковая? Почему потребительская стоимость товара безразлична к общественной форме производства?» (Задание № 1 за 1930/31 г., раздел II). Здесь оказывается, что и потребительная стоимость, как таковая(?) и потребительная стоимость товара — чисто технические категории и поэтому выбрасываются за борт политэкономии. Таким образом, стоимость есть категория историческая и общественная, потребительная же стоимость—категория внеисторическая, техническая. Не случайно поэтому у т. Батракова категория стоимости превращается только в понятие: «Почему понятие стоимости могло быть расшифровано только

[1]) Смотри его письмо в «Правду Востока» (28/III—1931 г.) с признанием своих ошибок и совершенно верное примечание редакции, что круг ошибок т. Минубаева в этом письме далеко не исчерпан.

условиях развитого товарного общества» (№ 2 «Диал. 1930/31 г., раздел I).

Такой же, как и потребительная стоимость, неисторической, [illegible] категорией оказывается у т. Батракова и конкретный труд (то же задание).

Таким образом, абстрактный труд — категория историческая и общественная, конкретный—неисторическая, натуралистическая и, как таковая, очевидно, [illegible] в политэкономии изгоняется. Абстрактный труд, таким образом, повисает [illegible] уже, как идеалистическая категория. Но для всякого ясно, что этот отрыв абстрактного труда от конкретного и стоимости от потребительной стоимости есть отрыв формы общественного производства от его содержания, отрыв производственных отношений от производительных сил. Оторванные от производительных сил производственные отношения у т. Батракова являются просто общественными отношениями, [illegible] у Рубина, а не отношениями в общественном строе производства.

Все это ведет к замазыванию коренного противоречия капитализма между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения, на котором покоится учение о революции.

Старательное копирование Рубина завершается у т. Батракова отрывом логического от исторического, противопоставлением логических категорий историческим и вытекающим отсюда отрывом абстрактного от конкретного, противопоставлением абстрактных категорий конкретным. Категории конкретного труда и потребительной стоимости, как неисторические, оторванные от конкретного исторического процесса и его общественных форм, превращены т. Батраковым по существу в чисто логические категории, только в понятия, как это имеет место у Рубина, а также Родбертуса, заявляющего, например, что потребительная стоимость «противостоит индивидууму и его потребностям без всякого отношения к какой-нибудь социальной организации» (Архив Маркса и Энгельса т. V, [illegible]).

Маркс разоблачил Родбертуса и указал корень его ошибки. «За [illegible] тыми фразами скрывается не что иное,—говорит Маркс,—как бессмертное открытие, что человек в любом состоянии должен есть, пить и т. д., словом, что и при любом состоянии должен для удовлетворения своих потребностей [illegible] готовые внешние предметы в природе и овладевать ими или изготовлять из [illegible] природою материалов; поэтому потребительная стоимость есть, по мнению Родбертуса, «логическое» понятие... Весь плоский [illegible] рактер Родбертуса выступает в этой противоположности «логических» и «исторических» понятий» (Архив, т. V, 400).

Но у Батракова этот отрыв логического от исторического имеет место в более открытой форме. Он, например, заявляет: «Совершенно неверно... что диалектика не отрицает логических категорий и абстрактных законов» (стенограмма выступления на бюро ячейки Планово-экономического института, стр. [illegible]). [illegible] оказывается, таким образом, что классики марксизма признавали только исторические категории, но отвергали категории логические. В этих заявлениях [illegible] чисто рубинское понимание взаимоотношений логического и исторического, [illegible] доведенное их разрывом. Для него логические категории не есть отражение исторического процесса в мышлении, что делает их также и историческими категориями. Категории логики у т. Батракова — это категории формальной логики, но не диалектической, это [illegible] «внешние формы мышления». По Ленину же «логика (диалектическая.—С.) есть учение не о внешних формах мышления (против кантианства.—С.), а о законах развития «всех материальных, природных и духовных вещей», т. е. развития всего конкретного содержания мира и познания его, т.-е. итог, сумма, вывод истории познания мира» (IX, 41). Понимание логики и логических категорий у Ленина марксистское, а у тов. Батракова, вслед за Рубиным—кантианское.

У Батракова всякая абстрактная категория, абстрактный [illegible] является не конкретной, не исторической, а идеалистической, [illegible]

рией. Рубинское понимание логического дополняется здесь рубинским же пониманием абстрактного. Кантианская абстрактная категория является единственной абстрактной категорией, которую Батраков знает. Марксистская абстрактная категория для него не существует.

Батраков не знает, так же как Родбертус—Вагнер—Рубин, категорий, общих для всех форм, которые, являясь абстрактными, были бы и историческими (конкретный труд, потребительная стоимость). По Батракову, Маркс, Энгельс и Ленин, «которые-то именно и не признавали всякие абстрактные законы», признавали лишь конкретные, исторические законы, но не абстрактные.

Но что значит это отрицание логических категорий и абстрактных законов. Общеизвестно, что процесс познания мира, его внутренней закономерности не есть процесс непосредственного созерцания и представления, а это процесс образования понятий, являющихся «сокращенными» «резюмирующими» (термины Ленина) отражением об'ективного мира. Всякое понятие есть логическая категория, есть категория абстрактная, как выражающая обобщение. Ленин гениально замечает, что уже самое простое понятие, суждение выражает обобщение и, следовательно, есть абстрактное понятие—«Иван есть человек», «Жучка есть собака».

Абстрактный закон выражает общее в особенном, отдельном, сущность в явлении,—поэтому он выражает внутреннюю закономерность конкретного, т.-е. особого, отдельного, явления, видимости. Закон выражает сущность[1]). Но закон выражает и явления[2]). Так как общее существует в особенном, а особенное в общем, то «закон есть существенное явление», т.-е. выражает их единство. (Лен. сборн., IX, 177). Поэтому всякий абстрактный закон есть закон конкретный, исторический. Надо, конечно, строго различать: марксистские, гегельянские и кантианские абстрактные категории и законы. Абстрактные законы кантианцев есть законы внеисторические, законы идеалистические, образованные по принципам формального, априорного метафизического мышления. Но из этого не следует, что всякий абстрактный закон есть закон идеалистический, внеисторический. Для т. Батракова не существует никаких абстрактных законов, кроме кантианских, и на этом «основании» он отрицает существование абстрактных марксистско-ленинских законов.

Отрицание логических, абстрактных категорий и законов есть вульгарный эмпиризм, отказ от познания сущности внутренних законов капитализма. Это есть отказ вообще от теоретического познания экономической действительности и, следовательно, ликвидация самой политэкономии как теоретической революционной науки. Мы здесь видим, как рубинщина смыкается с механицизмом.

Все это подводит т. Батракова вплотную к рубинскому пониманию предмета политической экономии. Не случайны также недооценка и извращение т. Батраковым ленинского этапа в развитии теоретической экономии. Для рубинщины как раз характерны или полное игнорирование или замазывание ленинского этапа и роли Ленина в развитии теоретической экономии. Это игнорирование ленинского этапа находит свое выражение и в игнорировании ленинского экономического наследства, т.-е. ленинской литературы. В задании, где речь идет о предмете политэкономии и стоимости, ничего нет из Ленина. Перед началом 1930/31 учебного года кафедра (с участием Батракова, под руководством Гаврилова) в качестве основной литературы по курсу «Истории экономической мысли» взяла 4 книги: Рубин — «Классики» и «История», Бухарин — «Рантье» и Бем-Баверк. Ни звука не только о Ленине, но и о Марксе! Рубинской позицией т. Батракова об'ясняется и тот «странный» факт, что в заданиях № 1 и 2, посвященных теории стоимости и предмету политэкономии, буквально ни слова нет о рубинщине, о борьбе на два фронта, о партийности политэкономии. В качестве основной лите[ра]туры здесь

---

[1]) «Закон и сущность—понятия однородные (однопорядковые) или, вернее, одностепенные» (Лен. сб. IX, 147).

[2]) «Закон есть прочное (остающееся) в явлении» (Лен. сб. IX, 147).

мендуется «Курс политэкономии» Лапидуса и отсутствует партийная ... статья Милютина и Борилина в «Большевике» № 2 и, конечно, ... ина. То же по существу и в задании № 15, где получилось систематическое «падение» критики Рубина в целом ряде крупнейших вопросов. При ... одологии социальной школы т. Батраков «забывает» указать, что Рубин ... ледователем и пропагандистом этой школы. При изложении классической ... бывает» указать наличие ошибочной позиции Рубина в вопросе о ... Маркса и классиков. Перечисляя кантианцев (у которых разорван объект ... б'ект познания), т. Батраков называет Аммона, не забывает Солнцева, ... т... Рубина. В вопросе взаимоотношения теории и истории в абстрактных ... кретных науках также забывается Рубин и т. д.

Хуже всего то, что т. Батраков до сих пор не осознал сущности своей ... ции и не признал ни одной ошибки. Более того, он активно защищает свои ... нинские установки

* * *

Уже самый факт возможности защиты механицизма и рубинщины в ... ытой форме в среде экономистов-коммунистов (Батраков, Пальцев, ... личие примиренчества (т. Юшкевич) говорит о том, что на фронте теоретической экономии в Средней Азии неблагополучно. Экономисты-коммунисты ... срочно выправить положение на этом участке фронта классовой борьбы ... нове генеральной линии партии.

СОЛОВЬЕВ.

ОТ РЕДАКЦИИ.

В статье Д. Лурье в № 18 за 1931 г. журнала «Большевик» правильно ... казывается, что рассмотрение групповой колхозной собственности ... ной из форм частной собственности является сугубо ошибочным. Такая ... чка зрения ведет к непониманию социалистической природы колхозов. ... редовая № 4—5 журнала «ПЗМ» «Колхозное крестьянство, как центральная ... фигура нашего земледелия» целиком направлена как раз против такой ... ошибочной точки зрения, против тех, которые не понимают социалистического характера колхозной формы производства. Одновременно статья ... точке зрения, «которая не понимает разницы между социалистической и последовательно-социалистической формой ... хозяйства» (передовая № 4—5, стр. 10).

К сожалению, в этой передовой вследствие редакторской и технической ... ебрежности (скобки поставлены неправильно) имеется одна формулировка, ... оторая дает повод толковать ее в том смысле, будто групповая колхозная собственность есть одна из форм частной собственности, что ... противоречит как с первой половиной этой фразы, так и со всем ... нием статьи в целом. Вот эта фраза:

«Первая установка не понимает разницы между соц... кой и последовательно-социалистическ... хозяйства, между рабочим, лишенным всякой частной со... рудия и средства производства, и трудящимся, сохр...

или иной степени частную (индивидуальную, либо групповую, либо и то и другое вместе) собственность на орудия и средства производства, между членом колхоза и работником, о которой говорит Ленин».

В эту формулировку редакция вносит следующую поправку. Должно быть напечатано так:

«... и трудящимся, сохраняющим в той или иной степени частную собственность на орудия и средства производства (индивидуальное хозяйство члена колхоза), являющимся носителем групповой колхозной собственности и работником, о котором говорит Ленин».

* * *

Статья Альтера, напечатанная в № 4—5 «ПЗМ» за 1931 г. «Борьба за наследство», представляет собой яркий образец недооценки «меньшевистского багажа» у германских левых и Розы Люксембург. Альтер совершенно обходит ленинскую критику германских левых. Статья неправильно ставит вопрос о люксембургианской теории империализма, о ее оценке характера революции 1905 года, обходит молчанием связь ее взглядов со взглядами Парвуса и Троцкого, протаскивает троцкистские «идейки» о левых как о ручейках большевизма, по-троцкистски оценивает работы Р. Люксембург как «большевистское наследство», неправильно ставит вопрос о «большевистской непримиримости и последовательности» ее в борьбе с польским оппортунизмом.

Все эти грубейшие политические ошибки в статье Альтера являются протаскиванием троцкистской контрабанды. Редакция отмечает политическую ошибку, допущенную ею помещением этой статьи. В ближайших номерах журнала будут помещены статьи, разоблачающие эту троцкистскую контрабанду.

ПОПРАВКИ.

На стр. № 70, в статье т. Ищенко (№ 4—5 «ПЗМ», 3-й абзац) должно быть напечатано следующее: «Основной массой деревни, центральной фигурой современной деревни уже является не среднее крестьянство...».

На стр. 3—в передовой (№ «ПЗМ», 1-й абзац) должно быть напечатано: «задачи, стоящей перед нами—догнать и перегнать максимум в 10 лет капиталистические страны...» и т. д.».

Уполномоченный Главлита № В—10872. Изд. № 1517 Тираж 20000 экз.

Типография газеты „Правда“, Москва, Тверская, 48. Зак. 2319.